

НА НЕВЕДОМЫХ
ТРОПИНКАХ 4

Аня Сокол

СКВОЗЬ ЧАШУ

Вот и сбылась девичья мечта.

Чужая воля наградила меня волшебной силой, как в лучших фильмах и романах.

Только я не стала доброй феей или красоткой магичкой. А жаль.

Я превратилась... да какая разница во что именно. Лишь бы быть рядом с теми, кто дорог.

Впрочем, обо всем по порядку.

1. Будущее и прошлое

Наверное, каждый водитель хоть раз испытывал это мимолетное ощущение паники, когда колеса теряют сцепление с дорогой. Для кого-то это всего лишь миг, для кого-то вечность.

Я потеряла сцепление с дорогой двадцать восьмого сентября одна тысяча девятьсот восемьдесят первого года, и смогла нащупать ее лишь через тридцать с небольшим лет, но до сих пор не уверена, что она не исчезнет в один момент, а мне снова не придется блуждать в тумане.

В молочно белом мареве не было видно даже света фар, не говоря уже о дороге. Я взвизгнула, машину повело в бок, сквозь плотную пелену вдруг проступили высокие деревья. В последний момент я вывернула руль, бампер разминулся с черной корой буквально на десяток сантиметров. Стрелка спидометра лениво описала круг сперва в одну сторону, потом во вторую.

"Сломалась" — пришла непрощенная мысль, — "Но я не могу оставаться в этом тумане, он не кусается, но... не могу и все". Как кошка, которая боится дотронуться до воды, я боялась этого белого марева, боялась того, что может появиться из него. Или не появиться, например пропавшая дорога.

"Надо уходить. Прямо сейчас. Не раздумывай, просто открой дверь и выйди"

Крик застрял где-то в горле, я едва осознавала, что продолжаю истерически нажимать на газ. Но скорость упавшая почти до нуля не увеличивалась. Я не ехала, я плыла. Все что угодно, только бы убраться отсюда, все что угодно только бы вынырнуть. Тогда мне в первый раз пришло в голову это слово, странное, не особо применимое к дороге, но такое правильное. Я нырнула на стежку, и очень боялась, что не вынырну.

На одну томительную секунду двигатель замолк, словно растеряв всю силу, а потом заскрежетал, на пустых оборотах. За это время, я успела представить себе только одну картинку, как выхожу, хлопаю дверью и бегу. Бегу, как можно дальше от этого места, пока не кончатся силы, пока не кончатся мысли, пока не кончится туман.

Машину тряхнуло, я, клацнув зубами, вцепилась в руль. Колеса нашли дорогу, двигатель взревел, и меня бросило вперед. Асфальт, всплывший из расползающихся в сторону хлопьев тумана, казался настолько старым, что мог рассыпаться от малейшего касания.

Я проехала еще пятьсот метров и остановилась, закрыла лицо руками, судорожно вдыхая воздух, пахнувший старой обивочной тканью и сигаретным дымом, доставшимся в наследство от предыдущего владельца. Внезапно накотившая паника так же внезапно отступала. Неистово колотящееся сердце постепенно успокаивалось, вздохи становились тише и размеренней. Я опустила ладони, поставила машину на ручник и вышла. И первым делом, конечно, оглянулась. Не могла не обернуться, как жена Лота.

Всего лишь овраг, наполненный туманом, влажным сгустившимся воздухом. И ничего

более. Тогда же почему стоит взглянуть, как внутри все начинает дрожать? Почему, я уже знаю, что ни за что не буду возвращаться этой дорогой, а поищу другую?

Я сжала ключи в кулаке, это все нервы. Столько всего произошло, что немудрено начать психовать по всяким пустякам. Сквозь деревья уже виднелись крыши домов, покрытые растрескавшимся шифером. Я просто дойду до ближайшего и спрошу. Нет, не годиться, надо найти дом Твердина, Заглянув в бардачок, я достала квитанцию об оплате. Июньская улица дом одиннадцать. Вот и все. Тогда, почему вместо того чтобы успокоиться, я снова начала волноваться? От предвкушения встречи? Несомненно. Но от чего же еще? Я потеряла лоб, но умных мыслей от этого не прибавилось, глупых тоже. Будем решать проблемы по мере их поступления.

К первому дому я вышла через две минуты, не встретив ни одного человека и не услышав ни единого звука. Ни собачьего лая, ни скрипа калитки. Хотя чему удивляться, дачный сезон уже закончился, и вряд ли я увижу больше чем заколоченные на зиму двери и окна.

Низкое приземистое строение, черная крыша, перила террасы, выкрашенные в отвратительный коричневый цвет, и ни одного забора. Осенний ветер взметнул с деревянных досок листья. От пробравшего холода, я обхватила себя руками, обернулась и отпрянула.

Мужчина стоял за спиной, подойдя абсолютно неслышно и незаметно, так, что я увидела его в последнюю секунду, когда он стоял почти вплотную и казалось... очень надеюсь, что только казалось, принюхивался к моим волосам. Высокий, немного сутулый, что только делало его еще массивнее, с неровно подстриженными русыми волосами и внимательными карими глазами.

— Здра... здравствуйте, — произнесла я, отступая на шаг.

Его глаза не отрывались от моего рта, словно он был глухим и читал по губам.

— А не подскажете, где Июньская улица? — незнакомец шагнул вперед, и сделал это так быстро и плавно, что я едва уловила движение, словно моргнула, а он же рядом, — Мне нужен 11 дом... я... я...

Больше ничего сказать не смогла, только повторять это беспомощное "я", потому что так на меня никогда не смотрели. Ни один мужчина, включая Кирилла, никогда не смотрел с такой невообразимой жадностью.

Подобную жажду я видела лишь один раз, когда алкаш дядя Вася, промаявшись целый день, к вечеру все же нашел деньги на поллитровку. И уселся с заветной бутылочкой на лавочке у третьего подъезда. Казалось, он не может оторвать от нее глаз, посекундно сглатывая слюну. Я помню, как отвернулась, смущенно и немного брезгливо, словно подглядела в замочную скважину чужую слабость.

— Я... - в последний раз сорвалось с моих губ, когда широкая ладонь с показавшимися невероятно длинными ногтями обхватила мою руку.

— К старику? — низким голосом спросил незнакомец, склоняясь к лицу, — И без метки? Вряд ли он тебя ждет, сладкая.

Наверное, я выпала на какое-то время из реальности, потому что ничем другим объяснить последующее не берусь. Одним резким движением мужчина развернул меня и прижал спиной к себе. И я позволила ему это сделать. Не закричала, не стала вырываться, а лишь стояла, закусив губу не в силах двинуться с места. Не в силах осознать то, что происходило. Я была обычной женщиной, женой, матерью, которая чистила каждый вечер картошку и поправляла дочери сбившееся одеяло, но именно в тот миг мир дал первую

трещину, приоткрывая гнилое нутро. Не выскакивающие иногда когти и клыки дочери разрушили хрустальный замок, а незнакомый мужчина на пыльной дороге.

Он не сделал мне больно физически, он просто отвел волосы с шеи и лизнул. Медленно. Нарочито неторопливо, так что я задрожала от отвращения. И словно очнувшись, мгновенно поняв, что было неправильно в этом Юково, ну помимо мужчины, который вылизывал мне шею стоя посреди улицы. То, что встревожило сразу, как я вышла из машины, как увидела проступающие сквозь скудную осеннюю листву крыши домов, но напуганная туманом перехода предпочла выдохнуть, а не думать о новых странностях, их и так было много для одного дня. Я вспомнила указатель Юково, выхваченный фарами из полной темноты, я выехала в ночь, а въехала в ранний вечер, когда тени начали собираться в укромных местечках и расползались, захватывая все новые и новые территории. Не будь переход по стежке столь опустошающим, вряд ли мне удалось бы отмахнуться от такого странного явления, даже по прошествии нескольких лет, я не смогла найти ему объяснение с точки зрения обывателя.

Тьма сменилась сумеречным светом. Нечеловечески шершавый язык второй раз прошелся по коже, но на этот раз чужие зубы ощутимо прикусили кожу.

Я взвизгнула, но чужая рука удержала на месте.

— Раньше ты предпочитал развлекаться в доме, — протянул ленивый голос, и я увидела мужчину, выступившего из серого переулочка меж домами. Он шел слишком медленно, словно не происходило ничего не обычного.

— Помогите, пожалуйста... — я подавилась криком, и вопреки всякой логике стала вжиматься в того, кто стоял за спиной, кто продолжал покусывать шею.

Привычная картинка мира покрылась ветвистыми трещинами. Человек не мог двигаться так, словно его тело лишено костей, человек не мог смотреть в пространство таким стеклянным взглядом, у людей не бывает столь гладких и лишенных эмоций кукольных лиц. Но в тот момент я могла испытывать лишь иррациональный страх, и была далека от предположений, что передо мной не человек. Скорее я была близка к простому и логичному выводу о собственном сумасшествии.

— Тем, — мужчина за спиной на миг оторвался от шеи, — Она сама пришла.

— Не сомневаюсь, — взгляд стеклянных глаз прошелся по мне от ботинок до растрепанных волос на макушке, — Но не к тебе, падальщик, — он улыбнулся.

Я закрыла глаза, повторяя про себя глупые слова отрицания: "Так не бывает, так не бывает, так..."

Но клыки незнакомца и не думали исчезать. Видимо, заклинание было неправильным.

— Опять мужики какую-то дрянь на стежку притащили, — раздался немного сварливый женский голос, и я распахнула глаза.

По дороге шла девушка в коротком платье, даже в таком разобранном состоянии, я не могла не заметить, как она красива, как уходящий свет играет на ее светлых волосах, как полные губы складываются в идеальное сердечко, и только голос, вернее тон, больше бы подошел старушке.

— Машка, — оскалился тот, кто стоял напротив, его поднятая рука уже готовая коснуться моего лица, замерла в сантиметре от скулы.

— Почему вас вечно на всякую дрянь тянет, и чем дурнее пахнет добыча, тем веселее.

— Не завидуй и до тебя очередь дойдет, — прохрипел стоящий за спиной мужчина, пальцы чуть сжались и ногти оставили на коже длинные царапины, — Шла бы ты, Маш...

— Помогите, — прошептала я, и, собравшись силами заорала, — Пожалуйста, вызовите милицию!

Она была женщиной, а я все еще находилась во власти вбитых с рождения заблуждений. Глянец, покрывавший картину мира, уже растрескался, но еще не облетел. В женщине я увидела надежду на спасение. Один из самых смешных предрассудков, зло не имеет ни пола, ни возраста.

Мужчины заржали, громко, вызывающе, словно я придумала лучшую шутку года, и даже неподвижное лицо того, кого называли Тёмом, оживило.

— Ухожу, ухожу, — по-старушечьи пробормотала девушка, — Куда уж мне, глупой бабе, с советами лезть. Конечно, запах почти выветрился, ага почти. Но уж его я узнаю из тысячи, но большим мальчикам, конечно, виднее... — она уходила все дальше, бормоча себе под нос не понижая голоса.

А потом тот, что стоял за спиной с шумом втянул воздух, наверное, машинально, а тот, что стоял впереди, наклонил голову на бок.

— Кто ты? И зачем пришла? — ровным голосом спросил он, — Отвечать, не молчать.

Он снова поднял руку, и я увидела, как из пальцев, словно в замедленной съемке вырастают серо стальные когти.

— Аааа, — только и смогла произнести я.

— Она искала дом Старика, — ответил тот, что стоял за спиной, по-прежнему прижимая меня к себе.

— Нужен дом Твердина, там..., - коготь перед глазами чуть качнулся, — Там... там... я ищу мужа и... — осознание собственных слов пришло с опозданием. Я рассказываю этим психам, где находится моя семья. Горло сжалось, слова скомкались.

— Ты знаешь посредника ведьмака? — удивился сутулый, ласково отводя волосы с шеи.

— Зачем тебе Семеныч? — продолжал спрашивать Тем, — Если не откроешь ротик и не начнешь говорить, начнешь кричать, и поверь будешь очень рада, если мы все-таки выслушаем.

Коготь коснулся щеки под глазом, и заговорила. Быстро, глотая слова и продолжая вжиматься спиной в того, кто стоял позади, и думаю, ему это нравилось, больше чем уверена.

— Там прячется мой муж, Твердин ему помогает. Кирилл Седов. Он ушел, и я должна была пойти за ним. Я просто ищу мужа, пожалуйста, отпустите.

— Запах хозяина, — с сожалением констатировал лишенный эмоций, опуская пальцы, — Хотя пересекались они не сегодня. Ты идиот, пададь.

Тот, что держал меня за плечи, выругался и отступил на шаг, убирая руки. Без опоры, я упала в пыль, больно ударившись коленками. Издалека несся залиvistый старушечий смех.

— Не дурнее тебя.

— Я это запомнил. Вставай, гостя, пойдем в гости — он пнул меня носком ботинка по ребрам, не сильно, скорее для оснастки, заставив хватать ртом воздух, — Метка есть? Я могу, дать...

В его пальцах появилась и затанцевала узкая полоска стали.

— Лучше мою, — проговорил лохматый.

А я все смотрела на грязную дорогу, на землю на которой сидела, сердце колотилось как сумасшедшее, очень хотелось плакать. Это единственное чего на самом деле хотелось. Я рассказала этим психам о Кирилле, о дочери не смогла, но сейчас они пойдут туда...

Ухо пронзила дикая боль, я закричала, извиваясь, стараясь вырвать голову из жестких рук.

— Так то лучше, — проговорил сутулый, выходя вперед, его пальцы были перемазаны в крови.

В моей крови. Ухо и часть головы пульсировали болью. Я повалилась вперед пытаюсь коснуться, понять что же это и тут же одергивая руки. В ушную раковину было воткнуто, что-то острое, что-то похожее на спицу с навершием. Или шило, или брошку, которую мама иногда втыкала в шляпу.

Лохматый поднес руку к лицу, и его ноздри по-звериному раздулись, а потом... Потом он слизнул алые капли. Слизнул тем же самым языком, что казался моей шеи.

И именно в этот момент я поняла, все изменилось, и уже никогда не станет прежним. Уже не получится закрыть глаза и уговорить себя, что все в порядке. Я могла перепутать время... А почему нет? Люди видят солнечные блики, а потом уверяют, что наблюдали НЛО. Я тоже так смогу... наверное. А девушка, которая просто прошла мимо, окажется деревенской сумасшедшей.

Одинокая женщина нарвалась на шпану, о которой пишут в газетах, и они вполне могли поразвлекаться на ее счет. Могли воткнуть ей иголку в ухо, непонятно зачем, но психов много. Воткнули, а потом стали рассуждать о чем-то посреди дороги. Они многое могли, но не слизывать кровь с рук, подобно животным. А клыки? А гладкое лицо? А...?

Глянец мира облетел прозрачной шелухой. Я не дома, не в смысле квартиры, города или страны. Я не дома в смысле мира, я упала в черную кроличью нору, наполненную туманом.

— Пусть старик посмотрит, где она могла с Седым пересечься. А потом уж с чистой совестью развлекайся.

Пальцы нащупали железную загогулину. Я выдохнула, задерживая дыхание в предчувствии нового всплеска боли. Наверное, им было смешно наблюдать за потугами человека, который еще только поднимал руки, а они наверняка уже знали, каким будет следующий шаг. Как и Кирилл.

Я сжала пальцами спицу и выдернула, не удержавшись от краткого вскрика. Отбросила в сторону железку, и не обращая внимания на боль, на заливающую воротник кровь, побежала. Оттолкнулась ладонями от земли, и ринулась прочь, под мужской смех, казавшийся почти добродушным.

Растрескавшийся асфальт слился в сплошную ленту, на обочине мелькали деревья, а за спиной все смеялись и смеялись. Я бежала, пока не увидела впереди свою машину. Увидела и пронеслась мимо, даже не повернув головы. Если остановлюсь сейчас, если потеряю минуту, чтобы открыть дверь, найти ключи, вставить в зажигание, завести, развернуться — не выберусь. Я знала это так же точно, как и то, что тот мужчина слизывал кровь с рук. Как показало время, я была чересчур оптимистична. Шанса не было с того момента, как машина преодолела переход.

Я бежала, когда ног коснулись первые рваные клочки тумана, бежала, когда дорога сузилась и пошла вниз, бежала, пока могла дышать, а не хрипеть. Вряд ли меня можно назвать спортивной, но тогда я вложила в рывок все силы, и остановилась только когда в боку колело так, что на второй план отступила даже пульсация в ухе, колени дрожали, мышцы подергивались. Несколько минут я стояла, наклонившись, упираясь руками в бедра, и просто дышала.

А когда нашла в себе силы выпрямится вокруг был туман. Непроницаемое белое марево,

а не предрассветная наброшенная на мир пелена. Воздух был сух и неподвижен, словно кисель.

"Неправильный кисель, как и все вокруг" — на этот раз я была полностью согласна с внутренним голосом, — "Убирайся отсюда! И быстро" — опять никаких возражений, лишь желание устроит второй старт забега и финишировать первой.

"А ведь ты совсем недалеко ушла, и те мужчины будут здесь в течении минуты, если не раньше"

Я оглянулась, а потом еще и еще. И поняла, что уже не знаю, с какой стороны прибежала. Чувство направления дало сбой, да и все остальные тоже. Все, кроме страха.

"Любой из них может выступить из тумана. А ведь у одного есть нож и, судя по всему, он умеет с ним обращаться. И уйти ты не успеешь. Уже нет"

Вокруг стояла плотная ватная тишина. Ни шагов, ни других звуков и это почему-то пугало еще больше.

"То, что ты их не слышишь, не значит, что их нет, что они не рядом".

Развернувшись, я сделала первые неуверенные шаги, а потом шарахнулась обратно, потому что на миг мне показалось, что в тумане мелькнуло что-то красное.

"Прячься, немедленно!"

Я кинулась в сторону, из белой мути выступили очертания деревьев, нереально широкие стволы, в которых так легко затеряться.

"Они рядом!"

Нога за что-то зацепилась, и я упала. Очень неловко, плашмя, как ребенок, который летит на землю и оглашает округу громким ревом. Я ударилась виском об асфальт, ладони проехали по шершавой поверхности, сдирая кожу почти до мяса. Перед глазами замерцали цветные искры очень похожие на то, что появляются, если смотреть на свет, а потом зажмурится.

С губ сорвался стон, я перевернулась на спину и подняла руки. Грязь вперемешку с кровью. И боль, везде: в голове, в руках, ногах, в боку, и даже в груди. Глаза защипало, самое время заплакать.

"А ведь почти успела" — пришла наполненная сожалением мысль, — "Деревья были так близко, а теперь..."

Ступни коснулось что-то невидимое, заставив меня отрывисто вскрикнуть. Звук всколыхнул воздух и растворился в нем. Меня схватили за ногу и рывком дернули обратно. Зубы клацнули, по затылку словно прошлись наждаком, когда голова проехала по асфальту, кожу обожгла боль. Сквозь пелену тумана проступила темная фигура, на месте глаз которой тлели ярко-красные угли. Их я запомнила особенно ярко, не раз возвращаясь в кошмарах в свой первый день на стежке. И каждый раз громко кричала, словно базарная торговка, у которой увели мешок картошки. Но туман смыкался, поглощая и этот звук, оставляя меня в тишине, и беспомощности.

Пар от кадки с горячей водой наполнял комнату теплыми ласковыми клубами, мало чем, напоминая туман перехода. Я подняла голову, стряхивая с себя воспоминания, словно капли воды. Что было, то прошло. С некоторых пор я не переставляла наслаждаться ощущением чистоты и принимала ванну за последние два дня раза четыре, скребя кожу мочалкой и стараясь избавиться от ощущения колющегося песка.

Вода стекала по телу, принося с собой чистоту и свежесть. Теплый каменный пол под

ногами, пушистое полотенце на плечах. Я была... чуть не подумала "дома", но после пропажи Юкова комната в Серой цитадели, максимально близко подошла к этому понятию. Она не стала местом, в которое хотелось бы вернуться, она не стала местом, в котором я могла чувствовать себя в безопасности. Такие понятия как защищенность и Серая цитадель несовместимы. И все же... замок стал местом где, мне давали передышку, кратную, иногда болезненную, но такую нужную.

Просторная спальня с шелковыми гобеленами, вышитыми картинами, с большой кроватью и... белым туалетным столиком напротив. Руки потуже затянули пояс халата, ноги утонули в ковре. Я выдохнула и бросилась к гуляющей мебели, провела ладонями по столешнице, словно не в силах поверить в то, что вижу, словно мне нужно не только видеть, но и ощущать шероховатую деревянную поверхность. Пальцы сомкнулись на прохладном металлическом кольце и потянули ящик на себя.

Они были там, перекатываясь по широкому дну, чуть звякая железом.

— Где ты был, когда я в тебе нуждалась? — сперва с губ сорвался лишь шепот, — Где? — а затем крик, — Где? — я выдернула ящик из пазов.

Ножи кувырнулись в воздухе и глухо ударились о ковер. Злость пришла настолько неожиданно, что я даже не успела осознать, что делаю и зачем. Дернула рукой и, размахнувшись, ударила ящиком о серую стену. Дерево жалобно треснуло.

— Где? — продолжала спрашивать я, ударяя снова, боковая стенка раскололась пополам, — Где, черт возьми? — еще удар, дно уже висело на одном гвозде, — Где?

Ящик, любовно восстановленный Борисом, распался словно картонный, но я продолжала в исступлении бить фасадом и камень. В первый раз я поверила, пусть неживому существу, в первый раз ждала помощи, и испугалась не получив ее. В этот момент проще было обвинять обычную деревяшку в том, что случилось в Желтой цитадели, в страхе, который испытала, в неспособности взять в руки оружие и дать сдачи.

— Он не может пройти сквозь стены цитадели. Любой цитадели, кроме этой, — раздался спокойный голос.

Пальцы разжались, остатки ящика упали на пол. В спальню, как всегда неслышно вошел Кирилл. Таким, как я его помнила, таким, как я хотела его помнить, в домашних спортивных брюках, белой майке и с чуть взъерошенными, словно после сна, волосами.

— Истерика? — он поддел ногой остатки деревянного ящика и прошел в комнату.

— Да. Смотреть не обязательно, — глазам стало горячо, сама не знаю, выдох у меня вышел, или стон, — Знаешь, как вернуть Юково? — спросила я, снова хватаясь за концы кушака, — Ты вынул из того человека... он сказал, как... — я терялась в словах, в насккивающих друг на друга мыслях, в его прозрачных глазах.

— Пока нет. Я не открывал его. Не стал, — он развел руками и сел на кровать.

Столько всего было в его жесте, может чуть неловком, человеческом. Сейчас в комнате был не демон, а мужчина. Тот, что каждый день возвращался домой с завода, и с улыбкой прося добавки жареной картошки, рассказывал про самодура начальника, идиотов коллег и лучшего друга Леху, прикрывшем его при очередной расцентровке станка. Легкая неуверенность в голосе, от которой сердце застучало о ребра.

После всего что было, он просто не имел права быть таким. Нельзя три года трахать все, что движется, пусть в это "все" изредка включали и меня, а потом делать вид, что ничего не случилось. В моем мире нельзя.

Я медленно встала. Кирилл посмотрел на обломки на полу.

— Есть в нашем мире законы, которым подчиняются даже предметы. Стены цитадели демона не преодолеть никому и нечему пока жив хозяин. И пока он не даст разрешение, — Седой наклонился и поднял боковую стенку ящика, — Этот стол всего лишь артефакт, хоть и не совсем обычный. Прежде всего, вещь, — он бросил доску на пол, — Если хочешь, что бы он работал, найди плотника, — мужчина встал, оглядел комнату так, словно видел ее впервые в жизни. — Ты ничего не хочешь здесь изменить? Мебель? Ковер? Шторы? Что-нибудь еще?

— А ты не хочешь показаться психиатру? Нечисть сходит с ума?

Знакомое до малейших деталей лицо, застыло, а потом серые глаза посветлели, сквозь надетую маску заботливого мужа, проступило застывшее лицо Седого.

— Я не об этом хотел поговорить.

— А о чем? — вышло сипло, почти шепотом.

— Об этом, — теплые пальцы обхватили мою руку, заставляя сделать шаг вперед, подойти почти вплотную, его рука мягко коснулась бугристого выжженного на ладони следа, — Больно?

Когда-то давно, он так же задавал вопросы, и в его глазах было что-то такое, от чего я чувствовала себя не просто нужной, я чувствовала себя единственной.

— Да, — ответила я, имея в виду совсем другую боль, впрочем, но он вряд ли нуждался в объяснениях, — Теперь у меня нет выбора.

— Есть, — он улыбнулся, — Я его тебе дам.

Широкая ладонь снова сжалась, и увиденное едва не заставило меня задохнуться то ли от счастья, то ли от ужаса. На безымянном пальце блестела полоска золотого кольца.

До дрожи в коленках меня пугала ни руна обязательств, не перспектива питаться сырым мясом, и не превращение в хищника. А широкий ободок на его пальце, то самое кольцо, что я надела на палец тринадцать лет назад. Почти четырнадцать. В последний раз, когда он вспомнил об узах брака, мне надлежало воткнуть в его тело зеркальный клинок.

Чуть красноватое с примесью меди кольцо из золота весьма низкой пробы обхватывало его безымянный палец. Свое я выбросила. Давно. Просто ехала на машине, открыла окно и вышвырнула этот символ супружеской верности. Случилось это где-то между третьей и четвертой любовницей объявившейся на моем пороге.

Я с шумом втянула воздух.

— Не тот выбор, который бы тебе хотелось, — он коснулся пальцем плеча, — Ты дала слово. Придется его сдержать. Вопрос в том, как это будет?

— Опять игра словами, — его палец ласково прошелся по коже, я начала дрожать.

— Верно. Оцени разницу, я могу сделать тебя очень сильной, достойной рода Седых, достойной Алисы. Но, — он наклонил голову, — Ты должна прийти ко мне сама. Прийти, попросить и остаться навсегда. Я сберегу твою душу. Слово демона.

— У меня есть еще время, — возражение вышло жалким и беспомощным, сотня дней там, или десять здесь.

— Нет. Его у тебя нет, — стоило словам слететь с его губ, как руку свело от горячей боли, тот раскаленный гвоздь, что воткнул Простой так и не вытащили из раны, — Вы долго добирались. Срок почти истек.

Я знала, что он прав, мы появились в цитадели через семь отпущенный руной дней. И видят ушедшие, можно было бы давно все закончить, но каждый раз подходя к черте, я отступала, как всегда.

— И тогда где же тут выбор? Где?

— Выбор не в том закладывать душу или нет, а в том, как и кому это сделать, — он говорил с невыносимой мягкостью, как с маленьким ребенком, как с Алисой, когда она в первый раз подралась с Муськой.

Я вспомнила, как Простой говорил Пашке, что она расскажет о своем проступке сама, на своих условиях. То же самое теперь предлагал Кирилл. И могу сказать, ни черта от этого не легче.

— У тебя чуть больше суток, — он встал.

— Я могу заключить сделку с Александром, — запальчиво сказала я отступая.

— Можешь, — мужчина пошел к выходу, — Это и будет обещанным выбором. Я или мой вестник.

— Кирилл, — окликнула я, и он, остановившись, повернул голову, — Зачем все это? К чему?

Его глаза посветлели, снова становясь прежними. Из прозрачной глубины выглянул тот, кто всегда был там, до того как мы встретились, до того как мы расстались. Настоящий Кирилл, демон, холодный, расчетливый и жестокий. Не человек. Зверь. Затянувшаяся на десять лет роль сыграна на бис еще раз. Привычная маска хорошо легла поверх холода севера, но уже не смогла скрыть истины.

— Ты придешь, — ровно сказал он, — Или тебя приведут. Это тоже выбор.

Дверь мягко закрылась. Я села на ковер, рядом с обломками ящика. Все навалилось как-то вдруг, разом, на самые обычные человеческие плечи. Пока человеческие. Мы действительно слишком долго возвращались, может потому что не очень хотели? Мы шли с победой, которая горьким привкусом поражения осела на языке. Каждый шаг приближал нас к выполнению обязательств. Мы знали, что на этот раз не отвертимся. И я, и Мартын, и молчаливая Пашка. Это знание отнюдь не наполняло счастьем, и не заставляло мчаться ему на встречу со всех ног.

А теперь, оказалось, что время почти истекло. Я вспомнила каждый год, день, час, прочувствовала каждую прожитую секунду, когда мы пробирались по склонам гор, обдумала каждый километр, что мы преодолели на автобусе. Где-то внутри странное обреченное нечто даже радовалось уходящему времени, зная, нет, даже желая, опоздать. Умереть, но умереть, человеком. Трусливый путь, но даже мне иногда хочется сдаться и опустить руки.

В голове царила путаница щедро сдобренная страхом. Седой запутал все окончательно. Зачем я ему в качестве вестника? Или демоны могут обращаться не только в торговцев душами? Зачем этот спектакль с возвращением к прежним временам?

Злость схлынула, стало жалко столик. Более бессмысленного выплеска эмоций, чем гнев на бессловесную деревяшку придумать трудно. Я стала поднимать обломки, надо при случае найти плотника. Дно ящика разломилось надвое, я собиралась положить куски один на другой, и отнести в угол комнаты, когда увидела нечто странное. Коснулась пальцами, одернула руку и поднесла обломок к глазам, чувствуя, как замершее сердце начинает ускорять ритм.

Столик сделали в те времена, когда о ДСП и слыхом, не слыхивали. Дно ящика состояло не из одной, а из двух тонких положенных друг на друга досок. Материал был пористым и очень легким. Древесина скорее всего местная, наша тяжела и прочна, и колотить бы мне им о стены пока руки не устанут. Но теперь эти доски были сломаны, а между ними выглядывал уголок ломкой коричневой бумаги. Прикрепи его неизвестный просто ко дну, Борис нашел

бы тайник в первый же день, но кто-то постарался спрятать бумажку получше, продублировав дно.

Я потянула за уголок и вытащила на свет большеватый конверт, явно сложенный вручную. Не заклеенный и неподписанный. Под непослушными пальцами бумага сломалась в трех местах, прежде чем удалось извлечь содержимое. Слава святым, это было не очередное слезливое письмо из прошлого, это была сложенная вчетверо ткань. Шелк, если не ошибаюсь.

Разворачивая тонкий платок, я ожидала увидеть все что угодно от засушенного цветка, до порции яда, но все равно оказалась не готова к действительности. Вскрикнула и уронила находку на ковер. Там под гладкой скользящей тканью скрывался живой огонь, брызнувший подвижными бликами во все стороны. Я вытерла о халат повлажневшие ладони, протянула руку, одернула, и протянула снова.

В шелковый платок было завернуто перо. Нереальное, переливающееся золотыми всполохами перо. Оно было совсем не горячее, хотя огонь танцевал по его краям словно живой. Я подняла находку, не в силах оторвать глаз от разбегающихся искр. Наверное, так себя чувствовал герой сказки державший в руках перо легендарной жар — птицы. Жаль, что они в нашей тили-мили-трындии не водятся. Зато водится кое-кто поопаснее, например фениксы, за спинами которых разворачивались полные огня крылья. Я подняла шелковую тряпку, чтобы накрыть спрятать от глаз эту обжигающую красоту, и выронила его повторно.

Ткань не была просто оберткой, платок, не был платком. Он был холстом, не тем плотным материалом, что полюбился художникам, а тоненьким, шелковым полотном, расписанным легкими четкими штрихами. Картина, удивительная в своей нереальности. Миловидная женщина с короткими волосами обнимала за плечи двух белоголовых мальчишек. Рядом наклонив голову, стояла тоненькая девочка, с такой же, как у матери стрижкой. Сколько ей лет? Десять? Одиннадцать? Двенадцать? Вряд ли больше.

Фон был не прорисован, только эти четверо. Мать и трое детей. Ниней Седая, Кирилл, Игнат и безымянная девочка, принесенная в жертву во славу рода. Я знала это и раньше. Но одно дело знать, а другое смотреть в детально прорисованные, светлые, как у братьев глаза. Несколько минут я не могла пошевелиться, потому что было еще кое-что поразившее сильнее остального.

Мальчишки, которых обнимали материнские руки, были совершенно одинаковыми. Близнецы. Одинаковые лица, одинаковые позы, глаза, черты лица. Только если внимательно присмотреться тот, что справа казался более недовольным, тогда как тот, что слева смотрел вперед прямо и равнодушно. Что это, дрогнувшая рука художника или мастерство, с помощью которого он передал единственное отличие мальчишек? Уверена равнодушие одного из них, я видела на этом пороге не далее чем пять минут назад.

Стены овального зала памяти на третьем этаже все еще были увешаны портретами. Там почти ничего не изменилось, только убрали постамент, на котором лежало жало Раады. Я смотрела чужие мертвые лица, комкая платок в руке, скользкая ткань казалось обжигала кожу, хотя перо, для надежности убранный под подушку, осталось в комнате.

Портрет Ниней висел на прежнем месте, она все еще опиралась на туалетный столик, и будет опираться на него вечно. Трифон Седой в паре сантиметров правее, спокойный и немного презрительный. Чуть ниже девочка с наивным миловидным личиком на холсте гораздо меньших размеров.

Каково это — втыкать атам в собственную дочь? А каково матери жить после этого? Делить с убийцей постель? Стол? Замок? Мир? Не уверена, что хочу знать ответ.

Но в этой комнате — музею не хватало одного изображения. Портрета Игната. По семейной традиции изображения членов семьи появляются здесь лишь после смерти. Значит ли это, что брат Кирилла жив?

— Опять интересуешься историей? — раздался знакомый голос, я обернулась испытывая сильнейшее дежавю, — Это снова я, — развел руками вестник, — Увы.

— И мне нечем вас порадовать.

— Тебя, — поправил Александр, — Ольга, давай не будем начинать все заново.

— Давай, — согласилась я, силясь отогнать видение его мертвого тела, и чувство гадливости обрушившееся на меня, когда мертвец встал.

— Я могу помочь? — он кивнул на картины.

— В этом? Вряд ли.

— А в чем могу? — его взгляд стал чуть более напряженным.

Я молчала.

— У меня приказ, — чуть помедлив, добавил мужчина, — Облегчить тебе переход настолько насколько это вообще возможно. Отвечать на любые вопросы, помогать, если понадобится, направлять.

— В нужную Седому сторону.

— Само собой, — Александр прошел чуть вперед.

— Кем я стану? — тихо спросила я.

— Не знаю. Как хозяин решит, — он пожал плечами.

Ни слова вранья, но и ни слова утешения.

— А ты?

— Я? — он сунул руки в карманы, — Я вообще ничего не решаю. Те, кто вручают души вестнику, становятся теми, кем заслужили. Своей жизнью, своими желаниями.

— Много их было? Тех, кого ты уже....

— Полтора десятка, — без колебаний ответил вестник.

— И кем они стали? Эти пятнадцать?

— Одиннадцать, — вестник посмотрел на высокую урну с очередным ценным прахом, — С четверть вышла осечка. Серьезная, — он поймал мой напряженный взгляд — Двое впали в кому. Двое сошли с ума, один из них уже мертв, другой сидит в подвале и ласково улыбается отхожему месту. Если ничего не изменится, его подадут к столу в ближайший ужин.

— Святые, — я почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота, сухие слова царапали горло. — Почему так получилось? Почему одни впадают в кому, другие сходят с ума, а третьи... живут?

— Уснувшие, — он пробежался ладонью по ближайшей медной статуе, мальчик лет семи застыл навсегда с тянущейся к чему-то невидимому рукой, к босоногим ногам жался лопоухий щенок, — Были верующими. Излишне набожными, можно сказать до идиотизма. Они не смогли смириться с потерей души, для них она равнозначна самой жизни.

— Зачем ты вообще купил их?

— Зачем? — он отвернулся, — Именно поэтому и купил. Души тех, кто мнит себя праведниками — это как....

— Орден на грудь, — закончила я.

— Самонадеянный дурак, — выдохнул он.

— Почему другие сошли с ума? — после паузы спросила я.

— Хозяин сказал из-за несоответствия того, чем они хотели стать, и тем чем стали.

— Как это? — я нахмурилась.

— К примеру, человек до обморока боящийся вида крови становится лгуной или падальщиком. Такие сходят с ума. Дым говорит, я пока лишен чутья.

— А остальные?

— Две сваары, морок, три шептуна, падальщик и два лихача — все живы, здоровы, привыкают к новой жизни.

— Еще один? Пятнадцатый?

— Хозяин отменил сделку, — вестник вздохнул, — Мою единственную стоящую сделку.

— Расскажи, — попросила я.

— Не хочу.

— Именно поэтому и расскажи.

— Мальчишка лет пятнадцати, инвалид без обеих ног, попал под поезд, еле спасли. И знаешь, о чем он попросил? Об исцелении младшей сестры от ветрянки. Представляешь? Она заболела, и он испугался, что она умрет. Он не поверил взрослым и их уверениям. Он давно им не верил, с тех пор, как его самого убеждали, что все будет в порядке, и не сдержали слово. Я сдержал.

— Сделку отменили, потому что он несовершеннолетний?

— Нет. Не только, — он горько рассмеялся, — Я лишь чуть помог ему перефразировать желание на "здоровье для него и сестры". За эту помощь и наказали. Меня. Люди не в счет.

— Печально.

— Весь этот мир печален, — он встряхнулся, словно большой пес, — С тобой этого не будет, ты давно живешь здесь, и знаешь, на что идешь.

— Напоминает утешение тех взрослых, которым не поверил мальчик, не находишь?

Александр улыбнулся краешком губ.

— Говорят, Дым мог предсказать, кем станет человек, заключающий сделку, — задумчиво проговорил вестник.

— Дым? Ты второй раз произносишь это имя. Предсказатель?

— Вестник. Очень старый. На самом деле думаю старейший в северных пределах. Он давно не торгует. Его душу принял в оплату еще отец Трифона Седого.

Я мысленно присвистнула, середина Общей эпохи. Еще один старожил, еще один живой памятник ушедших столетий. С первым у нас вышло не очень продолжительное знакомство. Сергей умер.

— Есть возможность с ним увидеться, — на этот раз улыбка Александра была искренней, — Он живет неподалеку — вестник неопределенно мотнул головой, — Вполне укладывается в приказ о помощи, — и протянул руку.

Ухватиться за его ладонь, за его помощь оказалось самым естественным. Впервые появилось надежда, нет, не избежать обязательств, а вера в то, что я все еще что-то контролирую, и смогу вовремя уйти с пути мчащегося поезда под названием жизнь.

Селение льнувшее к графитовым стенам при свете зимнего дня выглядело еще более темным, чем в серых сумерках. Замшелые камни, гниющее дерево, черепица и пласты

руберида засыпанные мусором, мутные окна и мелькающие за ними силуэты. Звери с всклокоченной шерстью и отхожие ямы. Черный внедорожник менял улицу за улицей, рифленые покрышки оставляли на белом снегу глубокие следы. Вестник уверенно следовал по одному ему известному маршруту. Готова спорить, он бывал у этого Дыма не раз, в противном случае я бы в нем разочаровалась.

Когда последний дом и стоящий возле него лохматый мужчина в фуфайке с лопатой наперевес остались позади, я поняла, что понятие "неподалеку" у нас с вестником разные. Желтую цитадель окружали пески и каменистая равнина, Серую — лес. Иногда темный и мрачный, редко светлеющий прогалинами и полосами вырубки, сейчас полностью покрытыми ледяным покрывалом. Голые черные ветки сплетались в путанную сеть над головами. Одна из просек заканчивалась невысоким курганом. На более низкой машине мы бы не проехали, даже высокий джип в один момент стал яростно зарываться колесами в светлую кашу.

Вылезая я сразу ухнула в снег до середины икр, заслужив ироничный взгляд Александра. Домом старому вестнику служила сложенная из округлых камней землянка. Вернее курган, словно он уже похоронил себя. Вход прикрывал толстый деревянный щит, который Александр сдвинул в сторону. Квадратный коридор нырнул в толщу промерзшей земли, теряясь в уходящем вниз мраке.

Я подняла воротник куртки, перчатки торчали из кармана, ноги в толстой подошве ступали по ковру из коричневых листьев. Как много вещей сохранилось из моей прежней жизни, теперь я надевала их без всякого пиетета, просто тряпки.

С каждым шагом становилось все темнее и темнее, сперва я видела на пару шагов, потом на один, а потом перестала различать даже очертания ступней. Ход закончился второй дверью. Я просто на нее наткнулась, едва не разбив голову.

— Иногда мне этого не хватает, — резкий росчерк, и легкий огонек затанцевал на спичке в руках у Вестника, осветив личину замка с массивным кольцом по центру.

— Чего? Слепоты? Беспомощности?

— Непредсказуемости. Теперь я всегда знаю, что скрывается за темнотой, — вестник схватился за кольцо и гулко постучал.

— А я боюсь того, что могу увидеть.

Открыла женщина в платке, из-под которого выбивались седые пряди, морщины вспарывали ее широкое лицо крупными бороздами. Под впалыми губами не было ни одного целого зуба, лишь обнажившиеся в оскале пеньки.

— Ты можешь прекратить это в любой момент.

Старуха развернулась и пошла обратно без единого слова, без вопроса или удивления. Вестник прижал указательный палец к губам, призывая к тишине, и последовал за ней.

Стены коридора разошлись в стороны, и мы вошли в большой зал с низким потолком. Большая комната наполненная холодом, старой мебелью и... дверьми. Они словно портреты в рамках шли по обе стороны на расстоянии в локоть друг от друга. У дальней стены мягко потрескивали дрова в камине. Столы, стулья, кресла, маленькие пуфики и скамейки были расставлены по помещению без всякого порядка, словно в лавке старьевщика. Эдакая комната сумасшедшего столяра, помешенного на всем, куда можно пристроить седалище.

Старуха довольно ловко проковыляла между вещами, не задев ни одной. Чего нельзя сказать обо мне, с грохотом повалившей стул времен эпохи истребления, с кожаными ремнями, кандалами, прикрученными к ножкам. Вряд ли я буду скучать по этому, как

Три головы одновременно повернулись в мою сторону. Подслеповатый прищур старухи, легкое недовольство Александра и пренебрежение пожилого мужчины. Хозяин землянки, или лавки антикварной мебели зарытой под землю сидел в глубоком кресле. Приятно представлять себя в таком с пледом, чашкой чая и любимой книжкой. Последняя, кстати была, небольшой томик, заложенный пальцем с черным ногтем.

— Извините, — промямлила я, поднимая стул за разохшуюся спинку.

Старуха фыркнула и скрылась за одной из дверей. Старый вестник перевел взгляд обратно на огонь.

— Дым, это мать Легенды Зимы, Ольга, — представил меня Александр, обходя кресло.

— Рад за нее, — ответил тот, кого называли Дымом.

— Можешь сказать, кем она станет после залога? — сразу перешел к делу молодой вестник.

— Я много чего могу, — голос, словно, нарочно стал брюзжащим, хотя сидящий в кресле был отнюдь не старым, пожилым, но не развалиной, встретившая нас женщина и та выглядела старше, — Но зачем мне это делать?

— Приказ хозяина.

— Ха, пусть прижмет и прикажет лично, — Дым посмотрел на меня. — Тебе-то, девка, это зачем?

Вытянув руку, я показала ему ладонь. Выцветшие карие глаза под набрякшими веками, внимательно осмотрели бугристую руну.

— Я спросил не о том, зачем тебе сделка. У девок всегда сотни желаний. Я спросил, зачем тебе знать? Это будет чудище, вот и весь сказ.

— Чудища бывают разными, — я опустила руку.

— Это да. Я тоже первую сотню лет так думал, — старый вестник хихикнул, пошлый старческий звук, — Хочешь совет? Пошепчи демону на ушко в постельке, поработай губками и станешь вестницей.

— Этот вариант обсуждается, — ровно ответил Александр, не обращая внимания на пакостное лицо Дыма, — Она хочет знать...

— Я хочу знать, кем стану, если приду к вам, — перебила я, — Губки, знаете ли, устали.

— Занятная нынче молодежь пошла. И ленивая, — он погрозил мне пальцем, страницы лежавшей на коленях книги лениво качнулась из стороны в сторону, — И что же ты потребуешь взамен? Чего тебе не хватает? Денег? Власти? Мужчин? Силы? Красоты? Чего?

— Ни одна магия не вернет мне семью. Я хочу, чтобы те, кто мне дорог всегда были рядом. Хочу, что бы наши жизни были переплетены хоть в радости, хоть в боли. Потянешь такое желание, торговец?

— Вот ты сама и ответила на свой вопрос, — морщинистые руки ухватили книгу и подняли кожаный переплет, — Можешь увести ее, мальчик.

— Ты не ответил, — сказал молодой вестник.

— Мне и не надо.

— Что вы читаете? — неожиданно вырвалось у меня, глаза не отрывались от шуршащих страниц, исписанных небрежным почерком, в котором чудилось что-то знакомое, чего не могло быть в принципе.

— Дневник одного ученичка. Глупость на глупости, но временами это меня развлекает.

— У меня есть похожая тетрадь.

— Рад за тебя, девонька. Марька, — рывкнул он, и бабка выглянула из-за ближайшей двери — Проводи.

Я снова открыла рот, но руки вестника опустились на плечи, невысказанные слова остались невысказанными.

— Бесполезно, — тихо сказал мужчина, — Если он не захочет, не скажет ни слова.

Я знала, видела, что он прав, по поджатым губам старого вестника, по равнодушию в глазах. Наверняка, таких девок у него было много, и все о чем-то просили, а некоторые еще и получали. Мне была знакома эта несговорчивая порода стариков, управляющий нашим Юково был не менее упрям.

— Он однажды сказал мне, что слишком стар, чтобы выслушивать людскую ахинею, — проговорил вестник, когда мы садились обратно в машину.

— Зачем ты вообще, ходил туда? — спросила я, и тут же сама ответила, — Ты хотел у него учиться?

— "Хотел" — хорошее слово, — вестник завел двигатель и выехал обратно на колею, — От моего желания мало что зависит. Дым на все вопросы отвечает так же туманно. И через раз.

— Есть и другие вестники, — я посмотрела на резко очерченный профиль, мужчина был недоволен и не скрывал этого.

— Есть. Но мне нужен лучший. Его сделки вошли в историю. И он будет говорить, я не оставлю ему выбора.

В голосе мужчины была твердая уверенность, вполне возможно, что со временем Александр разговорит старика. Со временем... жаль, что у меня его не осталось.

— А если кто-то пожелает стать демоном? — спросила я, поворачиваясь к водителю, — Ты сможешь выполнить?

— А ты желаешь? — он смотрел только вперед.

— Да.

Он резко повернулся, в глубине темных глазах стала закручиваться спираль, словно в зрачок вдруг стали вплетаться серебристые нити, машина сбросила скорость.

— Если это позволит мне быть рядом с Алисой, то да?

— Врешь, — уверено сказал мужчина и отвернулся, — В тебе нет желаний один только страх.

— Ответь на вопрос, — попросила я.

— Исполнить желание можно по-разному. Можно вложить в человеческое тело силу демона, и тебя разорвет на куски. И, увы, — он на секунду поднял руки, и тут же снова положил на руль, — Де факто, желание исполнится. Или, заставить тебя поверить, что ты демон. Но создать из смертного, — он покачал головой. — Нет.

— А говорят любой каприз, за вашу душу, — горько пробормотала я.

— Ну, извини, редко кто до такого додумывается, но создать из кошки кашалота не под силу даже хозяину.

— А если я пожелаю возвращения Юкова? Ты вернешь мой дом? — надежда странная отдающая горчинкой, но такая прекрасная вдруг проснулась во мне, если уж суждено нырнуть в омут с головой, то не зря.

Несколько секунд вестник смотрел на однообразный зимний пейзаж, разбавленный черными хибарами поселка, а потом нехотя ответил:

— Я мог бы соврать. Но не буду. Не тебе. Ответ — нет. И не потому что это не в моей власти. В моей, если бы оно существовало. Если бы оно пряталось за пеленой заклинаний, но... Ольга, пойми, его нет, стежку выдернули из одеяла мира. Его просто не существует. Хочешь, я по твоему приказу поставлю дома, проложу дороги, и даже посажу яблони? Легко. Но я не могу создать его жителей. Вестник не творец. Но я все еще могу заставить тебя поверить, что твой дом на месте. Или забыть его навсегда.

— Святые, — я закрыла лицо руками, — Всегда есть подвох, всегда обман, игра словами...

Машина подпрыгнула на ухабе, и я едва не прикусила язык.

— Отдать душу за пшик, за видимость, — выпрямившись на сиденье, я откинула голову назад, — Отдать все и не получить ничего. Самое время рассмеяться.

— Мы можем разобрать случаи залога и попробовать вывести статистическую вероятность перерождения, так можно хоть предположить...

— Не надо.

— Почему?

— Это ничего не даст, лишь займет меня на некоторое время. Понимаю, зачем ты это делаешь, но не надо. Я должна принять решение. Должна подумать. Одна. Извини.

— Не извиняйся.

Он довез меня до ворот цитадели, лишь раз, для проформы спросив, уверена ли я, что он мне не нужен. Я ни в чем не была уверена, но он не настаивал.

В замке царило оживление, не столь явное как перед балом, но все же заметное. Увеличившееся количество слуг, чуть торопливее их походка, чуть больше подносов в руках. Надеюсь, не очередной торжественный ужин на подходе.

Я свернула в крыло первого этажа, вплотную примыкавшее к служебным помещениям. Слуг тут сновало больше, чем на лестнице и в парадном зале. Дверь в нужную комнату я открыла без стука. Закрыла и выпалила:

— Надо поговорить.

Сидящая на кровати Пашка отставила тарелку с остатками мяса, и уставилась на меня медными глазами с двойными зрачками, спросила:

— Что опять?

— Я видела второй дневник Тура Бегущего, или другую его часть, или продолжение..., не знаю. Вестник сказал, что это писал его ученик. Как такое может быть? Тур был подвием, Дым — вестник.

— Ольга — попеняла мне девушка, — Что сказал хозяин? Когда ты заключишь сделку?

— Завтра, — выдохнула я.

— Тогда понятно с чего тебя так разбирает, — она задумчиво осмотрела меня с ног да головы. Я могла говорить о чем угодно, только не о том, что произойдет завтра. Не хочу, не могу, — В какой-то степени тебе повезло, отмучаешься сразу, и никаких бессонных ночей, раздумий. Как представлю свой разговор с Костей, так...

— Интересно было бы послушать, — раздался хриплый голос, дверь снова бесшумно открылась и закрылась.

Я повернулась к молодому целителю, и не сдержала шумного выдоха. За прошедшие сутки Мартын обзавелся украшением в виде трех набухших багровых рубцов, начинающихся на шее и заканчивающихся на щеке под левым глазом.

— Это он один раз без спроса сюда ввалился, — пояснила Пашка, — И даже что-то похожее ляпнул. Только на твоём месте хозяин стоял.

— Я "ляпнул", что собираюсь навестить брата в filii de terra. Для тебя, между прочим, старался.

Мартын качнулся с носков на пятки. Он не проявлял к змее открытой агрессии, но после откровений Простого, что-то меж ними изменилось, и иногда парня прорывало.

— В результате тебе разукрасили личико и запретили исцелять. А я не могу покинуть цитадель. В следующий раз сделай милость, не утруждайся, — змея отвернулась.

— Конечно, ты этого не заслуживаешь, — парень скривился, — Бедный Невер, бедный отец.

— Бедная я! — зарычала явидь.

— Что происходит? Вы в шкафу сваару прячете? Или на вас так суматоха в цитадели действует? — я огляделась головой, — Март, не будь ребенком, чтобы не произошло между Пашкой и твоим отцом, это только между ними. Ты не он. Тебе оно надо? К низшим, пусть сами разбираются, — я подошла к парню, рассматривая воспаленные покрасневшие следы прикосновения Кирилла, — А почему вам нельзя выходить из цитадели?

— Хозяин не объяснил, — буркнул парень, — Как ты понимаешь, расспрашивать мы не стали. А сейчас, я и сам за эти стены не ногой.

— С чего бы это? — фыркнула явидь приподнимаясь, вилка звякнула о тарелку.

— По приказу хозяина Шорох Бесцветный приехал.

Прозвучало излишне торжественно, так что я не удержалась, и спросила:

— Кто это?

— Шутишь? — удивился парень, — Он легенда, единственный целитель вне цветов, вне уровней. И возможность увидеть его, я не упущу.

— В ученики не забудь попроситься? — ехидно заметила Пашка, — Не забывай, тебя на цепь посадили, дом охранять.

— Вы задушите друг друга не успеет время обежать внешний круг, — сказала я, — И про это тоже сложат легенду.

Явидь захихикала, парень попытался соорудить серьезное лицо, но не преуспел и едва слышно рассмеялся, хотя было видно, что рана доставляет ему боль.

— Она не будет пользоваться популярностью, таких легенд на каждой стезе с чертову дюжину. Это легенда о Простом одна. Или о Шорохе бесцветном, — все еще улыбаясь, добавил парень.

— Или о фениксе — ясном Соколе, — вставила явидь.

— Seriously? — я присела на кровать, — О Фениксе, молодце из детской сказки?

— О да. Только он отнюдь не молодец, и сказка совсем не детская, — фыркнула Пашка, — Вечно людям нужно все "прилизать". Сказочка о Простом не менее слюнява.

— Точно, — подтвердил целитель, — О том, как он дал слово девушке влюбленной в другого, сохранить сопернику жизнь, если та останется с ним. Не сдержал его. И был наказан Высшими ушедшими, но девушка все равно осталась с ним, для нее данное слово не пустой звук. Сказка для молоденьких ведьмочек. Любовь, ля-ля-ля, и все такое. Правду мы видели.

— Любовь, и все такое, — снова помрачнела змея.

— Давайте о чем-нибудь более веселом, — парень повернулся ко мне. — Когда день икс?

Я отвернулась к графитовой стене.

— Нашел веселость. Ольга предпочитает говорить об еще одном дневнике Тура Бегущего. Не понимаю только, зачем он ей нужен.

— Правда? — парень поднял брови, — И где ты его нашла?

— У Дыма, еще одна легенда. Старейший из вестников.

— Интересно, зачем хозяину столько легенд в одном месте и в одно время? — задумчиво протянул Мартын.

— А ты спроси, если башка запасная есть, — посоветовала явидь, — Раз нас в торжественный комитет по встрече не включили, предлагаю развлечь себя самим. Партию? — в тонких руках замелькали потертая колода карт.

— На желание, — уточнил целитель, садясь рядом.

— На чешую, — отбила явидь.

Если есть занятие хуже чем заключать сделки с нечистью, то это играть с ней в азартные игры: карты, наперстки, баночки.

— Раздавай, — я отодвинулась, освобождая место для лежащих поверх покрывала карт. Пусть человека в последний раз раскатают в лепешку.

На кровати сидел мужчина. Но моей кровати в моей комнате. Неверное это должно было мне польстить, но вызвало лишь глухое раздражение. Все чего я хотела, это зарыться лицом в подушку и впасть в забытие до утра. Незнакомец в деловом костюме, белой рубашке, черном галстуке и лаковых ботинках, на вид то ли адвокат, то ли работник похоронного бюро.

Рядом стояла открытая коробка из белого картона, мужчина напряженно вглядывался в ее содержимое. Я не стала деланно возмущаться, кричать и задавать бесполезные вопросы, как сделала бы еще год и одно путешествие в пески назад.

Седая безупречно причесанная голова поднялась. Я увидела голубые глаза, горбатый выступающий нос, упрямый подбородок.

— Его зов так же силен, как и век назад, — проговорил незнакомец.

— Зов?

— Его слышат все, кто хоть раз брал доспех в руки, кто хоть раз собирал его. Не хотите попробовать? — он протянул мне мою же, по-сути коробку.

— Нет. И вам не советую.

— Поздно. Все что могла, эта вещица для меня уже сделала. Стоит оказаться рядом, как ее голос проникает даже сквозь стены цитадели, и манит меня, как доза для наркомана.

Я вспомнила жадное выражение на лице у ведьмака из пустоши, Ксьян не остановился даже перед убийством племянника, чтобы заполучить артефакт. Что еще я не знаю об этом доспехе?

— Говорят, его зов может остановить только земля.

— Я попробую это прекратить, — мне вспомнилась хрупкая девушка в кимоно, и данное ей обещание.

— Тогда не тни, — он встал, с трудом отводя взгляд от белой коробки Киу, — Сделаешь и заполучишь Шороха Бесцветного в должники, — мужчина оправил пиджак, — И даю тебе слово, игрушка Седого, я отдам этот долг даже из-за черты ушедших.

Одну томительную минуту он разглядывал меня словно старясь запомнить каждую черточку, а потом, не оглядываясь, вышел. Ничего не сказав и не добавив.

А я не спросила, оставшись наедине с невеселыми мыслями, и неприятным удивлением, что вот так, между делом, познакомилась с кумиром Мартына.

Коробка отправилась на дно старого чемодана, к не менее старому белью, но как сказал очередной легендарный старик, против зова это вряд ли поможет. Вот уж не было печали.

Я упала на подушку и закрыла глаза. Что ты отдала мне в руки Киу? Что это на самом деле?

Конец первой главы

2. Выбор

Я просто подошла к двери и постучала, не зная, закончилась уже эта ночь, или утро еще только готовилось сдернуть пелену тьмы с мира. Не думаю, что это имело значение. Не для нечисти.

Он открыл, смерил меня взглядом с головы до ног, и чуть посторонился, пропуская внутрь. Смешно сказать, но я ни разу не была здесь. Жена, никогда не заходила в спальню к мужу, пусть и женаты мы были по законам людей, на которые он плевать хотел. Широкая полоска из тусклого золотистого металла все еще украшала его безымянный палец. Сейчас чужое желание поиграть в игры, было только на руку. На нем домашние брюки и футболка, и так легко представить, что он человек, обычный мужчина.

— Ты пришла сделать выбор? — спросил Кирилл.

Я покачал головой, не имея ни малейшего понятия, сколько времени осталось. Час? Два? Десять? Не за этим я пришла сюда, не за этим.

Он втянул носом воздух и едва заметно улыбнулся.

— Ты меня удивляешь, — сказал он, обманчиво неторопливо заходя мне за спину, — Приятно удивляешь, — пальцы, показавшиеся обжигающе горячими, легли на плечи.

Мне никогда не приходилось ничего объяснять этому мужчине, не приходилось стыдиться желаний, притворятся кем-то другим. Мысль, пришедшая следом, заставила похолодеть. Мне не приходилось, а ему? Он каждый день играл роль. Каждый божий день, и ни разу за десять лет не сорвался, ни разу не причинил боли, до того дня, когда взял Алису и исчез.

— Ты слишком много думаешь, — он собрал мои волосы в руку и поцеловал в шею.

По коже побежали мурашки, одно прикосновение и тело превращалось в пластилин. Он мог делать все, что вздумается, а я благодарил. Сейчас ему было нужно мое решение, а мне был нужен он, вполне возможно, что в последний раз. И я не видела причин не удовлетворить желания друг друга.

Мужские пальцы скользнули ниже, пробежались по позвоночнику и замерли на талии, там, где футболка граничила с поясом брюк. Он погладил полоску обнаженной кожи. Безумно хотелось, чтобы он содрал эту преграду и коснулся уже по-настоящему. И он как всегда это почувствовал. Рывком развернул лицом к себе и дернул за ткань, разорванная футболка упала на пол, его руки, наконец, легли на кожу.

По телу прошла дрожь. Он толкнул меня, и я упала на кровать, совершенно не помня, когда мы успели отойти от двери.

— Ты приняла решение? — Кирилл наклонился.

Рука скользнула по животу, дразнящее поднимаясь все выше и выше. Я не могла

ответить, даже думать не могла. На этот он и рассчитывал. Придя сюда, я знала, что он воспользуется своей властью. У него была цель, и глупо ожидать, что он отступит сейчас, на своем поле. Я бы не отступила. Он мог заставить, но по каким-то причинам, этого не делал.

Кирилл медленно провел руками по бедрам, сминая плотную ткань, и я выгнулась, не сдержав тихий стон предвкушения. Я чувствовала себя стоящей на краю обрыва, на последнем покачивающемся камушке, когда любой порыв ветра мог столкнуть вниз. Кирилл был не просто порывом, он был ураганом.

После ночи в прошлом, меня ждало будущее. До того как сядет солнце, я должна перестать быть человеком, или умереть им. Страшно было до чертиков, и все что мне было нужно в это утро, это побыть женщиной.

Мужчина склонил голову, теплые губы прижались к ключице, где бешено бился пульс, а рука растегнула пуговицу на брюках, стягивая казавшуюся грубой по сравнению с прикосновениями одежду. Я лихорадочно стащила с него футболку, дернула за штаны, срывая все, до чего могла дотянуться, любой кусок ткани, мешающий прикоснуться к телу.

Кирилл зарычал, сдирая затрепавшее белье. Его руки скользили по моей груди чуть сжимая, дразня и заставляя задыхаться от ощущений. Спустились к животу, коснулись бедер. Я вцепилась в плечи, подрагивая от предвкушения.

— Решение, — потребовал он, подаваясь вперед.

Я вскрикнула, почувствовав его внутри себя. Горячо, сильно, не оставляя места ни для чего иного. Он всегда был таким, наполняющим без остатка, почти заслоняющим небо, таким же великолепным, как и в первый раз, как все разы после этого.

— Давай... — голос с рычащими нотками стал ласковым.

Это в рыцарских романах о прекрасных принцессах ночь между героями возводиться на пьедестал и стыдливо укрывается многозначительной недосказанностью. В нашей тили-мили-трятрии секс — это оружие, но подобное определение отнюдь не лишало его привлекательности.

Он двигался так медленно, растягивая, каждое прикосновение, каждое единение до бесконечности. Из моего горла выходило лишь, что-то очень похожее на мяуканье. Чужое горячее дыхание опаляло шею, ногами я обхватила его талию, словно боясь, что он может отстраниться. Будто моих сил хватило, чтобы удержать демона.

Одно движение за другим, сладкое предвкушение и его воплощение.

— Ты и так моя. Все что нужно, это сказать "да", — его пальцы сжали мои бедра.

Мне не было дела до его слов, только до его тела. Всего одно движение и мир сорвется в пропасть. В восхитительную бездну, одно из падений, которые ждут с нетерпением.

— Ааах, — я была способна только на отрывистые бессмысленные звуки, и совершенно не понимала, о чем он говорит.

Но понимал он. Все исчезло. Мягкость рук сменилась требовательной жесткостью, тело окаменело. Кирилл снова подался вперед грубо и резко, желая причинить боль, желая заставить кричать.

И я закричала. Не от боли, от наслаждения. Он сам привел меня на грань, когда стирается разница между сладостью пытки и ее горечью.

— Посмотри не меня, — приказал он, — Посмотри!

Я распахнула затянутые пеленой удовольствия глаза. Лицо, замершее в сантиметре от моего, искажалось от гнева. От виска к скуле побежала цепочка чешуек.

— Ты приняла решение, — он не спрашивал, он знал ответ, — И я хочу его услышать.

— Кирилл, пожалуйста, — я выгнулась недовольная тем, что он остановился, продолжая цепляться за плечи, продолжая прижиматься к нему, продолжая желать.

— Ольга! Ты отдашь душу мне?

Не знаю, что меня отрезвило, холодность в голосе или произнесенное имя. Мое имя — его голосом.

— Не знаю, — и это была правдой, любую ложь он бы почувствовал, едва она слетела бы с губ, и скорей всего затолкал бы ее обратно, — Мне страшно.

— Тогда ты пришла не по адресу, — нехорошая ленивая усмешка скривила его губы, так же он улыбался, когда однажды пьяненький сосед ухватил меня за зад, и вывез что-то скабрезное, он продолжал улыбаться ломая ему руку и выбивая зубы, — Я не рассеиваю страхи, я их умножаю.

Руки сжались на талии, и он снова погрузился в меня с той же резкостью и силой. И в тот момент, когда я закусил губу, удерживая внутри очередной крик, Кирилл изменился. Только что со мной был мужчина, а секунду спустя — демон. Хозяин серенных пределов принял свой истинный облик.

Грубая чешуя цвета пепла заменила кожу. В прошлый раз она показалась мне ледяной, сейчас — обожгла одним прикосновением. На пальцах вытянулись когти, один из них проткнул кожу над грудью, потекла кровь. Черты лица заострились, волосы превратились в тонкие стальные иглы. На меня узкими вертикальными зрачками белесых глаз смотрел хищник. Он склонил голову и коснулся шершавым языком только что нанесенной раны, слизывая алую кровь, одновременно двигаясь внутри меня. И это ему нравилось.

Больше не было притворства в угоду слабому человеку, он стал собой. Я должна была завизжать. Он ждал этого. Должна была забрыкаться, и тогда бы он с удовольствием закончил начатое. Закончил урок, который решил преподать.

Я впервые видела его столь близко, и впервые по-настоящему, во всей неприкрытой грубости и чуждости. Он двинулся, проникая глубже, и наслаждение, все такое же острое пронзило меня с удвоенной силой. Я ничего не могла поделать с этим, да и не хотела. Телу, стоящему на грани срыва не было дела до масок и обличей.

Над ухом раздалось ворчание, на меня смотрел зверь, но на этот раз в его нечеловеческих глазах не было злости, в них было удивление. Он хотел даже отстраниться, но я не позволила. Это потом мне наверняка станет хреново и стыдно, потом я сама себе поставлю кучу диагнозов, и поклянусь, что больше никому никогда такого не позволю.

Шершавый язык скользнул по скуле, наши сплетенные тела качнулись.

Или буду вспоминать сладость того, что происходило сейчас раз за разом, мечтая о продолжении.

Рукой, я коснулась его спины, царапая чешуей ладонь, но едва замечая это. Приподняв голову, я с обреченной решимостью, прижалась к твердым губам. Да, решение было принято, и давно.

Святые, какой он был неправильно горячий, какой сильный, какой недостижимый. То, что произошло дальше, не поддавалось логике, ни моей, ни его. Мы просто вцепились друг в друга, и я забыла, кто из нас зверь, а кто человек. Сердце билось как сумасшедшее, грудь приподнималась, прижимаясь к чешуе, кровь текла, бедра дрожали, встречая каждое движение. Крики чередовались с рычанием. Что-то обвило запястье и с силой прижало руку к простыне, и я без всякого удивления увидела извивающийся хвост. Костяной наконечник лег в ладонь, вот он был прохладным.

Если бы сейчас он попросил у меня душу, я бы отдала, не задумываясь. Но Кириллу было не до сделок. Сегодня впервые в сумасшествии участвовали двое.

Он, подхватив меня когтистой лапой, прижался губами к ране, втягивая кровь, одновременно врываясь в меня так глубоко, как только можно. Кричать я уже не могла, только дрожать и судорожно ловить ртом воздух.

По телу волной прошлось удовольствие яркое и чистое, как нарождающееся утреннее небо. Ответом был глухой рык, и точно такая же дрожь горячего тела.

С минуту Кирилл смотрел на меня, а, потом, не говоря ни слова, откатился в сторону. Сразу стало холодно. Маски действительно были сброшены.

Звякнуло стекло, я приподнялась, в комнате снова был обнаженный мужчина, наливавший себе что-то из графина с красной жидкостью. Вино? Кровь? Сок? Вряд ли последнее.

— Выпьешь? — не оборачиваясь, спросил Кирилл.

— Нет, — я завернулась в простыню, теперь нагота казалась излишней, почти постыдной, но только своя, не его.

— Тогда сделай одолжение, исчезни.

— Кирилл я...

— Убирайся, — он чуть повернул голову.

И я мгновенно потеряла голос. Седой не был зол, он был в ярости. Я видела ее в резко очерченных скулах, в сузившихся глаза, в пальцах сжимающих стакан так, что он того и гляди лопнет, слышала в голосе. И самое страшное, что злился он даже не на меня, а скорее на себя за потерю контроля.

— Как же я устал от этой ереси, — стакан треснул, в стороны осколками брызнуло стекло, — так и тянет закончить все одним махом.

Я встала, прижимая простыню к телу, и быстро вышла, практически выбежала. Вот так выглядит счастливый финал сказки в нашей тили-мили-трядии. Все живы, и это уже не мало.

Я даже почти успела дойти до своего крыла, почти вошла в комнату с холодной кроватью и сбившимся бельем. Но в двух шагах от двери на меня накатило, догнало то, что я надеялась оставить в спальне Кирилла, то из-за чего он бьет стаканы. Ноги ослабели, и я упала на графитовый пол, стараясь унять головокружение.

Что я только что сделала? Чем занималась? С кем? Глупые вопросы — глупые ответы. Страшным было не то, что моего тела касался нечеловек, я уже давно не обманывалась на его счет. Страшным было то, какое удовольствие я от этого получила.

Никогда не испытывала пристрастия к боли, черной коже, плеткам и прочим атрибутам странной жизни, о которой я знала лишь из паршивых фильмов. Никогда не мечтала стать той, что кричит от наслаждения, когда ей пускают кровь. Но ведь кричала же, только что, когда внутри меня двигался зверь.

Я отняла руки от груди, на светлой простыне расплзлось кровавое пятно. В горле заклокотало, и меня вырвало. Все вокруг кружилось, камни стен, проемы дверей. Я вытерла рот простыней и прислонилась лбом к прохладному полу.

Разве может кто-то вроде меня назваться человеком? Ответ давно известен. Наверное, с того дня, как я даже не поинтересовалась именами тех, кого убила моя дочь в первую охоту. Именами обычных людей, скорее всего не очень хороших, тех, кого не будут искать, преступников, проституток, алкоголиков, бомжей. Но кто дал мне право выбирать

достойных жить или достойных умереть?

Плеча легонько коснулись, и я с трудом подняла голову. В коридоре стояла карка, распорядительница обедов, кажется, или еще кто. Помню, как она танцевала в ночь убийства Прекрасной, тогда ее глаза сияли. Прямо как сейчас.

— Вставай, — скомандовала женщина, подавая руку, — Давай, можно подумать ты первая, кто выползает на четвереньках из его спальни. Вымоешься, поспишь и выпросишь подарок, — она помогла мне подняться, — Главное не продешеви. Я, например, получила работу. Мммм... как же сладко здесь пахнет.

Я развернулась и похолодела, молодая женщина улыбалась, как может улыбаться только абсолютно счастливый человек.

— Помочь дойти?

— Обойдусь, — прохрипела я, отшатываясь.

А она рассмеялась, обхватила себя руками и вдруг закружилась.

"Последний раз, когда карка танцевала, убили Трифона Седого и Нинею", — так сказал бессмертник, смерть которого была на моих руках. Человек ли я? Не думаю. Это давно уже просто значимое слово.

"Прольется кровь демона" — предрек он, и оказался прав.

И вот карка танцевала снова, а в цитадели, был лишь один демон.

Я подхватила простыню и, бросилась дальше по коридору. В голове была одна четкая мысль, противная, но совсем не неожиданная, он не посмеет сдохнуть, пока... пока... А пока что? Не знаю, но я точно не готова видеть его труп, даже несмотря на то, что минутой ранее меня рвало от воспоминаний. Мне был противен не он, а я сама.

Удерживая на груди окровавленную простыню, я почти бежала. Всего несколько шагов, которые нечисть могла бы преодолеть мгновенно, и на которые человек потратил десятков секунд.

Мне вспоминалась Прекрасная, вспомнился зеркальный клинок. В прошлый раз в убийцы Кирилла прочили меня, как члена семьи, потому что демона может убить только такой. А в этот? Алиса в *filii de terra*, значит опять все на хрупкие плечи той, кого зовут игрушкой? Я завернула за угол, подбежала, к двери, понимая, что почти смеюсь. От страха, потому что тогда Кирилл тоже играл в семью, потому что человека всегда можно заставить, надо только придумать правильную мотивацию. За нее вполне сойдут когти у горла, и даже не обязательно моего. Здесь уже слишком много тех, кто мне не безразличен, слишком много корней, слишком много того, что дорого. Наверное, уже пора признать это.

Я подняла руку, чтобы постучать в дверь к которой так стремилась и отбросить уже притворство. Подняла и едва не закричала именно, ладонь свело от боли, от воткнутого в нее раскаленного гвоздя. Свело до плеча. Невидимый металл поворачивался под кожей, проникая все глубже и глубже.

— Нет, — захрипела я, — Нет, не сейчас, когда я почти...

Пальцы скрючились, словно кто-то ухватил за сухожилия и потянул, ногти поскребли по двери, в которую я так и не постучала, обычные человеческие ногти. Тот, к кому я шла, мог давно спать, мог уйти из цитадели, мог весело проводить вечер с одной из служанок, много чего мог. Но в глубине души, я верила, что он там, сидит на кровати, или читает одну из бесчисленных книг, проводя очередное исследование. Он был там, потому что хозяин ему это приказал, потому что в цитадели был человек, которому до зарезу нужно продать душу.

Я осела на пол, чувствуя, как разгорается огонь руны, как рисунок испепеляет кожу.

Время кончилось, а в нашей тили-мили-тряндии это смертельно. С губ сорвался всхлип. Это было обидно и предсказуемо. Как может быть предсказуем ожог, если окунуть руку в кипяток, но мало кому придет в голову винить воду. У меня была тысяча возможностей, и не одна не была использована. А теперь поздно.

Падая, я ударилась затылком о стену, чувствуя холодный камень обнаженной спиной, но эта боль была ничтожной по сравнению с той, что зарождалась в ладони.

— Нет! — кажется я закричала. Кажется, потому что неуверенна, потому что от боли перестала понимать, где нахожусь.

Огонь обхватил предплечье, сжигая кожу и заставляя кровь кипеть. Я даже не поняла, что дверь открылась, не поняла, что я не одна, что на боль, как на сладкий запах может слететься вся нечисть цитадели. Но пока только он присел рядом, обеспокоено заглядывая в лицо.

— Ольга? — прохладная рука, легла на запястье, притушив жидкий огонь.

— Сделку, вестник, — смогла прошептать я, — Хочу заключить сделку.

В глазах склонившегося надо мной Александра стала закручиваться светлая спираль водоворота. Мужская ладонь сжалась на горячей руке, я взвизгнула, пытаясь оторвать от себя его пальцы, простыня сползла на талию.

— Сделка, человек, — согласился Вестник Седого, и его слова пролились на мою кожу ушатом холодной воды. Танцующий огонь исчез, словно кто-то повернул рукоять плиты, — Душу в обмен на желание. Желай!

Его ледяные пальцы коснулись обнаженной груди в жуткой породе на ласку. На руке не было когтей, но мне показалось, что пальцы прошли сквозь кожу и коснулись чего-то такого... не знаю чего. Он не причинял боли, но удушливой волной накатило ощущение жуткой неправильности, и я едва не пошла на попятный. Но не пошла, потому что человека боль пугала больше. Не смерть, а перспектива сгореть заживо. Как сказала феникс из прошлого, время разговоров прошло, наступило время решений.

— Желание, — потребовал Александр.

Я с трудом подняла голову, вглядываясь в карие глаза, во вращающийся светлый водоворот.

— Не в твоих силах дать мне желаемое.

— Это не имеет значения, важна лишь потребность, — вкрадчиво, прошептал вестник, ледяные пальцы во мне дрогнули. — Сделка?

— Сделка, — подтвердила я, — Забирай так. В подарок.

Водоворот в его глазах замер, и вдруг растекся по зрачку, заливая его, почти сравнивая с белком. Рука в моей груди сжалась в кулак, в ушах оглушительно щелкнуло, словно в детстве, когда во время отита барабанная перегородка, не выдержав давления жидкости, лопнула с тонким болезненным звуком.

А потом он засмеялся, громко, от души. Изогнувшиеся губы стали полнее, плечи шире, волосы посветлели, как и глаза, как и кожа.

— Ты так предсказуема, милая, — проговорил Кирилл, — Как северный ветер, который никогда не станет южным. Теперь уже нет.

Седой рывком вытащил сжатую руку из моей груди. Руку, которая на миг прошла сквозь плоть, не причиняя боли. Я охнула. На пальцах не было крови, словно он не погружал их в тело. Внутри кулака что-то двигалось и пульсировало. Что-то изменчивое и живое. Пальцы медленно раскрылись, и я увидела на ладони... не знаю, как назвать, увидела светящуюся

каплю, больше всего она походила на большой шарик ртути, блестящий, как зеркало, который лнул к мужской руке и пульсировал в такт каждому удару сердца. Его и моего.

Тонкие блестящие нити, так похожие на покрытую росой паутину, тянулись от этого живого комочка к моему телу.

— Я не ошибся, — прошептал Кирилл, раздвигая губы.

Такую победную и бесшабашную улыбку на его лице я видела и раньше. Но лишь один раз, когда он первые взял на руки нашу дочь.

Мягкие переливы отраженного от капли света легли на лицо и отразились в белых глазах. Сейчас он был намного страшнее того, что был со мной в спальне. Страшнее и одновременно привычнее. Демон — это не только чешуя и когти, демон — это чуждость, бездна. И именно она сейчас смотрела с намеренно человеческого лица. Он снова сжал кулак, в котором продолжала биться душа. Точно так же как пульсировал якорь Киу в пальцах джина. Душа давно мертвой девушки, и душа давно живой.

Кирилл дернул рукой, безжалостно разрушая нити, обрывая связь души и тела, и я стала падать. словно не сидела до этого на сером полу в одной простыне. Падать куда-то за пределы замка, мира и времени, падать в туман, просто падать. И падая, продолжала слышать его смех.

Пробуждение было до обидного обычным, ничем не выделяющимся среди сотен таких же. Я распахнула глаза и уставилась на серый растрескавшийся потолок. Трещины извивались, ветвились, то соединяясь, то разбегаясь, как ручейки во время весенних паводков. Я сморщила нос, чихнула... И разом вспомнила все — Кирилла, кровь, простыню и серебро души.

Вскрикнула, вскакивая с кровати, и обвела все вокруг диким взглядом. Привычная комната, которую, уже считали моей. Кровать, портьеры, табурет с кувшином и круглое зеркало на высоком туалетном столике. Я бросилась к нему, с ужасом вглядываясь в отражающую поверхность, ожидая увидеть то ли клыки, то ли рога.

И ощутила облегчение и немного разочарования, не увидев ни того, ни другого. Обычно круглая физиономия осунулась, глаза казались настороженными, как у загнанного зверя, искушенные припухшие губы, бледная кожа. Бывали дни и похуже.

Тогда что же изменилось? Я искала перемены и не находила их. словно ничего не случилось. Любая другая решила бы, что их и не было, но я давно живу здесь и знаю, как губительна бывает слепота.

Я откинула спутанные волосы с плеча, словно только сейчас поняв, что все еще обнажена. Но не это заставило меня стиснуть зубы. Разрез над грудью, тот с которого демон слизывал кровь, исчез. Полностью, не оставив после себя даже тонкой полоски шрама. Я приблизила лицо к стеклу. Не было не только этой последней отметины, но и тонкого шрама, оставшегося у меня от знакомства с кроватью в далеком детстве. Ладонь, на которой горела руна, превращая кожу в пепел, тоже была чистой, и сжималась и разжималась без боли.

Дверь открылась, и в комнату с подносом в руках вошла молодая карка.

— Хозяин сказал, что вы будете голодны, — проговорила она, ставя еду на кровать.

Я бросилась к сундуку, выхватывая первую попавшуюся длинную футболку.

— Стой, — попросила я, просовывая голову в вырез.

Девушка переступила с ноги на ногу, ей не терпелось уйти, даже носик сморщила, будто находиться рядом со мной было неприятно.

— Скажи, кто я?

Ее глаза распахнулись.

— Ты же чувствуешь? Скажи. Вестник? Пададь? Лгуна? Морок? Заговорщица? Потрошитель? Кто?

Она подняла руки, схватившись за шею.

— Неужели так плохо?

— Агхл, — булькнуло в горле у молодой женщины, а потом оно лопнуло, как переполненный сосуд.

Кровь веером осела на стенах, портьерах, зеркале и белой футболке, что я только что надела. Безголовое тело с глухим стуком упало на пол.

— Ох, — прошептала я, отступая на шаг, — Нет-нет-нет!

Зажмурившись, я замотала головой, на в силах поверить в случившееся. Глупое ребяческое отрицание. Так делала Алиса, когда не хотела есть.

— Ушедшие, — колени подогнулись, и я сползла на пол. — Нет, это не я, не я...

А кровь продолжала течь, напивая ковер, не в силах смотреть, я закрыла глаза.

— Не я.

— Не ты.

Я подняла голову, в комнате стоял вестник, или кто-то очень похожий.

— Ты... ты... — я поняла, что закаюсь и не могу сказать ни слова, продолжая так же поджимать под себя ноги.

— Это я, Ольга. На этот раз я, — он перешагнул через безголовое тело.

Я отвернулась не в силах смотреть на карку. На то, что когда-то было ею. В нос ударил запах крови. Святые, никогда не привыкну, к ее медному привкусу, ржавчиной оседающему на языке.

— И это действительно сделала не ты, — склонился ко мне мужчина.

— А кто? Я только спросила у нее кто...

Он прижал пальцы, к губам заставляя замолчать.

— Если повторишь вопрос, такое может случиться и со мной. Или с ними, — он обернулся.

В комнату вошла Пашка, за ней следовал Мартын, лицо парня все еще было красным от воспаленных рубцов, но, несмотря на это, он улыбался.

— Ты сказал, что это не я? — я сцепила руки.

— Не ты, — он осторожно коснулся пальцев, — Хозяин. Он запечатал всех. Каждый, кто откроет рот, чтобы ответить — умрет. Вставай, хватит стенать.

— Но, — я вцепилась в его теплую ладонь, медленно поднимаясь, — Но кто же... — он снова зажал мне рот.

— Произнесешь, ничего не случится. Но если один из нас на миг допустит мысль об ответе, — вестник многозначительно замолчал, посмотрел на тело, над которым с интересом склонился молодой целитель и отдал резкий приказ, — Убрать. Хозяйка поест и примет ванну позднее.

Вслед за Мартом в комнату зашли двое: женщина в сером платье горничной и мужчина в жилете. Вошли и первым делом поклонились. Босоногой и напуганной мне.

— Хозяйка? — спросила я, стараясь не смотреть на то, как мужчина схватил мертвую

карку за ногу и потащил к двери, за огрызком шеи, из которого торчали сломы костей, по полу тянулся влажный след, — А ты не преувеличиваешь?

— Все претензии к Седому, он слугам перед приемом объявил.

— Святые, от чего же хреново-то как.

— Странная реакция на мечту всей женской половины предела, — рассмеялся Александр.

Пашка выразительно присвистнула, посмотрела куда-то поверх моей головы, точеные ноздри раздулись, и на миг, на одну секунду, перед тем как она обошла кровавое пятно на ковре, в ее глазах сверкнуло что-то подозрительно похожее на разочарование, уголки губ опустились к низу. Презрение, вернее, его легкая тень. Плохой признак — очень плохой.

Явидь подошла к кровати присмотрелась к тарелкам и предложила:

— На кухне мясо есть. Если хочешь, принесут любое, хоть суслика, хоть нелюдя. Приказать?

Медные глаза испытывающее светились. На подносе лежали овощи и хлеб, она же предлагала плоть. Она знала, кто я, и почему-то ответ на вопрос был для змеи важен.

Вытаскиваемый труп зацепился за косяк, и слуга, судя по загнутым внутрь неубирающимся когтям, потрошитель, дернул чуть сильнее, кровь брызнула на стену, несколько капель осело на столике.

— Я не голодна.

Змея скривилась. Неправильный ответ.

— Собирайся, на приеме поешь, времени почти не осталось, — вестник убрал руки.

— Приеме?

Служанка скатала ковер и выволокла следом.

— А по какому поводу, думаешь в замке переполох? — усмехнулся Март, — Уж, не по поводу ли твоего залога? Увы, ты еще не настолько значимая фигура, а замок полон высокородной нечисти. И наше присутствие обязательно, — протянул он тоскливо, — У меня левая пятка чешется.

— Слава Святым, что не задница, — огрызнулась Пашка.

— Что празднуем? — я сделала шаг к кровати, остановилась и огляделась.

Все было неправильно. Комната, разговоры, поднос на кровати. Все вели себя так, словно здесь опрокинули кувшин с чаем, а не оторвали голову девушке. Все, и даже я, наблюдающая, как вернувшийся слуга, посыпал пятна сухой смесью. Зола с солью, белые кристаллики быстро впитывали кровь, становясь розовыми, а служанка заметала их на совок.

Первый шок прошел, и теперь я не чувствовала к бывшей заложнице ничего из того, что должна. Было ли мне жаль, что она умерла? Чисто абстрактно — да, но другая моя часть вспоминала, как она танцевала в коридоре, как чувствовала смерть, как говорила, что получила работу после того, как вышла из спальни Кирилла.

Неужели это и есть первый признак того, что я стала бездушной нечистью? Это равнодушие?

— Без понятия, — ответил вестник, — Хозяин приказал, мы подпрыгнули.

На полу раскатали новый ковер, девушка прошла тряпкой по стенам и мебели, ярко алые капли стали розовыми разводами.

— Может, я и не нечисть вовсе, — задумчиво протянула, — Может, залог не удался?

— Мечтай, — хмыкнул Мартын, и этим словом почему-то живо напомнил мне Веника.

Через час я спускалась по широкой лестнице, туфли отсчитывали ступени. Так-так-так, словно удары заходящегося в тревоге сердца. Вот слуга с подносом отошел в сторону, освобождая дорогу, вот девушка торопливо скрылась в боковой нише.

Вместо радости или хотя бы удовлетворения, оттого что меня опасаются, я ощущала только тревогу. Непрерывную, не оставляющую ни на миг тревогу, причины которой по-прежнему были скрыты в тумане. И ничего хорошего впереди, я была в этом столь же уверена, как и в том, что камень этих стен — серый. Это было знание на уровне чувств, но от этого еще более значимое. В мире нечисти ощущения куда важнее фактов.

Я остановилась перед резными створками, на миг закрыв глаза, пытаюсь представить, что увидят гости за ними. Или кого? Девушку в черном платье, которая словно перепутала прием с похоронами? Или выскочку со стилетом на предплечье. Я долго думала, куда девать оружие, потому что идти на торжество без него, все равно, что идти голой. Но у платья не было ни карманов, ни рукавов. И я решила не прятать серебро, а просто прицепить к руке. Если они стерпят такую наглость — значит, стерпят что угодно. А при условии, что от меня за несколько метров разило демоном севера... Да, я была уверена, по крайней мере сегодня меня не тронут. А может, и никогда больше.

Двери неторопливо открылись, и гулкий голос распорядителя взлетел к потолку:

— Волею и законом, плотью и кровью повелителя нечисти и стража переходов Седого демона — Повелительница северных пределов Ольга Седая.

Зудящие, словно мухи, разговоры смолкли. Всего на один удар сердца, а потом нарастающий шепоток пробежался по залу, как волна, он коснулся каждого, каждой повернувшейся головы, каждой презрительно скривленной морды. Я заставила себя переступить порог, заставила смотреть куда угодно: на стены, на расписной потолок, пол, портьеры, столбы и перила балкона, только не на нечисть. Переступила и замерла, на зная, что делать и куда идти. Из толпы гостей тут же вышел вестник и протянул мне руку с черными ногтями. Я вложила в его ладонь свою, наблюдая, как сперва один гость отвернулся, затем второй, услышала отдаленный женский смех и выдохнула. Неважно, даже если смеялись надо мной, смех — это не смертельно.

— Спасибо, — проговорила я, следуя за Александром в центр зала.

— Не за что, — он провел меня между двумя девушками в лиловых платьях, открытые плечи красавиц был расписаны рисунком из чешуи, — К тому же приказ о помощи еще никто не отменял. Ты молодой заложник, я вестник.

Нас со всех сторон обступали гости, слышалась ругань, рычание, проклятия и визгливые выкрики. Звякали бокалы, лились вино, кровь, разговоры.

— Слышали, пески Простого зашевелились? — высокий мужчина в снял цилиндр под которым оказались аккуратные рожки.

— Да прям, — возразила женщина, с острым хищным лицом, одетая в современный деловой костюм, если не обращать внимания на ремень, на котором болталось с пяток склянок с мутным содержимым, — Ни за что не поверю, что восточник вышел из затворничества.

— А придется, — хмыкнул третий собеседник, полный мужчина с жабо на рубашке, которое я видела на рисунке в учебнике истории, правда там не было, раздувающихся при каждом вздохе пузырей за ушами. Скорей всего водяник, или кто-то еще из дышащей как под водой, так и над ней братии, — Говорят, он нанес визит Прекрасной.

— Кто говорит? Неужели сама прекрасная южанка...

Александр провел меня к столам, но аппетит так и не появился. Не хотелось ни хлеба, ни мяса, ни какой-то слизистой дряни, которая пользовалась успехом у остальной нечисти.

— Ты хмуришься, — сказал вестник, — Что не так? Не молчи?

— Если скажу "все", что изменится? — я отвернулась от стола, и вдруг улыбнулась, — Можно ведь здорово развлечься, задавая запрещенный вопрос. И живописно украсить округу трупами.

— Тебе их не жаль? Совсем?

— Нет. Может, это и есть превращение? Равнодушие?

— Лишь отчасти. Вспомни, насколько ты жалела их дальше, — вестник снова подал мне руку.

— Не насколько. Но я не хотела их убивать.

— Скорее не имела возможности, — мы пошли дальше. — Ты внесешь панику в стройные ряды северной нечисти и здорово развлечешь чужаков. С кого начнем?

Я посмотрела на Александра, но тот, кажется, был серьезен. Я отвлеклась и натолкнулась плечом на фигуру в черном киношном плаще и во вполне современных кроссовках. Очередная смесь стилей, времен и эпох и созданий. Высокий незнакомец ожег меня сердитым взглядом зеленых глаз. Александр тут же скользнул вперед. Вопросов о случайности столкновения не возникало, потому что если нечисть не хочет соприкоснуться с чем-либо, она не соприкасается, во всяком случае в мирной ситуации бального зала.

— У тебя вопрос к хозяйке? — поинтересовался вестник.

— Нет, — выплюнул зеленоглазый. — У меня нет к ней вопросов. Только к тому, кто ее валяет.

— Так пойди и задай, лешак.

— Так и сделаю, — он развернулся и грациозно скользнул в толпу.

— Больно? — спросил вестник.

Я потерла плечо, нахмурилась и ответила правду:

— Почти нет.

— Теперь вы в одной весовой категории.

— Он ведь северный? Или нет? Чужой?

— Восточник, — он посмотрел вслед уходящему мужчине, — На самом деле пример не очень хороший. Почему ты сначала решила, что он наш?

— Не знаю.

— Посмотри на девушку в зеленом, — он указал рукой вправо. — Наша? Чужая?

Незнакомка, как раз смеялась.

— Да-да, — уверял ее собеседник, — Сегодня состоится жертвоприношение. Только для ближнего круга и особых гостей. Так что раз ты об этом не слышала... — мужчина в вечернем костюме и волосатыми глазами многозначительно замолчал.

— Но раз знаешь ты... — теперь она не закончила фразу придвигаясь к собеседнику.

— Она чужая, он северный, — не давая себе труда задуматься, ответила я и была уверена, что не ошиблась, — Это похоже на...

— Не отпускай это чувство, — он сжал мое предплечье, и тут же обжегшись, отдернул ладонь.

Стилет, от которого все так старательно отводили глаза, был все еще там.

— Извини, — сказала я, не чувствуя, впрочем, особых сожалений.

— Не стоит, — вестник, конечно же, слышал фальшь, но не стал упрекать, не стал

вообще говорить об этом, — Сосредоточься, попробуй понять, что это за чувство, сконцентрируйся на нем.

— Де жавю, — ответила я, снова приглядевшись к девушке, которая водила золотистыми коготками по рукаву северника, напрашиваясь на приватное приглашение к алтарю. — Словно мы где-то уже встречались.

— Чувство узнавания, — улыбнулся Александр, — Что ж система свой — чужой у тебя работает, уже неплохо. Но помни, это на поверхности, чем выше нечисть, тем выше вероятность ошибки. Многие умеют, — он щелкнул пальцами, подбирая слово.

— Закрывать?

— Близко, но не совсем. Закрытие, это способность демонов, а здесь скорее наложение, путаница, глушение этих сигналов, — нашелся вестник, а я сразу вспомнила джина из Поберково, или из Кошухина, или из другой солнечной системы, он был загадкой для моих спутников. К слову, он так ей и остался.

— То есть ничего не изменилось? Верить по-прежнему никому нельзя? Даже себе?

— Увы, — мужчина развел руками. — Плюс, всегда есть шанс, натолкнутся на перебежчика, такого как тот лешак.

— Он что был северным?

— Был. Теперь служит востоку.

— Но я никогда не видела тех, кто уходит, меняет предел. Думала, что таких не существует. И Кирилл его отпустил? Не верю.

— Я тоже не верю. Вернее не поверил бы, если не видел лешака собственными глазами. И живым.

Мы подошли к одной из поддерживающих балюстраду колонне. Стоящий неподалеку пожилой мужчина скупой отсалютовал мне бокалом. Он сменил вязаную кофту, кресло и огонь в камине, на старомодный костюм и бальный зал с колоннами, но все-таки остался собой. Дым, старейший из вестников, приветствовал ту, которой отказался отвечать на вопросы, ту, что по воле Седого сменила статус наорочи на титул хозяйки. Даже если это временно. Даже если смертельно.

Александр оперся о холодный камень, явно собираясь продолжить лекцию, но вместо этого, вдруг нахмурился и дернул головой, словно отгоняя назойливую жужжащую над ухом муху. Может я и стала нечистью, но услышать то, что предназначалось вестнику не смогла.

— Я должен отлучиться, — вестник выпустил мою руку.

— Что-то случилось? — я скользнула взглядом по толпе, ничего необычного ничего настораживающего.

— Дела торговые, — он повернулся, и в его карих глазах начали круговые движения первые сполохи спирали, вестник чувствовал чужую душу, — Продержишься без меня?

— Конечно.

Вестник рассеянно кивнул, его мысли были уже не здесь, они были о ком то другом, о его душе. Мужчина торопливо пошел прочь, ловко уворачиваясь от полных спиртного бокалов, взмахов когтей и даже ядовитых улыбок гостей Седого. Пальцы пробежались по стилету на руке. Я продержусь, Кирилл не любил когда бал превращают в мясницкую лавку. Для этого устраивали жертвоприношение позднее, когда гости, как следует, разогреются.

Зачем я здесь? Ответ очевиден, так велел Седой. Игрушка зачем-то нужна ему здесь. Было время, когда за эти слова я бы не задумываясь, продала душу, жаль, что тогда никто не предлагал. А потом слова обесценились, и хорошие и плохие. На деле же почти уверена, это

выйдем мне боком. И, тем не менее, я здесь. Есть над чем задуматься.

— Наорочи, — протянул знакомый голос, я повринулась, — Шкура на месте и пальцы целые, — он осмотрел меня от макушки до пяток, — Даже жаль.

— А мне нет, — я посмотрела на Радифа.

Черные глаза, черные волосы и, если уж совсем свалится в патетику, можно сказать черная душа, но, увы, ее у него просто не было. По сути, он всего лишь служил своему демону. Так почему же мне неконтролируемо хочется разодрать его морду ногтями, повизгивая от удовольствия.

Один вестник ушел, другой пришел. Мужчина принялся и оскалился, что надо полагать, должно было сойти за улыбку. На плечо Радифа легла тонкая белая рука, и мелодичный голос произнес:

— Ор ихе аш? — к нам подошла красивая высокая девушка, которой Радиф аккуратно поцеловал руку. — Шеми ры?

— Ры наорочи Аш Вешер, — повернулся к ней Радиф, — Ши овохе, — он провел черным ногтем по ее животу, грубый, неприличный, почти вызывающий жест.

Незнакомка улыбнулась, разглядывая мое платье, открытую шею, распущенные волосы. Ее губы чуть приоткрылись, по верхней скользнул розовый язычок. Сережки в виде цветов качнулись в ушах, отбрасывая на кожу блики света. Вдох, от которого откровенное платье натянулось на груди, цветочный кулон из самоцветов провокационно качнулся. Я так не умею, надень на меня это платье от томности и элегантности не останется и следа, а кулон точно провалится куда-нибудь в вырез, и фиг достанешь. Некоторые женщины просто созданы быть прекрасными. Некоторые нет.

— Она не говорит по-русски, — он отвернулся, — Хотя не прочь продолжить знакомство и закончить его, — он вытянул руку и провел ногтями в воздухе вдоль моего живота. Не касаясь и продолжая усмехаться.

Я смотрела в глаза девушки, в старые глаза на молодом лице и вспоминала. Не хотела, но ничего не могла с собой поделать, картинки причиняли боль, но отказывались исчезать.

"Она не говорит по-русски"

А ведь это очень верно. Они восточники. Святые, мы побывали в сердце песков и очень радовались, тому, что выбрались живыми. А те, кто стоял за занавесом, наверняка покатывались со смеху.

Ни меня, ни Пашку, ни Марта не смутило то, что вся Желтая цитадель говорит на русском. Я считала это само собой разумеющимся. Но так не бывает, на востоке куда более распространен китайский диалект, та же инопись, или совершенно дикая смесь обоих. Пусть русский язык знает Джар Аш, его вестник, даже джин. Но повар? Палач? Слуги? И ведь ничего не екнуло в груди, вернее оно екало постоянно, но не по столь прозаическому поводу, как лингвистика. И лишь Киу не притворялась, они не смогли ни заставить ее, ни удалить из замка.

Я выдохнула, девушка улыбнулась еще шире, поднимая руку к груди и касаясь пальцами драгоценного цветка, привлекая к нему внимание. Старые глаза, блестящая побрякушка и молотая кожа. А ведь этот кулон еще недавно висел на старой.

— Лгуна, — прошептала я, отступая от вестника и его руки, повторяющей жест которым она вспорола кожу на моем животе, небольшой и неглубокий разрез, несомненно оставил в душе заложницы гораздо больший след, чем на теле. — Демоны играли в поддавки.

— Видишь, как все просто, наорочи, — он положил руку девушки на сгиб локтя, — Ты же не думала, что каждый может прогуляться по дому хозяина и выйти, отделившись лишь мелкими мечтами? Ты именно то, чем тебя хотят видеть, и идешь именно туда, куда должна.

Они засмеялись, он низко и сдержанно, она звонко и мелодично. Несколько стоящих поодаль гостей обернулось.

— Наслаждайся вечером наорочи, наслаждайся, пока можешь, пока...

— Ольга, — раздался резкий окрик сверху.

Я задрала голову, на балюстраде стояли Пашка с Мартыном, глаза явиди горели злостью.

— Сарам, — сразу поскучнел Радиф и повел свою спутницу в сторону.

— Сейчас, — крикнул молодой целитель, направляясь к лестнице.

Я закрыла глаза и открыла. На потолке все так же продолжали сражаться люди и нелюди. Кто-то запечатлел эти страшные картины на графитовых стенах. Каждый раз, задирая голову и рассматривая кровавые детали, я каждый раз видела новые детали. Видела и не видела. Эпоха истребления прошла, а ничего не изменилось. Кроме того, что мы, пора уже начитая говорить "мы", спрятали тесаки за пояс, втянули когти. Растянули губы в улыбке и перешли на приватные разговоры и ультиматумы. Как сказал Сергей, стали торгашами и дипломатами, на свой жестокий, извращенный лад. Но кто сказал, что нельзя достать тесак и снова оскалить зубы. Это именно то, что мне хотелось в данный момент.

Стол с напитками стоял у соседнего опорного столба, и пухленькая нелюдь, как раз отошла, взяв стакан с янтарным содержимым. Я опустила голову, минуту подумала и быстро направилась к стойке с напитками. Март оказался рядом как раз когда я, схватив бокал, одним глотком отпила сразу четверть. Язык и горло обожгло, и я закашлялась.

— Как тебе виски?

— Никак, — прохрипела я. — На бабкину самогонку больше похоже.

— Что он тебе наговорил?

Вместо ответа, я снова схватилась за бокал, и очередной глоток жидкого огня осел внутри.

— Он сказал, что мы марионетки, которых дергают за нитки, — ответила за меня подошедшая явидь.

На мгновение вместо девушки в коротком лиловом платье, передо мной появилась черная змея, чешуйчатый хвост ударил по каменному полу и исчез. Пашка провела когтем по столу, оставляя светлые борозды. От нее разило горьким миндалем и гарью. Он нее пахло яростью.

— Кто дергает? — уточнил молодой целитель.

— Хозяин. Восточник сказал, что наша прогулка к Простому была спланирована.

— Даже если так, чего ты злишься? Воля Седого. Если бы он приказал прямо, стало бы легче?

— Мне да, — прошептала я, отставляя пустой стакан.

Явидь оборвала злое шипение и как-то сразу сникла. Я взялась за вторую порцию спиртного.

— Лучше бы подумала о том, зачем восточник, тебе это сказал?

Март отвернулся и вдруг склонил голову в уважительном приветствии. Чуть дальше метрах в пяти стоял седой мужчина в черном костюме гробовщика. Он ничего не делал, не говорил с гостями, не пил, не разговаривал, просто смотрел на нас. Шорох Бесцветный.

Целитель вне уровней.

— Не хочу, — ответила я правду, второй опустошенный бокал опустился на стойку. — не хочу об этом думать. Надоело.

— Воля и закон, плоть и кровь Северных пределов, повелитель нечисти и страж переходов, Седой демон!

Голос вспорол толпу, словно ножницы ветхую ткань, и гости расступались перед ним, перед его силой, как и перед тем, кто носил эти титулы. Они отходили в сторону, бросая опасливые взгляды друг на друга, на меня, на стены и потолок. Они расступались, пока от возвышения на котором стоял хозяин предела, до резных столбов не образовалось пустое пространство. Дорожка дошедшая до стола, до той которую сегодня называли хозяйкой.

Очень впечатляюще. Они расступились, словно море перед Моисеем. Что-то в последнее время меня тянет на религию, в которой я мало что смыслю. Да и ждать чего-то хорошего с той стороны в моем случае глупо.

Чужие взгляды кололи со всех сторон. Надо полагать, мне надлежало со всех ног броситься на шею благодетелю. Хотя, какой смысл кочевряжиться? Я подхватила второй бокал, и почувствовала легкий толчок в спину. Сзади тихо зашипела Пашка. И все же я позволила себе легкую заминку. Собственно это все, что я могла себе позволить, но они, конечно, заметили, нечисть всегда все замечает.

Глупое ребячество, легче не стало, да и страх никуда не делся, спиртное не заставляло его исчезнуть, лишь притупило. А ведь все это уже было, и зал и люди и внимательный взгляд Кирилла. Самое поразительное, что ничего не изменилось. Совсем. Даже перейдя на другую сторону, добыча осталась для них добычей, а ее страх острой — приправой.

Взгляд Кирилла ожег меня, как совсем недавно первый глоток виски. Первый шаг дался с трудом, второй легче, третий вышел чуть торопливым. На четвертом кто-то что-то сказал, вызвав взрыв смеха. Я вложила руку в ладонь Седого, и все снова пришло в движение, зазвучали голоса, рычание, шорох одежд.

Стоило пройти через все это, и почти все потерять, чтобы понять, страх остается с нами навсегда. Не важно, какого размера слон, если он все еще боится мышей. Человек, нечисть... пока я не перестану бояться, я останусь дичью.

Я сделала глоток, словно алкоголик, который не в силах выпустить из рук спиртное и села на так похожий на мягкое кресло стул или трон, сразу некстати вспомнив, что Влада, посидев здесь, отправилась прямым ходом на алтарь.

— Собираюсь напиться, — известила я Кирилла, — Есть возражения?

— Ни малейших, — Седой поднял руку и к нам тут же подскочил официант, забрал пустой и вручил нам по новому.

— За будущее, — Кирилл поднял бокал, не глядя в мою сторону.

— За прошлое, — я ополовинила свой, — Если попрошу, скажешь кто я?

— Смотря, как попросишь, — он дернул уголком рта, — Можешь начинать.

Я перевела взгляд на гостей, на толпу высокородной нечисти, как назвал их Март. Сейчас парень смотрел на меня из глубины зала, а в глазах такая тревога, что становится тошно. Не ужас, от которого убегаешь сломя голову, а неизбежность, с которой давно смирился. Я не возвышение поднялась, а на эшафот.

— Кого вы с Простым из меня сделали?

Седой не сдержал улыбки, словно я произносила нечто приятное, даже интимное, таким предвкушающим был его брошенный искоса взгляд.

— Ради чего вы все это затеяли? — я снова отпила, не чувствуя вкуса, бокал неприятно клацнул о зубы, — Ведь не ради человека? Меня можно было просто привязать к кровати, и пользоваться пока не соображу, как следует отвечать на вопросы, — я посмотрела на толпу людей и нелюдей в зале, — Седой и Простой, — жидкость в бокале качнулась, — Так ради чего? Или кого?

Я почувствовала чужой горящий взгляд, он был похож не на зудящее чувство беспокойства, он был похож на удар, словно кто-то заехал под дых, и теперь наблюдал, смогу ли я набрать в грудь воздуха. Злость, жалость и снова злость, желание причинить боль. На меня смотрели из толпы сверкающим серебром глазами, в которых полыхала ненависть. Тамария Прекрасная вызывающе вскинула голову и сказала что-то своему светловолосому спутнику. Я была почти уверена, что услышала: "Эта тварь". Это могло относиться ко мне, к Кириллу и еще сотне другой гостей.

— Ради Алисы. Ради нашей дочери, скажи, в кого ты превратил меня?

Реплика прозвучала чересчур трагично, Кирилл даже поморщился, повернулся и ответил. Просто, взял и ответил, словно не было никаких тайн.

— Подвия.

— Что? — не сразу поняла я.

— Ты подвия, Ольга.

— Подлость или подвиг? — прошептала я внезапно охрипшим голосом, и допила виски.

— Да.

— И мне не нужно есть людей?

— А хочешь? Если надо я распоряжусь, — повинуюсь жесту, к нам снова подошел официант, волосатый мужчина, не так давно сменивший жилет слуги на черный пиджак, — Кого предпочитаешь? Мужчину? Женщину? Ребенка?

— Никого. Святые, только не говори, что у тебя на кухне есть на убой дети...

— Свежих нет, но полуфабрикаты найдем, — прогудел слуга.

— А что, если это не дети, значит их можно на убой? — иронично спросил Седой.

— Не передергивай, — я повернулась к официанту, — Есть вообще не хочу, только выпить, — официант тут же заменил пустой бокал на полный.

— Вынужден разочаровать, не получится, — Кирилл даже не смотрел на меня.

— Почему?

— Пьешь чистый виски, бокал пятый, а раньше засыпала уже после двух рюмок.

Я прислушалась к себе, и нехотя признала, что он прав, как всегда. Никакого опьянения, никакого шума в голове, лишь приятное тепло. Как сказал Александр, организм не изменился, но все процессы ускорились в несколько раз.

— Они боятся даже приближаться ко мне, — проговорила я, — Сила, которую трудно контролировать. Буду нечисть распугивать. Нужно раздобыть повязку со знаком опасности, — мне вспомнился злыдень из *fili de terra*, и то какими невезучими становились все в его присутствии, нерадостная картинка.

— Силой данной мне свыше, — Кирилл взмахнул рукой, — Разрешаю не носить. А если привяжутся, шли в чащу или ко мне, — улыбка так никуда и не исчезла, то, что происходило, по необъяснимым причинам нравилось демону, — Я объясню в разы лучше.

— Это опасно.

— Для них, не для тебя, — Седой наклонил голову и вкрадчиво произнес, — Но если тебя это волнует, могу выдать ограничитель.

Кирилл поднял левую ладонь и стал стаскивать кольцо, не дававшее мне покоя последние сутки. Обручальное кольцо. Я замотала головой, уронила бокал, спиртное разлилось, обрызгав ногу.

— Я настаиваю, — Седой взял меня за руку, не обращая внимания на дрожь пальцев, — Сама потом себя не простишь, если что-то случится. Это, — он надел кольцо на безымянный. — Не даст твоей магии вырваться из-под контроля.

Серые глаза посветлели, кожу кольнуло холодом, ледяные крупинки разбежались по венам. На этот раз магия Севера влилась в металл почти безболезненно, и кольцо сжалось, обхватывая палец, уменьшаясь до нужного размера.

— Кирилл, — прошептала я, не в силах отвести глаз от золотистой полоски металла, — Скажи, что тебе надо? Я все сделаю, обещаю. Ты только скажи без всех этих игр, — она молчал, — Зачем все это? По законам пределов мы не женаты. И признание меня хозяйкой, всего лишь слова, которые ты в любой момент заберешь назад, не смотря ни на какие атрибуты и символы, — я указала на кольцо.

— А ты хочешь, чтобы это стало правдой? Более лестного предложения я не получал уже более века, — Кирилл расхохотался, — Любые слова подтверждают делом. Хочешь, распоряжусь принести алтарь, и мы повторим прошедшую ночь уже на законных правах и обязанностях? После этого ни одна тварь не посмеет раскрыть пасть, даже ты, милая.

— Обойдусь, — ответила я, оглядываясь и понимая, что вокруг установилась тишина, твари, о которых он говорил, смотрели, слушали и ждали.

— Тогда не смей обвинять меня во лжи, если сама не готова жить с правдой, — он махнул рукой, и заводные игрушки под названием "гости" снова стали двигаться.

Все кроме одной. Прекрасная все еще стояла, не сводя взгляда с Седого. Он поднялся и потянул меня за собой.

— Пойдем, Тамария в ярости и жаждет пообщаться. Не можем же мы позволить ей развлекать гостей в одиночку.

Чужая, но такая знакомая до последней черточки ладонь сильнее сжалась вокруг моей, и пульс тут же участился. Видимо есть вещи, изменить которые не в силах ни один залог. Я следовала за Кириллом, не замечая почти ничего и никого, ни расступающихся гостей, ни опасных и гадливых взглядов.

Подвия! Я подвия, которой даже не обязательно есть мясо, которой не обязательно меняться. Нечисть, на которую, будут смотреть с подозрением. Будут взвешивать каждый свой поступок и думать, совершен ли он по собственному желанию или по чужой воле. Радиф раскрыл рот, потому что хотел или я подтолкнула его к подлости? Хотя в случае с нечистью, это одно и то же. Кольцо приятно холодило кожу. Возможно, Кирилл был прав, вручая мне ограничитель.

— Тамария — поприветствовал Седой прекрасную гостью.

— Кирилл, — она тут же подхватила его под руку с другой стороны.

— Говорят, тебе нанесли визиты Простой и Видящий? — спросил он, — Я даже обижен, что мне не прислали пригласительный в спальню Белой цитадели.

— Самоуверен, как всегда. В следующий раз пришло, но не тебе, а ей, — Тамария посмотрела на меня, — И мы, наконец, сможем сравнить ощущения. И демонов.

— Боюсь, я не столь гостеприимна, — ответила я.

— Ты себя недооцениваешь, — она улыбнулась, на коже выступили прозрачные капельки, и пробежались по скуле, — Ты не рассказывал ей об обычае демонов меняться

игрушками? В прошлую эпоху вы с Видящим часто так развлекались.

— И в каком месте этого увлекательного рассказа мне полагается дать пощечину и убежать, размазывая слезы? — я посмотрела на девушку.

Та не стала отвечать, лишь исходящее от нее негодование сделало резкий скачок. Я наконец-то смогла четко уловить чужие эмоции. Не гадать, не предполагать, не делать выводы, а именно почувствовать и понять. Это походило на экран эквалайзера музыкального центра, показатели подпрыгивали вверх-вниз, иногда застывая на одной линии, а иногда, когда включались басы, просто взлетали кверху. Я их чувствовала! На самом деле чувствовала! Осознание этого казалось мне куда важнее разговоров.

— Если вам нужно поговорить, только скажи, — я дернула рукой и Кирилл тут же отпустил меня. — С твоего разрешения, пойду, подействую на нервы гостям.

До того как я отступила, меня снова коснулось ощущение, на этот раз показатели замерли в одной линии, чуть подрагивая. Чувство походило на идущее от костра тепло, когда вытягиваешь над ним руки, когда, что-то горячее толкает ладони, не давая опустить ниже. И это тепло шло от Кирилла, от Седого демона севера. Одобрение, которое он не скрывал ни от меня, ни от Прекрасной.

Я знала, что меня будут провоцировать, проверять, заставлять прогнуться. Раз за разом пробовать переступить границы дозволенного, а мне раз за разом придется их отстаивать. Так уже было, когда я в первый раз очутилась на стезе. Все повторялось, они хотели знать, чего можно ждать от новой заложницы.

Гости продолжали расступаться, словно со мной рядом все еще продолжал идти Кирилл. Но он остался за спиной отвечать на деланное возмущение Тамарии. Деланное, потому что стоит Седому коснуться древней клятвы и она так же, как и все остальные подпрыгнет.

Я шла вперед без особой цели, лица сменялись мордами, алые глаза голубыми, черными и, наконец, зелеными. Передо мной снова был лешак, на этот раз он ни с кем не спорил, и не ссорился. Но от его взгляда показатели моего личного эквалайзера взлетели под потолок. Даже не злость, а злоба, дикая звериная. Полностью непонятная, потому что я видела его во второй, а может и в последний раз в жизни. Это не гнев Прекрасной, и не издевка Радифа, а ярость, поддавшись которой начинают крушить стены и резать глотки.

И я не выдержала, не смогла. Попятилась, на несколько секунд чужие эмоции заставили меня забыть, кто я. Заставили забыть, что рядом Пашка, Март, Кирилл, в конце концов, который не потерпит, чтобы к его слову относились, как к прогнозу погоды, то есть слышать слышали, но всерьез не приняли. Я позволила себе всего несколько шагов назад, можно подумать, что девушка просто забыла на стойке очередной стакан с выпивкой и решила вернуться.

Наверное, дверь в зал распахнулась, должна была, иначе как бы он вошел. Но распорядитель молчал, и мало того, замолкали все, кто хоть раз повернул голову в нашу сторону. Взгляд лешака измелился, радар эмоций уловил, как ярость сменилась потрясением, надеждой, а потом ужасом. Отступая, я наткнулась спиной на гостя, на того, кто не захотел отойти в сторону. Или наоборот шагнул вперед, чтобы мы соприкоснулись. Руки легли мне на плечи, и до дрожи знакомый голос произнес:

— Давно не виделись.

Я резко развернулась и... воздух в легких кончился. Передо мной стоял Кирилл. Но не тот Седой, руку, которого я отпустила несколько минут назад. Тот не стал бы так говорить,

не стал бы улыбаться, словно старому другу или врагу. Мой Седой всегда смотрел по-другому.

— Я почти рад.

Его волосы были длиннее, чем у Кирилла, зачесаны назад и собраны в небрежный хвост, другая одежда, пиджак, брюки, ботинки, другая...

Он схватил мое лицо в ладони и прикоснулся к губам. В первый момент неловко, словно не был уверен в том, что делает. А потом все настойчивей и сильнее, раскрывая мои губы языком и царапая их зубами.

Так мог бы целовать и Кирилл, с той только разницей, что от его прикосновения, я пищала бы от восторга. А тут боль, беспощадность и вкус крови. Я толкнула демона в грудь, и он тут же отстранился, словно ждал этого. То, что он делал, не доставляло удовольствия, лишь одинокий пик любопытства коснулся моих новых, не знаю, как все-таки их назвать, чувств.

Я отпрянула в сторону и тут же оказалась в кольце знакомых рук, но на этот раз вырываться не было ни малейшего желания.

— Тсс, — прошипел Кирилл, обхватывая еще крепче, словно я могла убежать. Или захотела бы.

— Интересно, — задумчиво проговорил стоящий напротив демон.

— Игнат? — прошептала я.

— Да, не совсем, наорочи, — ответил тот, касаясь пальцами перемазанных в крови губ. — Так вас можно поздравить? Или принести соболезнования?

Догадка была мгновенной, ослепляющей, как может быть ослепляющей молния.

— Простой, — проговорила я.

— Наорочи, — повторил тот, кто выглядел, как Седой, но совсем им не был, — Хотел убедиться, что все это, — Скованным деревянным жестом памятника он склонил голову на бок, — Настоящее.

— Убедился? — Кирилл чуть сильнее сжал руки, холод демона севера окутал меня со спины, заставив вздрогнуть.

— Почти, — серые такие же, как у Кирилла глаза, продолжали смотреть на меня, — Я был невежлив? Наверное, надлежит извиниться, или даже сделать подарок? Ничего ведь не изменилось, и женщины по-прежнему любят подношения? — он скупой улыбнулся непослушными губами, рука нырнула в карман старомодного коричневого пиджака. Он вытащил стеклянный флакон, в котором могли продавать духи, или крем, или лекарство. За прозрачными стеклянными стенками едва заметно тек желтоватый песок, — Знаменитый и страшный песок Простого, — он скрипуче рассмеялся. У него снова было тело, были голосовые связки, а смех все равно звучал словно скрип заржавелых дверных петель, — Подарок очередной хозяйке Севера. Какой по счету? Третьей? Ты так быстро их убиваешь, что я не успеваю даже запоминать имена, — Он протянул склянку, — Может у наорочи есть на примете, нечисть, которая хочет очиститься?

— Я... — слова застревали в гортани, не желая выходить.

Да и что я могла сказать? Ай-ай-ай, нехороший демон! И погрозить пальцем. Сказать, что нельзя скинуть человека в яму, а потом протянуть ему лестницу? Почему собственно?

Святые! Я стремительно скатывалась даже не в яму, а в пропасть, в какой-то внутренний разлад. Впервые в жизни, я не знала кто я. Подвия? Пусть так, но для меня это просто слово, а не значение. Ольгу Лесину взяли и разобрали на пазлы, на тысячу кусочков,

и теперь у меня никак не получалось собрать их вновь. А все остальное было лишь следствием, и спиртное, и страх, и путаница в голове. Меня стерли, а новую, пока не нарисовали.

— Уверен, она найдет ему применение, — сказал Кирилл.

Поднос, появившегося рядом слуги дрогнул, когда Простой поставил флакон на его металлическую поверхность.

— А пока, ты мой гость, — Седой сделал шаг к двери, мне ничего не оставалось, как шагнуть вместе с ним. — Почетный гость.

Демон, так похожий на Кирилла, снова склонил голову, наблюдая, как мы выходим из зала, и уголки его губ, чуть подрагивали, словно он хотел, и не мог улыбаться. Двери закрылись, распорядитель так и не сказал ни слова.

Седой свернул в первый коридор по правую сторону от зала и стал спускаться вниз. Быстро, молча и крепко держа меня за руку. Он него волнами накатывали эмоции, они касались кожи и разбегались по ней, словно пузырьки газировки, едва уловимо пахло корицей. Чем я это чувствую? Носом? Кожей? Или чем-то непонятным, что находится у меня в голове? Чем-то чему еще нет названия? Что-то среднее между кошачьими усами и интуицией. Я ощущала его терпкую злость, и колющее нехорошее предвкушение.

— Кирилл, — позвала я, едва не слетев со ступеней.

Он был целеустремлен и быстр, он тащил меня вниз совсем, как Рдиф, но на этот раз я видела, как камень сменил светло серый цвет на почти черный, видела, как лестница уходила вниз. Я стала сильнее, и уже не чувствовал себя тряпкой которую тащат следом.

— Кирилл, — повторила я, и тут же оказалась прижата к шершавой каменной стене.

Больше ничего сказать не успела, даже выдохнуть не смогла, так стремительно он припал к моим губам. Два поцелуя, два демона, с разницей в несколько минут. И в миллион ощущений. Он целовал меня грубее чем демон востока, даже жестоко, касаясь там, где еще недавно были губы Простого. Он делал это с яростью и удовлетворением, с рычанием проводя языком по оставленным царапинам. Я почти стонала, вжимаясь в его тело, и больше всего боясь, что он остановится. И в тот момент, когда мужчина отстранился, когда седая бездна его глаз оказалась напротив моих, я поняла, что он только что сделал. Он стер чужие прикосновения, чужие следы. Так кобель охраняет свою территорию, перебивая чужие метки и ставя поверх них свои. Это привело его в больше исступление, чем любое прикосновение до этого. Зверь, которому перешли дорогу.

— Он заплатит за это, — прошептал Кирилл, прислоняясь лбом к стене над моим плечом, — Даю слово севера.

— Ты отдал ему тело своего брата? — сказала я, стараясь унять возбуждение, подавить желание запустить в светлые короткие волосы руки и снова притянуть к себе, — Святые, только не говори, что у тебя в подвале еще и трупы родителей прикопаны, и при необходимости ты их отроешь. У тебя там морг?

— Устроить экскурсию?

— Обойдусь, — я всматривалась в серые глаза, — Почему? Он же твой брат. Был твоим братом.

Седой выпрямился, по коже ознобом пробежалось его разочарование. Опять в моем голосе никому не нужный пафос, опять трагизм.

— Ты еще не поняла? Обещание: если Аш поможет в поисках исчезнувшего, я помогу в добыче несуществующего.

— А несуществующее — это тело демона, — дошло до меня, что имели в виду хозяева Пределов, заключая сделку. — Киу ушла и он решил двигаться дальше, жить и умереть от руки потомка.

— Я сдержал слово.

— Он рассказал, как вернуть Юково?

— Да. — Кирилл сказал это так отрывисто, так кратко, что я сразу поняла, за этим "да" скрывался очередной обман.

— Ты говорил, что не вытаскивал сведения из бывшего травителя, того, кого мы привезли? — спросила я, и тут же сама себе ответила, — Соврал, конечно. А Простой? Тоже соврал?

— Нет.

Опять отрывистый ответ и взгляд глаз, так похожих на серебряные монетки.

— Но?

— Юково может вернуть лишь тот, кто умеет прокладывать стёжки. Тот, кто создавал дороги из мира в мир задолго до нашего рождения.

— И кто это?

— Начинай думать, Ольга! Залог же не отнял у тебя мозги.

— Великие Ушедшие.

— И только один из них не ушел.

— Джар Аш, — я закрыла глаза, тепло исчезло, кишки снова скрутило ледяным узлом. — Вот почему он один возвращал свои стёжки, только один из демонов. Потому что он не демон вовсе.

— Он сделает это для нас. Вернет Юково.

— Ты обменял брата на рядовую стёжку, — не поверила я. — Что у нас есть такого, стоящего тела демона?

Я пыталась лихорадочно соображать, пыталась думать, но ничего не получалось. Кирилл не спешил отвечать, выдавая часть информации, он всегда следил, чтобы это была очень малая часть.

— Ладно, твое дело. Что теперь?

— Что? — его пальцы скользнули по скуле, шее, опустились на ключицу, ловя ускоряющийся пульс. — Сегодня Джар Аш вернет Юково, и сегодня мы убьем его.

— Мы?

— Ты же сама просила сказать, — прищурился Седой, — Почти умоляла, обещала сделать все, стоит мне только перестать играть в игры, и сказать. Я, наконец, говорю с тобой, — мужская рука опустилась ниже, обхватывая грудь, — Убьем, а потом отпразднуем так, что чертям станет тошно. Обещаю, всю ночь ты будешь кричать от наслаждения, и я буду кричать вместе с тобой. Как тебе план?

— Никак. Со второй частью, я бы справилась, а вот с первой...

— Соглашайся и получишь подарок.

— Очередное кольцо? — я покачала головой.

— Лучше. Когда Простой умрет, ты получишь его вестника в личное пользование. Сможешь отыгаться, сможешь сделать все, о чем мечтаешь, когда видишь восточника. И никто тебя не остановит, даже я, хоть в крови искупайся.

— Кирилл, я не смогу.

— Знаю, — я уловила его разочарование, ладонь сместились к предплечью,

напрягшаяся, от его прикосновения, грудь болезненно касалось ткани платья, — Но меня он к себе не подпустит. Никого не подпустит, ожидая удара в спину, а вот наорочи, — пальцы пробежались по креплению стилета, — Он не откажется поиграть на сходстве и позлить меня. Я предлагаю тебе не сдерживаться. Хватит отталкивать неудобных, пора давать сдачи, — кожа на руке стала покрываться чешуей, — Один удар, и ему станет не до окружающего, — кожа демона соприкоснулась с металлом, — Остальное сделаю я.

— Того же хотела и Прекрасная. Мы с тобой семья, ненастоящая, изломанная, но семья, это значит, я могу убить твоего брата. Убить его тело.

— Не преувеличивай, — запахло горелым, чешуя на пальцах оправилась. — Ты родилась вне семьи. Наша сестра, будь она жива, могла бы, наша мать, отец. Но не ты. Наше родство оно...

— Искусственное?

— Скорее внешнее. Родство со мной и только со мной. Ты носила мою кровь, будь у меня девка которая носила кровь Игната, тогда другое дело. Ты опасна лишь для меня и Алисы. Поправка, думаешь, что опасна.

— Я не убийца, — прошептала я.

— Не ври. Швырну на алтарь, запоешь по-другому. Я — убийца. Все, что требуется от тебя, это дать мне сотую долю секунды, отвлечь. Твой удар никого не убьет, поверить не могу, что это кому-нибудь может нравиться, только ранить.

— Тогда почему я? Тамария справиться лучше. Святые, да любой справится лучше.

— Хватит, — рявкнул Седой, с лица исчезли все эмоции, — Он ждет подвоха от любого, кроме тебя. И ты ударишь, — он резко ухватил меня за подбородок, заставляя приподнять лицо. — без вариантов, а я перегрызу ему горло. Разговор окончен.

Я смотрела на Кирилла, еще минуту назад мы целовались, а теперь обсуждаем убийство. Пахло горелой плотью, чешуя ладони впивалась в кожу. Смотрела и не верила собственным глазам.

Кирилл мгновенно уловил произошедшую перемену, я и сама её уловила, она походила на порыв ветра, что ударяет с лицо, сбивая дыхание. Его мышцы тут же напряглись, он замер готовый ко всему, даже к удару. И я не сдержалась, не видела смысла сдерживаться. Ведь именно об этом он просил. Чуть повернула ладонь, изменяя траекторию, и сдернула пружину. Стиллет задел его запястье, вспорол ткань и оцарапал бок.

Запах гари сменился, сладковатым привкусом крови, смешиваясь с ароматом корицы. Сладость и медь, теперь я знаю, как пахнут демоны.

Седой даже не вздрогнул, не зашипел, не заломил мне руку, разоружая, лишь качнулся вперед. Он не боялся ни на гран.

— Кто я? Не подвия, не ври.

Не отводя взгляда, я ухватила за стилет, пачкая руки в его крови, и вернула его на место, взводя пружину вновь.

— Меня не обжигает серебро. Нет жажды плоти и крови. Кто я?

— Это ты мне скажи, — прошептал Кирилл, сжимая руку, только на этот раз в его прикосновении не было ласки, пальцы опустились, обхватывая шею, прижимая к серой стене, — Но помни, кем бы ты ни стала, Седой демон не тот, с кем можно меряться силой.

Я схватилась за перекрывшую дыхание ладонь.

— Помни об этом, когда кто-то попытается вложить эту дурную мысль тебе в голову.

Говорить я не могла, только хрипеть. И чувствовать, как он прижимается ко мне. Да,

страха в нем не было, лишь возбуждение. Ему нравился запах собственной крови, нравилось слышать хрипы и смотреть в глаза, нравилась близость серебра и моего тела. Нравилось все вместе, как порой может нравиться мужчине черное кружевное белье. Его это заводило.

Цитадель вздрогнула, стены отозвались гулом, под ногами завибрировал пол, совсем как в тот раз. Жертвоприношение началось.

— Ты сделал выбор, так следуй ему до конца, — она опустил руку, и совершенно побудничному произнес, — Идем, нас ждут почетные гости.

3. Почетные гости

Как-то раз нас вывезли на экскурсию. До сих пор не понимаю, кому это могло понадобиться, но раз сверху спустили распоряжение, бригадир ответил "есть" и вся наша едва закончившая институт компашка загрузилась в автобус.

Музей — усадьба Гаршиных, чуть больше трех часов на автобусе на юго-запад от Ярославля. Дорога запомнилась песнями, смехом и сушками, которыми делился со всеми Олег, балагур и любимчик девчонок. Если раньше я не смотрела его сторону, справедливо полагая что, таким как я ничего не светит, тем более что Маринка уже положила на него свой глаз и снимать явно не собиралась. Теперь, он стал мне попросту безразличен. Несколько дней назад я встретила его. Нет, не так ЕГО. Кирилл подошел ко мне как раз в тот момент, когда я расписывала забор остатками дедовой краски крамольными надписями из трех букв. О да, мне не было и двадцати, и тогда эта глупость казалась верхом бунтарства. На самом деле днем ранее в общежитии, я проиграла в карты желание, и это был еще не самый страшный вариант. Сердце колотилось от страха, я очень боялась, что сейчас кто-нибудь появится, и одновременно млела от собственной смелости, почти не веря, что это моя рука держится за кисть.

Он подошел и сказал "привет", и я ожидаемо подпрыгнула, роняя майонезную банку с белой краской. Развернулась и целых три секунды не могла сделать вдох, только таращилась на молодого мужчину с короткими светлыми волосами. Справа послышались тихие шаги. Незнакомец осмотрел "место преступления" — забор, недописанную родословную коменданта общежития, кисть, одинокий мазок на черном ботинке, осколки банки, а потом сделал нечто невозможное. Он улыбнулся, схватил меня за руку и потянул за угол. Он был старше, и такие обычно, если не раздражались гневными тирадами, как старики, то проходили мимо, занятые собственными проблемами, изредка поджимали губы. Это мужчина был другим, он прижал меня к кирпичной стене, и несколько минут мы стояли, соприкасаясь телами, а сердце то замирало, то пускалось вскачь, пока одинокий прохожий не прошел мимо. А потом Кирилл посмотрел мне в глаза и повторил: "Привет". В общем, у меня не было ни единого шанса.

Может оттого, что я пребывала в сладких девичьих грезах, сама усадьба запомнилась смутно. Она была не домом помещика, обстановка которого могла плохо повлиять на неокрепшие умы почище чем песни "Биттлз", а домом где В. И Ленин написал один из бессмертных трудов. Какой уже и не вспомнить, мы же были молодыми специалистами, вернее раздолбаями, хотя приличными раздолбаями, если сравнивать с современностью.

Зато отложилась в памяти одна из хоз построек, мельница на реке Шахе у запруды. Не само строение, к тому моменту уже напоминавшее сарай, а гигантское колесо, валяющееся неподалеку. Оно было столь большим, что я даже не сразу решилась подойти. Помню, каким холодным оно было и мокрым от прошедшего ночью дождя. А рядом лежал жернов, и вряд

ли нашелся бы тот, кто рискнул уволочь его в свое хозяйство, до того неподъемно огромным выглядел камень. На него было неприятно смотреть, не то что касаться, уж не знаю почему. Не разделявшая моих чувств Маринка тут же взгромоздилась сверху и смеялась, раскинув руки, не замечая, как к одежде прилипают листья.

Потом я не раз видела похожие каменные диски, в нашей тили-мили-трындии, они были гораздо меньше, только называли их алтари, и уж конечно никогда не использовали для перетирания зерна, только костей и кишок. Но ту мельницу я запомнила, черт его знает почему. Второй раз, когда я оказалась лицом к лицу с таким поражающим воображение камнем, был менее радостным. Серая цитадель куда как масштабнее мельницы у запруды.

Я спускалась вниз, следуя за Кириллом, сворачивая в очередной коридор, чувствуя, как во всем теле отдается дрожь стен. Энергия впитывалась в древние камни, и с каждым шагом ее становилось все больше и больше. Я ощущала ее словно тепло идущее от очага в ледяной день, когда так и хочется скинуть куртку и усесться рядом. Я летела на ее тепло, словно мотылек на свет и не осознавала этого. Помню, как он потянул меня за собой все дальше в темноту, помню, как шла за ним. Но не помню, как обогнала Кирилла, не помню, как свернула в левый коридор, как подняла руку, чтобы открыть дверь и окунуться, наконец, в этот манящий жар.

— Нет, — он подошел сзади, перехватил ладонь, и чуть качнулся из стороны в сторону, словно успокаивая, убаюкивая ребенка, — Нам не сюда. Не сейчас.

Я не понимала, о чем он говорит. Хотелось, окунуться в тепло, оно было знакомо мне, как запах овсяного печенья, что пекла бабушка. Именно понимание этого заставило меня очнуться. Я помнила, что это. Тепло чужой жизни, когда-то скользнувшее в ладонь из жала Раады, атама, которым я забрала жизни бессмертника. И теперь точно могла сказать, за дверью, кто-то делал тоже самое. Кто-то отнимал жизнь.

— Не сейчас, — повторил Седой,

— Там, — я облизнула пересохшие губы, — Там...

— Там льется кровь, — подтвердил он, — Для наших гостей. Потом, если ты все еще будешь в настроении, я устрою для тебя такое жертвоприношении, какое только сможешь пережить, обещаю.

Я поверила, наверное поэтому и испугалась. На краткий миг, часть меня хотела развернуться, прижаться к его телу и пожелать... даже попросить, чтобы это произошло поскорее. И это желание ужасало.

От двери, за которую мне не дали войти, коридор уходил прямо на два десятка метров и заканчивался широкой наружной площадкой, что-то вроде балкона или террасы, на которую вполне можно посадить самолет. Кожи коснулся ледяной ветер уходящей зимы, пол ногами закрипел талый снег. Сверху белыми точками на нас смотрела ночь. Черных бархат успел подернуться серым налетом пыли. Скоро рассветет.

Кирилл потянул меня дальше, пересек террасу и вошел в противоположную дверь. Я невольно вздрогнула. Это была не комната, а очередной выверт психики Седых. Круглый зал с четырьмя дверьми и стеклянной крышей, напоминающей по форме купол собора, или теплицу для огурцов странной формы. Ветер сдувал с нее белое крошево. Яркая лампа делала купол похожим на елочную игрушку, припорошенную сверкающим снегом.

Вспомнилось, что уже миновали новый год и Рождество, что в мире людей уже наступил две тысячи тринадцатый год. Но не сожалений, ни ностальгии я не испытала.

Центр зала занимал круглый необработанный камень, заставивший меня вспомнить

мельницу. Только в этом "жернове" не было дыры в центре, не было выемки для механизма, зато там было кое-что другое. Голый мужчина задумчиво разглядывал стеклянный потолок. Он не был привязан или обездвижен, но не делал ни малейшей попытки встать. Обнаженная сухошавая фигура, в которой не было ничего привлекательного и ничего отталкивающего. В ней вообще ничего не было. Смуглая кожа и отрешенный взгляд. Я не чувствовала ее, мой личный эквалайзер молчал, словно мужчина был продолжением камня. И, тем не менее, его грудь вздымалась, он дышал. Сын травителя Ависа, которого Простой использовал вместо флешки, был еще жив.

— Вы заставляете себя ждать, — констатировал хозяин востока, — Надоело. Или нетерпение — это особенность живых?

Демон, так похожий на Кирилла, поднял руку, пошевелил пальцами и... ничего не произошло. Джар Аш хмыкнул и выжидающе посмотрел на Седого. Тот усмехнулся. Безмолвный диалог демонов. Кирилл поднял бровь, и часть камня на полу посветлела, выгнулась, лопнула желтым песком. В руку Простого скользнул мутный стеклянный кол, вырвавшийся из плена каменного пола. Хозяин севера пропустил в свою цитадель часть магии песка.

Тамария нетерпеливо постукивала ножкой по полу, выражение прекрасного лица выражало скуку, словно она видела все это не один раз. Простой даже не остановился, продолжая движение, которым поймал выскочившую из пола, сосульку, он развернул руку и вогнал в грудь лежащему на камне человеку. Без предупреждения, без слов и заклинаний, судя по лицу, даже без удовольствия. Так швея втыкает портновскую булавку в подушечку. Он сделал это, потому что это надо было сделать.

Тихо вздохнул, стоявший у стены Март, все еще в костюме и с красными рубцами на щеке и шее, рядом, крепко вцепившаяся в его руку Пашка. Глаза явиди горели, ноздри трепетали, вдыхая чужую смерть. Она была похожа негу, то самое неуловимое чувство, когда просыпаешься утром и понимаешь, все будет хорошо. Чудовищное ощущение.

Но испугало меня не это, не собственное удовольствие, а сам факт их присутствия. Двоих нелюдей, не входящих в ближний круг Седого, позвали на приватный танец у алтаря. Не просто же так. Кирилл ничего не делает просто так.

Стоящий у противоположной двери мужчина не разделял моей тревоги, он разделял желание выпить. Шорох Бесцветный, седовласый и прямой, как палка, пил из бокала, не глядя на алтарь. Его решимость была острой и колючей, но самую малость горчила. Мужчине не нравилось принятое решение, но отступить целитель не собирался.

Зато еще один из присутствующих был более прямолинеен в эмоциях. И в словах. Дым, старый вестник, стоял на коленях, с заломленными слугой руками и матерился на инописи. Я не понимала ни слова, но общий тон улавливался без труда, нам всем желали провалиться в преисподнюю или даже дальше.

— Аш Вешер, — закричал Дым, увидев Кирилла, но тут же схлопотал, от стоящего над ним потрошителя и согнулся от боли.

Аш Вешер? Звучит до мурашек шуршащее. Демон севера? Хозяин предела? Седой демон?

— Мы сегодня начнем? — фыркнула Прекрасная.

Кол в груди мертвого сына травителя осыпался песком. Простой одним движением сбросил труп на пол.

— Мы уже начали, — ухмыльнулся Кирилл.

Тело упало на бок, освободив алтарь. Камень, где умирали и будут умирать. По гладкой похожей на гранит поверхности разбегались линии, образуя рисунок. Такой чистый и такой светлый, если задуматься, почти детский. Солнце с лучами — бороздами, в которых скапливалась кровь. Ее было совсем немного, первую жертву принесли слишком быстро.

Жертву? Я нахмурилась. А где жалость? Где острое чувство несправедливости оттого, что эти твари могут нас убивать, а мы их нет? И тут же еще одна мысль, намного хуже первой, если одна жертва уже принесена, значит, будут и другие. Я посмотрела на Марта, Пашку, Кирилла, Простого, Тамарию, Шороха и Дыма. Кто из них... из нас? Кто следующий?

— Аш Вешер, — прохрипел Дым, и Кирилл посмотрел на вестника своего отца.

Что увидел в глазах Седого старик неизвестно, но вряд ли что-то хорошее. Слуга продолжал заламывать ему руки, не давая подняться. А зачем собственно? Дым — северный, если Кирилл прикажет, вестник станет послушным, как комнатная собачка. Или нет?

Когда я вновь посмотрела на алтарь, стоящий рядом с камнем Простой держал в руках зеркальный клинок. Не знаю откуда он его взял, но знаю для чего. Осколок зеркала ушедших, из-за которого исчезло Юково. Поправка, не из-за куска волшебного стекла, а из-за руки его державшей.

— Н-да, — сказал восточник, рассматривая отражающую поверхность, деревянную самодельную рукоять, обмотанную синей изоляцией. — Я помню, как разбилось зеркало, помню, скольких убило.

— И скольких? — спросила Тамария.

— Всех, — Простой повернулся к Седому, — А ты, многих положил, чтобы достать?

— Не имеет значения, — ответил Кирилл.

— Верно.

Джар Аш перехватил клинок, взявшись за зеркало лезвия, и вдруг протянул мне.

— Хочешь вернуть стежку?

Я посмотрела на Седого, но тот оставался спокоен. Единственный кто оставался спокоен. Шорох допил спиртное и разбил бокал об пол, но на звук никто не повернулся. Пашка закусил губу, Март обеспокоенно переводил взгляд с одного демона на другого, на клинок и на меня. Парень не был дураком, и предполагал, что их не выпивку сюда разносить пригласили.

— Так хочешь или нет?

— Хочу, — пальцы коснулись теплой рукояти, в ушах заиграла музыка, словно кто-то крутил ручку радио, и вдруг наткнулся на станцию. Я отдернула руку, а Простой засмеялся, на этот раз не скрипом расшатанных шарниров, а таким знакомым смехом Кирилла.

— Нам обязательно заниматься этим здесь и сейчас? — Прекрасная закатила глаза.

— Ты можешь заниматься чем угодно и где угодно, ты мне здесь точно не нужна. Тамария зарычала, тихо размеренно, но очень зло. Настолько зло, что казалось по коже провели наждаком. — Давай, наорочи.

Я снова подняла руку и взялась за обмотанную изоляцией рукоять. В голову ворвалась музыка, будто кто-то провел пальцами по грифу гитары. Легко, аккуратно, непринужденно. Я коснулась не осколка, я коснулась струн. Рука сжалась крепче, кожей продолжая улавливать перезвон.

Клинок качнулся, но Простой не выпустил из рук острия. Удерживая двумя пальцами, он вдруг приставил скол к собственной груди, к старомодному пиджаку прямо напротив

сердца. Если оно вообще есть у демонов.

— Давай, — серые глаза сверкнули, — Уверен Аш Вешер успел проинструктировать, — Ну же, один удар, и все закончится как хочется ему. двай, наорочи, не томи, — он шевельнулся острие осколка неприятно цеплялось за ткань рубчик.

Я разжала руку, осколок зеркала ушедших, тихо звякнув, упал на камень, но не разбился, как стакан Шороха, а лишь отскочил, ловя и отражая холодный электрический свет ламп.

— Допускаешь ту же ошибку, что и моя мать, — оскалилась Прекрасная, ее кожа стала смуглой, а глаза наоборот загорелись насыщенным синими цветом, — Чтобы убить мало оружия, мало возможности и родства. Главное, нужно хотеть сделать это. Она не хочет и вряд ли что изменится. Больно смотреть.

— Сделай одолжение, не смотри, — Седой наклонился, поднял осколок и вновь передал его Простому, — Заканчивай представление.

Остальные молчали, когда на сцене играют примы, статистам положено молчать, быть тенями, и не вылезать на первый план.

— Да, нетерпение — черта живых. Иногда неплохо быть мертвым.

Восточный демон взял клинок, размахнулся и с силой опустил острие в центр круга на алтаре. Даже зная, что это не стекло, я не удержалась от вскрика. Дым выругался. Шорох обернулся, но происходящее на каменном кругу не вызвало у целителя особого интереса. Я слышала, как за спиной дышит Март, как шуршит о камень чешуя явиди.

Стекло соприкоснулось с камнем и цитадель вздрогнула. Я снова слышала перелив струн на этот раз намного четче и ближе, словно они были натянуты внутри меня.

Клинок замер, застыл над поверхностью алтаря, словно его пытались не воткнуть, а аккуратно вставили в невидимую подставку. Видели, как стоит на тонком острие заведенная юла? Точно так же замер и осколок зеркала Ушедших, чуть вибрируя и играя мягким перебором струн. Одна звучала очень высоко, готовая в любой момент лопнуть, другая, наоборот, дребезжала, как давно вытянутая и пришедшая в негодность. Но все вместе они звучали, пусть не чисто, но продолжали играть.

— Что ты слышишь? — повернулся ко мне Простой.

— Струны, — на раздумывая ответила я, прекрасная шипяще рассмеялась, — Они дрожат.

— Верно, наорочи, — восточник задумался, — Раньше не было ни одной твари оставшейся глухой к мелодии. Сейчас это удел избранных калек, — он посмотрела на Дыма, тот, казалось, был не в силах отвести взгляд от лезвия.

Не знаю как вестник, а я слышала каждый аккорд, каждую вибрацию, и звук казался странно знакомым.

— Вибрация стежки, — вспомнила я, — так она дрожит в переходе.

— Да, — пожал плечами Джар Аш. — Какая глупость объяснять очевидное, словно рассказывать слепому о зрении, — он на секунду закрыл глаза, — Я так давно никого не учил, что забыл, как это делается. Хотя вру, — голос восточника снова стал равнодушно-отстраненным, памятник вселился в живое тело, но внутри все еще остался мертвой статуей, — Я никогда никого не учил.

Пашка смотрела на демона Востока и отступала, смотрела и вжималась в серую стену. Джар Аш снова стал собой, пусть и в чужом теле. Ему надоело играть в живого, он снова стал памятником.

— Струны, которые ты слышишь, — это нити. Нити перехода — сказал Кирилл.

— А нож — это...?

— Игла, — ответил Простой, — Которой прошили миры, как старые покрывала, которые давно пора выбросить, а не латать прорехи.

— Игла? — переспросила я, смотря на зеркальное лезвие.

— Не будь столь ограничена, наорочи. То что ты видишь не имеет значения, форма может быть любой, — он зашел за спину и, встав почти вплотную, прошептал, — Форма не важна, важно содержание. Иглой может быть и кайло, веретено, жемчужное ожерелье и...

— Чаша жизни, — я вспомнила о еще одном артефакте.

— Да, — его дыхание согрело шею, я почувствовала как кожи касается недовольство исходящее от Кирилла, словно в противовес минимуму эмоций восточного демона, — Любой предмет, любая форма сквозь которую прошли стежки, когда связывали миры. Мост Уходящих распался на тысячи нитей, которые прошли сквозь озеро, сквозь тела, сердца и души павших, сквозь...

— Вряд ли девочка, — прервала его Тамария, — так сильна в истории, как ты думааеепшшь...

Я больше не была человеком, но даже для нечисти движение демона востока вышло смазанным. Только что он стоял позади меня, а в следующий миг схватил девушку за шею, не дав договорить, слова сменились шипением.

Схватил, сжал и тут же отпустил, демонстрируя отсутствие желания убивать. Прекрасная покачнулась. Между ними не было произнесено ни слова, ни угроз, ни требований. Но я видела, какое предостережение горит в глазах Простого. Тамария тихо засмеялась.

— Потом выберете себе спальню и развлечетесь, — высказался Кирилл, — Сперва дело.

— Почти все, — отвернулся от Прекрасной Джар Аш, — Осталось распутать нить вашего Юкова.

— Нить — я невольно седлала шаг вперед, не в силах поверить, что все так просто, что все происходящее лишь одна большая фантазия уставшего ожидать худшего разума, — Но я не вижу никаких нитей, только слышу.

— Никто не видит, наорочи, пока не напитаешь их кровью.

— Я знала, что сегодня здесь будет интереснее, чем там, — Тамария, словно маленькая девочка хлопнула в ладоши. — Кого возьмем, — она оглядела жертвенный зал, — Я бы проголосовала за девчонку, но она тебе пока нужна, — быстрых взгляд синих глаз на молчаливого Кирилла, — Змея мне не нравится и пахнет отвратно. Тогда берем пацана, — она указала на Марта. — Чем моложе, тем нежнее. И я так и быть не буду никого заставлять, а сама вскрою ему горло.

— Нет!

Мы сказали это одновременно, я и Простой. Если моя реплика была предсказуема, то поведение восточника вызывало вопросы. Но с ними можно было подождать, потому что Прекрасная, словно не слыша, двинулась к парню. Тот пробормотал ругательство, шипение явиди переросло в рык. Нет, она не загородила пасынка собой, есть вещи, которых ждать от нечисти бесполезно, но она выразила готовность драться, если позволит Кирилл, конечно. Но одно это уже выходило за всякие рамки.

— Нет, — повторила я, — заступая ей дорогу. — Этого не будет.

— Ушедшие, Кир, твоя девка сошла с ума. Чем этот парень так ей дорог?

— Тем, что стал моим другом. Нет, не так, — я мотнула головой, — Он стал моим

ближним кругом.

— А кто ты сама такая?

Вопрос был с подвохом. Меня так и подмывало переадресовать его. Она ведь не сможет ответить. Смертельно не сможет.

— Я хозяйка Севера, по его словам, — я постаралась улыбнуться Кириллу, хотя больше всего мне хотелось закричать, — Хочешь оспорить? Это к нему.

— Наглая тварь.

— Да и всесильный демон спорит с этой наглой тварью, остальным в пору плакать.

— Хватит, — Седой оборвал наш спор одним словом, словно выплеснутым на склочниц ведром воды.

— Я не верю, что трачу на вас свое время, — покачал головой Простой присаживаясь на край алтаря.

— Тогда не тяни. Нужна кровь — бери. Нужна плоть — вперед, — рявкнул Кирилл, — Выполни обещание!

— Как скажешь, — Джар Аш ухмыльнулся и стал стягивать старомодный пиджак, — Из-за каких пустяков порой разгораются страсти. Это утомительно. Нельзя просто взять и принести любые жертвы. Нужна кровь того, кто связан с обоими мирами, с мирами связанными стежкой, с миром людей и с миром нечисти.

— Заложники, — неожиданно громко выкрикнула Пашка.

Я посмотрела на коленопреклоненного Дыма, а он, в свою очередь, посмотрел на меня. Шорох Бесцветный нервно хохотнул.

— Те, кто были людьми, а стали нечистью, — прошептала я.

— Именно, — Восточник бросил на пол пиджак.

Повинуясь жесту Кирилла Потрошитель отступил в сторону. Джар Аш схватил старого вестника за плечо, протащил по полу и швырнул к алтарю.

Не на него, а рядом. Старик ударился о камень, упал, приподнялся, прислоняясь к боку жернова. Две знакомые прозрачные ленты выскочили из камня и следуя за рукой восточника приковали вестника к алтарю, одна за шею, вторая за плечо заставив его замереть в неудобной позе.

— Заложники, — повторил Джар Аш, — Жизнь самого старого, — взгляд на тяжелосдышавшего старика Дыма, — Кровь самого сильного, — демон повернулся к Шороху.

— Не стоит. Я сам, — усмехнулся целитель и пошел к алтарю, я снова почувствовала в нем эту обреченную решимость.

— Он не заложник! — закричал Мартын.

Не обращая внимания на парня, старик уселся на край алтаря.

— Старое поверье, — гротескно улыбнулся Шорох, — Правду проявят трое проданных: старый, сильный, молодой. Я всегда думал, что это о камнях правды.

— Я тоже, — проговорил Март, я смогла лишь согласно кивнуть.

— Оказалось, не так, — седовласый целитель рассмеялся, но от его смеха хотелось плакать, — Старый, сильный, молодой, — повторил он.

Я почувствовала, как воздух вышел из легких, а пространство вокруг наполнилось свистом, словно каждая молекула, атом и пустота между ними могли издавать звуки. Миг оглушающего понимания, зачем на самом деле я здесь. Кольнула досада, в основном на себя. За то, что поверила в обещания Кирилла, пусть они и были чудовищны, но их суть не имела никакого отношения к вере в него. Очередное разочарование оказалось почти

безболезненным. А потом ему на смену пришло возмущение. Мою жизнь обменяют на Юково, обменяют на сборище жестокой и циничной нечисти, большую часть которой я удавила бы собственными руками.

Я стала отступать, едва ли понимая, что бежать по сути некуда. Они не сделают этого! Нет!

И вдруг поняла, что не готова, что попросту не хочу умирать. Такая цена меня не устраивает, даже если кое-кто исчезнет навсегда: Семеныч, бабка, Веник, что больше я их не увижу.

Что это? Куда исчез синдром Жанны д'Арк? Я почувствовала неловкость. А может превращение это — не клыки и когти? Может настоящее превращение подкрадывается незаметно? Вот так буднично в один день понимаешь, что, упав с лодки, будешь спасаться сам, а не тащить на горбу товарища. В конце концов, намеренно отказать в помощи — это одно, а не протянуть руку, когда на кону собственная жизнь — совсем другое.

Теперь я знаю, каково на вкус отвращение, оно, как сладковато-приторное, как гнилое мясо. Я никогда его не пробовала, но представляла именно так.

За спиной снова нарастало шипение явиди, и в нем я слышала поддержку и одобрение. Еще одна неожиданность.

— Кир, я в восхищении, — высказалась Тамария.

— Я рад, — ответил Седой, разглядывая меня с таким видом будто, словно видел впервые. Не пятнадцать лет назад, а именно сегодня.

— Не думала, что ты уже наигрался.

Простой, не слушая их, зашел мне за спину, и почему-то очень ярко представила, как Пашка впивается ему в загривок. Представила и испугалась. Джар Аш заворчал и, кажется... нет, я почти уверена, понюхал мои волосы. А потом произнес нечто очень интересное, почти заставившее Седого улыбнуться:

— Наорочи, не подходит Аш Шерия. Уже нет.

Кирилл кивнул Потрошителю и тот открыл ближайшую дверь.

— Есть кто-то младше.

В зал вошла женщина, она больше была старой, но видимо по привычке куталась в видавший виды шерстяной платок. Вряд ли теперь будучи нечистью, она на самом деле мерзла. Зеленые глаза сияли, волосы бывшие в прошлую встречу седыми и ломкими, теперь спадали на спину густым водопадом, молодая кожа сияла румянцем, полные губы изгибались на молодом лице. Она снова была красива, мечта исполнилась. Она всегда была упорна.

— Марина, — прошептала я, в моем голосе не было раздражения, не было даже удивления, лишь страх. Он был соленым и чуть щипал кожу. У Ушедших хреновое чувство юмора, и я уже устала удивляться.

— Привет, — поздоровалась она не в силах сдержать улыбку.

— Зачем? — спросила я Кирилла.

— Я велел вестнику заключить сделку. Любую, меня не интересовали подробности, — сказал головой Кирил, — А он привел ее.

Сердце забилося, и я ощутила что-то походящее на порыв свежего ветра. Седой был недоволен, совсем немного. То ли собой, то ли мной, то скупщиком душ. Значит, он отдал приказ, жестокий и циничный, приказ, сохранивший мне жизнь, но положивший на алтарь другого заложника. Вот почему Александр ушел с приема. "Дела торговые" — сказал он, и

не соврал.

— Начну все сначала, как и говорила, — старая подруга качнулась, платье которое больше подошло бы старухе болталось на тонкой талии, — Я всегда буду молода. Вечно.

Простой расхохотался. Громко, от души и на этот раз скрип почти исчез из его голоса.

— Верно, — кивнул Кирилл, — Ты останешься молодой до смерти.

— Дура, теперь тебя зарежут на алтаре как овцу, — высказался Дым.

— Сколько патетики. Они у тебя забавные, — сказала Тамария.

— Нет, Ольга не позволит. Мы старые друзья. А они что близнецы? — невпопад спросила девушка, переводя взгляд с Седого на Простого, — Я и не знала, что у Кирилла есть...

Все-таки она что-то почувствовала, потому что стала комкать руками края платка. Почувствовала, но не могла поверить. Она еще только начинала заигрывать с силами сути которых не понимала. Подруга совершила ту же ошибку, что и я, она видела перед собой лицо Кирилла, человека, с которым общалась когда-то. Марина не знала, что такое слово демона, или сделка с ним.

От нее пахло терпким вином и еще ванилью. Немного радостью, тревогой, слезами и еще ушедшие знает чем. Я отвернулась не в силах выдержать ее взгляд. Моей старой подруги Марины здесь больше не было, перед алтарем стоял кто-то другой, с чужой холодной улыбкой на знакомом лице.

И во всем виновата я, предложившая ее на роль чистой Кошухино, руководствуясь скорее безопасностью внука, нежели судьбой самой Марины. Предложила и выкинула из головы, не интересуясь, к чему привело мое предложение. Стала ли она опорой? А согласилась ли? Зачем? Мы слишком далеко ушли друг от друга. Это ли не предвестник грядущего равнодушия? Пришла пора пожинать плоды. Маринка всегда была настойчива, всегда добивалась своего. Добилась и сейчас, совершенно не понимая, что служит чужим интересам.

— Да? — удивился Простой, выходя из-за мой спины и приглядываясь к девушке.

— Да, — самоуверенно ответила подруга, чуть откидывая голову и провокационно разглядывая восточника. — Ты ведь не Кирилл?

В голосе появились нотки тщательно отмененной неуверенности. Уж хозяина своего предела нечисть чувствовала всегда. Интересно кем она его считает? А меня? Тамарию? Она никогда не была глупой, и явно представляла куда и к кому шла. Просто наша тили-мили-тряндия мало у кого укладывается в голове с первого раза.

— Нет, — мягко сказал мужчина и скользнул вперед.

— Хорошо.

Я знала цену ее улыбке, видела не раз, как после нее мужчины предлагали ей руку, сердце, поход в кино или на сеновал.

— Ничего хорошего, — буркнула я, — Маринка, ты...

— Она подходит, — сказал Джар Аш, — Она младше тебя.

— Конечно, — подруга победно посмотрела на меня, — Всегда была, а теперь это видно невооруженным взглядом, — еще одна улыбка Простому.

Она словно не видела в нем хищника, кружащего вокруг жертвы. Она повела плечами, платок упал.

Ей нравился его откровенно раздевающий взгляд, а меня приводил в ужас, потому что я поняла, буквально в это мгновение, кто она и кем не являюсь я. Маринка — ласка, если по-

простому, а по научному — суккуб. Она еще не ощутила силу в полной мере, но инстинкты... их не обманешь.

Она словно предлагала оценить себя. Он и оценивал, но совсем не так как хотелось ей. Не так.

— Разве душа не стоит этого? — спросила она, поймав мой взгляд.

— Нет, не стоит.

— А мне плевать, — Маринка рассмеялась звонко и весело, как молодая девушка.

— Мне тоже, — высказалась Тамария.

— Чудно, — констатировал Седой, — Тогда продолжим.

Неторопливое кружение Простого закончилось стремительным смазанным рывком. Он больше не рассыпался песком и не собирался в другом месте, тело Игната было другим, но слушалось не хуже. Размытое очертание мужской фигуры и вот уже женская чуть приподнялась над полом и сломалась, словно сухая ветка, на которую наступили ботинком.

Если вы хоть раз слышали треск, с которым ломается кость, забыть или перепутать его трудно. Джар Аш схватил Маринку, словно собирался закружить девушку в танце. Но вместо страстного объятия, прижал к себе с такой силой, что сломал позвоночник.

Она даже не закричала, наверное, не смогла. Зато смогла я.

— Нет. Не смей!

Я хотела броситься к ним, к замершей у алтаря паре, оттащить друг от друга, надавать подружке пощечин, и выбросить из замка, раз уж выбрасывать из тили-мили-тряндии поздно. Я хотела, но знала, что ничего не сделаю. И все же меня остановили, Пашка вцепилась в плечо, и зашипела:

— Не надо.

И самое интересное, я знала, что она это сделает, буквально за миг до прикосновения чешуйчатых пальцев. Видимо на этот раз мне дали одним глазком глянуть на сценарий.

Простой словно не слышал и не видел ничего кроме красивого и чуть удивленного лица девушки, которую держал в руках.

Демон вдохнул шедший от нее неровный рваный запах страха и удивления, и склонил голову, неторопливо и ласково касаясь губами шеи. Маринка выдохнула. А вздохнуть не смогла. Из разорванного горла потекла кровь. Нет, не потекла, хлынула, окатив восточника с головы до ног, выкрасив их одежду в красный цвет. Подруга открыла рот, и воздух запузырился в ране, брызгая кровью. Джар Аш поднял голову, с губ и подбородка капала кровь, но он продолжал вглядываться в ее лицо, ловя миг, пока глаза потускнеют, замрут и больше никогда не оживут.

Еще один вдох, хрип, дрожь тела, на пол упал ботинок, крепкий, добротный, на плоской подошве, что так любят пожилые люди. Нечто воздушное, легкое, сладкое коснулось меня, наполняя тело негой. Маринка умирала, а Простой продолжал смотреть ей в глаза

Победно на одной ноте завыл потрошитель, хвост Пашки стегал по полу, Март молчал, все молчали.

— На алтарь, — рявкнул Кирилл.

Я моргнула, стараясь сбросить с себя наслаждение чужой смертью, Тамария замурлыкала песенку, восточник бросил тело. Оно упало неловко, стукнувшись головой о камень. Верхняя половина туловища осталась на алтаре, тогда как нижняя сползла на пол, правая рука замерла ладонью вверх, мертвые зеленые глаза смотрели прямо на меня. Вот и кончилась наша дружба, смерть имеет обыкновение ставить точку во всем чего коснется.

Женщина была мертва, она умерла еще там, на руках у Простого, хотя кровь продолжала заливать темный камень.

— Глупая молодая ласка, — проговорила Прекрасная, — Вечная жизнь и вечная молодость — разные вещи.

Борозды стали наполняться кровью. Может, все дело в наклоне камня, а может, в магии, но кровь, словно живая стекалась к лучам рисунка, наполняла его до краев и устремляясь к центру. Там в круге подрагивал, перебирая струнами перехода, ждал осколок ушедших.

Простой развернулся к Шороху. Кирилл приблизился к Дыму. Два одинаковых почти зеркальных движения, два демона, две жертвы.

— Не надо, — в защитном жесте поднял руки сидящий на краю алтаря Шорох, и снова повторил, — Я сам.

— Он не заложник! — закричал Март, я развернулась и уперлась руками в грудь молодому целителю, уже сделавшему свой первый шаг в бездну. Осмелившемуся возразить хозяину. — Не заложник, — беспомощно повторил парень, а я почувствовала, как грудь дрожит под моими ладонями, от ужаса и сладости. Не выдержала и повернулась.

Старый целитель вскрывал себе вены. Сам, как и сказал, мужчина закатал рукав и провел когтем поперек запястья, а потом вдоль руки почти до самого локтя и снова поперек.

Не показуха и не желание пустить пыль в глаза, а спокойное действие, рассчитанное на результат. Порез быстро набухал кровью, она раскрыла края раны и потекла по коже, капая на алтарь. Шорох оглядел руку, удовлетворенно кивнул и взялся за вторую.

— Ненавижу, — проговорил Дым, — Говорил я хозяину, что тебя надо удавить в колыбели. Да Ниней воспротивилась, а он пошел у нее на поводу.

— Я сейчас расплачусь от умиления, — ровным голосом ответил Седой.

Возможно, даже слишком ровным, потому что внутри демона севера начало закручиваться что-то темное и морозное.

— Далеко не последняя ошибка отца.

— Хозяин, — попросил парень, грудь ходила ходуном. — Он же целитель.

Думаю, он мог бы отбросить меня если бы хотел, но продолжал стоять, не сводя взгляда с Шороха Бесцветного. Не так часто в нашей тили-мили-тряндии появляются кумиры. И тем не менее парень все еще стоял, а не дрался. Он тоже читал сценарий. Спасибо ушедшим за маленькие радости. Стоял, негодовал и умолял.

— А парень не трус, — хихикнула Тамария. — Дурак, а такие долго не живут.

— Целитель вор, — ответил Дым.

— Как и ты, — спокойно сказал Шорох, — Не надо мальчик, — это уже Мартыну, — Не стоит. Я заложник, такой же, как и остальные. Я просто смог сжульничать. Взял в руки артефакт, — он перевел взгляд на меня, — Девочка знает какой. Пришла пора платить по счету.

Кровь со второй руки потекла на гладкую поверхность алтаря. Круг, который так походил на солнце замкнулся. Струны переходов взяли высокий аккорд, и вокруг стеклянного лезвия появилась... я даже не сразу поняла, что это.

Струйки крови приподнялись, словно живые и окутали осколок. Нож окружила сфера из перепутанных трубок, ниток по которым пустили красную жидкость. Будто кто-то вытащил из человека артерии и смотал их в клубок вокруг оружия.

Нет, это были не вены, это были нити переходов, которые мы увидели, после того как на алтарь попала кровь заложников. Они начинались под острием, закручивались вокруг

оружия, выходили над обмотанной изолентой рукоятью и исчезали в воздухе.

Как-то на уроке труда Алиса соорудила странную штуку. Под руководством учителя второклашки надули воздушные шарики, обмазали клеем и обмотали цветными нитками. А когда поделка высохла, учительница прошлась по рядам, к восторгу детей лопая шарики иголкой один за другим. Итог, домой моя дочь принесла странный полупрозрачный шар из цветных шерстяных ниток. Я долго не знала, куда пристроить эдакую красоту, перекладывая с места на место, пока кошка, к всеобщему облегчению, не разодрала ее в хлам. Так вот, если бы все нитки были красными, и если бы в этот шар поместили осколок стекла, то та поделка очень напоминала то, что я видела сейчас над алтарем.

— Да пошел ты, — зарычал Дым, — Я у этого ничего не занимал, мой хозяин Трифон.

— Вот и отправляйся к нему, — заключил Седой.

Все произошло еще быстрее чем с Мариной. Бросок демона был стремительнее, чем взгляд, сильнее чем мысль. Простой схватил Дыма за волосы и запрокинул голову старика назад, без всякого изящества разбивая затылок о кромку камня.

Но Дым тоже был нечистью, вестником не подчиняющимся приказам Седого. Именно этого Седого. Обездвиженный старик не мог ни уклониться, ни дать отпор. Но кое-что он сделал. Он поймал мой взгляд и четко произнес:

— Найди Настасью.

А потом голова запрокинулась, стукнулась камень и лопнула как перезрелый орех. Кирилл рыкнул, его недовольство легким морозом пробежалось по залу. Темная кровь третьего заложника брызнула на алтарь. Сразу вспомнилась лекция в университете по оказанию первой медицинской помощи, вспомнился гнусавый и монотонный голос преподавателя и слова, сказанные равнодушным тоном: "раны на голове всегда самые кровавые".

Вой потрошителя стал прерывистым и больше похожим на лай. В клубок кровавых нитей вплелось еще несколько, они казались ярче, горя почти рубиновым светом. Одна из них несколько раз обвилась вокруг лезвия, прилегая вплотную. Острая кромка могла в любой момент перерезать тонкие ниточки. Могла, но пока... Тональность перебора струн стала выше на целую октаву.

— Где она тебе ее найдет? — фыркнула Тамария, поддевая носком туфельки ногу старого вестника, ее серебристое вечернее платье казалось совсем неуместным здесь. — Опоздала на пару веков, как минимум.

— Кем ты был? — спросил Март, его интересовал только целитель вне уровней, — Кем ты был до того как взял в руки доспех павшего?

Шорох поднял голову, взгляд был мутным, кровь продолжала течь на камень. Целитель не давал ранам закрыться. Он тоже читал это пьесу и был полон решимости доиграть до конца, даже, несмотря на то, что она будет для него последней.

— Я был падальщиком, парень, — тихо ответил целитель и даже ухмыльнулся, — Что таким нравлюсь тебе меньше? Уже не пример для подражания?

Мартын отступил, и я опустила руки. Вот и весь ответ. Нет, он не стал смотреть на старика с презрением, но это показательное отступление сказало намного больше слов. Только что он осмелился противоречить своему хозяину и вот уже отходит в сторону. Такие как он и его отец называли Веника падалью. Не убавить, не прибавить.

Простой остановился напротив старого целителя и словно раздумывая.

— Хозяин, — позвал Шорох заплетающимся языком, — Сделка?

Кожа старого целителя была бледной, словно восковой, жизнь покидала старика с каждой падающей на алтарь каплей крови. Еще несколько секунд, максимум минута, и он не сможет больше держать раны открытыми. И как только он утратит контроль, случится одно из двух: либо нечистый организм попыбует восстановиться, и дело закончат демоны, либо уже поздно. У всех есть предел, но такие, как Шорох Бесцветный, редко его достигают.

— Сделка, — ответил Кирилл, поднимая руку.

Пашка охнула, в миг превращаясь из змеи в хрупкую девушку. Тот водоворот, который я чувствовала внутри Седого вдруг ускорился, вырываясь наружу. Магия севера, словно порыв ледяного ветра, закружилась вокруг тела демона, поднялась до плеча, локтя... кисти. Кирилл ухватил рукой что-то невидимое в вышине. Хотя, нет, уже не рукой, а когтистой лапой. Ухватил и потянул вниз. Точно таким же жестом, как он дотягивался до покрытых снегом еловых лап над головой, стряхивая белое крошево нам с Алисой на головы. Как же мы смеялись тогда...

Явидь почувствовала горечь, и меня коснулась волна тепла. Тех самых органов, которые так походила на пики эквалайзера. Ушедшие, она пыталась меня поддержать, передав часть эмоции. Неловко и неуклюже. Но пыталась. Что это?

Март продолжал отступать, не сводя взгляда с пространства над головой Кирилла. В воздухе проступали очертания чего-то серебристого. Черточки, полосы, ломанные линии. Я чуть наклонила голову и картинка сложилась.

— Дерево душ, — прошептал Шорох, куда делась его вялость и равнодушие, с которым он наблюдал, как из тела вытекает жизнь. То, что он видел сейчас имело куда большее значение.

Серебристые линии образовали над головой Седого рисунок ветки. На ней трепетали маленькие листочки, словно там где они росли, гулял ветер. Мартын отступал, пока не уперся спиной в стену.

— Давай, — скомандовал Кирилл, срывая угловатый листок и сминая его в кулаке.

Демоны снова действовали синхронно, одинаковые на вид, они делали одно дело. Седой скомкал лист, ветка тут же исчезла, а Джар Аш ударил Шороха в грудь. Словно в дрянном фильме ужасов его рука вошла в тело, словно не было никаких препятствий, не было ни одежды, ни кожи, ни ребер — никаких преград на пути к сердцу. Целитель вне уровней продолжал смотреть на сжатый кулак Седого, совсем не интересуясь тем, что сердце сейчас вырвут из его груди. Восточник сжал бьющийся комок и потянул на себя, а Кирилл опустил руку, и в его кулаке тоже что-то пульсировало серебристым отраженным светом.

В тот миг, когда сердце покинуло тело Шороха, в него вернулась капля души. На коснулась кожи смешиваясь с кровью, и провалилась в дыру, заменяя собой сердце, которое только что раздавил в ладонях Простой.

Рана заполнилась светящимся серебром, отразившимся в глазах мужчины. Улыбающегося мужчины, настолько счастливого, будто ему только что преподнесли дорогой и желанный подарок.

Джар Аш отбросил сердце в сторону.

Свет в глазах Шороха сменился красным огнем, а затем почернел и выплеснулся наружу черным дымом.

А я все стояла и смотрела. Смотрела, как они убивали, перебрасываясь словами, словно жонглеры, разыгрывая пьесу с известным концом. Смотрела и, кажется, не имела ничего против пассивной роли зрителя. Герои умирают каждый день, на сцене театра, на страницах

книги, на экранах телевизора, и редко кто плачет, когда они падают в кадре. Сейчас я смотрела именно такой фильм. Нет, я знала, что они умирали, знала, но... Не могу объяснить, вернее могу, но пока не хочу. Не хочу произносить это вслух, ведь пока слова не сказаны, их как бы нет.

Внутри с каждым их действием словно скручивали пружину, как жестяной заводной игрушке. Скручивали и скручивали. А сейчас отпустили.

Я смотрела на черный дым покидающий тело Шороха и чувствовала, как губы кривятся от ярости, а ногти впиваются в ладони. Предо мной была эта чертова тварь. Бестелесый. Тело старого целителя опустело и упало на спину на алтарь прямо в кровавую лужу. В черном повисшем над полом дыму зажглись красные угли глаз.

Бес осмотрел зал, Простого с красными от крови руками, Марта прижимающегося к стене, Пашку, так и не решившуюся приблизиться к алтарю, Седого сосредоточенно о чем-то размышляющего, Тамарию, Потрошителя, меня...

Он был зол настолько, что готов броситься. В алых угольях глаз горела ярость, атака. И я ничего не имела против, даже почти ждала, представляя, как погружу пальцы в эти алые огни и вырву их на фиг, погашу навсегда.

"Ну, давай же", — мысленно подначила я, почти пьянея от предвкушения и азарта.

Но тут кто-то закрыл меня от беса, или его от меня.

— Сделка. Уходи, — рявкнул Кирилл, — Я сдержал слово.

Секунду черный дым колебался, а потом рванулся к потолку, к припорошенному снегом куполу, врезался в него и исчез, растворяясь в белой круговерти метели. И все выдохнули, часть магии разлитой в зале исчезла вместе с бесом.

А я не могла оторвать взгляда от темноты над головой, надеясь что беслетесая тварь вернется. Так кошка не в силах отвернуться от прыгающей с ветки на ветку птицы. Я почти хотела, чтобы он вернулся, чтобы...

— Ольга, — я моргнула и поняла, что Кирилл тряс меня за плечи, — Тебе все еще нужно твое Юково? — спросил он, заглядывая в лицо.

Я снова стояла в жертвенном зале, снова была собой, вроде бы. Март держался за стену и, по-моему, собирался плевать или рассматривал что-то у себя под ногами. Может именно камни вызывали у парня такое отвращение? Пашка выглядывала из-за плеча Кирилла. Ее взгляд был более чем красноречив, так смотрят на дурную собаку, мелкую, но непредсказуемую, готовую в любой момент броситься и покусать. Тамария хмурилась, а Простой наоборот улыбался неизвестно чему.

— Она же почти открыла охоту на... — Седой развернулся и ударил Пашку. Сильно ударил с разворота, так что она повалилась на пол. А потом снова схватил меня за плечи и спросил, — Так да или нет?

— Да, — я вырвалась, наверное, впервые не отреагировав на его прикосновение, сделала шаг к Пашке и тут же наткнулась на острые пики ее ярости, она не хотела, чтоб я ее жалела, не могла этого вынести, змея предпочитала сплевывать кровь и, спрятав клыки, принимать удары хозяина, чем сострадание.

— А если да, наорочи, то приступай, — Джар Аш приглашающе махнул на алтарь, капля крови сорвалась с его ладони и упала на пол. Я поймала себя на том, что наблюдаю за ее полетом с куда большим интересом, чем за тем что происходит вокруг. — Кровь долго не продержится, и придется начинать все сначала.

— Я?

— Пора и вам поучаствовать. Я убил троих ради северной стежки, а я ненавижу что-то делать просто так. Новых заложников найти нетрудно, всегда есть кто-то моложе, или сильнее или старше, сколько не убивай, но я ненавижу повторяться.

— Я? — словно попугай повторила я, пропустив его слова мимо ушей.

— Ты. Поверь, если у кого и получится, то только у тебя, наорочи. Как сказала Аш Шерия, важна не только возможность, нужно желание. А сильнее тебя этого не хочет никто. Я так совсем не хочу.

Я посмотрела на Кирилла, и он согласно прикрыл глаза, значит, все это вписывалось в его план. Март, наконец, поднял голову и ошалело посмотрел на меня.

— Время истекает, наорочи. Либо распутывай нить перехода, либо рви ее. Последнее, конечно, быстрее.

Я тряхнула головой, стараясь отогнать видения черного дыма. Потом. Все потом. Я разберусь и с этим и с тем что я только что видела. Хотя, зачем врать себе? Рождение бестелесого — вот что это было. На моих глазах из тела и души Шороха появился бес. Мерзкая тварь, ненавижу... Но Простой прав.

— Что надо делать? — спросила я.

— Видишь нить, закрученную вокруг лезвия?

— Да.

— Если погрузить клинок в тело она порвется, и ваше Юково уйдет навсегда. Или, — Джар Аш подал мне перемазанную в крови руку, — Распутать, вынуть нить из ушка иглы.

— И как? Технически? Махать руками и танцевать? Распевать матерные частушки? — я поколебалась, но все-таки вложила пальцы в окровавленную ладонь.

— Хотел бы послушать, но нет. Ручками, наорочи, ручками. Берешь и распутываешь, как сети или чего еще там люди придумали.

— Ушедшие, мы еще должны ее уговаривать, — скривилась Прекрасная, — Да, не хочешь — не делай. Все ве...

Кирилл поднял руку и она, схватившись за горло, проглотила слово. Важное, черт возьми, слово. Я бы не отказалась его услышать. Меня обожгла мгновенная ярость. Я должна знать! Не они, а я!

— Кир, — прохрипела Тамария, Седой, поколебавшись, опустил ладонь, и она хрипло задышала.

— Наорочи, — позвал Джар Аш.

Чего они хотят? Чтобы я распутала чертову нитку? Да, запросто. А потом мы поговорим. Я заставлю их говорить.

Выдернув руку из ладони Простого, я полезла на алтарь. Задела тело Маринки и он съехал на пол. Вляпалась коленом в лужу. Противно, но не страшно, даже в нашей тилимили-трятрии кровь редко кусается.

Каждая хозяйка хоть раз потрошила рыбу, вытаскивала пузырь, кишки, жабры, вытирая натруженные окровавленные руки, и никому в голову не приходило называть ее чудовищем. Один раз я не додержала курицу на огне, а Кирилл все рано съел, а еще...

Мы сталкиваемся с кровью гораздо чаще, чем думаем. Мы режем пальцы на кухне, суем в рот, а потом заматываем пластырем. Мы жарим печенку и смотрим телевизор, и ничего не вызывает у нас особых эмоций, ни дурноты, ни гадливости. На рынках каждый день работают мясники, в больницах оперируют хирурги, в парках маньяки. Все это часть человеческой жизни.

Наверное, мне хотелось оправдаться, хотя бы перед собой, потому что, вляпавшись в лужу крови, я не почувствовала ничего, кроме раздражения и еще пожалуй желания закончить все побыстрее.

Я встала на алтарь, перешагнула тело Шороха, и тронула испачканной туфлей переплетение кровавых стежек. Нога беспрепятственно прошла сквозь клубок и коснулась зеркального осколка. Тут же грянула музыка, словно кто-то прибавил громкости, слушая инструментальный концерт.

Осколок качнулся, но устоял. Я опустилась на колени, не обращая внимания на липнущую к коже кровавую влажность, и подняла руку к спутанным эфемерным нитям. Видела их, но не могла коснуться, так и тянула, проходившие сквозь клубок, пальцы, пока не коснулась клинка. Это было иррационально и неправильно.

Я провела по обвивающей лезвие нити и снова ничего не ощутила, только гладкость стекла и музыку. Как распутать то, чего нет в нашем мире? То до чего нельзя дотронуться?

— Не думай, Оля, — я вздрогнула от ласкового тона, которым он произнес мое имя, совсем как тогда, когда он каждое утро просыпался рядом, — Просто делай!

И почти возненавидела его за эти слова. Почти...

Не думать? Проще сказать, чем сделать.

Я посмотрела на перекрученную нить и попыталась подцепить ее пальцами. В голове раздался тонкий перезвон, той самой высокой и тонкой струны, которая выбивалось из общей симфонии. Она только плакала, словно моля о помощи.

Не верить, не думать, просто делать.

Я потянула нить в сторону, не чувствуя ее, потянула, словно мим, играющий с несуществующими предметами. Стежки, как сказал Александр, не существовало в нашем мире, и мне предстояло вытянуть ее обратно.

Потянула, и кровавая нить, которую нельзя ощутить последовала за рукой. Так просто?

Первый виток, второй, третий. Струна слетела с осколка зеркала ушедших, оставив на нем темный рыжеватый след, выскользнула из пальцев и прилипла к переплетению нитей словно намагниченная. Несколько секунд весь клубок вибрировал, а потом струны снова заиграли, на этот раз без высоких стенаний

— Получилось? — спросила я, поворачиваясь к демонам.

Но они не ответили, они продолжали стоять и смотреть на меня, вместо того, чтобы хлопать друг друга по плечам или перегрызать глотки, как планировал Кирилл. Они все еще чего-то ждали. Я снова посмотрела на клубок, окружавший клинок, на лезвие. На грязный прерывистый отпечаток на его поверхности.

А что если...?

Я коснулась лезвия, струны снова заиграли, но на этот раз низко и печально. Что ж пойдем по проторенному пути. Ухватив с клинка ржавый прерывистый след, я не имела ни малейшего понятия, послушается ли она меня. Послушалась. В голове что-то задребезжало, а потом звуки сменились криками.

— Нет, — Кирилл поднял руку.

— Остановись, — рявкнул Джар Аш.

— Я же говорила... — начала Тамария.

— Прекрати! — взвыла Пашка, падая на колени и зажимая уши руками.

А струна все дребезжала, низко и обреченно. Первый виток и мою руку поймали в жесткий захват.

— Стоять, — восточник оказался радом со мной, стоя на одном колене.

Он был весь в крови с головы до ног, вся напускная человечность, веселость и показуха, с которой он трогал мои волосы, дразня Седого, исчезла. Рядом со мной снова был памятник, только заключенный в живое тело. Низкий перебор струн сменился высоким, и снова загудел. Не стежка, а скорее ее след, вырвался из пальцев и снова прилик к клинку.

— Нельзя, наорочи.

— Так объясните, наконец, — я попыталась вырвать руку из захвата.

— Это не Юково, идиотка, — закричала Тамария.

Я обернулась, она стояла прямо у алтаря готовая в любой момент ринуться и разорвать меня на части. А вот Кирилл казался абсолютно спокойным и собранным, и его молчаливая готовность пугала сильнее, чем ярость Прекрасной. Он не сторонник рассуждений, просто возьмет и сделает, то, что считает нужным.

Седой поймал мой взгляд, и уголки губ едва заметно дрогнули. Ушедшие, ему почти весело. И это веселье передалось мне, оно походило на ударившее в голову шампанское, хмельными пузырьками пощекотавшим небо и ударившими в голову.

Не стараясь больше вырвать руку и ладони восточника, я снова подцепила грязный след струны. Простой рыкнул и дернул меня в сторону, и вместе со мной и нить. Второй виток соскочил с лезвия.

Я кожей чувствовала, как беснуется Тамария, и мне хотелось смеяться. Чужая ярость оказалась не менее вкусна, чем смерть. Она как острая приправа придавала жизни вкус. Прекрасная была на грани, но все еще стояла в стороне, а не бросалась. Хотя казалось, чего же проще, не мне тягаться силой с демоном. И это могло привести к размышлениям, если бы среди нас был тот, кто еще мог думать.

В низкое звучание струны вплелось подвывание явиди, которая так и не поднялась с колен. Март просто смотрел стеклянным остановившимся взглядом и, слава Ушедшим, вроде не собирался вмешиваться. Потрошитель был занят, стоя на четвереньках он с остервенением лизал брошенное восточником сердце Шороха Бесцветного, едва не похрюкивал от удовольствия. У всех свои приоритеты.

Простой выкрутил мне руку, заставляя выпустить ржавую нить и ударил в грудь, опрокидывая на спину. Струна обиженно загудела, возвращаясь к осколку, а я упала прямо на тело старого целителя. Спина тут же стала липкой от крови, и это почему-то разозлило меня сильнее, чем удар. Я скатилась с тела, размазывая ладонями кровь по камню. Джар Аш ухватился за обмотанную изолентой рукоять и поднял осколок. Окружающий его клубок стежек тут же исчез. Но я все еще слышала перезвон струн.

Мудрить и придумывать смысла не было, даже нечисти не тягаться силой с демоном. Я не стала выпрямляться, приподнялась и просто толкнула его в живот, навалилась всем телом и опрокинула на алтарь, грохнувшись сверху. Джар Аш клацнул зубами, грудь дрожала от зарождавшегося рыка, зеркальный клинок замер в миллиметре от его груди. Я поймала себя на том, что весело представляю, как он воткнул бы с лезвием сам в себя. Интересно, а демоны могут покончить с собой?

— Юродивая, — простонала Тамария, — Это не Юково. Это мой Байкулов Яр. Я убила осколком мать и лишилась стежки. Ты же должна помнить об этом, ушедшие.

— Наорочи, — ухмыльнулся Простой, не сделав ни одного движения, и клинок все еще смотрел ему в грудь. — Эта стежка давно ушла безверменье. От нее остался лишь след на стекле, но и он скоро исчезнет. Ты пытаешься вытащить мертвецов. Наорочи, ты

действительно этого хочешь? Увидеть целую стезжку покойников?

— Да, — в ответе больше вызова, чем смысла.

— Врешь.

— Вру, — согласилась я и, перехватывая руку с осколком, сдернула пружину стилета.

Простой знал, что-то произойдет. Нечисть всегда чувствует такие вещи, и дело тут не в магии, дело в звериных инстинктах. Напрягаются мышцы, сердце замирает, дыхание замедляется, а потом противник наносит удар, всегда на выдохе. Он знал, что-то будет, не мог не знать.

Все произошло очень быстро, человек бы ничего не увидел. Серебро вошло в тело Простого. Джар Аш вздрогнул, не пыталась ни избежать удара, ни врезать в ответ. Он не сделал ничего, даже не попытался, лишь крепче сжал руку на зеркальном клинке. Демона трудно убить, и возможно эта беспечность объяснялась просто: кто будет отмахиваться от комара, рискуя выпустить из рук трофеев ушедших?

Стилет почти пришил его к алтарю. Глаза восточника вспыхнули.

— Наорочи, — проговорил он, и кровь брызнула с губ, смешиваясь с кровью тех, кого он сегодня принес в жертву.

Холодная сила Седого коснулась моей щеки. Хлесткий, как пощечина приказ, убраться с дороги. Сколько раз я наблюдала, как нечисть общается вот так, и теперь поняла, каково это. Не говорить, а ощущать самой сутью, тем самым новым органом чувств. Тепло явиди, предостережение Седого, колючие удары презрения Тамарии.

Я поняла Кирилла без слов, еще до того как он начал двигаться, до того как выдернула вошедший в грудь Джар Аша стилет. Но понять и сделать — разные вещи.

Осколок зеркала ушедших выпал из руки восточника, и я даже успела его схватить, до того, как меня отбросили в сторону. Отшвырнули, как досадную помеху.

Я скатилась с алтаря, зеркальный клинок ударился о каменный пол и высек сноп искр, на миг осветивший клубок нитей, все еще окружавших артефакт. Я кувырнулась через голову, успев понять, что сейчас напорюсь на лезвие, и буквально покончу с собой, как совсем недавно пророчила Простому. Но ничего не могла поделать, инерция тащила меня дальше, возможно Кирилл перестарался, а возможно он сделал это намеренно.

Последняя мысль была не о крови и Юкове, не о силе и демонах... она была о дочери. Сожаление, что больше не увижу ее, и надежда, что она справится с этой жизнью лучше, чем я. Мысли прервал тонкий звонкий звук разбивающегося стекла. Лезвие вспорол платье, но вместо того чтобы войти в плоть, вдруг рассыпалось на осколки. Я сжала руки крепче, чувствуя в ладонях остроту битого стекла и плотность перепутанных проводов. Ушедший, я их чувствовала, на самом деле. Казалось, пальцы попали в неплотный моток колючих ниток.

Мир, наконец, остановился. Оказалось я еще жива, и сижу на каменном полу, прижимая к животу то, что осталось от осколка зеркала ушедших. Я собрала ноги и руки, вяло обрадовавшись тому, что обошлось без переломов.

— Давай! — закричал Кирилл, и я подняла глаза на алтарь, с которого меня скинули.

Седой стоял на камне, у его ног распласталось тело Простого. Но вместо того, чтобы перегрызть восточнику горло орал на Марта. Видимо молчаливый приказ получила не только я. Парень стоял на коленях над Джар Ашем и, кажется, пытался что-то сделать.

— Вытягивай его! — скомандовал Кирилл, — Не зря же я запретил тебе пользоваться силой, ее должно было скопиться столько, что... — он почти рычал, — Не заставляй меня пожалеть, что на алтаре оказался Шорох, а не ты.

Магия целителя казалась сырой и пахла плесенью, как в старых замшелых домах. Она изливалась из него волнами, и падала на тело Простого. То, что это было именно тело, я поняла сразу, сердце восточника не билось. Вот тут и вернулось это чувство — неопределенность. Кириллу все-таки удалось всучить мне не тот сценарий, потому что сейчас я играла роль в пьесе абсурда.

— Ты все еще думаешь, что знаешь его? — Тамария ухватила меня за волосы, заставляя поднять голову, — Знаешь и понимаешь демона? Ты обычная человеческая девчонка?

Ответа у меня не было, только желание, которое легко можно перепутать с реальностью.

— Да когда ж до тебя дойдет...

Договорить ей не дал черный чешуйчатый хвост, сбивший Прекрасную с ног. Да, Пашка была хороша, я не почувствовала ее приближения, пока она не нанесла удар. Южанка упала, едва не оторвав мне башку вместе с волосами.

Я вскрикнула, выпустив из рук сломанный артефакт, или что там от него осталось. Рука коснулась ребер, в платье была дыра размером с ладонь, но ни одного пореза, хотя никаких изменений в ощущениях, никакой кольчуги или чешуи, обычная кожа.

Вымазанный в крови Клубок, так похожий на тот, в которой бабушки сматывают нитки для вязания, откатился в сторону и, ударившись о камень алтаря, остановился. И на этот раз его видели все. Путаница нитей и сверкающих осколков зеркала, словно сквозь моток пропустили люрекс.

— Ну же! — продолжал кричать Кирилл, — Он нужен мне!

Седой поднял руку и будто в исступлении впился зубами в собственное запястье, зажмурился, а потом приложил ладонь к щеке парня. Со стороны касание вышло почти ласковым.

Кровь демона закапала на распухшие рубцы раны, которую Седой сам же и нанес день назад. Ушедшие, он ничего не делает просто так. Рваные полосы загорелись алым, а сквозь зелень горящих глаз целителя проступило ледяное серебро силы севера. Температура воздуха в зале понизилась почти до нуля, заставляя все волосы на теле встать дыбом. Хозяин поделился магией с Мартом. Парень закричал, лицо подернулось изморозью, но рук не убрал, прижимая их к груди Простого.

— Смелая змеюка, у вас вся семейка такая. Я этого не забуду, — южанка поднималась.

Если на пол упала девушка, то встала с него уже Прекрасная. Смуглая кожа, синие глаза и капельки драгоценных камней, водящих по безупречному телу затейливые хороводы. Разве может кто-то из смертных соперничать с ней в красоте и грации?

Пашка зашипела, она в отличие от меня не торопилась впадать в эстетический экстаз.

— Теперь я знаю, как они создаются, — Тамария задумчиво подняла спутанный клубок стежек и повертела в пальцах. — Знаешь что это?

— Да мне наплевать, — я медленно поднималась, — Хочешь, оставь себе.

— Смешно, но у меня был такой. Я подарила его Киру, — она запрокинула голову и хрипло рассмеялась, — Говоря современным языком, это поисковая система. Как ваш Google. Он может найти все что угодно, найдет дорогу к мечте. Надо лишь кинуть клубок на землю и поставить задачу. Короткий путь к любой стежке, источнику, останкам...

— К Василисе Премудрой или к Иванушке — дурачку? — спросила я, никаких эмоций обладание предметом не вызвало.

— К ним родимым.

— Пашка, — заорал Седой, и мы увидели, как падает Мартын, на лице парня алел кровавый отпечаток чужой ладони.

Змея рванулась вперед, подхватывая парня за миг до того, как его затылок соприкоснулся с краем алтаря, буквально в сантиметре от головы Дыма. Молодой целитель шевельнулся, недовольно мыча, он был жив, но вымотан до предела. Над камнем показалась голова потрошителя, он что-то жевал, вернее кого-то. Тело Дыма дернулось, словно кто-то оторвал он него кусок.

— Пошел вон! — заорала я на слугу.

Странное дело, но смерть не вызвала столько эмоций, сколько осквернение тел. Или пожирание. Ушедшие он чавкал, а мне хотелось затолкать куски в против ему в глотку.

А как же все рассуждение о хирургах и мясниках? Да, никак. Все это чушь собачья. Оправдание равнодушия и ничего больше. Никогда не верьте нечисти. Даже если он рассказывает вам эту историю со страниц книги.

— Унеси его отсюда, нельзя чтоб он сдох здесь, — скомандовал Седой, и явидь подхватив парня, стала оттащить его в сторону ближайшей двери. Он вяло пытался ей помочь отталкиваясь ногами от серого камня.

— Кир, помнишь, что ты хотел в прошлый раз? Нет? А я помню, ты пожелал могущества Великих, власти не над пределом, а над мирами. — она рассмеялась.

Седой спрыгнул с алтаря. Шорох все еще смотрел в стеклянный потолок несуществующими глазами. Джар Аш остался недвижим, но что-то в нем изменилось, что-то...

— Пожелал и бросил. Мы вместе пошли за Клубком. Угадай, куда он нас привел?

Серебряный стилет все еще болтался у ладони, кожу покрывали кровавые разводы, но серебристая поверхность оставалась чистой, словно новенькая монетка.

— Он привел нас к девчонке, которая что-то малевала на заборе белой краской.

Я посмотрела в синие глаза Прекрасной. Сердце сорвалось в беспорядочный хаотичный бег. Я не знала, хочу ли услышать то, что последует за этим. Прежняя Ольга Лесина не хотела, а новая совершенно не знакомая, казалось, даже жаждет этого.

— Всего лишь безделушка, а какие последствия, — она снова посмотрела на клубок, Пять раз подумай прежде чем что-то подарить, — она улыбнулась алыми губами, — Взять хотя бы твои сережки.

Я коснулась золотых колечек, знала, что она этого ждет, но не могла удержаться, рефлексy слишком сильны. Хлопнула дверь, Пашка вытащила Мартына из зала.

— Ушедшие, я ведь пыталась привлечь твоё внимание к ним. Бес толку, люди такие толстокожие.

— В них нет магии, — я вспомнила, как Кирилл подарил их мне, пока новорожденная Алиса спала в кровати, вспомнила купание в чистом источнике, вспомнила поцелуй демона и его морозное прикосновение. Уверена ли я была в том, что сказала? Конечно, нет. Сережки, как минимум, служили пропуском в серую цитадель, а как максимум... Об остальном я предпочитала не думать. Тамария была права, нельзя открыть глаза тому, кто хочет оставаться слепым.

— В подарках всегда есть сила, и не важно вымышленная она или настоящая, — южанка коснулась рукой подбородка, слишком нарочитый жест, чтобы быть искренним. Ровная загорелая кожа, драгоценные камешки и рябь, прошедшаяся по запястью, так видится конец асфальтовой дороги в жаркий день, когда воздух дрожит и картинка проступает,

словно сквозь каплю воды. На тонкой руке миллиметр за миллиметром появлялось украшение, браслет если быть точной.

Эффектная демонстрация силы демона, пока он этого не захочет, ты этого не увидишь. А когда захочет, ты об этом пожалеешь.

В самом браслете не было ничего необычного, колечки — звенья, цепляющиеся одно за другое, выполненные без особого изыска, таких изделий в каждом ювелирном с десяток. Ничего особенного. Почти. Если не обращать внимания на размер и обработку металла колец, составляющих удивительно гармоничную пару моим сережкам.

— Мой подарок, — не выдержала я.

— Нет. Мой, — Тамария повертела браслет — цепочку на руке.

Кирилл остановился. Я ощущала его всем телом, как стену уплотнившегося воздуха, словно рядом зажгли газовую горелку, но в отличие от настоящего пламени, это совсем не испускало тепло.

— Кир создал его для меня за два дня до рождения легенды зимы, — она скривилась, — Кто бы мог подумать, что человеческая девчонка произведет на свет столь сильное потомство. Но даже тогда, я думала, что он просто заберет ребенка. Ушедшие, так поступил бы каждый, — она повернулась к Седому, — Любой кроме тебя. Ты оставался с ней еще десять лет, создав амулет матери и доверив наследницу предела человеку. До сих пор не понимаю почему...

— Ты врешь, — я попыталась рассмеяться, но их горла вырвался только сухой и царапающий звук "кха".

— Если тебе так угодно, — она издевательски склонила голову, — Ты живешь в мире иллюзий и до сих пор не можешь из него вылезти, как ребенок из давно уже маленьких ползунков. Ты видишь то, чего нет, во всем, во мне, в нем, — она снова посмотрела на Седого и коснулась его плеча, таким простым и интимным жестом, — Демоны очень упрямы, сильны, изворотливы, они многое могут, почти все, кроме одного. Они не умеют любить.

Я замотала головой.

— Сожалею, Ольга, — она назвала меня по имени. И впервые в ее голосе не было злости, только усталость. — Нас такими создали Великие и не просто так. Будь это иначе, мы не смогли бы выполнить переназначение, понимаешь? Тигра можно научить есть траву, но нельзя заставить его наслаждаться вкусом.

— Скажи, что это неправда! — закричала я Кириллу.

— Да, скажи. Я тоже хочу послушать.

Но Седой молчал, долгую томительную минуту он смотрел на меня, не произнося ни одного слова.

— Соври! — не выдержав, закричала я, — Ты же врешь на каждом шагу.

Он не двинулся с места, не улыбнулся, не отмахнулся, не рассердился, не остановил треплющую языком южанку. Он не сделал ничего, на лице не отражалось ни одной эмоции, лишь сосредоточенность.

— Но даже это не самое страшное...

— Кирилл, прошу. Я могу жить воспоминаниями о счастье. Главное, чтоб оно было, хотя бы один день...

— Самое страшное, что, — Прекрасная опустила руку, браслет, состоявший из моих колечек, тихо звякнул. Она склонилась и прошептала несколько слов.

Слов, которые перевернули мир. Он сузился до двух фигур стоящих напротив. Воздух вдруг стал плотным и вязким, как желе, его невозможно было ни вдохнуть, ни выдохнуть.

Она не врала, правда слышалась в каждом произнесенном слове, в каждом вдохе, звуке, жесте.

Никто из нас не врал. Это и было чудовищно. Я могла жить с воспоминаниями, видят святые, только ими и жила последние четыре года. Но если все это было ложью, все — от первого "привет", до поцелуя, которым он попрощался, уходя в наш последний день на работу?

Как она касалась Кирилла, как говорила, и что говорила... Она знала слишком многое о нем, вернее о нас. А он знал о ней: о так называемой матери, о сестре. Ушедшие, он спит, с кем хочет, так почему бы к легиону девиц не добавить и Прекрасную южанку?

Как я тогда спросила у Веры: каково ждать, когда он придет от другой, ощущать ее запах, представлять ее поцелуи? Теперь ответ известен — хреново. Она словно залезла своими грязными пальцами в мою жизнь, в ту ее часть, которая была спрятана от посторонних. Глядя на ее браслет, я ощущала себя не просто обманутой, я ощущала себя преданной.

Голова кружилась, во рту чувствовалась противная сухость, глаза резало от яркого света, горло словно свело судорогой. Эмоциональная боль всегда сильнее телесной, да и боль — не то слово, которым можно описать мое состояние. Но нечисти слова не нужны.

— Сейчас, наорочи, — прошептала Тамария, — Сейчас самое время дать пощечину и убежать, заливаясь слеза...

Слова заглушил рык. Мой рык, зарождающийся где-то в глубине. Низкий утробный, полностью отражавший мое состояние. Она собиралась пожалеть меня кислым ненастоящим состраданием, и ее жалость стала последней каплей этой слишком длинной ночи.

В груди словно что-то лопнуло, или разбилось, окатив обжигающим огнем ярости. Я бросилась на нее, не понимая, что хочу сделать, и, не видя ничего, кроме прекрасного лица. Рывок и руки ударились о грудь Кирилла, из горла вырвался хриплый полный разочарования вой.

Прекрасная и не думала убегать, не вмешайся Седой, мы бы покатались по полу, сцепившись как две торговке на базаре, или скорее, как две бешеные лисицы. Думаю, она бы меня выпотрошила. Помните, я говорила, что драка между двумя девками изрядно развлечет Седого? Реальность, как водится, оказалась совершенно иной.

Кирилл оттолкнул ее себе за спину. Поступок ударивший сильнее, чем его молчание. Он защищал ее. Закрывал собой. Что может быть хуже для женщины, чем видеть, как мужчина защищает другую? На самом деле много чего. Но я в тот момент плохо соображала.

На меня словно опрокинули ведро ледяной воды. Вспыхнувшая ярость исчезла. Исчезли сомнения, неуверенность, мысли. Впервые мир стал таким, каким был, без розовых очков и предположений. Я видела его.

Седой загородил ее собой и я уткнулась в мужскую грудь, вдохнув, такой знакомый и кружащий голову запах.

— К... кто я? В кого ты превратил меня? — спросила я, отступая и тут же поняла, что вопрос поставлен неправильно, — В кого я позволила себя превратить?

Он не ответил, не потому что не мог, а потому что не хотел. Наверное, впервые я поняла, что такое настоящая ненависть, безвкусная, всеобъемлющая и холодная.

И он это почувствовал, губа демона задралась, обнажая клыки.

— Не хочу тебя видеть. Никогда, — еще шаг назад, я подняла руки к ушам и одно за другим вытащила колечки, — Женись, заведи гарем, наплоди детей. Все что угодно. Только ко мне не подходи.

Я взвесила сережки на ладони, стараясь подавить сожаление, от привычек трудно избавляться, посмотрела на Тамарию и швырнула колечки поверх плеча Кирилла, прямо ей в лицо.

— Это к набору.

Швырнула и потянулась к кольцу. Ногти царапали кожу.

— А иначе что? — клыкасто усмехнулся он, — Убьешь меня?

Пальцы соскользнули с золотистого ободка, который не сдвинулся ни на сантиметр. Мне не удавалось даже ухватить его. Кольцо, словно часть капкана, не желало отпускать попавшуюся конечность. Плохо, придется разбираться с подарком. Но это позже.

— Нет, — ответила я, опуская руку, — Уеду, мир большой.

— Вперед, — рывкнула Прекрасная, колечки валялись на полу, но я чувствовала ее жадное желание коснуться золотого металла.

— Но не настолько чтоб я не нашел тебя. — Кирилл не смотрел на Тамарию, он не отрывал взгляда от меня, еще несколько минут назад это казалось бы лестным.

— Не настолько, — повторила я, — Поэтому уеду туда, где ты меня найдешь, но не достанешь.

— Например? — его голос был спокоен и холоден, рычание, е недавно сотрясающее горло, утихло. Мы стояли и разговаривали, как на приеме, а не в комнате среди трупов, перемазанные чужой кровью.

— На запад, к Видящему. Как думаешь, ему понравится идея возродить традицию по обмену игрушками?

Кирилл ринулся вперед, и я знала, что он это сделает, что не снесет оскорбления. Мы больше не были даже подобием людей. Зверь напротив зверя, одна оскаленная морда напротив другой.

— Нет, Кир, не сейчас! — закричала Прекрасная, хватая его за плечо и пытаясь оттащить.

Пытаясь сделать то, что ей не по силам. Миг отчаянного предвкушения. Каково это будет, впиться в его лицо? Попробовать на вкус его кровь? Вместо рыка с губ сорвался стон.

Не знаю, чем бы все закончилось — смертью, сексом или жертвоприношением, но в этот отчаянный миг рывка Седого и моего предвкушения, на алтаре очнулся Простой. Сперва, поднял одну руку, затем вторую, а потом рывком сел и оглядел окружающий беспорядок и хрипло резюмировал:

— Ты полный псих, Кир.

Оба демона остановились.

Медленно, как в замедленной съемке Седой повернул голову к камню.

— Не может быть, — прошептала Тамария, отпуская плечо Кирилла.

Напряжение, разлитое в зале, схлынуло, оставляя после себя усталость и опустошение. Взгляд скользнул по руке Кирилла, на которой заострились когти.

Что я делаю? Чего хочу добиться? Быть убитой Седым? Неужели это то, к чему я шла столько лет? Нет, это не может быть правдой.

— Ты? — спросил хозяин севера у демона на алтаре.

А я поняла, что не хочу знать ответ, не хочу слышать их голоса, не хочу видеть лиц. Мое

место не здесь — осознание на грани откровения.

Я развернулась и бросилась к двери. Прочь из зала, из цитадели, из мира демонов и жертвоприношений. Игрушка все еще хотела жить, а это удушающее место и его обитатели не оставляли не единого шанса.

Дверь захлопнулась и ледяной воздух ласково коснулся разгоряченных щек. Солнце уже поднялось над горизонтом, отмеряя начало нового дня, моего первого настоящего дня на стежке. Ночь жертвоприношений закончилась.

Я миновала наружный переход, и холод зимнего утра сменилось серым теплом цитадели, коридор сменился лестницей, та круглой площадкой, потом снова коридором. Бежать и не останавливаться.

Размеренно стучавшее сердце я слышала за два пролета, так же как и шумное дыхание. Он был доволен и очень хорошо пах. Он чувствовал меня, так же как и я его. Когда становишься нечистью, жизни становится трудно тебя чем-либо удивить. Я знала, кого увижу, когда сверну за угол, и он знал. Мы встретились в одном из коридоров серой цитадели, как встречались сотни раз до этого. И в его руках все еще был зажат атам. А к моей все еще был примотан стилет. Идиллия...

— Ольга, — поприветствовал меня Александр.

— Так вот кто развлекал гостей хозяина, — сказала я, осматривая его залитую кровью одежду. Значит, жертвоприношение для остальных закончено. Кому еще Кирилл мог доверить его, как не ему. Хотя какое мне до этого дело? Никакого. Дела Седого меня больше не касаются.

— Так вот кто развлекал хозяина, — в тон мне ответил вестник Седого.

Мое рваное платье, кожу, туфли покрывало не меньшее количество крови, чем его. Мы оба служили сегодня интересам демонов.

Я прошла мимо, улавливая тонкий аромат тлена исходящий от грязного тела. Мужчина стоял, его сердце билось, но я не чувствовала в нем ни единой капли жизни. Словно у серой стены стоял не бывший человек, а каменная статуя. Эта добыча была мертвой.

Больше никто не произнес ни слова, не было нужды. Вестник никогда не был врагом, бывший офицер даже нравился мне. Но вместе с этим новая Ольга Лесина, та в кого я превратилась, знала что он мертв. А с мертвыми не дружат и не разговаривают, их отпускают, или возвращают мертвым.

Лестницы кончились, поворот, еще поворот. Серые стены расступались, я не боялась заблудиться или оказаться в западне. Не сегодня. Сегодня мир рухнул. Сегодня он будет построен заново. Я толкнула дверь, точно, зная где окажусь. Просторное помещение гаража, наполненное колеблющими полумрак тенями. Поправка — полный мрак, сквозь который я видела, как днем.

Я повернулась к нему раньше, чем он сделал первый шаг.

— Хозяйка, — сдержанно поприветствовал ботар, — Чем могу служить?

Нет, поправила я себя не ботар, визирг, живой дух, заточенный в мертвое дело. Зрелище вызывающее тошноту. Возьмите живого человека и зашейте в труп медведя, с каждым стежком, с каждым проколом иглы, убеждайте его, что теперь он получит силу и ловкость зверя. Здорово, да? Особенное если представить себя на месте таково вот осчастливленного человека.

— Я возьму машину и уеду, — попросила я, — Или...

— Конечно, — склонился он, — Обойдемся без "или". Ключи на приборных панелях.

Последняя в пятом ряду не заправлена, а в первой почти сожжено сцепление.

— Уходи, и запомни, — сказал я, и когда тьма развернулась, — Я тебе не хозяйка.

— Как прикажете, "не хозяйка", — я знала, что он смотрит на меня, — Но я бы на месте "хозяйки" не спешил отказываться от привилегий. Ведь дело не в том, как называют вас другие, важно то, кем вы называете себя.

— Ты решил советовать не только Седому?

— Моя работа давать советовать Седым.

Он ушел неслышно и тихо. "Хозяйка" — чужое слово с чужих уст, казалось насмешкой. Я со злостью ударила по фаре ближайшего автомобиля, зазвенело стекло.

"Очень по-человечески" — резюмировал внутренний голос, голос новой Ольги, и подначил, — "Давай, тебе же хочется. Хочется драться, крушить и кричать от восторга. Сколько можно сдерживаться? Да и зачем? Давай, разбей ему тачку в хлам, пусть поплачет над ее останками"

— Очень по-человечески, — пробормотала я, поднимая руку и без всякого удивления разглядывая ровную кожу, ни одного пореза, — Да Кирилл пройдет мимо, и не заметит, даже если я разнесу весь гараж. Ушедшие, я разговариваю сама с собой.

"Так и приходит шизофрения" — скорбно согласился внутренний голос.

— Во всем этом не осталось ни капли здравого смысла.

В словах советника была правда, я вполне могла воспользоваться преимуществами ненастоящего титула, почему нет, не только же демонам пользоваться мной.

Я открыла дверь, ключи лежали на панели около руля, как и сказал советник. Мотор заурчал, стена, казавшаяся монолитной, быстро приближалась.

Вот будет весело, если без колечек Серая Цитадель не выпустит "хозяйку", и меня живописно размажет по серому камню. Мысль мелькнула и исчезла. Я многое чувствовала этой ночью, многое, но только не страх. Высокая машина влетела в камень, который за секунду до удара, стал полупрозрачным, и выскочила на грунтовую ухабистую дорогу. Я посмотрела на эмблему на руле и едва не расхохоталась. Четыре кольца, да, они меня просто преследуют.

Я выкрутила руль, когда новое чутье подсказало, что надо нажать на тормоз. Машину тряхнуло, задняя дверца открылась, я уловила запах весенней травы и болотной тины. Пашка выругалась, пытаясь затащить на заднее сиденье Мартына. Даже с переднего сиденья я чувствовала сладковатый запах смерти и крови шедший от парня. Очень знакомой крови.

Дверь закрылась, мы встретились глазами с явдью в зеркале. Ее медных светилось отражение моего желания убратся отсюда, и как можно скорее. Нечисть обходится без слов.

Ушедшие сколько раз я должна внутренне построить это, чтобы понять теперь это относится и ко мне. Единственная целая фара осветила утреннюю дорогу.

— Он вытащил Простого, и похоже собирается сдохнуть вместо него сдохнуть, — пояснила Змея.

Парень захрипел и мне понадобился миг, чтобы понять, это не агония, а смех. Тихий настоящий, на грани отчаяния. И оно напоминало лимонный леденец.

— Я вытащил не Простого, — прохрипел Март, — У меня нет такой власти над песочной кровью.

— Бредит, — констатировала Пашка, придерживая темноволосую голову на коленях.

— Ты не можешь исцелить себя? — спросила я сворачивая на боковую дорожку,

огибающую поселок.

— Не... мог...могу. Ничего не осталось, — парень закрыл глаза, — Как же хреново, даже когда я выпил отцовские яды было легче. — Он закрыл глаза и захрипел, — Ольга... игрушка... ты...

— Тихо, Март, — попросила явидь.

— Я вытащил Седого, — не обратил внимания на его слова парень, — А не восточника. Подумай об этом. Ты... ты вогнала серебро, но убила не тело, а что? — он закашлялся, и несколько минут не мог ничего произнести, — Кто твоя семья? Кто ты?

— Я Ольга Лесина. Точка. И я больше никому не позволю усомниться в этом.

— Ты...

— Молчи, — зажала ему рот Пашка, но он мотнул головой сбрасывая руку, — Ради низших, замолчи, неразумный мальчишка.

— Все равно сдохну, либо от истощения, либо от, — он снова хрипло засмеялся, — руны, — дрожащей рукой он растер правую ладонь, там алел рубец обещания Простому.

— Юково вернулось, — охнула Пашка, касаясь своего затылка и отдергивая пальцы. — И мы должны быть там до заката.

— Будем, — пообещала я, нажимая на газ, — Обещаю.

Конец 3 главы.

4. Не сотвори себе кумира

Ветер — охотник умирал. И это была половина беды. Вторая половина лежала на соседней койке и тоже собиралась перейти грань. Марья Николаевна тяжело дышала изредка вздрагивая всем телом и бессвязно бормоча.

— Она попала под удар южан, когда несла икону, — пояснил Константин, набирая прозрачную жидкость в шприц.

— Под удар чего? — спросила я, вглядываясь в белое восковое лицо моей бабки.

— Валя... валя, — пробормотала она

— У одного из падальщиков был артефакт, и он успел его активировать прежде, чем его глаза загорелись, — черный целитель, склонился над старухой и ввел в вену иглу.

— Только не говори, что он, — я кивнула на охотника, — закрыл ее собой.

Он оттянул поршень, капля алой крови попала в шприц.

— Не скажет, — прохрипел лежащий на кровати мужчина.

— Слишком быстрый метаболизм, — пробормотал Константин, вводя обезболивающее в старую руку и выпрямляясь, — Его кровь не подвластна моей магии.

Бабка затихла. На меня не отрываясь смотрели серые глаза, даже сейчас на пороге смерти лицо Тема оставалось бесстрастно.

— Он не закрывал ее собой, он оттолкнул ее в сторону, сломал две кости.

— У меня приказ, — прошептал Тём, — Старуха должна жить.

— В итоге под удар попали двое вместо одного, — констатировал экспериментатор.

— Артефакт сохранился? Определили, что за магия?

— Он был одноразовым, старик сейчас колдует над останками, но пока ничего.

— Тогда отчего они умирают?

— О боли, человек, — ответил вместо него охотник, — Мы умираем от боли.

Его лицо оставалось спокойным, но вот глаза не врали. Там в серой глубине Ветер кричал. От него пахло прогоревшим пеплом. Тём был почти мертв.

— Всему есть предел, даже его выносливости, — целитель со шприцем склонился теперь над Тёмом и ввел обезболивающее.

— Сколько? — спросила я.

Черный целитель поднял голову, охотник закрыл глаза, впадая в забытие.

— Мартын, — позвал он.

В комнату вошел парень, его лицо все еще носило кровавый отпечаток руки Седого, но даже он успел потускнеть, рубцы идущие от скулы к виску почти исчезли, мастерством его отца можно только восхищаться. Черный целитель вытянул зеленого, когда два дня назад мы ввалились в его дом.

Парень поставил на прикроватный столик картонную коробку с ампулами и потер руку, он теперь часто так делал, бессознательно касался выжженной на ладони руны. Тонкий картон был надорван с одной стороны, сквозь дыру просвечивал стеклянный бок ампулы.

— Морфин, — пояснил Константин, — Она стара, ее тело дряхло, а я и так уже вколол... — он махнул рукой.

— Сколько? — повторила вопрос я.

— Еще две дозы и она уснет навсегда. Пять — семь часов. Можно растянуть, — он сомнением посмотрел на старуху, — Но она начнет кричать и тогда с вероятностью семьдесят процентов не выдержит сердце. Плюс мы не знаем, как скажется на разуме человека пребывание в..., - он не мог подобрать слово, они все не могли, а многие до сих пор не верили в собственное уничтожение, — в небытие. Семь часов, Ольга. Охотник продержится дольше. Но финал неизбежен.

— Мне жаль, — добавил Март.

— Мне тоже, — я встала, — Дай мне эти семь часов Константин.

— Не имею обыкновения врать по пустякам, — проговорил мне в спину целитель.

Я хлопнула дверью и сбежала с крыльца. Где-то ниже по улице ревела цепная пила, пахло железом, гарью, кровью, свежеспиленным деревом и жареным мясом. Кто-то закричал, ему ответили руганью. Стежку медленно восстанавливали после атаки. Ругань сменилась смехом, и я ускорила шаг. Они могли позволить себе смех. Они были победителями, отразившими атаку. Отряд Седого подоспел вовремя, чтобы отыгаться на недобитках, тех, кто уже бежал обратно, прочь от сил иконы. Юково понесло потери, но устояло, разрушенные дома восстанавливали. И мало кто осознавал, что еще недавно их не существовало в нашем мире. А может, им просто не было до этого дела, нечисть не боится, особенно прошлого.

Мой дом стоял на прежнем месте, крыша с правой стороны была чуть опалена, снег успел частично растаять, поперек дороги валялся чей-то труп, второй день валялся, но особого интереса не вызывал. Весна только началась, холод частично сковывал запах.

Я посмотрела на дом Веника и толкнула свою дверь. Все изменилось. Не только Юково, а все.

Дом пах сосной, подгорелым хлебом и водой, словно где-то рядом развесили влажную после стирки одежду. И еще вернувшись из небытия он стал чужим. Я прошла в спальню. Кровать, шкаф, постеры на стенах. Почему раньше они казались манящими и загадочными?

Я провела под этой крышей одну ночь. Пялясь в потолок и разглядывая картинки курортов в темноте. Поняла одну простую вещь, мне придется заново привыкать к этим стенам, учиться заново любить их, стремиться под их сень.

Стараясь отогнать разочарование, спустилась в подвал, третий раз за последние сутки.

Полки были на месте, диван тоже, подушки, книги, почти все как я оставила, если забыть, что прямоугольное помещение давно стало семигранником, если забыть, что на стене еще недавно горел знак опоры, если забыть...

Воздух вышел сквозь стиснутые зубы. Подвал стал просто подвалом, и на стене не было запертой дверцы сейфа, от которого никто не знал шифра. Дом больше не ждал чистого человека.

"Хватит скулить" — одернула я себя. Пусть сейчас все кажется чужим, но именно так и было, когда я в первый раз пришла на стежку. Так будет и снова. Я со злостью бросила подушку в стену, та ударилась о камень и плюхнулась на пол.

— Это мой дом! По-прежнему мой, — рявкнула я в темноту и тут же почувствовала изменение, сдвиг в реальности.

Знаете, так бывает, если завязать шнурки и резко выпрямится, комната, словно плывет в сторону, краткий миг головокружения, который проходит через секунду. Мир мигнул и чуждость исчезла, комната снова стала семиугольной, а на стене обжигающим глаза огнем полыхнул мой знак, тот самый ромбик на ножках, руна чистого человека. Мгновение похожее на вспышку, мгновение откровения. А потом комната снова стала вытянутой. Но и мига было достаточно. Связь с домом все еще была тут, просто ушла в тень. Я улыбнулась, первый раз с тех пор, как вернулась в Юково.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Нет, — я наклонилась, подняла подушку и уложила обратно на диван, — Дом вы у меня не отберете.

Запах можно выветрить, обои переклеить, постеры заменить на фото. Много всего можно сделать, чтобы угодить новым органом чувств. Я сделаю этот дом своим.

Бегом поднявшись по лестнице, я с куда большим интересом осмотрела гостиную, стол стоящий посередине, две чашки с давно остывшим чаем, рассыпанный сахар, словно кто-то неловко зачерпнул его из сахарницы и уронил ложку, банка варенья. Марья Николаевна пила чай, когда в Юково вошли южане. Часть вины за то, что случилось позднее, лежала на мне. Я искупалась в источнике, сняв магию защиты, со своего амулета, магию, которая рухнула, когда убрали одну их опор.

Дверь чулана была открыта, осматривать там было особо нечего, телевизор, кровать и бежевое покрывало. Я сделала шаг и задела ногой сверток, стоящий на полу у стены. Что-то квадратное замотанное в тряпки со стуком упало. Я подняла пахнущий старой краской сверток, пальцами чувствуя твердую поверхность простенького оклада, и села на кровать. Не нужно быть провидцем, что бы понять, что там. Я положила находку на колени и откинула первый слой ткани, пальцы чуть закололо, словно они коснулись гудящего и вибрирующего холодильника.

И поняла, что уже не одна, в мой дом зашел посторонний человек... вернее даже двое. Первый пах бумагой, а второй почему-то теплым хлебом, и пусть оба двигались абсолютно бесшумно, я почему-то была уверена, что они не делают попытки скрыть свое присутствие.

— Не стоит этого делать, — в каморку заглянул Семеныч, — Вместо двух лежащих калек у нас будет три.

— Или четыре, — добавил второй, он не заглядывал в комнату, но я узнала этот чуть напевный, добрый голос, Семеныч притащил с собой баюна.

Меня неприятно кольнули воспоминания, и находящийся в гостинной сказочник тут же это почувствовал и рассмеялся:

— Ну же, я не бросаюсь на людей без предупреждения.

— Еще вы сцепитесь, будто мало у нас потерь, — пробормотал старик, уходя в гостиную, — К закату потеряем еще двоих.

— Никаких подвижек по артефакту? — спросила я, отбрасывая сверток и выходя следом за старостой.

— Нет. Что это было, знают только южане, — он достал из кармана плоский железный кружок, так похожий на большую шоколадную монету, завернутую в серебристую фольгу. Кружок был сломан ровно посередине, на месте разлома металл был почерневшим и выгоревшим.

— Только южане, — повторила я.

Ленник стоял у стола и, так же как и я совсем недавно, рассматривал стол с чашками.

— Твоя бабка лихо махала картинкой, все попрятались, даже наши, особенно когда она что-то запела, — улыбнулся сказочник.

Я прошла мимо, снова оказываясь в собственной спальне, стараясь отмахнуться от грызущего чувства вины. У него были острые зубы и оно быстро откусывало у моего самообладания кусок за куском. Я распахнула шкаф, вытащила брюки, проверила карманы и отбросила, потом достала платье.

— Да, где же она? — пробормотала я, продолжая рассматривать вещи.

— Ты не настоящая нечисть, если сперва не калечишь, а потом не зализываешь раны. — правильно истолковал мои эмоции баюн.

— Может и не настоящая, — я достала, наконец, те брюки. В заднем кармане лежал давно забытый картонный прямоугольник. Он пережил несколько стирок, но цифры были вполне читаемы, — Может тут все не настоящее, даже вы. До сих пор не все верят, что стежку выдерживали из мира. — я подняла валяющийся на покрывале серебряный стилет и вернулась в гостиную.

— Для того чтобы поверить достаточно выйти в сеть и посмотреть на календарь, — вставил Семеныч, — Южане напали в январе две тысячи двенадцатого, а следующим утром наступил уже апрель две тысячи тринадцатого. Нас не было больше года по внешнему кругу, — он передернул плечами, — Больше года в пустоте — одна поганая ночь.

— Как это было? — спросила я, доставая телефон.

— Не могу описать, — ответил старик, — Но так ли много существует вещей, о которых я могу сказать "поганые". Всего о паре, — он повернулся к спальне и принялся.

Положив мятый прямоугольник визитки на стол, и прижав его стилетом, я стала набирать номер, отпечатанный черной расплывшейся от воды типографской краской на посеревшем фоне. Как я когда-то сказала, никогда не знаешь, что может пригодиться в этой жизни.

Ленник выразительно поднял бровь, но комментировать действия не стал. Три длинных гудка, и трубка заскользила во внезапно вспотевших руках. Что же я делаю?

— Надо же, — звонко ответил женский голос, — Не думала, что ты так быстро остынешь, — Тамария рассмеялась. — Чему обязана?

Я едва не нажала отбой, чувствуя, как начинает колотиться сердце. Что за мазохизм? Но вместо того, чтобы повесить трубку, я представила бледное лицо Марьи Николаевне, и заставила себя продолжать.

— Твои бойцы атаковали Юково.

— Моей матери.

— Не важно. У одного из падальщиков был артефакт.

— Очень возможно.

— Мне нужно знать, что это за артефакт, — я придержала трубку ухом и стала прикреплять стилет к запястью, — какова его магия.

Меня прервал смех, от которого по телу побежали мурашки, на том конце провода была Прекрасная, и даже ее голос очаровывал.

— А свадебное платье тебе не сшить, игрушка? Понятия не имею, что они взяли с собой на ту вылазку. Спроси их сама.

Я посмотрела на старосту, но тот отрицательно покачал головой, на стежке пленных не брали.

— Они теперь не разговорчивые, половина в ямах с солью, а другая на рагу пошла в разобранном состоянии, мы тут шашлыки затеяли.

— Это вы поторопились, — засмеялась хозяйка юга, — Ничем не могу помочь. Мать отдавала приказы, а не занималась поставками оружия.

— А зря, — прокомментировал, слышавший каждое слово, баюн.

— Но ты можешь узнать. Диск диаметром десять сантиметров из...

— Олова, — подсказал Семеныч, и положил на стол сломанный артефакт.

— Из олова, — повторила я, — Активация при разломе носителя.

Несколько секунд на том конце провода царила тишина, а потом Тамария ответила.

— Могу, но назови хоть одну причину помогать тебе.

— Я больше не подойду к Седому, — не зная, куда деть руки, я подхватила со стола чашку, поставила, а потом снова взяла, на дне собиралась мутная коричневая лужица заварки.

— Нет, — не согласилась собеседница, — Ты и так не подойдешь. Помнишь слова, что я прошептала тебе на ушко. Помнишь, игрушка?

Удар попал в цель. Я поняла, что сжимаю фарфор в ладони сильнее и сильнее. Широкая ладонь Семеныча обхватила мою. Ведьмак излучал усталую снисходительность. А сказочник веселый интерес зрителя, приготовившегося смотреть интересный спектакль. Я подняла голову и увидела тусклое отражение своего лица в оконном стекле. Обиженная злость и горечь глубокими складками залегли у носа и рта, глаза были полны вины.

Что со мной? Почему я так злюсь, слыша ее голос? Чем она отличается от сотни его прежних любовниц? Что изменилось? Я встретила взглядом со стариком, заставила себя разжать руку и поставить чашку обратно на стол. Баюн разочарованно отвернулся.

Кирилл ничего мне обещал, только требовал. Я сама углядела в его действиях что-то другое. Сама приняла чувство собственности за привязанность. Это моя надежда и мои ожидания. Вот, что изменилось. И теперь мне придется жить с этим. Учиться жить заново, снова учиться равнодушию. В прошлый раз мне неплохо удалось убедить себя в этом, возможно получится снова.

— Так что ты можешь предложить на обмен? — спросила Тамария.

— Это ты мне скажи.

Ленник скривился и покачал головой. Неправильный ответ. Так с нечистью не торгуются. Но у меня было всего часов семь, и первые тридцать минут уже прошли.

— Хочу сделать Кириллу подарок, — проговорила после паузы Прекрасная, — Вернее, его сделаешь ты, а преподнесу я. Как тебе такой расклад?

— Потрясающе. Что прислать: трусы или пену для бритья?

— До настолько высоких отношений мы пока не доросли, — хихикнула собеседница, — В Юково живет предатель, связанный с западниками, помнишь?

Семеныч замер, от него потянуло любопытством.

— С его подачи были вырезаны почти все прежние опоры стежки.

— И?

— Он мне нужен.

— Зачем?

— Не твое дело, — рывкнула она, — У вас, что там с предателями напряженка, что вы дорожите каждым? Тебе нужны сведения, мне нужен западный выкормыш. Кириллу нужен. Ты мне, я тебе.

— Предателя не нашли по горячим следам, что мы можем сейчас спустя сорок лет?

— Меня не волнуют ваши трудности. Ты славишься своей изворотливостью. Извернись еще раз. Знаешь, даже интересно, кого там зацепили, что ты решилась поговорить со мной.

— Сведения об артефакте мне нужны через три часа.

— Да хоть через три минуты. Будет предатель — будет артефакт. — она бросила трубку и в ухо полились отрывистые гудки.

— Тебя ободрали как липку, — констатировал сказочник.

Я прошла мимо, вряд ли кто из присутствующих нуждался в пояснениях очевидного. На улице продолжал таять снег, тонкая струйка воды падала с уголка навеса и разбивалась о ступени крыльца. Труп все еще валялся на дороге.

— Куда ты? — спросил вышедший следом староста.

— К Ключнику, он может что-нибудь вспомнить...

— Уже нет, позавчера южане оторвали ему голову, а без комплекта с телом она разговаривать не умеет, — ответил появившийся Ленник.

— Я в его доме бойцов хозяина разместил покамест, — добавил староста.

— Тогда может Ефим... — я замолчала, фраза отозвалась неожиданной болью, — Он так и не вернулся?

Семеныч покачал головой. Была еще одна потеря. Потеря, о которой знали не все. Потеря ничем не подтвержденная, но и не опровергнутая. Вот уже двое суток хранитель стежки не отвечал на зов своих опор, с того самого момента как Юково ушло в небытие.

— Тогда бес, он знает больше всех вас вместе взятых. Где Михар?

— Вам лучше пока не встречаться.

— Да брось, пусть сразу разберутся, — предложил баюн, но поддержки у старика не нашел и пожал плечами. Мужчина в куртке и джинсах, смуглый, широкоскулый, улыбчивый, с темными располагающими к себе глазами и улыбкой, которую казалось невозможно оставить без ответа.

— Тогда, — я спустилась с крыльца, — Мне нужен список всех, кто живет на стежке с 1973 года, — я снова посмотрела на дом Веника, откуда эта уверенность, что он пуст? Не знаю, — Раз демоны говорят, что предатель еще здесь, значит, их уверенность на чем-то основывается.

— Будет тебе список, но ты сказала правду, если не нашли тогда, сейчас —дохлый номер. Предатель не проявлял себя много лет.

Я обошла дом, у кустов, отделявших мой участок от участка падальщика, стоял большой черный внедорожник с разбитой фарой. Стоял с тех пор, как я бросила его, вернувшись на стежку. Ключи наверняка так и болтаются в замке зажигания, вряд ли кому придет в голову

угнать на машину Кирилла. Отвернувшись, я стряхнула подтаявший снег с красного капота моей Шкоды.

— Если мы не найдем предателя, придется его назначить, и доказательства должны быть железобетонными, — я распахнула дверцу.

— А ты выросла, — протянул Ленник, разглядывая меня с интересом.

— Я изменилась.

— Не только. Ты именно выросла, — баюн посмотрел куда-то вдаль, — Как думаешь, зачем Прекрасной наш предатель? С хозяином все понятно, а ей зачем? Ты же не веришь в это чушь про подарок?

— Нет, не верю, — ответила я, стоящий напротив староста в незастегнутой куртке с развивающимися седыми волосами, показался мне очень старым, — Он северник предавший хозяина. Ей нужен тот, кто остался жить вопреки магии Седого.

— Добро пожаловать в большую игру, — поприветствовал меня Семеныч, и, посмотрев на сказочника, добавил, — Кишками чувствую, она какую-то глупость задумала, поэтому побудешь рядом, — поставил мужчину перед фактом староста и, развернувшись, тяжело пошел прочь по талому снегу.

— А может уже хватит со мной нянчиться? — крикнула я вслед, но Семеныч даже не обернулся и приказа не отменил.

Я в раздражении села в машину, там отвратно воняло кожзаменителем и пластиком.

Бензина было в аккурат чтобы добраться до города. Сопровождающий или, если правильно выразиться, соглядтай сидел на соседнем сиденье и молчал. Чувств коснулось его сдержанное предупреждение, он тоже был не восторге от моей компании, но предпочитал не заикливаться. Это работа и она должна быть сделана. Я ответила безмолвным согласием. Мы посмотрели сквозь лобовое стекло. Впереди белел туман перехода, моего первого перехода в новом качестве.

Машина нырнула вниз, краткий миг бесконечного полета, как будто ухаешь на качелях вниз, невесомость и сладкое падение в бездну. Колеса касались пустоты, приборы в очередной раз сошли с ума. Музыка струн перехода заиграла в ушах бесконечной никогда не замокающей мелодией.

Я поняла, что улыбаюсь.

— И каждый раз, как первый, — ухмыльнулся Лённик.

Страх не было, мне больше не хотелось выскочить из машины и убежать. В спину по-прежнему смотрела тысяча глаз любопытных и веселых, так хихикают первоклашки, стоя за спиной у первокурсника и пихая друг друга локтями. Им было интересно. Мне тоже.

Качели перехода взлетели, стрелки прибора описали еще один круг. Что-то щекочущее пробежалось по затылку и мне захотелось потереться о подголовник лишь бы продлить ощущение.

Вверх — вниз, чувство полета, смех за спиной. Здорово, почти так же здорово, как счастливое утро, когда тело полно неги, а рядом краем губ улыбается самый дорогой человек.

Я засмеялась, руль пошел вправо, потом влево, баюн схватил его, выравнивая машину на невидимой дороге.

— Дыши, — скомандовал он.

Этот приказ так не вязался с улыбкой все еще блуждавшей на его лице, и мы оба

заржали. Я не видела в ситуации ничего смешного, но остановиться не могла. Радость пронизывала каждую минуту, каждую секунду пребывания на переходе. Мы двигались, и мы стояли, продолжая хихикать, а щекочущее чувство предвкушения будоражило каждую клеточку тела.

На этот раз вечность вышла до обидного короткой. Дорога прыгнула под колеса, рывок был слишком грубым и слишком неожиданным, не приносившим прежнего облегчения. Я протестующее застонала, но сказочник не дал мне выкрутить руль и развернуть машину обратно. На лице мужчины отражалось точно такое же разочарование, как и на моем. Но он не дал мне сойти со стежки. Дорога всегда одна, и только в одну сторону.

Туман расступился, автомобиль выехал на пригорок, мы вынырнули в мир людей и теперь, я не знала радоваться этому или огорчатся.

— Переход опасен для всех, — душевно сказал Ленник, — Нас трудно напугать, зато можно заставить потерять голову от удовольствия. — улыбка вернулась на его широкоскулое лицо, — Люди бояться, а мы пьянем от сладости. Результат один, невозможно сосчитать тех, кто по собственной воле ушел в *non sit tempus*.

— Никогда не думала... не видела, чтобы они... — я покачала головой, вспоминая спину Пашки, за которой ныряла переход, Веника, Марта, — Они никогда не показывали этого.

— Люди слепы и заиклены на себе, — фыркнул он, — На кого ты смотрела, ныряя в мир? На спутников? Или на себя?

— На себя, — вынуждена была признать я, каждый раз оказываясь в переходе, я забывала обо всем кроме собственного страха.

— То, что происходит там, — он кивнул назад, — только для нас, а людям остается страх. Кстати, может, повторим? — он обернулся и посмотрел на переход.

Я едва сдержалась, чтобы не ответить "да", пытаясь отогнать непрошенную радость, оттого, что скоро мне предстоит еще один нырок. Мы должны вернуться на стежку не позднее чем через два с половиной дня, иначе отведенные бабке часы истекут.

— Куда едем? — спросил баюн, вынимая пистолет из бака.

На заправочной станции в этот ранний час мы были одни. Из весеннего дня мы переместились в холодное утро, дыхание вылетающее изо рта смешивалось с прозрачным воздухом и растворялось в нем... В мире людей зима отступала медленно и неохотно.

— Домой к моей бабке.

— Что она может знать о предателе?

— Ничего, — я протянула сказочнику карточку, — Расплатись.

— Без надобности, — ухмыльнулся сказочник и помахал рукой кассирше, — Смотри, как она рада, что не взяла с меня денег, — подтверждая его слова, белокурая девушка тут же помахала в ответ сквозь стеклянную стену магазинчика на заправке.

— Только не говори, что она теперь будет так улыбаться и махать каждому встречному.

— Не скажу. Она будет делать это только для меня, остальные перебьются. Так зачем нам к бабке? — он сел рядом, — И почему она тогда живет не там, а с тобой?

— Ее квартира продала, — ответила я, выруливая на трассу, — Поэтому и не живет. А едем мы туда, потому что я хочу найти ее сына Валентина?

— Зачем?

— Она умирает и зовет его.

— Можешь не продолжать, сантименты, сопли, слезы и желание сделать все как полагается, — с иронией прокомментировал Ленник.

— Будешь отговаривать?

— На черта, хочешь тратить время — вперед.

— У тебя же тоже есть дочь...

— И в тот момент, когда я буду орать от боли в выпущенных кишках, предпочитаю знать, что она находится как можно дальше от этого места, — он прищурился и спросил, — Видела мою Олесю в filii de terra?

— Нет.

— Даже не полубопытствовала? — казалось, он разочарован.

— Не люблю раздеваться на публике и не умею танцевать макарену, а ты, если забыл, именно это и обещал устроить, если я подойду к ней.

— Другое дело, значит, исполнишь танец маленьких утят. Так зачем тебе проданная квартира?

— Затем, что люди часто оставляют новым хозяевам свои контакты, как говорится на всякий случай, письмо передать или неоплаченный запоздавший счет, — я посмотрела в зеркало, на пустынном шоссе, кроме нас была только одна машина, — Затем, что соседи зачастую знают о тебе все, а ты и не подозреваешь.

— Это да, — Ленник поерзал на сиденье, не пристегнутый ремень безопасности так и болтался за его плечом, — Я про своих тоже все знаю, даже больше чем они сами.

Какой-то лихач нагнал меня и посигналил, пустая дорога пьянила многих, вызывая отчаянное желание нажать на газ и прокатиться с ветерком до ближайшего морга. Я уступила дорогу и поинтересовалась:

— Не знаешь где Веник?

— Неа.

— А Пашка?

— Чешуйчатая девка? Говорят, забила в какой-то угол и ни с кем не разговаривает, — он улыбнулся, — Недовольна моей компанией, красотка? Еще передумаешь, обещаю.

— У меня имя есть.

— Знаю, но сейчас я над тобой не работаю, — не мог его взгляд наполниться спокойствием и уверенностью, той силой, к которой тянешься неосознанно, и знаешь, довериться такому будем самым правильным решением в твоей жизни. А потом он скрестил руки на груди, и наваждение сгинуло, — Рули давай, дома пиво стынет, иначе я стану таким вежливым, что ты этого не вынесешь, и начнешь исповедоваться.

До того как переселиться в геронтопсихиатрический центр Шереметьева Мария Николаевна жила в двенадцатиэтажной свечке из красного кирпича на проспекте Дзержинского. Микрорайон именуемый Брагино был самым отдаленным от московской трассы М-8, по которой мы въехали в город. Самый северный район города и самый густонаселенный, он получил свое название от сельца Брагино вошедшего в состав города за год до окончания войны. Жители села вряд ли могли предположить, что когда-нибудь в честь отменной браги, которою они варили, не покладая рук, назовут район. Но, как известно людская память избирательна, официальное название "северный жилой район" было слишком скучным, длинным и ни в коей мере не отражало представление людей о прекрасном.

Если и был в нашем городе район, где жизнь не затихала ни на миг, то это именно

Брагино, а не центральный рынок, который вопреки всякой логике закрывался в пять часов вечера, когда приличные люди только еще покидают рабочие места. Даже в этот ранний час улицы были полны машин, звенели трамваи, сыпали искрами троллейбусы. Вечное движение и вечное строительство, словно люди, жившие здесь, боялись, что-то упустить и не занять свое место под солнцем.

Высотные свечки, панельные коробки и кирпичные новостройки вытянулись вдоль дороги, как солдаты на плацу. Пошел мелкий дождик и дворники работали не переставая. Два раза меня обругали водители соседних машин, один раз посигналили. Я припарковалась у магазина, который, как сообщала вывеска, торговал живым пивом, остальные, надо полагать, отпускали страждущим мертвое, но почему-то не спешили хвастаться.

Во дворе красной многоэтажки за номером пятьдесят было пустынно. Лишь двое месили слякоть состоявшую из песка и снега. Старушка в пальто и низкорослый пекинес, с очумелым видом бродивший вокруг хозяйки. Судя по лицам и мордам прогулка не доставляла им особого удовольствия.

— А разве в том дурдоме, где жила твоя юродивая, нет контактов ближайшего родственника — спросил Ленник.

— В том то и дело, что были, — я заглушила двигатель, — Валентин Пертович Шереметьев, сын, место работы городок на крайнем севере и телефон.

— Ну и?

— Такого номера не существует. Думаешь, будь это иначе. Мне бы так легко ее отдали? Даже с документами о поддельном родстве?

— Понятия не имею, как заведено в местных богадельнях. Ладно, пошли.

— Сиди здесь. Я быстро, — я открыла дверцу, приготовившись выслушать лавину возражений.

— Уверена? — он сверкнул белозубой улыбкой и развел руками, — Да, ради ушедших.

Я вышла, в машине заиграла музыка и тут же сменилась шипением. Мужчина крутил ручку настройки пытаюсь найти станцию по душе. Надеюсь, он наткнется на "Пастырь мой" и разнообразит внутренний мир утренней проповедью. Хотя, зная нечисть, с него станется старательно законспектировать все смертные грехи и последовательно осуществить еще до обеда. Последняя мысль вызвала улыбку.

Налетевший ветер забрался под куртку, неся прохладу, но никакого дискомфорта я не ощутила. Баюн продолжал крутить ручку настройки, улыбаясь чему-то своему. Я поднялась по ступенькам к единственному подъезду высотки, за дверью начиналось вытянутой помещением украшенное рядами зеленых почтовых ящиков с погнутыми дверцами. Как спускался дребезжащий всеми гайками и винтами лифт, я слышала целую минуту, а потом он натужно раскрыл двери этажом выше, сочтя свою миссию выполненной. Несколько раз я нажала четную пластмассовую кнопку, лифт хрюкнул, но остался на втором этаже.

Я открыла дверь на воняющую мочой лестницу. Заплеванные ступени усеянные окурками, похоже их использовали и как общественный туалет, спальню и курилку одновременно. И тем не менее лестница была предпочтительнее, готового в любой момент сломаться подъемника.

Десятый этаж, двадцать пролетов, чем выше, тем слабее вонь, люди ленивые создания. Раньше я бы запыхалась уже к пятому, а сегодня, только увидев, на стене затертую цифру десять, поняла, что дыхание даже не сбилось.

На этаже было шесть квартир, три с одной стороны и три с другой. Нужная мне в центре

слева. Звонок издал отрывистое "фить-фить" и замолчал, рядом с железной дверью стоял вытянутый деревянный ящик с навесным замком, раньше в таких хранили картошку. Я снова нажала круглую кнопку. "Фить-фить" повторилось, и за дверью что-то или кто-то, шевельнулся. Я слышала его дыхание и тихие крадущиеся движения.

— Добрый день, — крикнула я, — Откройте пожалуйста.

Несколько секунд царила тишина, а потом звякнула цепочка, дверь приоткрылась на несколько сантиметров. На меня уставился мутный карий глаз в окружении размазанной косметики, стойкий запах спиртного, который женщина использовала, казалось вместо духов. Я невежливо чихнула.

— Чаво надо? — голос скрипучий, словно простуженный.

— Добрый день, — я через силу улыбнулась, — Я ищу прежних хозяев квартиры, Шереметьевых, не знаете куда они уех...

— Нет, — дверь захлопнулась.

— Постойте, — я снова нажала на звонок.

— Пошла прочь! — закричали из квартиры, — А то ментов вызову.

Я коснулась двери, испытывая желание схватиться за ручку и потянуть настолько, насколько хватит силы. Уцепиться ногтями и вскрыть эту заплатку, как консервную банку. Выволочь эту дурнопахнущую женщину и сдавить ей горло, пока она сама не начнет умолять, позволить ей говорить. И не важно скажет она в итоге что-нибудь или нет, главное ее вытаращенные глаза и чуть терпкий вкус испуга.

Я моргнула и очнулась, понимая, что прижимаюсь к двери и издаю низкое угрожающее рычание. Ушедшие! Встряхнувшись, я сделал шаг назад, стараясь отогнать видение напуганных глаз и ласкающих слух криков.

Как-то мне все это представлялось намного проще и результативнее. То, что граждане просто откажутся со мной говорить, даже не приходило мне в голову. Но реальность, как водится, внесла свои коррективы.

Я по очереди позвонила в соседние двери. За четырьмя царила тишина. Видимо хозяева уже успели уйти на работу. В пятой звонкий суровый голос надзирательно перечислил всех взрослых находящихся в квартире, включая кошку и попугая Кешу, а потом значительно пообещал: "вот спящий папка проснется, и как даст...". Топот ног, последовавший за этой тирадой, свидетельствовал, что сурово отчитавшему меня человечку лет пять от силы.

Когда я спустилась вниз пекинес остервенело облаивал Лённого, в то время как тот сидел на лавке и заглядывал в глаза его хозяйке. Фетровый берет съехал на бок, выбившиеся седые пряди шевелил ветер.

— А вот и она, — жизнерадостно объявил баюн.

— Ох, девонька, как же тебя угораздило? — с жалостью спросила бабка, пес отважно бросился на сказочника, мужчина шевельнул ногой, отбрасывая собаку. Бабка, на лице которой было написано три поколения язв и склочниц не обратила внимания на питомца.

— Как я тебе и говорил, твой Валентин оказался женат, сестренка, — скорчил скорбную рожу баюн, а почувствовала непреодолимое желание согласиться с каждым словом ахиней срывающейся с его губ.

— Послушай старого человека, девонька, забудь непутевого Вальку, не ищи доуку, сбёг и ладно, не дай бог тебе дитенка от него родить, с такой-то наследственностью. Я про Шереметьевых все знаю, его отец и муж мой Колька вместе работали, вместе квартиры здесь получали. Почитай всю жизнь бок о бок. Это сейчас в шестьдесят второй Лариска Фролова

живет, сперва нормальная была, потом запила, с работы выгнали, — она махнула рукой.

Пекинес сорвался на визг.

— Возьмите зверя, — скомандовал Ленки.

— Ах ты моя Асенька, — тут же наклонилась к собаке старушка, словно только что заметив истерику питомца, — Иди сюда.

Псина привстала на коротких лапах и женщина подхватила ее на руки. На светло-сиреневом пальто остались грязные отпечатки лап, но старушка уже снова преданно смотрела в темные глаза баюна.

— Расскажите о вашей подруге, той, что оказалась в психушке.

— О Машке-то? — с готовностью откликнулась женщина, прижимая пекинеса к широкой груди, собака взвизгнула, — Да все было хорошо, Марии многие завидовали. Муж, достаток, каждое лето на югах, не то, что мы. Только сына она поздно родила, почти в сороковник, когда думала, что уже не судьба.

— Садись, — Ленник красноречиво похлопал по мокрой лавке рядом с собой, и я едва подавила желание с готовностью занять указанное место. Обошла скамейку и сена напротив старушки. Собака оскалила старые почти стершиеся зубы.

— А потом в один из дней Петька-то Машкин муж собрал монетки и ушел, — Зоя Михайловна напоказ вздохнула, хотя от нее тянуло застарелым удовлетворением, словно давняя подруга Машка заслужила все, что с ней произошло.

— Дальше, — скомандовал сказочник, и за секунду до того, как старушка с готовностью продолжила, ее лицо с пергаментной кожей дернулось от боли. Баюн перешел на следующий уровень допроса.

— Тогда Машка-то заговариваться и начала, да мы не сразу поняли, говорила всем, что Петр Сергеевич уехал в командировку за границу, а ее не выпустили, потому что работает на оборонку в лаборатории СК. А какая оборонка, если они там порошок чистящий "Золушка" тестируют, — старушка хихикнула, пекинес громко хрюкнул. — Иногда забывалась, и говорила, что на даче живет, дом ставит. Уж потом Валька проболтался, что ушел батька к молодой.

— Что с сыном? — напомнил ей Лённый.

— С Валькой-то? А что с ним?

— Где он?

Если до этого сила сказочника ощущалась, как нечто ненавязчивое, исподволь подталкивающее, то этот вопрос был подобен прессу, обрушившемуся на женщину. Зоя Михайловна схватилась за грудь, ее пульс ускорился.

— Так кто ж его знает касатик, квартиру-то он продал, мать в психушку сдал и поминай как звали.

— Когда?

— Так в аккурат первый срок отсидел, вернулся и продал. Не знаю, что уж он Машке наговорил, раз она согласилась в дурку переселиться, ведь не настолько и плоха была, только в именах путалась, да не знала какой сейчас год, давно ли закончилась война и почему не выдают талоны на продукты. Но газ зажженным не оставляла, с ножом на людей не кидалась, мышьяк в суп не сыпала...

— Вот жалость, — прокомментировал ее слова бес. — Точно не сыпала?

— Истинный крест, — поклялась старушка, и торопливо перекрестилась.

Сказочник крикнул, отодвинулся, но дымиться и исчезать вроде бы не собирался. Я же,

глядя на столь привычный жест, не почувствовала ничего, ни отторжения, ни принятия, словно она прическу поправила, а не лоб крестом осенила.

— Вернемся к Валентину, — направил ее словоохотливость Ленник, женщина шумно задышала и в ужасе оглядела пустой в этот час двор.

— Что... что мне сказать? — она с мольбой смотрела на мужчину.

— За что он сел? — спросила я.

— За подделку лекарств. Организовал с дружкой производство каких-то витаминов. Вернее они покупали какие-то пилюли за три копейки, клеили иностранные этикетки и продавали за три целковых, — Зоя Михайловна говорила торопливо, едва не глотая слова, словно боясь не успеть сказать все за отведенное ей время. — Хотели и Машку за попустительство к этому делу пристегнуть, да не вышло. Валька с дружкой сел, а она осталась, — по морщинистой щеке скатилась одинокая слеза.

— Вы сказали, это было в первый раз? — я снова опередила баюна с вопросом.

Она повернулась ко мне с почти осязаемым облегчением. Это в первые минуты сила сказочника кажется доброй приятной и располагающей. Я еще помню крики, раздававшиеся в ушах и детский плач, стоило мне замолчать.

— Да, он вернулся, ему и дали то всего три года. Машке сказал, что женился. И как в тюрьме умудрился? Даже деток успел заделать, а может у нее от первого брака были. Дело то хорошее, ему уж за тридцать было, давно пора. Решил он к жене на север податься, мать уговорил квартиру продать, — Зоя Михайловна всхлипнула, — Кого угодно мог, на что угодно уболтать. Будь Машка поумнее ни за что бы не поверила... — бабка судорожно задышала, словно ей не хватало воздуха чтобы произносить слова, — Наобещал... как устроиться, сразу ее заберет. Да видно не судьба... квартиру продал и сразу снова сел. Не знаю... дождалась ли его краля с севера... хотя наверняка дождалась, раз Машку забрала... кому еще нужна чужая полоумная... Я давеча ее навестить приехала... а мне сказали, что ее невестка забрала.

Пекинес заверещал, по лицу старухи градом катил пот и смешивался со слезами, он шумно дышала, опасаясь закрыть рот, словно вытащенная из воды рыба, сердце билось в рваном и беспорядочном ритме. Если баюн усилит нажим, она просто распластается на лавке. Но, судя по беспристрастному лицу Ленника, именно это он и собирался сделать.

— Где кабинет участкового? — я поднялась.

— Там, — пахнула рукой в сторону второстепенной дороги бабка, и собака упала с колен в весеннюю слякоть, замотала лохматой головой и зарычала на мужчину. — Пункт общественного порядка... Там Василий Иванович... там...

— Идем, — поторопила я сказочника. — Если Валентин сидел, участковый расскажет нам больше.

Мужчина несколько секунд сверлил меня взглядом, а потом всезнающая усмешка вернулась на его лицо.

— Как скажешь, красотка, — он поднялся следом, — Раз ты любишь сложные решения, кто я такой, чтоб учить тебя жизни.

Я ступила на тротуар и, не выдержав оглянулась, Зоя Михайловна привалилась к давно некрашеной спинке скамейки и, закрыв глаза, тяжело дышала. Но дышала, и это главное, ритм сердца постепенно замедлялся. Собака крутилась вокруг ног в черных сапогах и жалобно скулила, уговаривая свою хозяйку подняться.

— Она выживет, — проговорил, обгоняя меня, Ленник. — Я не мясник.

— Ты сказочник и насмерть заговоришь любого.

— Лесть — это так приятно, — Ленник передернул плечами, — А твоя сумасшедшая не так проста, если уж вместе с сынком граждан таблетками травила.

— Она не травила, — я догнала мужчину.

— Зря, люди только этого и заслуживают.

Телефон в кармане пискнул, я полезла за аппаратом, оставив реплику баюна без ответа.

"У вас 1 непрочитанное сообщение"

Я пробежала глазами несколько ровных строк. Несколько десятков имен. Те кто живет на стезжке более сорока лет по внешнему кругу, те кто умудрился выжить в атаках и интригах.

Почти четыре десятка имен. Бес Михар шел в списке первым. Старая предсказательница Караха, феникс Алексей и дюжина нелюдей, в том числе и Пашка. Многочисленное семейство потрошителей, изменяющийся Сенька, но в семьдесят четвертом он был еще подростком. Сам староста и охотник — ветер, некая Ирида-вещунья, карка Ританис, та самая, которую моя бабка завала почтальоншей, молодая ведьма Вика, или как там ее на само деле... Много имен, слишком много на самом деле.

Но одного не было. Там не было Веника, спасибо ушедшим за маленькие радости, значит он переселился на стезжку позднее.

— Я допросил всех, — сказал Ленник, заглядывая через плечо, — И ни один не смог бы мне соврать.

— Зато ты только что сделал это, — я выключила экран.

Баюн рассмеялся и пробормотал:

— Умная красotka, — он отвернулся и пошел вдоль соседнего с красной многоэтажкой панельного дома. Меня кольнуло враз ошетилившимися иглами тревоги. В ней было недвусмысленное предупреждение.

Да, видимо умная или наоборот глупая.

— Предлагаю сделку, — баюн снова остановился и снова оглянулся на лавочку со старой женщиной, — Ты даешь мне доработать с ней до конца, а я назову тебе имена тех, кто, так или иначе, избежал моего допроса.

— На самом деле это просто. Ты не допрашивал себя, — мы вместе стояли и смотрели, как старая женщина пытается неловко подняться. — Она же для тебя, как надкусанный кусок пирога, который дали попробовать, но не дали съесть, в последний момент вытащив изо рта.

— Не выносимое ощущение, словно бросил дело на полдороге, — сказочник встряхнулся, с трудом оторвал взгляд от ковыляющей к подъезду бабки, — Тебе это неприятно? — тон мужчины стал издевательским, — Тогда почему же ты стоишь здесь, а не трогательно ведешь ее за ручку домой, чтобы накапать корвалола?

Я отвернулась и пошла дальше, он нагнал меня спустя несколько секунд, снова такой же несерьезный и такой же опасный.

— Тогда другое предложение: с участковым говорю я, сколько захочу и как захочу. Взамен, я назову тебе еще одно имя. По рукам?

— Я не ослышалась? Ты спрашиваешь разрешения? У меня? Торгуешься? — Я поняла голову и посмотрела на баюна

Он не ответил, но этого и не требовалось. Опасения, которые он испытывал, глядя на меня, снова коснулись кожи. Не колючий провоцирующий страх, а именно

настороженность. Нечисть никогда не нападает на более сильного хищника, у них слишком развито самосохранение.

— Так как?

— Можешь сказать, кто я? — спросила я, готовая в любой момент увидеть, как лопается голова баюна.

— Не уверен, что хочу этого.

— Даже так? И ты жив?

Он хохотнул и с каким-то надрывом добавил:

— Боюсь это ненадолго, скоро все мы станем мертвецами.

— Все мы?

— Все жители Юково.

— Хватит говорить загадками!

— Как прикажете, хозяйка, — последнее слово он выговорил с издевкой, — Приказ Седого: молчать о твоей новой сущности, пришел за пару часов до того как вы заявили на стезю, и старик довел его до каждого, но... — не договорив баюн тряхнул головой и пошел дальше.

— Но?

— Еще рано.

— Как же вы достали меня своими секретами и недомолвками! Хочется взять за горло и... — я сжала руки в кулаки.

— Давно пора — он обернулся, и на лицо вернулась улыбка, которая только усилила вьющуюся тревогу, — Так как насчет сделки?

— Нет.

— Не хочешь узнать еще одно имя?

— Я и так его знаю. — я оглянулась в третий и последний раз, лавка была пуста, ни старушки ни беспокойной собаки.

Пункт охраны порядка мы нашли быстро, как и кабинет участкового, он там был собственно один. За массивным столом из темного дерева сидел высокий худой мужчина с залысинами, внимательными карими глазами и скошенным, каким-то вялым подбородком.

— Чем могу помочь? — мужчина привстал, и стало ясно, что он не только худ, но еще и высок.

— Привет Васек, — расплылся в улыбке сказочник и сгреб руку участкового и с энтузиазмом тряхнул. На лице участкового отразилась интенсивная работа мысли, лоб собрался неаккуратными складками, — Это же я, Ленька Рогозин, мы вместе в учебке были, старшина еще у нас такой козел был...

— Скорее баран, а козлом мы звали политрука, за вечное бляение, — мужчина прищурился, все еще пытаюсь вспомнить кого-то неведомого мужика, который тряс ему руку.

Но баюн не оставил ему времени для раздумий.

— Точно, я как узнал, что ты тут в участковых, сразу сказал сестре, что Васек поможет, — продолжая говорить, он пристально смотрел в глаза мужчине и тот с готовностью кивнул, — Он друзей не забывает, несмотря на то, что больше мы после той учебки не виделись, меня распределили в Софрино, а тебя...

— В Космодемьянск, — с облегчением добавил мужчина, вот и нашлось объяснение собственной забывчивости, этот парень стоящий напротив был всего лишь эпизодом его

запоминающейся армейской службы. Баюн уловил его вибрирующие сомнения и помог ему найти им логичное объяснение.

— Что у вас случилось? — спросил он, садясь обратно за стол.

— Да вот сестренка единственная замуж собралась, — кивнул на меня Ленник присаживаясь напротив, — Оно бы и на здоровье, но что мне в парне не понравилось, бывает так вроде и все при нем, а смотришь внутри одна гнильца.

— Не фантазируй, — оборвала его я, и сказочник тут же развел руки, словно предлагая участковому полюбоваться, с кем он вынужден иметь дело.

— Давай так, — предложил Ленник, — Если Васек сейчас скажет, что Валька Шереметьев безвинный страдалец людских наветов, я лично вручу тебя ему и первым скажу тост за здоровье молодых.

— Давай, — согласилась я и, повернувшись к участковому, добавила, — Я знаю, что он сидел.

Василий Петрович посмотрел в окно, побарабанил пальцами по столу, снова посмотрел на сказочника и больше уже не смог отвести взгляда.

— В первый раз он сел за подделку лекарств. Сел без конфискации, потому и квартира сохранилась. Основная вина легла на его друга Алексея Смирнова, судья рассудил, что раз дача, где они клепали контрафакт, принадлежит тому, значит и большая часть вины тоже.

— Он вернулся к матери, — кивнула я.

— Вернулся, — передразнил участковый, — Вот странный вы народ, бабы, что должен совершить мужик, чтобы вы перестали видеть в нем свет в окошке? Бьет, значит любит. Пьет, значит устает. Идиотизм какой-то. Вернулся Шереметьев, сказал, что к жене на север уезжает, квартиру продал, мать в психушку сдал, обмыл сделку, местную девчонку изнасиловал и наутро сел снова, уже надолго.

— Изнасилование? — Лённый произнес слово с видимым удовольствием.

— Да, — ответил Василий, но и я и баюн уловили в кратком ответе сомнение.

— Ты уверен?

— Главное, что суд в этом уверен, — нехотя ответил мужчина.

— А ты, Васек?

От этого панибратского обращения участковый вздрогнул и повел головой, словно пытаясь сбросить что-то.

— А я знаю одно, Янка, жертва, служила утешением каждому, кто мог себе позволить лишнюю сотню рублей.

— Ее доступность не означает вседозволенность. Женщин насиловать нельзя, ни доступных, ни скромных, никаких. — перебила я.

— Это ваш любимый не мой. Я хочу сказать, что ему проще было заплатить, тем более, Шереметьев был при деньгах, да и... — участковый нахмурился.

— Что? — сразу спросил сказочник.

— Янка Тихонова потом сразу в Москву уехала, карьеру строить, — мужчина скривился, — И говорят, у нее были с собой неплохие подъемные, дядя дал.

— И что? — не поняла я.

— То, что дядя у нее это Вячеслав Власов, его жена как раз и отправилась на тот свет, после того, как начала принимать поддельные витамины. Но суд факт убийства не признал, у Маргариты Власовой был целый букет болячек, от одной из них она и скончалась. Шереметьева и Смирнова судили именно за подделки.

Телефон снова запиликал. "У вас 2 непрочитанных сообщения"

— А суд всегда прав, — закончил рассказ участковый.

— Сюда он не возвращался? После второй отсидки? — уточнил Ленник.

"Тебя ищет Пашка. Звонить, отказывается. Требуется лично" — прочитала я первое сообщение от Семеныча.

— Нет, — ответил мужчина и рассеяно потер висок. — Больше я его не видел.

— Где он сидит? Второй раз?

"Твоей бабке стало хуже. Михар на стежке, пока не приму меры, не вздумай возвращаться".

— В Двойке, это ИК-2 в Рыбинске, ему строгача дали, как рецидивисту. Но сидит или нет, не скажу. Мог и по УДО выйти, — участковый отвечал по военному четко без запинки, продолжая тереть виски уже двумя указательными пальцами, — У вас аспирин нет, башка трещит, словно...

— Так он женат или нет? — перебил его баюн, и от звука его голоса участковый едва слышно застонал.

— Нет... не знаю, штампа в паспорте не было, а как оно на самом деле, не знаю. Вы не могли бы уйти?

— Могли бы, — сказала я, убирая телефон и делая шаг назад, но вдруг остановилась и спросила, — А куда уехал Петр Шереметьев, его отец?

Тут бы участковому возразить, зачем нам его отец собственно? Но сила сказочника уже крепко держала мужчину, я мы могли расспрашивать его хоть о цвете нижнего белья, он и не подумал бы молчать, как и анализировать, к чему нам эти сведения.

— Черт, больно-то как, — он закрыл глаза, — Про отца много чего болтали, в один из дней он собрал вещи и уехал. Купил билет до Бреста и больше его не видели.

— Что и дела не возбуждали?

— Какое дело, помилуйте, — воскликнул Василий Петрович, опуская руки и хватаясь за край стола, словно с трудом мог сидеть, — Взрослый человек собрал вещи, деньги документы и уехал. Его выбор. Хватит... — попросил он, — Как вас там... прошу...

— Ладно, пей свой аспирин, — разрешил баюн, отводя взгляд и разрывая зрительный контакт, мужчина с облегчением уронил голову на стол.

Я вышла на улицу и вдохнула прохладный воздух, за спиной слышался смех Ленника.

— Хочешь вернуться и закончить допрос?

— Неа, — ответил баюн зевая, — Сведения не секретные, он почти не сопротивляется, даже старуха переживала за свою болтовню больше. С ним не интересно. Интересно с тобой.

— Чем я тебя так забавляю?

— Всем, — лаконично ответил он, — Что едем в колонию? Или домой?

"Михар на стежке, пока не приму меры, не вздумай возвращаться" сообщение все еще стояло перед глазами и почему-то безумно меня злило.

— Едем. Можешь сесть за руль, мне надо подумать?

— Как прикажете, хозяйка, — он склонился в издевательском поклоне, я бросила ключ, метя в темноволосую башку, но мужчина легко выпрямился и поймал брелок.

Наверное, в первый раз дорога показалась мне короткой и какой-то бестолковой. Мысли были очень далеки от радостных. Ленник вел машину, играла громкая музыка, асфальт напоминал решетку для гриля. За городом снега было еще больше, и выглядел он еще грязнее. Ёлки и поля вдоль трассы еще только начали освобождаться от его гнета. Семьдесят

километров по трассе Р151, под оглушающие вопли магнитолы и снежную тишину за стеклами.

Я достала телефон и еще раз перечитала сообщения старика. Список, нетерпение Пашки и Михар. Что было во всех них, что-то общее, кроме отправителя, но я пока никак не могла понять что.

Список тех, кто был на стежке в семидесятых годах и остался по сей день. Большинство я знала, так или иначе. Некоторые оставались загадкой, например Ирида — вещунья.

Следующее сообщение о явиди и ее странном поведении. Что такого могло случиться в мое отсутствие, о чем Пашка не могла сказать по телефону? Я вернула на экран список, меня царапнуло неприятное предчувствие. Она была на стежке тогда, как и предатель. И он наверняка выжил в той атаке гарок, потому что единственный знал о ней заранее, потому что если он не идиот, то предпринял меры, чтобы остаться в живых.

"Не дралась я с ними. Не успела, осторожничала, приползла к разбору трупов" — так кажется, объяснила Пашка свое неучастие в драке. Какое своевременное опоздание. Во рту появился кислый привкус.

Я снова вернулась к списку. Первое имя заставило меня сжать зубы. Михар. Опять это Михар. Черный дым с красными угольями глаз, которые до часа в ладонях хочется погасить.

Потянувшись к панели, я повернула ручку, убавив звук, и спросила сказочника:

— У бесов есть естественные враги?

— Естественные? — переспросил он, несколько не удивившись вопросу, судя по эмоциям, он даже ждал его.

— Да, как кошка с собакой, вражда, записанная на уровне инстинктов.

— Есть. Почитай хроники эпох Единения и Истребления, там все написано и не один раз.

— Почитаю, — раздражаясь, проговорила я, — Но сейчас ты мне скажи.

— Это просто, врагами бестелесых всегда были демоны. Их для этого и создали Великие.

— Создали для чего? Бесы обитали здесь всегда, — припомнила я, убирая телефон.

— Да, но не здесь, а в *non sit tempus*, а выходя оттуда...

— Могли занимать чужие тела, обманом или правдой выклянчив разрешение, — я проводила взглядом прошлогодний почерневший от времени борщевик, — Ты рассказываешь прописные истины.

— Хорошо, вот тебе не прописная: в демонов они вселяться не могли. И Великие получили весомый противовес в борьбе с бесами.

— Но в последствии они действовали заодно против Ушедших?

— А что мешает двум разумным существам выбросить инструкцию и договориться? Не все собаки грызутся с кошками. После того как ушли Великие все дрались со всеми, так началась эпоха Истребления.

— А разве они сражались не с людьми?

— Да нет, — он скривился, — Друг друга резали. За власть, за пределы, за стежки. Думаешь, Ушедшие создали всего четырех демонов?

Я отвернулась, потому что вообще никогда об этом не думала. Четыре предела — четыре демона. О предпосылках такого мироустройства, никто никогда не рассуждал. А почему собственно? При условии, что Простой оказался вовсе не тем, за кого его принимали, сухой остаток виде трех демонов действительно выглядит скудно. На месте

Великих, я бы хорошо поэкспериментировала, надевая своих созданий способностями.

— Значит, была война?

— На уничтожение. Время, которое бояться помнить.

— Я демон? — напрямую спросила я.

Руки Лённика остались лежать на руле, а голова все еще занимала положенное место на плечах, когда баюн открыл рот и ответил:

— Нет, — коснувшись панели, Лённик снова включил музыку.

Разговор закончен. Но это его последнее "нет", которым он поставил точку, было правдивым. Он верил в это слово. Я не была демоном.

Испытанное спустя секунду разочарование оказалось неожиданным и немного горчило. Все-таки я надеялась стать ровней дочери, пусть и не осознавая этого.

Снова взявшись за телефон, я прокрутила список жителей туда-сюда. Бес, ведьмак, нелюди... Нечисть всегда делилась на Высших и Низших. Низшие могут как урожденными, так и пришлыми, приобретая способности закладывая душу. До недавнего времени, я считала, что в Высшие таким дорога закрыта. Считала, пока не появился доспех одного их мертвых ошеров и часть его тела. Стал же рожденный робазом ведьмаком. Но этот путь не для меня. Вывод просто до неприличия — я низшая.

Я снова посмотрела список, Потрошители, карка, морок...

Что объединяет эти виды кроме буквы "z", в качестве родового знака? Только то, что низшая нечисть всегда паразитировала на людях, тогда как высшая развлекалась за их счет. Лгуна снимает кожу для того чтобы жить, а целитель потому что хочет посмотреть, что под ней. Морок вкладывает в разум страшные картины упиваясь страхом, буквально питаюсь им, а сказочник делает тоже самое чтобы получить ответы, он не умрет если останется без них. Потрошители ели живую плоть, падальщики мертвую...

Так что же надо от людей мне? Кровь? Нет. Плоть? Плоть? Нет. Разум? Отравленные страхом мысли и чувства? Также мимо.

Так что? По всему выходило, что ничего. Абсолютно. Я не испытывала к ним ни приязни, ни антипатии, ни алчности, ни ненависти, ни любви. Ни к той старушке с пекинесом, ни к пьянчужке с размазанной косметикой, ни к девочке за соседней дверью, мне всего лишь нужны были от них сведения. Я знала, что должна чувствовать, но знать и испытывать — разные вещи.

До города добрались быстро. Мысли успели всего два раза обежать по кругу, и так ни до чего интересного и не добежали.

Рыбинск с населением чуть меньше двухсот тысяч человек по форме напоминал вытянутую каплю, разрастаясь по обеим сторонам Волги и упираясь северо-западной окраиной в Рыбинское водохранилище, или как называли его такие чужаки, как я, море. Этот город запомнился мне совсем иначе чем другие, не зданиями, не людьми, а запахом талого снега и напряжением. Не снаружи, внутри. Словно я уже тогда знала, чем закончится этот день.

Дорогу к ИК-2 не знал никто, зато направление к "двойке" указали сразу. Мы миновали переборы, шлюзы, где грозные дорожные знаки запрещали не только остановку, но и любое изменение скорости.

Ленник заглушил двигатель и указал рукой на стоящие вдали от пустынной дороги одноэтажные здания, на каменную ограду, по верхам которой была пущена егоза.

— ИК-2, - провозгласил он и, повернувшись, спросил. — Зачем мы здесь?

— Чтобы найти... — начала я. Но баюн перебил:

— Зачем вообще мы его ищем? Чтобы притащить на стежку к умирающей шепчущей его имя юродивой? Зачем? она его даже не увидит, а если увидит, то сможет лишь орать от боли, — сказочник посмотрел мне в глаза, его зрачки чуть подрагивали, взгляд стал таким теплым, таким располагающим, если кто-то и мог бы понять меня, то это он, — Ты могла позвать любого из мороков, меня, даже джина и твоя бабка увидела бы сына, дюжину сыновей своих и чужих, поездку в Сочи и букет алых роз. Все что угодно, и умерла, сияя такой улыбкой, что вряд ли светит нам в последний час. Не веришь? — спросил он, — Правильно делаешь. Нас очень трудно заставить делать именно то, что тебе надо. Трудно, но можно. Вместо этого мы здесь гоняемся за воспоминаниями о никчемном человеке и месим грязь? Зачем? Что мы тут ищем?

Я смотрела на него и понимала, чего добивается сказочник, о чем меня буквально умоляет его сила, которая пыталась зацепиться за сознание, которая уговаривала раскрыть ей свое. Он хотел правды. А слишком привыкла... нет, не врать, нечисть чует ложь, привыкла изворачиваться, недоговаривать, щедро разбавляя крупички истины предположениями и заменять одно понятие другим. Но когда-то правда была для меня важна, как были важны и люди.

Черная глубина его глаз продолжала звать, обволакивать, умолять...

— Себя. Я ищу себя, — ответила я и разорвала контакт. Не была уверена, что получится, но даже факт, что могу остаться в плену его силы, не заставил сердце биться быстрее. Я просто отвернулась, чувствуя, как с хрустом ломаются ставшие вдруг ненужными нити его подавляющей силы. Разве взгляд может хрустеть? Видимо да. Что тебе еще надо сказочник? Я уже сказала правду.

Знать и чувствовать — разные вещи. Я должна была что-то сделать для умирающей старухи. Знала, что должна, но не чувствовала, что именно. И поэтому уцепилась за одно единственное слово произнесенное ею. Уцепилась и ушла, пока никто не понял насколько мне на самом деле плевать. И даже Тамарии позвонила. Зачем собственно? Может затем, чтобы отогнать равнодушие, которое наваливалось сверху, укутывало, словно кокон, лишая чувства яркости и подвижности. И что должно вылупиться из этого кокона, я не знала.

Меня ищет Пашка? Да, на здоровье.

Кто сказал, что превращение — это момент? Превращение — это целый маршрут с остановками, передышками, с карабканьем в гору и усталостью. Люди и нелюди для меня словно разделились, от одних бросало в дрожь, другие были ничуть не лучше предметов.

— Не уверен, что ты ищешь в правильном месте, — проговорил сказочник и, открыв, дверь вышел из машины.

Я последовала за ним, моментально улавливая далекую песню. Перебор струн, который слышишь не ушами, а самой сущностью. Баюн повернулся вместе со мной, словно кукловод дернул нас за невидимые нити. И имя этого кукловода — переход. Не здесь, чуть дальше, иначе мы почувствовали раньше. Там где дорога изгибалась, сворачивая на север, там, где не было домов и лишь высохшие, коричневые травы освобождались из-под снега и едва слышно шептались сухими трескучими голосами, вторя легкой зовущей мелодии. Оно обещало блаженство, оно дарило удовольствие.

— Надо же, а я и не знал, — прошептал сказочник, а я поняла, что и вправду не знал.

А это могло означать много, например, что переход ведет слишком далеко, или никуда, в брошенное жителями селение, или там за переходом отнюдь не наша стежка, что

сомнительно, но не невозможно.

Баюн тряхнул головой и вернул на лицо паскудную ухмылку. Да, что я привязалась к его улыбке? Почему за каждым изгибом его губ мне чудиться издевка? Почему я каждую минуту жду подвоха? Может потому что все это там было?

— Так куда идем? — он снова повернулся к монолитному каменному забору, — Будем брать цитадель штурмом?

— А получится? — вопрос вырвался раньше, чем я его успела его осознать.

Штурм это всегда кровь и смерть Это плохо, я помнила, но уже не могла понять почему. Я продолжала говорить прописные истины, что нельзя насиловать женщин, нельзя обижать стариков... Но я не чувствовала ничего за этими словами. За ними не стояла уверенность в собственной правоте.

— Вдвоем? — Лённик смерил меня взглядом и положил руки на крышу машины, — Не знаю. Люди не так слабы, как кажутся. Тем более здесь. Охраняемый объект, огнестрельное оружие, и даже самые ленивые умеют с ним обращаться. Замкнутые пространства, потеря скорости, отсутствие возможности для маневра, даже для того чтобы сломать решетку нужно время, ничтожно мало по человеческим меркам, но пули тоже летят быстро. Одна, две, три не причинят особого вреда, а два десятка? Три? Я не киборг, чтобы бесконечно глотать железо, — он развел руками.

— А твоя сила?

— Если только физическая, — хохотнул он, — Мне нужен первичный контакт взгляд, я не смогу уболтать сразу всех.

В это я сразу поверила. Нечисти всегда что-то нужно. Джину — прикосновение, мороку — дыхание, баюну — взгляд, бесу — согласие, падальщику — запах. Голос сказочника обладает силой, но она и в равнение не идет с той, что давит на человека из его глаз.

— Хотя я бы попытался, но не с тобой. Будь со мной ведьмак, мы прошли бы сквозь эти стены насквозь за пол часа, с охотником — ветром за десять минут. Черт, да будь у меня просто амулет невидимости, я бы покопался в канцелярии, а ты бы послушала музыку, но мы пришли сюда пустые, — он покачал головой, — и неподготовленные. Мы даже не знаем, там ли сын твоей юродивой. Он мог выйти, сбежать, умереть, его могли похитить инопланетяне.

Я закусила губу и отвернулась. Ленник был тысячу раз прав. Оставалось только развернуться и уехать назад. Но именно этого я и не хотела делать. И смотрящий на меня поверх машины мужчина, конечно, это понял.

— Ты бывала в тюрьмах, или вот таких вот колониях? — спросил он.

— Нет.

— Жаль, я бы тебя сводил...

— Говоришь так, словно речь идет о ресторане, — я запахнула курточку, скорее по привычке, холод меня не беспокоил.

— Это лучше ресторана, — он снова посмотрел на забор, — Когда заходишь, первое что чувствуешь это взгляды, они будут с тобой везде в каждом закутке, коридоре, тупике. Взгляды охраны, взгляды заключенных, даже мышей, что шмыгают вдоль плинтусов. Они липнут к коже, как мокрая одежда Они состоят из настороженности и ожидания. Вечного, злого, изломанного, его так легко пить, так легко провоцировать. Они так близки к срыву, как поставленные близко костяшки домино, толкнешь одного и упадут все. Они ждут и жаждут. Жаждут свободы, справедливости, мести, секса, наркотиков и даже боли, — его голос стал мечтательным и обволакивающим, он рассказывал сказку, а я почти видела

нарисованную картинку, почти пробовала ее на вкус. Наконец-то ощущения. Сладость чужого воспоминания, чужого...

Я дернулась, обрывая хрустящую нить контакта, которую он снова протянул ко мне.

— Уговорил, — ответила я, — Проведу там медовый месяц.

— Седому больше понравится блок смертников, — он выразительно посмотрел на кольцо на моем пальце.

Я коснулась золотого ободка, и как обычно оно отказалось слезать, только прокрутилось вокруг. Но ничего дайте только время...

— Мы не можем стоять тут вечно, — сказал он, — Но если тебе хочется...

Он не договорил, потому что я, уже готовая смириться, готовая махнуть рукой и поехать домой, вдруг замерла, глядя ему через плечо. На здание чуть более высокое чем остальные, выделявшееся маленьким куполом, с более чем скромным крестом на верхушке. Ни золота, ни серебра, никакой показухи, может, поэтому я не сразу его заметила, а может, не хотела замечать. Часовня или маленькая церковь, стоящая чуть в стороне от основных корпусов и построек, и частично скрытае деревьями, в это время года голыми и черными.

Сказочник резко развернулся и, прищурившись, пробормотал:

— Не было печали. Там больница и кладбище.

— Спорим к нему можно пройти.

— Конечно, путь к богу должен быть свободен, иначе паства не может платить.

— Эта паства не платит, ей нечем, — я оттолкнулась от машины и пошла вперед по тропинке вдоль глухой высокой стены.

— Распространенное заблуждение, у заключенных есть деньги, если не у них самих, то у их родственников. Да и плата бывает разной, — его голос нагнал меня спустя секунду, — Хочешь правду? Наведаться туда плохая идея. Твоего Валентина там точно нет.

— Знаю, но думаю, хоть раз он там появлялся.

— Хоть раз там все появлялись. Он ведь сел за изнасилование? С такой статьей ему прямая дорога в... в петлю. Изломанный не раз человек. Уже слюнки текут. — он хихикнул, — Но идешь ты в любом случае зря. Нам нет хода на освещенную землю. Ты там ничего не найдешь, ни Валентина, ни себя. Наш мир теперь по другую сторону.

Я дернула плечом, но не остановилась.

Мне доводилось бывать в часовнях, в той части моей жизни, которую я называла "после". После того, как я узнала, что мир совсем не такой, каким кажется. до того, как я стала частью этого извращенного мира.

На берегу Которосли установили часовню Казанской Богоматери. Мне она всегда напомнила ракету, хотя более романтичные сравнивали эту постройку с убранством невесты. Наверное, именно поэтому каждая сочетавшаяся браком пара считала своим долгом бросить монеты под потолок и послушать как они ударяются о колокол.

Другую часовню, красную и приземистую, облюбовали бомжи и порошайки. Часовня Александра Невского была более монументальна, приземиста и основательна. Она была мужской, если бы с меня спросили о поле постройки. Красный кирпич, израсцы, цветные купола, она была красива как хохломская игрушка и рядом с ней любили фотографироваться туристы, даже несмотря на протягивающих руки нищих.

Часовня у второй колонии не походила ни на ту, ни на другую. Во-первых, она была деревянной, и напоминала хоз постройку нежели храм, а во-вторых, она была еще недостроена, недокрашена и вообще вся какая-то "недо".

В ноздри ударил запах опилок и смолы.

— Предлагаю сделку, — заговорил Лённик, — Ты не ходишь туда, а я называю тебе имена. Заметь не одно, а все. Всех кто избежал допроса.

Я шла впереди него, не оборачиваясь и не отвечая. Шла и улыбалась, потому что он уже проиграл. Он сразу предложил слишком невыгодную для себя сделку.

— Я и так знаю, — я уже видела внутренний двор, сухое дерево прямо посередине, которое давно пора спилить, светлые строительные доски, накрытые брезентом, несколько рабочих, крыльцо, с которого спускался человек в черной рясе. Его сердце стучало размеренно и ровно: тук-тук-тук. Взрыхленная ботинками жирная от талого снега земля и крест над головой. Забора не было, он начинался много дальше, да препятствий тут не чинили.

— Уверена? — мы остановились на границе участка, — Так легко кого-то упустить, — произнес он задушевно и мягко, словно уговаривал ребенка.

— Нет, — я повернулась к сказочнику, — Но какое имеет значение одно пропущенное имя?

— Никакого, — согласился он, напряженно вглядываясь во что-то у меня за спиной.

— Ты не допрашивал себя.

— Мы это уже выяснили.

— Ты не допрашивал Михара, только не истинного жителя этого мира, — я поймала взгляд черных глаз, страха попасть в их плен больше не было. Плен это не навсегда. — Ты не допрашивал ветра — охотника, у него иммунитет к любой магии кроме собственной. Продолжать?

— Все-таки умная, — он издевательски склонил голову.

— Кто еще? Старик? Не то чтобы он тебе не по зубам, но он силен и он главный на стежке, представитель воли седого. Кто позволит тебе допрашивать остальных без свидетелей? Нет, уверена, он стоял за твоим плечом, как тогда, когда ты работал со мной. Иначе какой толк от допроса? Всего лишь твое слово против чужого.

Он отсалютовал мне ладонью, словно я сказала нечто замечательное, стоя на холодном весеннем ветру рядом со сплошным, навевающим тоску, каменным забором.

— Нас допрашивал Седой лично. И поверь, никто из нас не держал губы сомкнутыми.

— Быстро ты согласился... Был кто-то еще? — спросила я вглядываясь в широкоскулое лицо, было что-то в голосе сказочника, что выдавало неприязнь, не ко мне, а к словам которые произносила.

За спиной раздался похабный свист, надо полагать нас заметили. Свист сменила витиеватая ругань.

— Кто-то, — повторила я, — Алексей? Тина? Арсений? Нет? — имена падали, как камешки в воду и по поверхности расходились круги, и по этим кругам я понимала что промахнулась, по лучикам морщинкам у глаз, по дрогнувшим губам, по прикрытым векам. Я читала баюна, как открытую книгу, а он и не думал скрываться. Не то имя, и снова не то. Имена, маски, лица.

— Пашка?

Он не отреагировал, совсем. И это отсутствие реакции хлестнуло меня подобно плети, — Пашка? — повторила я.

"Тебя ищет Пашка. Звонить, отказывается. Требуется лично"

— Я допрашивал чешуйчатую девку.

— Да, — в этот раз он не врал, — Но что-то было не так, как с остальными. Поэтому она сейчас психует на стежке. Ты не мог облажаться, а что мог? — я словно не видела растекающихся чернильными кляксами зрачки напротив, — Допрос был, но до конца ли?

— Второй уровень. Всего лишь второй.

— Девушка, — позвали из-за спины, — Вы заблудились? — нормальный вопрос, если бы только не мат и эпитеты рабочих.

— Почему? Пожалел? — я продолжала смотреть на сказочника, — Твоя сила знает, что такое сострадание? Или ее чешуя блестела так ярко, что ты не смог отвести глаз?

— Сказок наслушалась что ли? — он был насмешлив и ироничен, как всегда, вот только запах неуверенности... — Я не успел. Просто не успел. На любой разговор нужно время. А нас вызвали пред светлейшие очи. И поверь, она тоже не молчала, когда Седой спрашивал. Хозяину отвечают все или умирают.

Не знаю почему, но эта фраза резанула меня, словно лезвием. Казалось, что еще чуть-чуть и я все станет ясно, факты легко встанут на свои места, и мне останется только удивляться, что эта простота не бросилась в глаза раньше.

— Именно так, — согласилась я, — Тебе не чем больше торговаться, — и я сделала шаг назад.

Несколько сантиметров под его напряженным взглядом. Судьбоносное движение, или я тогда так думала. Коричневый ботинок опустился на мягкую проминающуюся землю. Освященную землю. И...

Ничего. Бог, если он и существовал когда-то, не отреагировал на святотатство. Зрачки сказочника расширились, почти слившись с радужкой, словно вокруг была темнота, ноздри раздулись, вбирая чужой незнакомый запах.

— Я могу вам помочь? — спросил голос из-за спины, и я повернулась.

Черная сутана сидела на подошедшем мужчине чуть кривовато, правый края то и дело задевал землю и уже успел набрякнуть весенней влагой. Он священника пахло... ничем. Вернее...

— Девушка? Вам помочь?

— А вы хотите? — вопросом на вопрос ответила я, спиной чувствуя жадный взгляд Лённого, но не торопясь оседать на землю.

— Главное хотите ли этого вы.

— Я ищу одного человека.

— Обычно здесь ищут другое, — его взгляд скользнул поверх моего плеча.

Мне не нужно было оборачиваться, чтобы понять, Лённого уже не было на прежнем месте. Он ушел быстро и тихо, еще до того как священник поднял глаза. Скользнул правее, туда где стена вплотную подходила к сухим зарослям. Я все еще чувствовала его запах, слышала дыхание и сердце. И знала, что он слышит мои.

— Бога?

— Скорее утешение. Вы верите? — спросил священник.

— В бога? Наверное, — я пожала плечами, — Должен же был кто-то создать мир, Святых, людей и нелюдей. А может, он был не один?

— "Я Господь, Бог твой... да не будет у тебя других богов пред лицом Моим".

— Санек, канай сюда, нечо с лярвой там балакать...

— Первая заповедь, — священник дернул щекой и посторонился, пропуская меня вперед. Обычный жест обычного мужчины.

Я слышала, как Ленник потоптался на месте и переместился левее, заходя за часовню с другой стороны.

— Все любят абсолютную власть, — ответила я и спросила, — А вторая?

— "Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли"

— Не сотвори себе кумира, — повторила я фразу, которую неизвестно от кого и когда слышала вышла к часовне, трое мужчин в спецовках как раз примерялись к большому обтесанному брусу, пила в руках высокого издала задумчивое "данг", четвертый нахохлившись сидел на ступеньках крыльца, — И как? Соблюдают?

— Почти нет.

Ответ оказался неожиданностью, не щербатая улыбка мужика, толкавшего другого локтем, а именно сказанное священником. Сказанное без сожалений или недовольства. И еще я все никак не могла понять, чем от него пахнет. Словно в комнате, где проводили кварцевание, пахло стерильность и еще немного эфиром.

— И какой кумир самый распространенный? Золотой телец? Деньги? — мой взгляд скользнул на сухие выбеленные ветки дерева, которое давно было пора срубить, третий из крутившихся у распила рабочих смачно сплюнул. Сказочник снова отступил за деревья, и стал обходить открытый участок по кругу, от него тянуло каким-то ядовитым любопытством.

— Нет. Есть другой, более сильный и более распространенный. И имя ему — ребенок.

— Ребенок? — я повернулась к священнику, ему удалось привлечь мое внимание и, на миг, я даже забыла, зачем пришла к новой пахнущей деревом часовне. — Чей?

— Любой. Ваш, например. Родившая женщина возводит свое материнство на пьедестал и поклоняется ему, как богу, забывая о себе, о мире, о боге. А ведь дети имеют обыкновение умирать, и это бьет их наотмашь. Вечен только бог и, если любить его превыше всего остального, счастье неминуемо.

— Неминуемо, — повторила я, снова поворачиваясь к дереву, вспоминая первый смех Алисы, ее зубастую улыбку и перемазанный шоколадом рот, я помнила, что чувствовала в те моменты, помнила и надеялась, что могу ощутить вновь, — Вы это серьезно?

— Санек, — позвал его высокий рабочий, бросив пилу. — Причащаться сегодня бум или как?

— Иерей Александр, — поправил его священник, он не был стар, этот мужчина с каким-то серым, словно стершимся лицом и намечающимися залысинами в пегих волосах, — Будем, — и снова обратился ко мне, — Вы крещеная? Когда исповедовались и причащались в последний раз?

Не в силах отвести взгляд от сухого ствола я ответила правду:

— Никогда, — и услышала шаги.

Ленник уже успел вернуться к тропе и теперь приближался к нам, очень быстро, почти нереально для человека, и эта смешинка, что все еще ощущалась в нем.

— Знаете что это такое? — а священник не слышал, продолжая спрашивать странную пришедшую в этот весенний день к его часовне женщину с усталым лицом.

— Вино и хлеб?

— Нет,

— Плоть и кровь христова, вкушение их есть таинство...

Сидевший на брусе рабочий прикурил сигарету и закатил глаза. А тот, что облокотился

на перила крыльца, поглубже зарылся в спецовку, словно ему было холодно.

Ленивый голос мягко перебил Александра:

— Прям, как вурдалаки.

(имя священника изменено на Андрей в финальном варианте все будет исправлено)

Я резко повернулась, священник непроизвольно сделал шаг назад, а рабочий выронил сигарету. Для них баюн появился словно из ниоткуда, соткался из холодного воздуха прямо перед священно служителем. Меня же беспокоило другое. Нечистый стоял прямо на освященной земле и премиленько шурился на распятие на груди иерея.

— Хрр, — издал невнятный хрип тот, что сидел на ступенях.

— А вы... — нахмурился он и перевел взгляд на меня.

— Мы ищем одного человека, и мне немного надоело стоять и ждать пока девочка наболтается.

— Так иди к мусорам, — скривился тот из рабочих, что все еще держал в руках пилу, — Они мастера находить и терять.

— Валентин Шереметьев, — не обращая на него внимания, продолжал говорить Лённый.

— Сидел? — спросил священник, кивая на стену, его голос чуть дрогнул на букве "е", едва заметно, но я сразу поняла, Валентина он знал. И тот, кто сидел на ступенях тоже, он втянул из спецовки тощую шею и поводил головой туда-сюда, его удивление было вялым, словно он уже слышал это имя, но не думал, что, кто-то произнесет его снова.

Рабочие переглянулись, один бросил пилу, другой встал с досок, третий снова прикурил, буравя взглядом исподлобья спину сказочника.

— Да, — ответила я и снова посмотрела на дерево, осознавая, что оно беспокоит меня куда сильнее подобравшихся рабочих, — Он здесь был?

— Здесь были почти все. Зачем он вам?

— Мать Валентина умирает. Та, что возвела его на пьедестал, положила всю жизнь, лишилась жилья и позволила отправить себя в дом престарелых.

— Куда она смотрит, Дюша? — рабочий перешагнул пилу и встал, загораживая от меня рассохшийся ствол.

— Вольноотпущенные? — спросил сказочник и сам же себе ответил, — Нет, тут же строгащ, значит, откинулись. А почему не уезжают? В радость у баркаса грязь месить?

— Сворачивай базар, Дюш, раз бажбан ищет акробата, пусть сам корячится, — высказался тот, что с сигаретой.

Сказочник, улыбаясь, наклонился, сгреб в горсть мягкую землю, выпрямился, растер в ладонях и уронил обратно.

— А земля-то осквернена, — ухмыльнулся он.

— Но... — я нахмурилась.

— А ты полагала себя особенной? Зря. Ты всего лишь отчаявшаяся, от того и творишь всякую фигню. У них под деревцем два покойника прикопаны. Поэтому и не спилили, знают, что найдут под корнями, обратно за запретку никому не хочется. Так, батюшка? — сказано было с неприкрытым презрением.

— Ворона твоя, — рывкнул высокий тому, что все еще держал в пальцах сигарету, — А ты битый парень, — он шагнул к сказочнику.

И все пришло в движение. На этот раз я смотрела схватку совсем с другой стороны и видела все. Видела первый шаг высокого рабочего, видела, как сверкнуло на солнце шило,

таким наверняка очень удобно прокалывать дыры... да в чем угодно, или в ком. Отбросил сигарету второй рабочий, поднялся, не зная к кому броситься третий, а священник отступил.

Сказочник рассмеялся, так искренне и так весело словно его пригласили поучаствовать в забаве. Рабочий еще только замахивался, сквозь недовольство пробивается азарт и предвкушение. Он рад чужакам, не звал их и обошелся бы без проблем, но раз они здесь... Он раз возможности размяться. Его мысли не были оформлены в слова, они скорее напоминали образы столь яркие, что невозможно удержать внутри своей головы. И последняя осознанная мысль — сожаление, что под деревом больше копать нельзя, что придется тащить трупы в другое место. На это медленное течение его мыслей оборвалось. Думать умеют только живые.

Ленник ударил его по руке, ломая пальцы и выхватывая шило. Короткий крик и острая сталь входит в грудь своего недавнего хозяина. Один вдох, один миг. Я слышала, как замолкло его сердце, стучавшее так неторопливо и так медленно.

А нечистый двигался дальше, двигался так быстро, что первое тело еще не успело упасть, как он ударил кулаком висок тому, кто должен был разобраться с "вороной". Со мной. Сильно ударил, так бьет боксер в зале по снаряду не жалея и не боясь причинить вред. Череп хрустнул, не тем сухим рассыпчатым звуком, с которым ломается ветка, а влажным глубоким звуком раскалывающегося льда или даже шоколадной плитки. Только в место начинки наружу выплеснулась кровь, много крови. И бывший заключенный все еще думающий, все еще представляющий, как будет разбираться с женщиной, предвкушающий слезы и мольбы, не закончил начатый шаг.

Алые капли окрасили снег, люди умерли до того, как упали. Я слышала их смерть, видела ее, пила последний вдох людей, которые еще не знали, что мертвы, слышала угасающее биение сердец. И никакого равнодушия. Мир вспыхнул яркими красками, миллионами огней эмоций, жестов, звуков, множеством жизней. Они умерли не на алтаре, но это не имело значения. Только коктейль под названием "смерть". Я пила эту мимолетную агонию и искренне жалела, что нельзя растянуть ее до бесконечности. Нельзя...

Все кончилось без моего вмешательства. Баюн схватил священника за шею и скомандовал:

— Стоять, мил человек, стоять!

Этот приказ был слишком мягок, слишком добр, чтобы ему не подчиниться. И третий рабочий, так и не решивший к какому противнику броситься, замер, глядя в черные глаза.

— Просто стой.

— Стою, — отозвался бывший заключенный, он был коротко стрижен, зато на тыльной стороне ладоней росли особенно густо.

Именно это имел в виду Лённик, говоря, что при всей своей силе и скорости может не справиться с охраной колонии. Двое были мертвы, двое еще жили. Даже нечистый не может быть быстр до бесконечности.

— Тихо, — на этот раз баюн отдал приказ священнику.

Не представляю, откуда я это знала, но знала совершенно точно, как вздрагивающий всем телом Андрей. Священник наблюдал, как мужчины падают один за другим, издавая при этом звуки больше похожие не на слова, а на клекот.

— Тихо, — повторил сказочник и прошептал на ухо Андрею, — Доставай его медленно...

Никогда еще приказы не отдавались так ласково. И так быстро исполнялись.

Священник дрожащими руками задрал рясу, под которой оказались обычные голубые джинсы с высокими армейскими ботинками. Рука легла на пояс, запах смазки и пороха я учуяла чуть раньше, чем увидела пистолет. Оружие, из которого давно не стреляли, спящее оружие, не несущее на своем дуле отпечатков чужой смерти. Андрей дрожащей рукой коснулся рукояти, пальцы замерли. И меня тут же коснулось краткая неуверенность, раздумье: "а не воспользоваться ли шансом, а не рискнуть ли..."

— Порадуй меня, — с непередаваемой интонацией попросил Андрея Лённик, его рука лежала на горле Андрея. В ней не было ножа. Но я понимала колебания человека, представляя, какими жесткими и сильными могут быть пальцы сказочника. Одно движение — и конец. Два трупа перед глазами служили наглядным подтверждением.

Четвертый нелюбопытный рабочий остановился в двух шага от часовни, не решаясь приблизиться, и, вытянув тощую шею, посмотрел на меня, а не на того, кто убивал его товарищей, а на женщину, что не пошевелила и пальцем. Другой на его месте давно бы убежал, закричал, вызывал милицию, благо сотовые почти у всех. Только не этот...

Священник сдался. Я поняла это за секунду до выдоха, и за две до того, как он достал пистолет, от которого разило железом и порохом.

— Брось, — последовала очередная команда, и черное оружие полетело в снежную грязь.

Стоящий напротив парализованный взглядом и голосом рабочий взмахнул своими волосатыми руками, словно тоже пытаясь что-то отбросить.

— Чем кокс бодяжите, батюшка? — ноздри Лённика снова раздулись, как тогда на границе участка.

— Мы не... — начал Андрей.

— Вы "да", — припечатал сказочник, — Чистый кокс пахнет не так, для человека совсем не имеет запаха, но это... — он рассмеялся, — Так что вы там говорили о кумирах? Вашим стала "божья трава"? Нет? Сами не употребляете как этот? — краткий взмах рукой, в сторону молчаливого.

Так вот что с ним "не так", вот почему он не тропиться бросаться на нас с кулаками. Судорожное дыхание, озноб и почти нет мыслей... Он не будет защищать их, еще не готов, еще не понял, что следующую дозу возможно брать уже будет не у кого.

— Значит, золотой телец. Как все просто, — Ленник посмотрел на застывшего напротив рабочего, — Возьми заточку, — баюн опустил взгляд на тело, и вместе с взглядом опустился и бывший заключенный.

Я чувствовала, как на него давит сила сказочника, он умел не только допрашивать, он умел заставлять.

Мужчина выпрямился, сжимая в широкой волосатой руке шило. Кровь точками выходила из груди его товарища, но никого из присутствующих это уже не смущало, может быть только Андрея.

Четвертый мужчина качнулся с носок на пятки, не сводя с меня карих глаз. Его взгляд напоминал легкий зуд от укуса насекомого, пока не трогаешь терпимо, но как коснешься, остановиться уже не сможешь.

— Кто вы такие? — прохрипел священник.

— К сожалению, — продолжал рассказывать свою сказку рабочему Лённик, — Мне не нравится твой правый глаз, воткни ее туда, сделай такое одолжение другу.

В его устах просьба звучала так незначительно, так мелочно. Таким тоном вас просят

помочь вынести коляску из автобуса, придержать дверь или сказать который час, пустяк не стоящий никаких усилий. И рабочий не подвел "друга", с улыбкой поднял заточку к лицу и воткнул, хорошо так, основательно пробивая себе мозг. Глазное яблоко лопнуло с тихим звуком, очень похожим на тот, с которым расходиться кожура виноградины, если ее как следует сжать зубами. Вместе с умирающим я почувствовала нестерпимый жар в пустой глазнице и радость от того, что смог угодить.

Снова уловила волну чужой смерти, словно радиоприемник настроенный на нужную частоту. Она раскрашивала мир, словно картинку из детской книжки. В этот момент я поняла, что снова могу чувствовать, восхищаться и ужасаться о содеянном. Отнятая жизнь на миг вернула мне человечность, заставив осознать чудовищность происходящего. Но это был всего лишь миг, волна, которая схлынула вместе с последним выдохом. И внутренняя пустота вернулась, как возвращается старый долг или старое чувство, как что-то принадлежащее только мне.

Четвертый мужчина отвел взгляд от меня и посмотрел на шило, на того частью чьего тела она стала.

Руки рабочего все еще сжимали заточку, когда он упал, а на лице все еще оставалась улыбка, последняя улыбка. Как бы это не было больно, он умер счастливым. Эта мысль заставила меня вздрогнуть. Разве может быть счастье в смерти?

— Что вы такое? — прошептал священник.

Он давно уже должен читать молитвы и сотворять кресты, а сказочник давно должен быть от боли и кататься по земле. Но они все еще стояли на земле, которая не была святой и священник, который видимо им не был.

— Валентин Шереметьев, — напомнил ему баюн, чуть сильнее сжав руку на горле.

Вместо ответа прозвучал выстрел. Почти ставший неожиданностью. Почти... Лённик рассмеялся. Наркоман был быстр, куда быстрее остальных людей, хотя мне всегда казалось, что должно быть наоборот, но что я знаю о наркоманах? Ничего, этот был первым.

Видимо, у него тоже было оружие. Но он стоял далеко и не собирался вмешиваться, у него дрожали руки и внутренности. К тому же я была занята. В этот момент я пила чужую смерть, пила свой наркотик, от дозы которого мир расцветал буйством красок и эмоций. Меня не интересовал стоящих в десятке метров человек, у которого сворачивались в узел кишки. Ни он сам, ни его эмоции, потому что я никак не могла поймать свои. Поэтому ничего и не ощутила, даже удивления, когда сердитая оса прошлась горячими крыльями по боку и, оставив дыру в одежде, зарылась в грязь за моей спиной.

Да он оказался быстрее других. Умнее, раз не собирался приближаться, или трусливее. Один выстрел, громкий почти оглушающий, эхом унесшийся в весеннее небо. Смех баюна. Ни крови, ни боли, мне даже не надо было задирать рубашку, чтобы понять, что кожа цела. Всего лишь сердитый свинец... Тоже самое, что погладить.

Но кое-что я все-таки почувствовала. Злость, яркой вспышкой полыхнула перед глазами. Выстрелом он выдернул меня из созерцания смерти, из сладкого сна, который развеялся без остатка напуганный слишком громким звуком.

Я огрызнулась инстинктивно, не медля и не задумываясь. Серебряный стилет как живой скользнул в ладонь, не обжигая и ластясь к коже. Скользнул и отправился в полет, сверкнув в воздухе серебристой молнией. Я не забыла чужие уроки, и попасть в неподвижную мишень оказалось совсем не сложно.

Стиллет вошел мужчине в бедро. Его лицо вытянулось от удивления и тут же скривилось

от боли. Он заорал, опять нажимая на спусковой крючок, пуля прошла правее. Нога подогнулась, и последний рабочий грохнулся в грязь. Оружие упало рядом, а он пытался зажать ладонями рану.

Все знают, насколько уязвима шея, яремная вена, артерии позвоночник... одно движение и вместо человека перед тобой труп. Но если перерезать другие вены результат будет ничуть ни хуже. Так же фонтаном хлынет кровь, так же обегут круг секундные стрелки, отсчитывая последние мгновения. И это будет так же больно, словно под кожу тебе засунули щипцы и развели ручки в стороны. Одна радость — это не долго.

Мир окрасился алым, и мне захотелось смеяться. Счастье и ужас содеянного смешались в безумный микс. Осознание было столь же болезненным, как восхитительным. Я могла чувствовать, только если вдыхала чужую смерть. С последним ударом сердца, я вновь становилась собой, вновь могла понимать, что происходит и знала, как к нему отношусь. Но стоило, последнему выдоху угаснуть на губах, и я снова погружалась в кокон равнодушия. Я все-таки нечисть, только в отличие от остальных, я оживаю только если рядом кто-то умирает. И да самой убивать для этого совсем не обязательно. Понимание схлынуло так же быстро, как и накатило, оставив после себя привычную горечь.

"Ты ведь ничего не можешь с этим поделать, не так ли?" — спросило вернувшееся равнодушие. — "Да и надо ли?"

В шорох ветра и сухих трав вклинились далекие крики. Выстрелы слышали в колонии, и скоро тут станет многолюдно.

— Они в курсе, что вы тут АО на базе духовенства открыли? — спросил у Андрея сказочник, и сам себе ответил, — Конечно, знают и, думаю, имеют долю в уставном капитале

Скулящий от боли рабочий рывком вытащил нож из бедра и попытался зажать рану, еще не понимая, что это бесполезно. Жизнь покидала его с каждой каплей.

— Вы искали Шереметьева Валентина? Прохрипел священник и в этом хрипе смешались беспомощная злость и удовлетворение, — Тогда прошу, — он поднял руку, — Вот ваш Валька-Валенок. Он же Шереметьев, нарк со стажем, откинулся год назад, не далеко не ушел, волшебный поводок не давал, — он подавился смехом, когда баюн сжал руку.

— Нет, — совсем по-детски прошептал Валентин, а кровь продолжала вытекать между слабеющими пальцами. Несколько секунд, и всхлип сменился выдохом, руки беспомощно повисли, глаза подернулись пыльной пеленой. Мертвым зрение ни к чему.

Мир тут же расцвел, даря мне снова возможность чувствовать. А ведь я даже не двинулась с места, не попыталась помочь, исправить то, что натворила в приступе злости. Убила сама и не помешала сказочнику, позволяя ему убивать раз за разом.

— И этот валенок не натянул на себя только ленивый, — продолжал говорить тот, кто назывался священником, сейчас в его словах не было ни спокойствия, ни располагающего сочувствия, ни даже любопытства, — Он так хотел это забыть, так легко подсел. Так и расскажите его матери, как он отсасывал у каждого, как жрал землю и дерьмо за дозу.

— Интересный ты служитель, — пробормотал Ленник, тирада Андрея не произвела на него ни малейшего впечатления, — Для ненастоящего интересный. — он чуть дернул ладонью заставляя мужчину встать на цыпочки.

— Не такой и ненастоящий... — прошептал мужчина, — Учился в семинарии, но не закончи...хл.

Шея мужчины сломалась очень легко, будто бы от одного неосторожного движения баюна и упала на плечо.

— Всегда говорил, что от незаконченного образования один вред, — Лённик отбросил тело Андрея.

Чистая смерть, яркая, подобная вспышке во тьме на миг осветившей мир и тут же погасшей. Раньше я бы возмутилась ее бессмысленностью, возмутилась самим фактом убийства, сжала бы кулаки, и пообещала себе при первой возможности подставить сказочнику подножку, отомстить и не сдержала бы слово.

Сейчас равнодушие сменило разочарование, но сказочник не дал мне опомниться.

Он знал что твориться в моей голове, видел, чувствовал и... наверное хотел помочь, протянуть руку, не давая скатиться за грань. Помощь продиктованная уродливым извращенным чувством сострадания, что еще доступно таким как он. Таким как я.

Андрей падал, а Лённик с улыбкой предложил:

— Предлагаю игру. Кто первым доберется до Юкова тот скажет бабке, что сынок уже ждет ее за гранью. И что билет ему выдала ты...

Его голос вдруг стал низким, гудящим. Он говорил что-то еще, наверное, столь же веселое и задорное, но я уже не слушала. Эмоции дарила не только чужая смерть. Злость, своя собственная ярость не нуждалась в катализаторах.

— Зуб даю, она обрадуется...

Я слышала рычание, и кажется, издавал его сама, бросаясь вперед. Мир смазался, слился в серую пелену. Словно я смотрела из окон поезда. Деревья, трава, монолитный забор, сухое дерево, корни которого хранили смерть, синее небо, солнце и даже воздух — все перемешалось. А баюн хохотал до последнего, до того момента, когда я почти схватила его, почти оборвала этот издевательский низкий звук.

Но я его недооценила. Лённик уклонился, только что стоял, прямо предо мной, а секунду спустя на метр правее. Больше всего на свете я желала затолкать ему его слова обратно и наблюдать, как он ими давиться.

Он бросился по тропе назад... Нет, бросился неправильное слово, он почти полетел, едва касаясь земли ногами. И хохотал уже где-то впереди. Его все это забавляло самого начала, с той минуты, как мы покинули переход. Я отставала всего на несколько шагов.

Ломкая трава сминалась под моими ботинками, я слышала ее хруст, слышала далеки крики, грязный снег сменился песком, бугристыми кочками, в которых ноги вязнут по щиколотку.

Мелькнула алым пятном машина, Ленник свернул правее на уходящую в заросли дорогу, туда, где шуршали травы. Туда где пел переход.

Что видели люди со стороны? Мужчину и женщину, которые вдруг исчезли, что бы больше никогда не появиться? Размытые тени?

— Не смей, — прошептала я в спину баюну и знала, что он услышал, смех затих, и через секунду я поняла почему.

Дорога изогнулась к северу, но сказочник сошел с нее, ведомый невидимой нитью перехода. Внутри дрожали знакомые и почти ставшие родными струны. Музыка стежки. Сказочник нырнул в переход, неизвестно кому принадлежавшей и куда ведущий. Ног коснулся плотный стелющийся туман. Я не позволяла себе задуматься. Он убегал, я догоняла, со звериным рычанием, с одной только мыслью: схватить, загнать добычу, которая оказалась настолько слаба, чтобы уклониться от боя.

Вечная мелодия стала оглушительной, на плечи вместо тяжести опустилась радость. Чистое удовольствие ласково коснулось затылка, пробежалось по позвоночнику, растеклось по телу. Снова здесь, снова в переходе. И теперь уже смеялась я, не баюн остановившийся в десяти шагах впереди.

— Эта не наша стежка, — проговорил сказочник.

Я рывком преодолела разделявшее нас расстояние. В его черных глазах не было страха, лишь удовольствие. И все отошло на второй план, и кровь, и смерть и люди, которые давно утратили право так называться. Люди вроде меня и Валентина.

— Я знаю, — не в силах перестать улыбаться ответила я, — Не имеет значения.

— Неужели? — удивился он, — Докажи.

Не успел звук угаснуть в сером мареве тумана, как он исчез. Растворился. Побежал так быстро, как вряд ли получится у меня, во всяком случае не сразу. Но я все-таки пробежала с десятков шагов следом, прежде чем остановилась. Позволяя сладости проходить и проходить сквозь тело раз за разом.

Я остановилась, закрыла глаза, а потом подняла руку и укусила себя за ладонь. Сильно, чувствуя, как зубы впиваются в мышцы.

— Хватит бегать, — прошептала я, пробуя на вкус собственную кровь. — Хватит.

Боль смешалась с удовольствием. Я все еще состояла из плоти и крови. И могла причинить себе вред. Странно, но эта мысль принесла удовлетворение.

— Хватит, — повторила я.

Хватит отговариваться незнанием. Хватит списывать все на равнодушие.

Сказочник ведь специально вывел меня из себя, специально заманил сюда и дождался... Зачем? Ну же, начинай думать!

Меня давно провоцируют. Седой, Тамария, старик Дым, Лённик. Почти все. Зачем? А затем, что я все никак не могу сделать то, чего от меня ждут. Что именно?

За спиной раздался веселый отдаленный смех.

— Не сейчас, — рявкнула я, не оборачиваясь, но спиной чувствуя чужие взгляды.

Я слишком сосредоточилась на себе, на своих изменениях, а надо было на них. Увидеть собственное отражение в их глазах и поступках.

Что сделал баюн? Заманил в переход и скрылся. Я рванула бы за ним, но...

Стежка не наша, какой в этом смысл? Никакого. Только если...

Если, выскочив из перехода, он не нырнет в него снова. Мы не встретимся. Дорога всегда одна, всегда только в одну сторону. Он пройдет по нити обратно к колонии, а там его ждет моя машина, и ключи все еще у него в кармане. В любом случае баюн доберется до Юкова быстрее меня. И расскажет умирающей бабке, что я убила ее сына. Поиздевается напоследок.

Все это имело бы смысл, если бы не одно но... В моей привычном состоянии равнодушия, без топлива чужих жизней, я бы просто пожала плечами, принимая это как само собой разумеющееся.

Именно поэтому он убил всех этих людей, позволив мне чувствовать снова. Позволив осознать, что я натворила. И броситься за ним.

Парадокс в том, что, даже поняв это, я все еще не хотела, чтобы Марья Николаевна умирала вот так. Смерть, это как рождение, бывает только раз в жизни, и переиграть его невозможно. Это точка, которую я не хотела ставить.

Но его мне не догнать.

"Докажи" — сказал он напоследок.

Мелодия все еще играла, я слушала ее, знакомую вибрирующую. Как в первом переходе из Юково, как на алтаре Седого...

Я резко обернулась. Чужие взгляды звали, обещали сладость и веселье. Вечное наслаждение. Может и в правду остаться тут...

Но в тумане никого не было, лишь радость накатывала меня со всех сторон. Совсем как тогда, когда я касалась, стежек снимая нити с клинка Ушедших. Как тогда...

Земля укутанная туманом отозвалась гулом, который прошелся от ступней, по щиколоткам, коленям, бедрам, животу, груди, отозвавшись в каждой косточке.

Словно я вернулась на алтарь...

А почему как тогда, а не как сейчас? Чем та нить отличается от этой? Здесь точно такая же стежка, точно такая же нить, так почему бы и не повторить фокус...

Я опустила на колено и провела рукой по земле, задев сухую траву. И снова услышала смех. Что в нем было? Одобрение? Предчувствие развлечения? Сжала кулак, пальцы зарылись в землю, грязь забивалась под ногти, кровь из укуса смешивалась с грязью и... ничего. Я не чувствовала стежку.

А смогу ли я повторить то, что совершила под присмотром Простого? Седой же сказал, что прокладывать стежки могут только те, кто их создавал. Только Создатели, которых называли Великими. Последний из которых мертв.

Перед глазами промелькнули события ночи в серой цитадели, стоило вспомнить алтарь, демонов и то, что я совершила, как в голове что-то со звоном разбилось. Что-то что давно подталкивали к краю. Упало и разлетелось на мелкие кусочки.

Каждый из них в свое время постарался пододвинуть меня к краю, а упала я здесь, одна, в окружении тумана. В голове зазвучали равные обрывки фраз:

"Люди не так слабы, как кажутся" — сказал сказочник.

"Ты убила Простого. Так спроси себя с кем ты в родстве?" — прохрипел Март.

"Вы все одного рода только не догадываетесь об этом" — усмехнулся Кирилл.

— Я догадалась, — проговорила я, и позвала, — Где ты?

Зная, что сейчас мне ответят. Не могут не ответить. Потому что в переходе стояла...

Мелодия тут же изменилась, загудела низкими нотами. Ладонь кольнуло теплом, и почувствовала, как там, в глубине земли, что-то движется. Быстро очень быстро, словно подземная река, или вода по трубам или... канализация.

— Я вижу тебя, — прошептала я, словно все еще нуждалась в подтверждении того, что делаю. Того, что могу сделать.

Быстрый и подвижный поток. Я видела его, погрузилась с головой, словно в детстве, попавши в течение, которое завертело меня настолько быстро, что девочка даже не успела испугаться. Он вынес меня на серый снег, серый подлесок и почерневшие избы вдалеке. Шел липкий снег, который я видела, но не чувствовала. Я была там и здесь. В переходе и вне его.

Выбежавший на поляну сказочник зачерпнул пригоршню снега и вытер лоб. Поднял скуластое смуглое лицо и усмехнулся, будто знал, что я его вижу или надеялся. Секундное размышление и баюн снова нырнул в переход.

Тональность тут же изменилась, став выше. Ленник вступил на параллельный путь. Он опережал меня как минимум на одну стежку.

Я не успела отнять от земли руку, изображение ринулась вперед, унося меня следом. Снежная поляна сменилась грубо сколоченной конструкцией, так напоминавшей торговые

ряды в базарный день, только вот сами продавцы отсутствовали, да и черные подпалины явно не добавляли месту популярности. Очередной рывок и теперь я вижу старые дома, извилистые улочки, картинка сместилась, словно кто-то толкнул окошко, через которое я смотрела. В фокус попали черные глаза, миндаливидные, озабоченные, почти испуганные и знакомые...

— Максуд? — пробормотала я.

Ответить Хранитель Кошухино не успел, поток рванулся дальше, кружа мне голову.

И показал мне ровный ряд могил и старых крошащихся надгробий, Где-то вдалеке качали ветвями деревья великаны. Парк-на-костях.

Не надо быть шибко умным, чтобы понять, что именно я вижу. Стежки. И их пересечения.

Изображение расплылось, а потом собралось вновь. Дорога, линия построек. На первом плане дом, который мне понравился с первого дня на стежке. Двухэтажный, каменный, так похожий на те, что изображают на буклетах туристических агентств и фирм по продаже недвижимости, парочка подобных висела у меня над кроватью. Дом старосты. Юково.

— Стой, — закричала я, но поток слишком быстрый и слишком непредсказуемый уже тащил меня дальше.

Деревья, много деревьев и коричневые черепичные крыши, проступающие сквозь листву вечного лета *fili de terra*, широкая тропа и девочка, нет уже почти девушка, разворачивается и что-то кричит, тем, кого я не вижу. Высокая, но совсем не хрупкая, скорее спортивная. Распущенные белые волосы каскадом падают на спину.

"Она их обрезала" — было моей первой мыслью — "Обрезала свою косу". Острое чувство утраты резануло, как по живому. Опять я что-то пропустила, какой-то этап ее жизни, который больше не повторится.

"Алиса!"

И она обернулась, так, словно действительно слышала.

Все что я хотела это оказаться там, оказаться рядом с дочерью. Сколько я ее не видела? И сколько не увижу еще? Может к ушедшим все! Рвануть на землю детей и остаться там, пока возможно. Листва на деревьях вдруг обрела четкость, а невидимый поток стал притормаживать, словно вагон поезда, приближающийся к станции.

"Они возводят свое материнство на пьедестал и поклоняется ему, забывая о себе и о мире" — так сказал священник Андрей. Не важно настоящий он или нет, главное он сказал правду.

Правдивые слова. Я ведь знала, что для меня это "пока возможно" обернется секундой.

Я все еще чувствовала под пальцами стежку перехода, но она уже размывалась, отдаляясь, словно собираясь исчезнуть, черепичные крыши приближались. И я знала, что это будет неправильным. Знать и чувствовать, разные вещи. Наверное, именно поэтому я и дернулась. Отпрянула на назад, и поток с готовностью подхватил меня, отбрасывая на шаг обратно.

На перекресток с каменным двухэтажным домиком. Я сжала пальцы, силясь остановить это мельтешение, ухватила, словно за поручень, стараясь не упасть, не дать себе утонуть в водовороте потока. Нить отозвалась на мое прикосновение, замедлилась, почти остановилась.

Смех за спиной распался на отдельные удивленные смешки. Картинка пряничного домика Семеныча подернулась серой пеленой тумана перехода. В ней, в этой серости

зажглись красные глаза, одни, вторые, третьи.

Бесы! Их веселый смех отозвался в каждой клеточке тела. Это было здорово. Они враги, но эти враги так заразительно смеялись. Я почувствовала, как губа задирается, как руки сжимаются еще крепче. Если я сейчас брошусь, то сделаю это не с гримасой ярости, а с улыбкой. Неизвестно еще что хуже.

Красные глаза приблизились. Мир раскололся. Две картинки одна проступала сквозь другую. Дом в Юково или туман с алыми глазами. На выбор не дольше секунды. Смертельные друзья или заклятые враги?

Вывод очевиден. Я сжала невидимую нить. Любой выбрал бы битву. Потому что тот, кто бежит от драки, слаб, а я слишком долго была слабой, чтобы допустить это.

Стежка загудела, струны брякнули, будто по ним провела неумелая ученическая рука. Поезд, что катал меня по потоку, исчез, развеялся в сером тумане перехода. Как и красные глаза. Как и видения. Как и смех за спиной. Мир дрогнул, качнулся и встал на место.

Я улыбалась, когда, поднималась и улыбалась, когда делала первый шаг. Нить все еще дрожавшая под ногами была другой. Странное ощущение, но не неприятное. Это если бы асфальтовую дорожку сменила бы мощенная мостовая или тротуарная плитка или небрежно набросанный гравий. Все дороги разные. Путь один.

— Ты ведь хотел, чтобы я пришла к финишу первой? — спросила я у тумана.

Но тот не ответил. Да я и не нуждалась.

— Вы все хотели, — пробормотала я, и рассмеялась, удовольствие никуда не делось, — Я буду первой нечистью, сбежавшей от драки и очень радующейся этому.

Звуки взлетали и гасли, меня некому было слушать. И некому слышать. Я выпрямилась и пошла вперед, не думая о том, что удовольствие может в любой момент закончиться. И не сожалея об этом... Вернее стараясь не сожалеть, очень стараясь. Остальные могут походить на зверей, могут даже быть ими. Я не обязана.

Обернувшись, я подняла руку и снова укусила ладонь. Боль тут же вернула четкость, прогоняя сладость перехода. Тело предавало меня не раз, но что значит зародившееся в груди тепло по сравнению с бурей, что разгоралась от каждого прикосновения Кирилла? Пшик, пусть и очень приятный.

Туман расступился, дорога прыгнула мне под ноги. На миг, на одно краткое мгновение показалось, что я ошиблась, что все это было галлюцинацией, а настоящая Ольга осталась в переходе, шурясь от удовольствия, и обреченная в вечном счастье бродить по безвременью. Нечисть, не умеет менять стежки, они даже порт приписки изменить не в состоянии, пока нож к горлу не приставить.

А я только что села на экспресс и перевела стрелки. Или спятила. Кстати, давно пора.

Я вывалилась в хмурый весенний день. Разгоряченных щек коснулся прохладный ветерок, вдалеке загрохотал гром. Впереди на обочине лежал труп. Как старый знакомый уже успевший заждаться друзей. И единственное чувство, которое я испытала, это отстраненное удовлетворение. Поезд приехал по назначению. Я в Юково.

— Значит, это правда, — прогудел низкий голос у меня над головой.

Я подняла взгляд. Чувствуя, как равнодушие снова сменяется усталой яростью. Я так устала его ненавидеть. Над землей висел Михар, бес Юкова.

— Значит, правда, — ответила я и пошла вперед.

— Послушай, — бес отлетел назад, что меня нисколько не смутило, нельзя отступать до бесконечности, — Ольга, — он произнес мое имя с усилием, словно оно причиняло ему

боль, — Мы можем поговорить?

— Она здесь! — закричал кто-то чуть дальше, послышался топот ног, а бестелесый все летел и летел.

— Мы уже говорим, — улыбнулась и, оттолкнувшись от старого асфальта, прыгнула, вцепилась в ткань плаща и повалилась на землю.

Вы когда-нибудь пробовали схватить дым? Нет? И не пытайтесь, не получится. Он просто расступился, пропуская меня сквозь себя. Все что мне досталось — это черный плащ.

— Сюда! — голоса звучали все ближе.

— Ведь даже с демонами можно договориться, — продолжал гудеть черный дым.

— А я не демон, — черная тряпка полетела на землю, — Демоны, это всего лишь оружие, нож, который держала другая рука...

На этот раз я метила в глаза, но ударить мне не дали. Сбили с ног и повалили на землю, прижимая щекой к влажному асфальту. Я дернулась, стараясь сбросить прижимающую к земле тяжесть.

— Держите ее! — в хриплом крике Семеныча слышалась паника, — Ради низших, держите.

— Ольга... — прогудел бестелесый.

— Ольга, — эхом повторили на ухо.

Я снова выгнулась, но лежащий сверху был сильнее.

— Тихо. Это же я, — прошептал он, — Я.

— Ты, — повторила я, и добавила, — Ты — мертвец.

Тяжесть тут же исчезла. Я перевернулась и посмотрела в темный глаз. Один глаз. Правая глазница была прикрыта черной тряпкой.

— Только сейчас поняла? — Веник поднялся, от него волнами расходилась злость, а еще разочарование.

Вот только мне все равно. И падальщику придется справляться самому.

— Вы всегда считали всех низшими, — проговорил Михар, — а себя...

— Кем? Высшими?

— Именно, — на этот раз мне ответил староста, вставший так, чтобы загородить от меня беса.

— И поэтому вы решили им... нам отомстить? — спросила я, поднимаясь, рядом с падальщиком стоял феникс Алексей, а чуть в стороне переминалась с ноги на ногу Пашка.

— Вам? Она что не одна такая? — спросил феникс, поправляя очки.

Я посмотрела на нелюдя, злость сразу ушла. Ушла ярость и желание погасить алые глаза беса и даже странная брезгливость, которая накатила, когда я поняла, что меня касается Веник. Человек без души, ходящий, разговаривающий и непонятно как живущий. Теперь я словно видела это, видела, что в нем не хватает какой-то важной части... Все исчезло. Потому что они тоже не знали, догадывались, хитрили, врали, но всей правды не знали, хотя она и лежала на поверхности. За исключением... я посмотрела в чернее колодцы глаз ведьмака и спросила:

— Где же ты споткнулся-то?

— О чем она? — рыкнул Веник.

— Это сейчас так важно? — спросил староста.

— Я повторяю вопрос: кто такие вы? Это сейчас важно, — повысил голос Алексей.

И мы замолчали. Черный дым метнулся к брошенной на землю тряпке, словно

оставшаяся без одежды стыдливая девица. Я физически ощутила, как за спиной выросла массивная фигура, волна неприязни наждаком прошлась по коже, царапая и провоцируя. Но я устояла, не повернулась и не вцепилась ему в глаза.

— Сегодня сказочник сказал одну вещь, — сказала я разглядывая профиль Веника, Пашка сделала пару шагов и снова замерла, — Он сказал, что люди не так слабы, как кажутся, — я отряхнула ладони, оттягивая момент, когда придется произнести это вслух, — И знаете, он прав.

Алексей покачал головой, словно не веря в то, что слышит.

— Великие ушли, они проложили путь в другой мир. Необитаемый мир. Но вмещались демоны, и не дали забрать с собой силу. Не позволили сделать свой мир и себя слабыми. Но Великие все рано ушли! Вы слышите это? А прерванный ритуал связал два мира. Связал стежками переходов. Святые, — я потерла лоб, — Как же все просто. Кем по вашему стали Ушедшие? Там, в мире, который вертится быстрее, в мире, который называют Земля? А? Вариантов не так много...

— Людьми, — ответил за всех Семеныч.

— Именно, поэтому я и говорю "мы", — собственная фраза отдавала горечью, — Вы превратили потомков создателей в добычу. Седой как-то сказал, что люди один род, хоть и утверждают обратное. Их предков лишили магии, ее сменила наука и техника. Но наши тела остались слабыми, зрение и слух — скудными.

— А Седой нашел способ разбудить ваше... — феникс снял очки. — наследие?

— Видимо да, — ответила я, и посмотрела на старосту, — Но попытки были и до этого.

— Вместе с магией проснулась и ненависть. К нам, — прогудел за спиной бес.

— Да, — не стала отрицать я.

— Великая, — протянул Веник с презрением, и вдруг поклонился, — Будут приказания для трупа, хозяйка.

— Да, иди прикопайся где-нибудь.

Я понимала, что он не заслужил этого, объективно не заслужил, но... Это были даже не чувства, скорее видение очевидного. У стула тоже нет души, но тот обычно молчит.

— Прекратите, — рявкнул староста, — Не время сейчас для свар. Мы и так на грани истребления, а если уж внутри стежки сцепимся, — он по очереди посмотрел на падальщика, меня и даже качнувшегося за спиной беса.

— Поясни, — попросил Веник.

— Она вернула стежку!

— Извини, — скривилась я, — в следующий раз не буду.

— Да я не о том, — отмахнулся старик, — Я о том, что Юково больше не принадлежит Седому. И не врите, что не почувствовали никаких изменений...

И они все, даже, стоящая в отдалении, Пашка в раздражении отвернулись от меня. И от Семеныча. Они чувствовали, но не хотели признавать. Ведь теперь когда слова произнесены, придется что-то с этим делать, решать... Лишь бес продолжал смотреть и ждать неведомо чего, сверля спину горящими глазами.

— Стежка твоя, Ольга.

— А мы не преувеличиваем? — спросил феникс.

— Нет. Она нашла сюда дорогу с другого перехода, — покачал головой староста, — Плюс мы спокойно стоим тут и обсуждаем ее природу. Нарушаем приказ Седого. Сознательно. И еще живы, а не лежим безголовыми трупами

— Почему не сказали сразу? — я повернулась с Михару, и сразу ощутив уже знакомую ярость.

— Потому, что башка одна, — ответил Веник.

— Искали подтверждения, — прогудел бес.

Я дернулась от звука его голоса, но смогла остаться на месте.

— Нашли?

— Да, — ответил старик.

— Меня по обыкновению, спрашивать не будут, — я отвернулась, сквозь голые ветви деревьев проглядывала крыша моего дома, — Надо было догадаться. В сообщениях... в них было что-то неправильное, но я не поняла что. Ты не ставил меня в известность, ты отчитывался, — я повернулась, поймала взгляд темных глаз старосты, — Бонусы никогда не раздают просто так.

Вдали раздался хриплый крик, в котором не было ничего человеческого. Ветру стало хуже еще несколько часов назад. А теперь это "плохо" сменилось агонией.

Не глядя ни на кого, я быстро пошла по дороге, старательно отгоняя мысли о том, что могу не успеть... не исцелить нет, могу не успеть к смерти.

— Ольга, — позвала Пашка.

— погоди, — отмахнулся от нее Семеныч, догоняя меня, — Что сказал Седой?

— Когда? — спросила я, — Он много чего говорит, но редко правду.

— Мы вышли из-под власти Севера, так что...

— "Так что" что? Нас хотят атаковать? Отдельную стежку вдруг получившую независимость? Нас хотят прибрать к рукам? Если так, то мы все покойники, — я не остановилась.

— Ну, формально, — прогудел бестелесый, пристраиваясь где-то за спиной, за одно это я уже была ему благодарна, — Ты хозяйка севера. Седой уже дважды объявлял об этом. И знаешь, многие склонны верить.

— И поэтому пока поостерегутся, — кивнула я, — будут наблюдать.

Я снова потеряла кольцо. Цепочка подчинения Кирилл — я - Юково прослеживалась без труда. Пока нечисть уверена, что Седой контролирует мать Дегенды Зимы нас не тронут. Но если будет хоть малейшее сомнение... Да, сказочник сказал правду, мы будем жить недолго. Оставалось надеяться что хорошо.

Казалось, серий двухэтажный дом с плоской крышей, по которой громко барабанил едва начавшийся дождь, звал меня. Притягивал словно магнит. В его скупом и лаконичном убранстве поселилась боль и смерть. Небо прочертила молния, далекая, сухая, звук грома, как обычно запаздывал.

На крыльце целителя стоял, державшись за перила, охотник-ветер. Вернее не стоял, а едва держался, привалившись к темному дереву. Мужчина поднял свое бледное неподвижное лицо к темнеющему предгрозовому небу и завыл. Хрипло, тоскливо, безнадежно.

А потом упал. Повалился вперед, на прошлогоднюю ржавую траву. Каждый из нас мог подхватить его, поддержать, не дать удариться о грязную землю, собирая бесцветными волосами влагу. Мы были быстрыми и сильными. И равнодушными.

Тём упал, перевернулся на спину, тяжело дыша и тщетно стараясь подавить нервный тик, кривящий его лицо. А ведь это боль, она скручивает его мысли узел и заставляет кричать.

— Уходи, — прохрипел он, стоило мне остановиться рядом, — Мне провожатые на тот свет не нужны.

Я переступила через него, перешагнула, словно он уже был мертв.

— Ольга, — снова позвала Пашка, и я обернулась.

Бес отлетел чуть дальше и замер на углу дома, как умирающий вглядываясь в хмурое небо.

— Две минуты, низшие тебя заberi, — закричала она.

Старик не стал ничего говорить, не стал останавливаться, он поднялся на крыльцо и скрылся в доме.

— Что случилось?

— Ты мне нужна... я... — она покосилась на Веника, тот оскалил зубы не торопясь уходить, — Моя руна, — она коснулась пальцами затылка, неуверенным нервным движением, словно расстроенная девочка, — Я должна рассказать Косте, но...

— Ты не можешь, — поняла я, честно говоря, история семейства явиди — целителя волновала меня сегодня в последнюю очередь. Но я знала, что не могу отмахнуться, воспоминаний о нашей дружбе было для этого более чем достаточно для этого. Знала, но не чувствовала.

— Могу, но хочу, чтобы ты была со мной, когда... когда... — она замялась и вдруг выпалила, — Я скоро отложу еще одно яйцо.

— Здорово, — ответила я, понимая, что надо бы порадоваться, но как назло не получалось, особенно в свете того, что первая жена черного целителя забеременела от любовника, и Константин повесил ее на позорном столбе. — Это обязательно делать сегодня?

— Нет, — она стерла с лица первые капли дождя. — Не обязательно, но... ты даешь слово?

— Даю.

Она с облегчением выдохнула, и, посмотрев на серую железную дверь, спросила:

— Помощь нужна?

— Нет.

Повторный вдох облегчения. Уже поднимаясь на крыльцо, я обернулась, и увидела только стремительно удаляющийся сверкающий влагой хвост.

Интересно, а насколько на самом деле экспериментатор "не в курсе" раз она позволяет себе спокойно разговаривать со мной у его дома, да еще и при свидетелях?

В доме было тихо. Слишком тихо для места, где умирают от боли. Я прошла по коридору, миновала лестницу на второй этаж и ряд закрытых дверей, остановилась перед открытой. Комнату временно переделали в палату. В нормальную палату, а не ту что располагалась в подвале, где находился "исследовательский материал".

И даже эти мысли не вызвали во мне привычных эмоций...

Константин что-то беззвучно говорил ведьмаку, а тот также, шевеля губами, отвечал. А рядом с ними кричала Марья Николаевна. Два ремня перетягивали ее тело, прижимая к кровати. Один за щиколотки, второй под грудью. Шерстяное платье задралось, выставя напоказ плотные коричневые колготки на худых старушечьих ногах. Все это выглядело куда откровеннее обнаженной кожи.

— Беззвучный карман, — проговорил появившийся в коридоре Март, — Отец поставил. Соседи конечно и так знают, что у нас тут твориться, но на крики старухи слетались словно

воронье, — парень устало прислонился к стене.

— Карман? — я снова посмотрела на черного целителя, у меня были не очень приятные воспоминания об этом, о "кармане" хотя тот был в безвременье...

— Да. Звук рождаемый там, там же и гаснет.

Значит, Пашка была не так уж и неосторожна. Зная про карман, то, слыша Контантина, то нет, она вполне могла говорить свободно. Да и потом, что такого она сказала? Фактически ничего. Интересной может показаться только новость о яйце... тьфу, еще одном детеныше.

— Что произошло? У нас было еще пара часов, так почему...

Марья Николаевна дернулась, открыла рот и опять беззвучно закричала.

— Если сравнивать с человеческой инфекцией, я бы сказал, что иммунитет вдруг "просел", как после облучения, а зараза разогналась, поражая орган за органом.

— Так это инфекция?

— Нет. Я просто провел аналогию. Больше похоже на проклятие или руну. У них произвольно сокращаются мышцы и сосуды, с каждой минутой все сильнее и сильнее. Настолько, что их внутренности действительно скручиваются в узел. И это не метафора. Скорей всего на артефакте был ступенчатый заговор. Поэтому зараза и идет рывками. Они сгорят в ближайшие полчаса, — от оттолкнулся от стены и счел нужным добавить, — Говорят старуха была тебе дорога, мне жаль.

"Жаль" — какое обычное ничего не значащее слово.

Я вошла в комнату, сразу ощутив карман о котором говорил Мартын, прегладу. Она была похожа на порыв ветра, который мы ловим из открытой двери или форточки. Прохладный, подвижный и неприятный.

В уши тут же ввинтился крик. Мужчины обернулись. От бабки пахло потом и болью. От них неуверенностью. Я коснулась прижатой к телу руки, той на которой все еще горела защитная печать стежки, кожа было горячей и дряблой. Она это почувствовала, распахнула глаза и закричала. Я знала, что должна зажать уши, должна... не знаю, расплакаться, попытаться в очередной раз совершить невозможное, спасти?

Я всмотрелась в искаженное судорогой лицо, почти физически ощущая накатывающую на нее боль. Сладкую боль.

— Времени не осталось, — ни на сожаления, ни утешения черный целитель не разменивался.

Я достала телефон, взвесила в руке, поймала тяжелый взгляд ведьмака и набрала номер. Один гудок, бабка стала хватать ртом воздух, как рыба, второй — за окном сверкнула молния, и третий прервался.

— Не могу сказать, что приятно слышать тебя, но ты и сама это знаешь, наорочи.

— Артефакт, — напомнила я, хотя голос зазвенел от злости.

Мне не хотелось прибить ее немедленно как Михара, хотя вру, конечно хотелось, но совсем по-другому. Если говорить о бесах, то совсем не важно какого из них душить, а когда о демонах... Только Прекрасная, слишком прекрасной чтобы жить хотелось свернуть шею. Я не испытывала такого ни к Владе, ни к остальным безликим, но наверняка очень красивым и амбициозным созданиям прошедшим через постель Кирилла. И та холодная часть меня, новоприобретенная, рассудочная часть сейчас удивлялась, пытаясь найти решение.

— Предатель, — точно таким же тоном отозвалась Тамария.

— Это Ветер, — ответила я, ведьмак дернулся, а целитель нахмурился.

Снова закричала бабка. Я сжала трубку, чувствуя, как хрустит под пальцами пластик.

— Ветер? Я тебе не верю.

— Почему? — этот казалось простой вопрос, заставил ее задуматься. — Или такой не устраивает тебя лично?

— Доказательства, — потребовала она.

По подоконнику забарабанили крупные капли разошедшегося дождя, снова сверкнула молния.

— Сначала артефакт, — не осталась в долгу я.

— Металлический носитель с руной боли. Примитивная магия, но действенная. Когда сломали круг, высвободили руну. Это не тоже самое, что нарисовать ее на коже. Более рассеянно и чем больше попавших под удар тем он слабее для каждого. Ты понимаешь, что я хочу сказать наорочи?

Да, я понимала. Руна на коже — это свет фонарика, узкий и направленный. А руна на носителе, как прожектор, и все кто попал под свет — ослепли, образно говоря. Если бы под удар попало бы еще с десятков нелюдей, думаю, они отделались бы болью в животах и разошлись по домам. Но попали только двое. Один, из который был человеком.

— На их коже ничего нет, — сказала я, и стоящий напротив целитель кивнул подтверждая.

— Я не собираюсь читать тебе лекцию о контактной и бесконтактной магии.

— Насколько сильно тебе нужен предатель?

— Нужен.

— Отлично. Говори, как нейтрализовать руну или он откинет копыта.

Порыв ветра швырнул в стекло упругие струю дождя. Бабка опять открыла рот, чтобы закричать. И я сделала это, отпустила ее руку и зажала рот, пальцами чувствуя ее слабые попытки вырваться, выпустить наружу часть сидевшей внутри боли. Выцветшие голубые глаза закрылись.

— Удобно, — через несколько секунд ответила Тамария, — Даже слишком. Позволь тебе не поверить.

— Как хочешь.

— Ты врешь! — наконец-то и в ее голосе прорезалась злость.

— Ты же сама сказал, что слышишь мою ложь? Пусть так. Но это так просто проверить. Противоядие и охотник предстанет перед Кириллом. И я. Думаешь, так легко соврать своему демону?

Семеныч вдруг весело ухмыльнулся. Ключевым было словно "своему".

— А знаешь что, позови Кирилла прямо сейчас и я прямо сейчас повторю все вышесказанное, а ты поддакнешь, и если я вру... — я позволила себе паузу, почти бесконечную, заполненную раскатом грома и дрожью умирающего от боли тела, — Тебе же понравится смотреть, как наказывают других.

Прекрасная ответила таким же напряженным молчанием, но наполненным неуверенностью и смыслом.

— Ветер? — переспросила она.

И я ответила. Ответила не отвечая, но чистую правду:

— Он был в нужное время в нужном месте. Он единственный кто может противостоять магии допроса, единственный кто настолько силен, чтобы противостоять всем и не бояться быть убитым.

— Ветер, — на этот раз в ее голосе сквозило разочарование.

— Артефакт, — потребовала я, — Иначе казнить будет некого.

Константин задумчиво перевел взгляд на стену, словно вспоминая или просчитывая возможность этого варианта. Только бы не сказал ничего вслух, Тамария тоже прекрасно слышит.

— Руна на артефакте двухступенчатая. Первая ступень обратима, это когда они кричат, но еще и соображают на каком свете. Вторая хуже, много хуже. Сознание путается, или его глушат намеренно.

— Обратима? — спросила я, уже зная ответ.

— Нет. И судя по всему, ваши уже взяли билеты на проезд в одну сторону.

— Нет, их можно вылечить!

— Разрушение тканей уже началось?

В ответ Константин кивнул. И мне очень хотелось ударить его за этот кивок. Он не имел права соглашаться с ней. С врагом.

Но она истолковала молчание правильно, не дав мне даже попытки соврать или увильнуть от ответа.

— Тогда поздно. Убейте их. быстро и чисто. Или грязно и долго. Мне все равно.

— Руна ухода... — начала я.

— Перекроет руну боли, — согласилась она, — но не отменит смерть.

— Как обратить первую ступень? — спросила я скорее из упрямства.

— А как обращают любую руну? Зеркальное отражение выписать на коже, в идеале поверх первой, но не обязательно, у нас же с вами отображения нет. Словишь двойной откат, но выживешь.

— Значит если я сейчас...

— Нет, — прервала она меня, — Руну отменить может только тот, кто ему ее нанес. Но не в этой стадии, наорочи. Есть повреждения, от которых не оправиться. Даже нам.

— Критическая масса разрушения.

— Именно.

— И ты знала, — я закрыла глаза, — Все твои люди мертвы, и отменить это... кто бы не нанес, тот знак на железо... с самого начала было поздно, — трубка хрустнула, но продолжала работать.

— Это не важно, — проговорила он тихим голосом, — я ведь тоже не получу обещанного. Мы обе не получим.

— Знаешь что, — я открыла глаза, бабка чуть дернулась под рукой, молнии в окне продолжали сверкать одна за другой, возвращая миру белизну дня. — Ты его не потянешь, — ей не надо было пояснять о ком я говорила, — Совсем. Ты и меня то не тянешь, Прекрасная.

Аппарат, наконец, сдался и брызнул в разные стороны осколками пластика.

— Глупо, — прокомментировал Семеныч.

— Знаю, — я выдохнула, уж нечисти не надо объяснять очевидные вещи. Объяснять, почему лиса лезет в логово к волку. Волк же ждал этого, что само по себе уже было достаточной причиной.

За окном снова гроыхнуло. Мария Николаевна забилась на кровати, я убрала руку и тишину комнаты разорвал крик, в котором уже не было силы. Ничего не было, только усталость.

— Пора, — проговорил Константин и поднял шприц, — Или, — он посмотрел на

меня, — Можем растянуть.

— Нет, — сказала я быстро, потому что знала, стоит задуматься, и эта идея сразу обретет привлекательность. Какая на самом деле разница? Она умрет в любом случае, — Давай. Сейчас.

Черный целитель склонился над бабкой, тонкий резиновый жгут, так похожий на бледного земляного червяка, обвился вокруг плеча. Одно движение и стальная игла вошла в голубоватую вену. Бабка часто дышала, поршень пошел в обратную сторону, смешивая последнюю дозу морфия с кровью.

Я накрыла руку Константина своей, поршень остановился.

— Она моя. — я посмотрела на знак на ее руке, семигранник нашей стежки, — И должна сама...

Других объяснений не потребовалось. Целитель придержал шприц передавая его в мои сухие ладони. Чувств не было. Никаких. Вру, были. Предвкушение смерти. Нехорошее и жадное, словно та, что жила в моем доме и готовила завтрак, стала чем-то неважным. Одно нажатие, такое легкое и неторопливое. Экспериментатор развязал жгут, позволяя крови снова циркулировать. Марья Николаевна всхлипнула. Еще одна запоздалая молния расчертила небо за окном. Я вытащила иглу и отбросила опустевший шприц. Все. Это тоже уже не обратить.

Крик сменился стоном, стон шепотом. Шепот улыбкой, которая на миг вернула в эту комнату мою бабку, такую, как я видела ее в наш последний день. Вернула человека, а не просто пищу.

— Не могу, — рыкнула я и выскочила коридор, едва замечая посторонившегося Марта.

— Ольга, — крикнул мне в след Семеныч.

Потом! Все потом. Мы поговорим, если хотите, мы можем даже что-то обсудить, выпить за новую жизнь... Но не сейчас. Мне нужна передышка, всего несколько минут, всего пара и я снова буду в строю.

Я выскочила на улицу, ливень обрушился на меня, мгновенно вымочив до нитки. Сильно до звона в ушах гроыхнуло. Я закрыла лицо руками. Нет слез не было, только воспоминания. Знать и чувствовать. И еще помнить. Как я увидела ее в первый раз, как привезла и долго втолковывала, почему она здесь.

Я оглянулась, но беса не было видно, либо он ушел, либо дождь милосердно укрыл от меня фигуру бестелесого.

В расцвеченное молниями небо улетел очередной вой. За плотной пеленой дождя на грязной земле лежал охотник. Или то, что от него осталось. Я смахнула влагу с глаз, мужчина завыл вновь, но гром заглушил крик.

Он не услышал, как я подошла, слишком устал, слишком далеко ушел по дороге боли. Мужчина невидящими глазами смотрел в черное исторгающее воду небо, моргал, и снова смотрел, когтями впиваясь в твердую землю.

— Мечты имеют обыкновение сбываться, — едва слышно прошептал он.

Но я услышала. И поняла. Я видела, как легко убивает Охотник, очень надеялась, что однажды найдется тот, кто вскрыет горло и ему. Нашелся, но радости от этого я не испытывала.

— Да, — не стала отрицать я, опускаясь на колено, там в глубине земли едва заметно дрогнула струна стежки.

От одной смерти я уже отказалась, но не собиралась отворачиваться от второй. Охотник

повернул голову, волосы набрякли от влаги, став темными, его лицо даже на грани вечности оставалось бесстрастным.

— Пришла насладиться? — прохрипел он, и его холодная почти ледяная рука коснулась моей.

— Да, — повторила я, и струны ответили согласным перебором, неужели кто-то сейчас идет по переходу?

— Правильно. Я бы тоже наслаждался.

Сверкнуло, с волос текло прямо за шиворот, одежда липла к телу. Пальцы Ветра сжались на запястье, предвеля судорогу и очередной вой. И в вышине, словно отвечая на этот безумный звук, заворчало, громко и недовольно.

— Не молчи! — просьба больше походила на приказ, и если бы не что-то такое в его глазах, не страх и не просьба, что-то другое... Недоумение? Возможно, но если бы не оно, я бы отбросила его пальцы. Нет не ушла бы, села в грязь и стала бы ждать смерти, как стервятник, как... как падальщик.

— Я не умею читать отходные молитвы.

— И слава Ушедшим. Просто говори, не важно что. Стихи читай.

— Зачем?

— За..., - его снова скрутила боль, и слова превратились в сип, — ...тем. Провиди...ца предска...зала, что умру в тишине. Не хочу.

— Что мне говорить? — далекая мелодия приблизилась, и я даже попыталась разглядеть что-то на дороге впереди, но ливень был слишком сильным, он не давал не только видеть, но и слышать, не давал чувствовать запахи и эмоции.

— Без разницы, анекдоты рассказывай. Или убирайся вытирать сопли в другое место.

По его лицу катились крупные капли, словно он плакал каждой порой, каждой клеточкой тела. Пальцы сжимались и разжимались, он снова посмотрел на небо, и то подмигнуло нам молнией.

— Один раз я ходила в кино... вернее, я ходила туда не раз, но последний был, когда мир уже изменился, на стезеке прошли года, а там десятилетия.

Ветер молчал, он все еще смотрел во тьму, и только ушедшие знают, что там видел, лишь его рука чуть подрагивала, касаясь моей кожи. Стезка дрожала, а я продолжала говорить.

— Не помню названия фильма, да и смысла тоже, помню пластмассовые очки, мягкие кресла, масляный запах попкорна. А из фильма один эпизод. Там кто-то сражался, кто-то брал штурмом замок или форт, а люди с длинными белыми волосами в шкурах и плащах оборонялись. Викинги? Не помню.

— Кровь текла? — неожиданно четко спросил Ветер.

— Кровь текла, рубили головы, руки и ноги...

— Хорошие воспоминания.

— Защитников становилось все меньше и меньше, пока...

— Их убили?

— Не помню. Их осталось четверо или пятеро, они вышли на врагов, решились на последнюю атаку...

— Умереть с честью? Большой глупости вы люди еще не придумали, хотя нет, придумали, вы плачете над покойниками и закапываете их в землю.

Гроыхнуло, идущий от земли холод, словно живое существо, коснулся щиколоток.

Холод и голод, эта земля сейчас ждала очередного тела. И пела.

— Выходя на бой, они читали... не знаю, как это называется молитва? Считалка? Боевой гимн?

— Зря я попросил тебя открыть рот.

— Я смерть оставлю за чертой. Предстану чистым пред богами, оставив всякий стыд земной...

Он закричал захлебываясь водой и болью, вторая рука судорожно цеплялась за землю. Вода текла по коже, небо снова расцвело резким штрихом молнии. А в земле, в глубине вторя моим словам, пела стежка.

— Ты слышишь? — тихо спросил он, поднимая голову, — Кто-то идет по переходу?

— Да, — я нахмурилась, всего ничего в роли Великой, но уже почитала свою особенность слышать стежку, чем-то особенным.

Он облизнул бледные губы, грудь затряслась, рука сжались сильнее. Будь я человеком, он сломал бы мне кости. А так просто... умирал.

— Оставлю горечь, суету. Отброшу груз забот. Уйду спокойно налегке, уйду за поворот. Бок о бок с другом...

Стежка вдруг прервала свое пение, и я замолкла вместе с ней, а потом почувствовала, как где-то рядом рвется нить. Не упругая струна перехода, а тонкая едва осязаемая нить жизни.

— Видела бы ты, как она тащила ту икону, — прохрипел Ветер, и я поняла, чья жизнь только что закончилась.

— Следом за врагом, с мечом в руках... — глаза защипало, но ни одна слезинка так и не смешалась с дождем, — Оставив страх.

Ветер вдруг задрожал, забился головой о землю, разбивая затихшее, но тут же снова возобновившее пение стежки фальшивыми нотами.

— Ахр... — боль скручивала его тело раз за разом, не давая ни секунды передышки.

Его агония походила на битое стекло, она оказалась не сладкой, а шершавой, царапающей горло. Не придающей сил, а словно пьющей их, превращая мою силу в слабость, расширяя и без того обширные владения холода. И в день, когда он захлестнет меня с головой, мне станут безразличны все смерти, все люди и наверняка все стежки вместе взятые. В этот день я вполне могу уйти в... да куда угодно и забрать все с собой. И силы, и жизни, и миры. Если в Великих жило такое же равнодушие, они вполне могли попытаться уйти, обрекая своих созданий на гибель без магии.

— Не хочу, — прошептала я, — Не могу.

Ветер захрипел, выгибаясь, его пальцы вдруг стали горячими, такими как при жизни, а мои наоборот заledenели. Струна натянулась и рванулась вверх.

— Нет, — я вырвала руку.

Струна порвалась с громким "танг", которое никто не слышал. Мелодия перехода замерла на самой высокой ноте. Я вдохнула, ожидая, что вот сейчас почувствую тепло чужой смерти... смогу вернуть его, ощутить, что снова живу.

Охотник дернулся и, неловко ударившись виском, о землю замер. Подергивающиеся пальцы загребли землю и медленно разжались.

Молния осветила неподвижное, как в жизни, так и в смерти лицо Охотника. Его сердце, бившееся так медленно, и так тихо, почти остановилось, почти замерло.

Куда исчезла сладость? Почему смерть была горька настолько, что не прибавила сил, а

забрала их. Я отшатнулась от тела не понимая, что не так, ноги запутались в ломкой траве. И тут меня позвали... тихо:

— Дочка?

Знакомый голос, выговорил знакомое слово. И я развернулась, вскакивая с мокрой земли, сиюсь разглядеть ту, что стояла на ступенях крыльца. Гром прозвучал где-то в отдалении.

— Ма... Марья Николаевна?

Бабка спустилась с крыльца так быстро и непринужденно, как не смогла бы при жизни. За ней вышел Семеныч и, кажется кто-то мертвый... Веник.

— Ты вернулась, — она бросилась ко мне и обняла. Влажная одежда тут же прилипла к ее шерстяному платью.

Я стояла не в силах пошевелиться. Сердце старухи, остановившееся несколько минут назад в доме черного целителя, не билось.

— Так за тебя волновалась, — она отстранилась, и погрозила узловатым пальцем, а стежка вдруг грянула громким маршем, торжествующим и приветствующим...

На ее запястьях, на месте зеленого рисунка переливалась алым старинная инопись. На обеих руках.

Приветствующим...

— Хранительница, — гулким басом проговорил Михар, появившийся справа и впервые мне было наплевать на его природу.

Приветствующим... своего нового хранителя, человека умиравшего на стежке, но не умершего, ответившего "да" на предложение мира.

Никто не знает, почему и как это происходит, но когда появляется человек с огненными браслетами на руках, расписанными старинной мерцающей инописью, перед ним склоняется нечисть.

— Это значит, что Ефим мертв? — спросил падальщик.

— Не зна... — начавший было отвечать староста, замолк, потому что тело лежавшее на земле у моих ног шевельнулось, замолкшее было сердце, вдруг забилося так сильно и так громко.

— Мальчик, не лежи на земле, простудишься, — всплеснула руками моя мертвая бабка. И "мальчик" послушался, встал единым слитным движением, словно перетекая из одного положения в другое.

Гром, на этот раз мягкий и почти ласкающий слух ответил ей низким рокотом. Дождь все еще отбивал рваную дробь по шиферу и железным подоконникам, но в нем уже не было прежней силы и ярости. Ни в ком из нас не было.

Ниже по улице раздался равномерный шум мотора. Кто-то все-таки въехал на стежку. Кто-то за рулем яркой красной машины. Моей машины.

— Дочка, тебе надо переодеться, а еще лучше выпить горячего чая с малиной, — бабка откинула мокрые волосы с моего лица.

Охотник шевельнулся, разворачиваясь к новому источнику шума. Автомобиль медленно остановился напротив серого дома целителя. Стекло опустилось, и сказочник жизнерадостно произнес:

— А я твой ножик привез, — показавшаяся загорелая ладонь разжалась и в лужу, тихо звякнув, упал серебряный стилет. Поверх металла легла грязная тряпка, которой я протирала фары, а баюн использовал, как защиту, — Непослушный он у тебя, кусачий. А это кто? —

спросил он, глядя вперед.

— Мальчик, — ответила Марья Николаевна, потому что смотрел он не на нее, не на меня, и не на Веника или беса, не на старосту, или вышедшего на крыльцо Мартына. он смотрел на охотника, которого знали на этой стежке все. На незнакомца поднявшегося с земли и стоявшего за моей спиной.

— Это ошер, — ответил за него Михар, — Спустя столько веков... не верю!

— Там где Великие, там и ошеры, — выдавил старик.

— Охренеть, — высказался Мартын. — Она на стежке меньше часа и уже кого-то создала?

— Вот тебе и прыжки в длину, — сплюнул Веник.

— Нам точно конец, — хохотнул баюн, заглушая двигатель.

Сам Ветер молчал.

— Тем? — позвала я и повернулась. — Тем...

Глава 5. Истинное обличье

"... и воздел Элек-созидающий-твердь руки, и вознесся ввысь камень..."

Я перевернула хрупкую страницу, в который раз задаваясь вопросом: почему книги о Великих написаны столь цветистым языком и щедро приправлены пафосом?

"... и встал на пути у стаи могучий ошер, и погнал тварей невиданных в земли темные и далекие. О и быстры были войны Великих. И сильны..."

А еще красивы без меры, готовить наверняка умели, а не только чертей гонять, и крестиком вышивать.

Понимаю тогда время было такое... витиеватое что ли. Взять хотя бы старые церковные книги и былины.

"...Элион-поворачивающая-путь простерла под их ногами путеводные нити..."

Вот я и добралась до Элион, из-за нее я второй день мучила этот громоздкий том. Семеныч сказал, что возможно я это она. Не в смысле переселения душ, моя то сейчас вообще неизвестно где и с кем переселяется, а в смысле способностей. Она тоже могла "поворачивать" стежки.

Все Великие были разными. Элек мог создавать "твердь", то есть подрабатывал на досуге строителем. Элион сбивала с пути истинного или наставляла, то есть изображала компас. Грейот-дающий-силу, мог наделять других способностями. Так бы и сказали, раздавал наряды вне очереди: ты будешь зверюшек дрессировать, а ты рыбу заворачивать.

Жаль, но пока мне не встретилось в книге ни одного заклинания, зелья или на худой конец яда, ни одного шаманского танца с маракасами и подвыванием на луну. Ни одной инструкции по применению, лишь воздетые руки, зоркие взгляды, да великие силы непонятного назначения.

Я потеряла переносицу, что-то сегодня мне ничего не нравится, скоро на нелюдей бросаться начну. Как говорил Кирилл, состояние повышенной вредности... Нет, об этом я тоже думать не стану, иначе станет только хуже. Пальцы машинально покрутили кольцо, как каждый раз когда я вспоминала Седого. На столе валялись погнутые кусачки, не справившиеся с тонкой полоской золота.

Хрупкий лист зацепился за прикрепленный к внутренней стороне предплечья стилет и порвался. Смешно сказать, но когда я была человеком, то не спала с ножом под подушкой,

как сейчас. Наверное, потому что понимала, это бесполезно. Изменившись, я уже не снимала серебро ни днем, ни ночью.

Очередная страница и очередная порция "великих". Да когда ж они достроят свой Дивный и успокоятся уже.

И еще ошеры, везде, в каждом абзаце. Сильные, быстрые, неподвластные злу, тенями скользящие за Великими и подчищающие за ними мусор. Личная армия. Няньки, слуги и охранники. Вот уже три станицы они преследовали каких-то безликих тварей, не понятно только за что и зачем.

Тот кого в Юково уже окрестили "моим ошером" не показывался с тех самых пор как "воскрес". И совсем не горел желанием поговорить с Великой. Никто не знал где он живет и с кем. Никто не видел его жилища. Его кровати, любимого кресла и уютной пыточной в подвале.

Я подняла голову, бабка стояла у плиты, тихонько напевала песню из старого кинофильма и пекла блины. Третий день пекла. Каждый имевший несчастье проходить мимо нашего дома удостаивался чести быть накормленным. Семеныч ностальгируя, съел целую стопку. Алексей вежливо попробовал. Соседям организовали доставку на дом. Что они подумали, увидев на пороге новую хранительницу с тарелкой в руках, оставалось лишь догадываться, но никто еще не отказался. И не потребовал соуса из первой группы отрицательного резуса, хотя может, и подливали втихаря.

— Зачем я привела тебя сюда? — мой голос был тих, — Зачем забрала и лишила жизни?

Я ведь должна сожалеть об этом, должна корить себя и наверное просить прощения. Но меня хватало только вот на такие бессмысленные вопросы, на которые не было ответов. Я прислушалась, стараясь уловить биение ее сердца. Тщетно. Мертвая бабка продолжала печь блины, ловко скользя от плиты к столу.

Зато сердцебиение тех двоих, что поднялись на крыльцо, я слышала метров за двести. Дверь открылась без стука... Еще одно нововведение, дом больше не запирался. Нечисть не сторонник бессмысленных действий.

В комнату вошел лишь один из пришедших, второй остался снаружи, и кажется даже сел на доски, издав усталый, тревожный вздох. Высокий косматый и остро пахнущий шерстью Арсений больше не напоминал задиристого волчонка, превратившись в молодого волка. Хоть кому-то нехорошая ночь пошла на пользу.

— Садись, хулиган, — очередной блин перекачивал со сковородки на тарелку, — Ешь пока горячие.

— Я... — начал Сенька и замолк, послушно сядя на стул.

Вряд ли он теперь осмелится орать на мою бабку, а может и не захочет. Слишком многое изменилось, включая и молодого изменяющегося.

— Тебе там подарок прислали, — кивнул на дверь Арсений, беря под пристальным взглядом бабки первый блин.

— От кого? — равнодушно спросила я.

— От хозяи... От Седого.

— А ты, значит, у нас посыльный?

— Почему нэт, — проговорил он с набитым ртом.

Я с облегчением захлопнула увесистый том до переплета наполненный Великими.

— И что там? Ядерная бомба?

— Шуточка так себе, — ухмыльнулся белоснежными клыками изменяющийся.

— Варенья возьми, — сказала бабка, словно не слыша нашего разговора, и достала с полки пол-литровую банку.

Я вышла на крыльцо и вдохнула теплый весенний воздух, пахнувший зеленью, цветами и... кровью. На нагретых солнцем досках сидел Радиф. Сидел и смотрел на качающиеся ветви деревьев, на молодую листву, на небо и на пустую улицу. Он даже не повернул головы, словно предоставляя мне время разглядеть то, во что его превратили.

В коротких черных волосах запеклась кровь, на щеке алела длинная рваная рана, от которой наверняка останется шрам. Пижонская пиратская серьга была грубо вырвана вместе с частью уха. Короткая борода частью опалена. Он был бос и грязен, одет в одни лишь брюки, на голой спине вспухли воспаленные багровые полосы.

— Что ты здесь делаешь, вестник Простого? — спросила я.

Он повернулся, левая сторона лица представляла собой кашу из плоти, крови и раздувшихся волдырей, лишь черный полу прикрытый глаз каким-то чудом сохранился на лице, в которое плеснули то ли кислотой, то ли кипятком, то ли магией.

— Можешь развлекаться и ни в чем себе не отказывать, — не проговорил, а прокаркал он, во рту не хватало трех передних зубов, а слова звучали так, словно язык мужчины распух и не помещался внутри.

Чисто инстинктивно я подняла руку, не особо представляя, что тут можно сделать. А что не стоит. Во мне было еще слишком много от человека, и одновременно слишком мало. Я просто чуть приподняла кисть, и тут же почувствовала как в пальцах появилась... цепь. Настоящая железная, чуть прохладная и гладкая, с подвижными звеньями, на такие скорее принято сажать собак, а не людей. Вестник вскинул голову, и я увидела ошейник. Две скобы и кольцо посередине, в царапающий кожу металл были вплавлены три руны. От неожиданности, я разжала пальцы и все: цепь и ошейник, исчезло. Остался только израненный и избитый человек.

Вернее не человек. Вестник, который в свое время сломал мне пальцы, который снисходительно давал мне разрешение просто открыть рот, который...

Злость, старая, но такая привычная всколыхнулась, и каждая кровавая рана на его лице вдруг показалась мне красивой, словно украшение, нанесенное на кожу. Его сердце билось, но тем не менее, передо мной был еще один мертвец, которому самое место в могиле.

Я толкнула его. Просто так, чтобы отбросить. Неловко и небрежно. Но вестник даже и не думал защищаться, упал, ударившись головой о доски, начавшаяся заживать рана на щеке открылась и по грязной коже потекла кровь, разбавленная сукровицей.

Радиф не стал подниматься, чуть шевельнув плечами, перекатился на бок и чужим голосом произнес:

— Я всегда выполняю свои обещания.

Чужим для него. И слишком знакомым для меня голосом Кирилла. Это тоже был удар, и теперь уже я отпрянула, схватившись за перила крыльца. А Радиф засмеялся.

На солнце уже подобравшееся к горизонту вдруг легла тень. Казалось, что я просто на миг закрыла глаза, а потом открыла. Мир потемнел и снова расцвел.

— А еще он обещал мне ночь на алтаре и жертвоприношение, — пробормотала я. — А еще раньше клялся вечной любви и верности.

— Я сейчас заплачу, — вестник медленно, словно каждое движение причиняло ему боль, поднялся и добавил. — хозяйка.

Солнце над козырьком крыльца снова потухло, на землю легла длинная тень. Я

выглянула, тьма тут же сменилась светом. Но мне хватило одного взгляда на голубое небо, одного мига, чтобы я забыла и про Радифа и про Седого. Потому сто то, что могло закрывать собой пол неба очень походило по форме на... крылатого ящера. На дракона.

— Ворий — прошептал вестник Востока, — Интересно по чью душу? Кто из вас упер часть сокровищ дракона? Кто этот самоубийца?

Гигантская тень крылатого ящера снова легла на землю. Он кружил над Юковым и пока не собирался улетать.

— Черт, — я сбежала с крыльца, — Март... Пашка...

Вестник вытер кровь со щеки смешав ее с грязью.

— Возвращайся к хозяину восточник, — рявкнула я, бросаясь бегом по улице — Развлекай его по мере сил.

— Мой хозяин мертв, — донесся до меня его злой голос. — И убила его ты.

Возразить было нечего, да и некогда. Похоронный плач вестника по Простому волновал меня в последнюю очередь.

Свет снова сменился крылатой тенью. На порог углового дома вышел мужчина, насколько я помню морок, и приложил ладонь ко лбу, всматриваясь в небо. Старая Караха высунулась из окна и плюнула мне в след. Я бежала по Центральной, едва обращая внимания на дома: кирпичные, деревянные, покрашенные краской и почерневшие. Я не смотрела на провожавших меня взглядами нелюдей, я даже не задирала голову к небу. В какой-то момент меня посетила трусливая мысль, о том, что этот ящер вполне может полетать над деревьями и отправиться домой. Хотя, я знала, что этот не отправиться, так же как Пашка и Март знали, кто явился по наши души. Не заметить в небе такую махину мог разве что слепой.

Я рванула на себя дверь серого кирпичного дома, в который когда-то давно клялась не входить... и нос к носу столкнулась с Мартом. Мы почувствовали друг друга одновременно и одновременно остановились. Парень был бледен, я наверняка тоже.

— Тетрадь Тура, — одновременно выпалили мы.

— Каким место ты думал, забирая ее? — рявкнула я, хотя тот же вопрос можно было адресовать и мне.

— Тем, которое хотело найти и вернуть наш дом.

— И где она сейчас?

Распахнутая дверь хлопнула о стену. Парень опустил взгляд, на его лицо легла очередная тень от крыльев.

— Где? — простонала я, хотя уже знала ответ, вспомнила, когда он хватился этой потертой желтенькой тетрадки

— Там, — он мотнул головой, — В Желтой цитадели.

— Святые ушедшие...

— Заканчивай родню поминать все.

— Может это не за нами, — озвучила я свою последнюю надежду, — Мало ли дураков на свете, сперли из пещеры золотое ожерелье... Может, этот не наш ворий...

— Наш.

Захлопали крылья, ветер поднял волосы на затылке, и прежде чем повернуться я уже поняла, что увижу. Черный с зеленоватым отливом дракон размерами не уступающий пассажирскому лайнеру, резко снизился над дорогой. Старая соседка, кажется предсказательница, подталкивала внуков вперед и, показывая на ящера, торопливо рассказывала, кто такие стяжатели.

Мгновение в воздухе махал крыльями дракон, то на лужайку перед домом ступил уже человек. Высокий, немного нескладный, ничем не примечательный, если не считать малиновых глаз. Мне оказалось неожиданно трудно в них смотреть, потому как Картэн был полностью обнажен. В отличие от явиди, предпочитающей платья и пренебрегающей бельем, он предпочитал не тратиться на одежду, что учитывая разницу в габаритах, было весьма... правильным.

Мужчина пошел вперед не испытывая ни малейшего дискомфорта, решительно, быстро и неотвратно.

— Мы можем все объяснить, — я выставила вперед руки, словно надеясь остановить приближающего хранителя знаний. Сзади застонал Мартын. — Можем договориться...

— Где моя книга?!!!! — закричал стяжатель, делая последний длинный и стремительный шаг.

— Послушай, мы все исправим — не сдавалась я. — Все вернем, или...

Он не слышал, не мог или не хотел. Где-то рядом уже начала раскручиваться, готовая ударить, сила целителя.

— Возместим, мало ли на свете ценных книг! — я почти кричала.

То, что произошло потом, произошло очень быстро и очень слаженно, словно они репетировали подобное не раз... Я подняла глаза, на дорогу позади бросившегося на нас вория приземлился Алексей, огненные крылья за его спиной бесшумно взлетали и падали, глаза за стеклами очков отражали бушующее вокруг него пламя. И поблагодарим святых предков за маленькие радости, он был одет.

— Только скажи что... — продолжала говорить я в искаженное злостью лицо стяжателя.

Сила целителя вырвалась вперед. Только вырвалась совсем не из дома, на пороге которого стоял Март. Она развернулась справа и ударила Картэна наотмашь. Справа от крыльца стоял Константин и... добрый десяток соседей. Низенькая полненькая девушка сказала стоящей на газоне карке, какой мужественный у Мартына вид, и та жизнерадостно помахала парню рукой.

Почему никто не убегает с криками "караул"? Потому что это нечисть? Хорошо, но тогда почему никто не прячется по домам в надежде пересидеть бурю? Пришли словно на концерт, попкорна не хватает. А может все дело в том, что они знают, ворий не тронет никого, кроме виновных? Плохи тогда наши дела.

Обнаженный стяжатель качнулся от удара, замедляя шаг, словно его ноги вдруг увязли в киселе.

Пять шагов до крыльца...

Он замедлился, но и только, продолжая все равно идти вперед сквозь боль.

Четыре...

А рядом с фениксом уже стоял Семеныч, он пах краской от принтера и бумагой.

Три...

Староста поднял руку.

Два...

В малиновых глазах ярость и знание. Он знал, что прав, как может быть прав один вор перед другими.

Один...

На самом деле все произошло за несколько секунд, показавшихся мне бесконечными.

Человек не увидел бы ничего. Рука старосты пошла вниз, и обнаженный мужчина отъехал назад, словно на него накинули невидимое лассо и потащили назад.

Вернее попытались. Потому что когда старик опускал руку ко мне шел человек, а назад поехал уже ящер. Картэн превращался мгновенно, то истаивая как дым, то разрастаясь из маленькой двуногой фигурки в гигантского зверя.

Хвост больше, похожий на заводскую трубу, дернулся, описывая дугу. Феникс взлетел, а старик наоборот пригнулся. А вот дом напротив такой подвижностью не обладал, стены затрещали, расходясь в стороны, с крыши посыпались обломки шифера. Водосточная труба согнулась, издавая громкий скрежет. Сменыч встал, поднимая ладони...

"Совсем, как в то книге" — пришла непрощенная мысль.

... и лапы дракона похожие на ковши экскаватора проскребли по земле, выдирая целые пласты молодой травы и выворачивая комья почвы.

А ведь старик силен, очень силен. Сдвинуть с места объект раз в двадцать больше себя это не меня приложить об пол. Но он двигал, оттаскивал, как человека, так и дракона.

Высокий лысый мужик повторил жест старосты, и девушка в летнем платье засмеялась. Я снова ощутила дуновение силы целителя, и хвост вория коснувшийся молодой липы вместо того чтобы сломать тонкий ствол тут же прирос к нему, а чешуя вдруг стала зарастать корой. Это уже не черный уровень, это его потолок, почти вне его, и вне всех остальных. Объединение объектов животного и растительного мира — начало долгого путешествия по бесцветному пути.

И стяжатель, молча выдержавший первый удар магии Константина, не выдержал, заорал. Громко и протяжно. Его боль была похожа на медленный и тягучий спазм, на вывих, который все длится и длится. Феникс пролетел над драконом, и на чешую, на кору хвоста упало огненное перышко. Всего одно, и деревце мгновенно вспыхнуло, ветки, листья, ствол, и черный чешуйки вдоль хребта, по которым затанцевали яркие языки пламени, словно на него плеснули бензином.

Дракон, как норовистая лошадь, вдруг поднялся на задние лапы загораживая собой пол неба. Он ревел махая хвостом, снова и снова ударяя им о стену дома, от которой мало что осталось, и расплескивая пламя по обломкам. Это было завораживающе красиво. Смертельно красиво.

Картэн упал обратно, передние лапы коснулись земли, и стежка содрогнулась, где-то засмеялись дети. А ящер уже снова рванулся к Марту. Он горел, был одержим, почти безумен, для него ничего больше не существовало. Ничего кроме парня.

Константин ухватился за перила и запрыгнул на крыльцо, становясь между нами и безумным драконом. Глаза целителя горели зеленью, так же как глаза его сына. Такие похожие и такие разные. Вот только Март был молод и не был опорой стежки. А экспериментатор был, и его сердце отбивало такой безумный ритм, что впору пускаться в пляс... или падать намертво с аритмией.

Марья Николаевна появилась на взрытой драконом борозде. Появилась в точно таком же виде, как я ее оставила, в цветастом фартуке с лопаткой в дной руке и банкой варенья в другой, кажется клубничного.

— Ишь ты! — проговорила она, задирая голову.

Я ведь так и не поговорила с ней, не рассказала о этом мире, не рассказала о себе и ее Валентине. Я до сих пор не знаю, какой он видит нашу тили-мили-тряндию, какие объяснения окружающему находит ее своеобразный разум. Но она же видела Пашку, Михара,

видела, что порой творится на улицах ночью, иногда принимала карку за почтальоншу, и к нескрываемому веселью той, требовала пенсию и подписку на газету Северный Край. Она принимала Веника за Валентина, а Алексея за ангела. И я ее не поправляла, думая, что так спокойнее, что мир иллюзий для нее безопаснее правды.

Но она стала хранителем и... И что? Излечился ли ее разум, где половина контактов давно уже покрылась ржавчиной от старости? Не знаю. Вернее, не стала узнавать. И теперь, оставалось только гадать, как ее изворотливое сознание впишет в картину мира дракона с горящим хвостом.

— Вот это змей Горыныч, — протянула она, и банка с вареньем грохнулась на землю, забрызгав ноги в тапочках красной, сладкой кашей.

Семеныч сжал кулак удерживая вория на месте.

— Я и забыл, что у нас теперь не Ефим, а это... — разочарованно протянул Константин, — обернувшись к нам рявкнул, — Чего стоите? Ждете торжественного съедения?

— Давай, — Март подтолкнул меня в спину.

Но я не могла... нет, не так. Могла, еще как, но я слишком много отняла у своей бабки, слишком много задолжала, чтобы вот так просто уйти. Я не чувствовала, но знала, прежняя Ольга так бы не поступила.

— Она же ничего не умеет, — возразила, едва не добавив "как и я".

— Не важно. Стежка не даст убить хранителя, хотя бы потому, что он уже мертв, Уходите, Ольга, — повторил Константин.

— Ради Пашки, — Мартын подталкивал меня к ступеням крыльца. — Ради святых, ушедших, ради кого угодно... только пошли!

Дракон снова взревел, горящий хвост описал круг по земле...

Мальчик в полосатой футболке показал отцу большой палец, и над его головой мигнула всеми цветами радуга. Молодое лихо, любопытное. Я уловила чистые, ничем не запачканные эмоции. Сумасшедший дракон собирается убить соседей, чем не повод для веселья.

— Не время для геройства, Ольга, — проговорил старший целитель, — Твоя бабка еще всех нас переживет, а этого ящера и подавно, — он обернулся, и в голосе прорезалось раздражение, — Вы же для него словно красная тряпка. Как только уберем раздражитель, он сможет говорить, поверь он и сам этого хочет, иначе не пытался бы обратиться человеком, но инстинкты... Иногда они сильнее нас, — зеленые глаза на миг погасли, — Мы опоры стежки и не обманываем друг друга.

— Точно. Вспомни Сергея и Михара, живой пример взаимовыручки, вернее мертвый, — скептически ответила я.

— Ты знаешь, что я не вру, — он не отводил от меня взгляда, — Ты знаешь это!

— Знаю, — против воли аповторила я.

— Пошли! — закричал Март, — Если все Великие такие тормоза, неудивительно что они вымерли.

И мы ушли. Вернее убежали. В последний раз оглянувшись на бабуку, я увидела, как та грозит ему железной лопаточкой для блинов.

Мартын бросился между домами, я следом. Маленькая годика три падальщица показала на нас пальцем, а я не стала думать о ее воскресном меню. В спину нас летел разочарованный рев Картэна.

На дорогу мы совались, пробираясь к дому Пашки лужайками и огородами, в одном я

заметила коноплю, или что-то очень на нее похожее. Глаза выхватывали куски, словно поставленный на таймер фотоаппарат. Спина марта и его синяя футболка с белой надписью, белые же подошвы кроссовок. Дом, у которого угол, был вмят внутрь сильным ударом драконьего хвоста. Ворона сидящая на подоконнике и с любопытством склонившая голову. Роба заросшего бородой детины с лопатой, то ли в бой идет, то ли могилы копает. Стена выкрашенная голубой краской и почерневший от времени сруб по соседству, кирпич и желтая штукатурка. Крапива, конопля и лук — шалот для приправы...

До одноэтажного приземистого дома Пашки добрались за минуту. Ящер снова завыл, а я постаралась отогнать видение того, как он пережевывает мою бабу.

— Почему они вступились за нас? — спросила я парня, — Почему не стали глазеть, как остальные?

Вопрос мучил меня с тех пор, как я увидела старика и Алексия. Не люблю того, чего не понимаю. Как говорят, если тебе не выставили счет сразу, это не значит, что его не выставят никогда, да еще с процентами.

— Думаешь, мы такие бессердечные твари? — поинтересовался Март, распахивая дверь.

Я сразу же уловила свежий запах травы и услышала двойное биение сердца. Явись была не одна.

— Да, — не стала лукавить я.

— Правильно думаешь, — он прошел в узкий коридор и позвал, — Пашка! — змея не ответила, — Ворий сам виноват, — Март пошел дальше, даже не заглядывая двери, он так же как и слышал, где бьются сердца, — Дракон не наш, не северный. Он должен был прийти к Семенчу, поставить в известность о свершаемой мести.

— Серьезно? И часто его извещают?

— Никогда. Проще подкараулить у выхода со стежки и... — он провел ребром ладонью по горлу, — А теперь Старикуну придется подавать протест.

— То есть оторвать стяжателью башку и повесить сушиться в огороде, чтоб остальным не повадно было в Юково соваться.

— Примерно так. Да и отец постарался, у него есть что-то на них. На старосту и феникса. Я пытался узнать что, но... — он развел руками и свернул в гостиную, — не смог.

— Если компромат не уникален, от него нет никакого толку, — согласилась я. — Дорожит тобой Константин. Пашка, у нас нет времени на прятки! — в свою очередь позвала я. Ответом был судорожный вдох.

— Не мной, — парень распахнул дверь в спальню, — Ими.

Явись сидела на кровати, держа на коленях большое яйцо с малахитовой скорлупой. Вот тебе и два сердца.

— Она решила сделать отца многодетным.

— Святые! Пашка, ты не могла с этим подождать хотя бы денек?

— Нет, — кратко ответила явись, поворачивая голову. Она смотрела прямо, не мигая, и словно не видела ничего вокруг, здорово напоминая при этом сову. Драконий рев оборвался, — Он первернулся, — прошептала она.

Я вопросительно посмотрела на целителя.

— Нелюди могут чувствовать друг друга, не все и не всегда, но такую громадину не хочешь, а почувствуешь, — Март прошел в спальню и выглянул в окно, хотя вряд ли оттуда был виден его дом, — Значит, начались переговоры.

— Есть шанс, что его отговорят нас жрать?

— Пока не вернем тетрадь, ни малейшего.

— Тогда выбора нет, придется возвращать, — решила я, а Мартын скептически хмыкнул.

— Говорят на востоке большие перемены, Простой вернулся в предел и затеял реорганизацию. Или сошел с ума, нечисть еще не определилась.

— Это не Простой, — прошептала я, вспоминая алтарь и стилет в теле.

Вряд ли кто знает, что под властью Кирилла уже не только север, но и юг с Прекрасной, а теперь еще и восток. Как удачно Простой обзавелся телом, а потом тело избавилось от него. А Седой вроде бы и не при чем, просто выполнил условия сделки. А когда задумаются, будет уже поздно. Видящий в тысячу раз прав, приводя в готовность боевые отряды, но для него уже поздно. Не надо было заключать тот самый первый союз с Седым. Запад не устоит против объединенной мощи трех пределов.

— Для всех остальных Простой, — покачал головой целитель. — потому что только демоны видят правду.

— А если восточники узнают и взбунтуются?

— Смеешься? — отмерла вдруг Пашка, — Да, Седые передушат их как кутят. Весь предел если понадобится.

— Мы не знаем, перенял ли магию песков... — почему-то ни один из нас так и не осмелился назвать брата Кирилла по имени, — новый Простой, или он все еще Седой, и если так... — Мартын отвернулся от окна.

— Они просто физически не смогут его предать, иначе сдохнут сами. — закончила я, — А ведь на этом можно сыграть.

— На чем? — не понял он, а явидь только крепче стиснула руки на яйце.

— На том, что Простой уже не Простой, — пояснила я, — Настоящий Простой велел уничтожить тетрадь, не нравились ему опусы Тура Бегущего

— Я так и не понял с чего.

— И зря, не было бы тетради, мы не приперлись бы в цитадель. — сказала Пашка.

— Весомый аргумент, но Простой отдал приказ до того, как познакомился с нами.

— Сейчас это не важно, — отмахнулась я от парня, — Важно то, что новый Простой этого не знает, и если хорошенько попросить, то...

— Можно попробовать вернуть дневник, — впервые с тех пор как мы вошли в комнату, явидь улыбнулась, — Сама просить будешь, по-родственному?

— Почти. Есть у меня кандидат в просители.

— Тогда у нас появится шанс, — согласился Март, — Надо только потянуть время и первым делом...

— Спрятать яйцо? — я посмотрела на девушку, — Отлучаться от него можешь? Или уже все?

— Пока могу. Ближе к концу нет.

За окном снова взревел дракон, и земля вздрогнула.

— Переговоры провалились, — резюмировал целитель, — Из дома надо убираться. И быстро.

— Как хорошо, что Невер в filli de terra, думала, высижу и заберу, — Пашка встала, яйцо выскользнуло у нее из рук и проломив доски пола, замерло чуть покачиваясь.

— Так может и его туда закинуть? — задумчиво предложил Март.

— Нет! — выкрикнула Пашка, — Нет. Я должна его высидеть, иначе погибнет.

Я вспомнила маленького замесеньши. Вспомнила его тяжесть в моих руках. И не почувствовала ничего. Мне было все равно здесь он или на другом конце света. Сердце кольнула тревога куда более сильная, чем та, которую я ощутила, увидев тень ящера в небе. Стяжатель был врагом, с которым можно сражаться, а как сражаться с собой. Не с теми чувствами, которые есть, а с теми которых нет, и взять их неоткуда.

Рев оборвался, видимо не все аргументы были еще исчерпаны. Вокруг зеленоватой скорлупы обвился черный хвост без усилий поднимая ношу. Я посмотрела в горящие медью глаза оборотившейся явиди. Судя по всему "беременность" проходила без осложнений, если не считать таковой охотящегося на нас вория.

— Как хорошо, что я не беременна, — проговорила я, прежде чем осознала что говорю, и как это может быть истолковано.

Зеленые глаза целителя тут же вспыхнули, ощупывая мое тело сантиметр за сантиметром, остановившись сперва на груди, потом на животе. Я не мешала, даже стало интересно, что он там увидит.

— Ты не беременна, — ответила вместо него Пашка, и парень согласно кивнул, зелень погасла, — Потомство оставит только сильнейший.

— Ты меня обрадовала, — я протянула руку и коснулась яйца, каменная скорлупа была холодной.

— Врешь, — зашипела змея. — Ты не рада.

— Но и не огорчена.

— А вот это правда.

— Быстро, — повторил Март, — Потом обсудите женские дела, когда с драконом разберемся. Если разберемся.

Пашка кивнула и скользнула к выходу, крепко сжимая яйцо. У дома она резко свернула одним слитным движением, втянувшись в кусты. Я за ней, стараясь не терять из виду малахитовой яйцо. Хлеставшие по лицу и рукам ветки совершенно не причиняли боли, лишь раздражали. За мной бесшумной тенью скользил целитель, он не был столь силен как Ветер, не пугал как Веник, но все же в парне была грация, которая давно сменила подростковую угловатость.

Вдалеке с шумом захлопали крылья, на этот раз точно все, переговоры закончены, и Картэн снова поднялся в небо.

— Куда ты? — спросила я змею.

— Я должна спрятать яйцо.

— Куда? В ямку закопаешь? — спросил Мартын, и Пашка остановившись, зашипела. — А куда? К старику отнесешь? К подруге? Отцу? Куда?

Яйцо снова упало на землю, а хвост описал дугу в опасной близости от лица парня. По небу скользнула тень, и мы пригнулись.

— К друзьям нельзя. Сдадут. А если дракон заполучит яйцо, ты сама к нему выйдешь

— Стоп, — я посмотрела на примявшее землю яйцо, — А что ему будет? — Пашка снова зашипела, — В том смысле, что разбить его целая проблема для будущего папаши. Остальным оно совсем не по зубам...

— Он же дракон! — заорала змея, и ответом ей был близкий рев с неба.

Пашка подхватила яйцо и бросилась вперед, за секунду преодолела пространство перед чужим домом и спряталась в тени поленницы.

— Он огненный, — пояснил для меня Март, — Как, к примеру, феникс. Только

Алексий огнекрылый, а дракон огнедышащий. Все как в сказках, Ольга. И если ящер дохнет на яйцо... его уже не будет никакого смысла колоть. Разве что съесть, но это на любителя. — он выдохнул и быстро последовал за Пашкой.

Ворий сделал круг на соседним домом, и в взял курс на запад. Я перебежала чужой двор, когда змея уже присматривалась, как перебраться через орешник на краю участка. Наверное, раньше я бы не стала продолжать тему вареных яиц, раньше... Слава святым, интересовало меня несколько другое.

— Алексей поджог пером хвост дракона.

— Пламя нелюдей, — кивнул Март, — Пока Алексей не захочет, его не потушить. Ничем. Очень весомая карта при переговорах.

— Может потом поговорим о нашем, не о людском, — вернула ему его же слова змея, — Если к друзьям, — она посмотрела на нас, — нельзя, тогда остаются...

— Враги, — припечатал Март.

— Не улавливаю логики, — не поняла я.

— Уловишь, — ухмыльнулся Мартын, и скомандовал, — Давай на запад через две улицы до Октябрьской...

Змея ничего не сказала, лишь, глаза вспыхнули ярче прежнего. Дракон больше не ревел, не хлопали крылья, и эта тишина настораживала еще больше.

До Октябрьской добрались за минуту, дольше вглядывались в темные окна углового дома. Обычный деревянный с двускатной крышей, без излишеств и декоративной отделки. Я никогда не была внутри. И не хотела. Даже сейчас не хотела. Не в этом ли все дело, ни один житель Юково не желал оказаться внутри.

Сегодня Март решил найти там убежище. Широкая дубовая дверь, слишком знакомая для той, что никогда не поднималась на деревянное крыльцо. Я следовала за явидью, судорожно оглядываясь и ожидая каждую секунду услышать хлопанье крыльев над головой. Наверное, это было бы последним, что мы слышали, но в этой части Юкова царила тишина.

Пашка толкнула дверь, и я, наконец, вошла в дом. Знакомая гостиная с камином, круглым столом и... Ленником, держащим в руке банку пива.

— Знакомые все рожи, — протянул он, — Обычно калачом не заманишь, а тут сами явились. Видать конец света не за горами. Боюсь даже спросить, что вам нужно?

— Убежище, — проговорила ровным голосом явидь, пожалуй через чур ровным, — Спрячь мое яйцо.

— Прекрасно, — сказочник улыбнулся и отхлебнул из банки, — Два вопроса, — он поднял два пальца, — Первый: чем я обязан чешуйчатой девке, чтобы прятать в своем доме ее приплод? И второй...

— Не ей, — вышел вперед Март, — Ты обязан не ей, а моему отцу. Это не забыл? Жизнью дочери.

— Не забыл, — алюминиевая банка у него в руке лопнула, обрызгав черную чешую явиди пеной с резким запахом хмеля, — А тебе, щенок, я чем обязан? Смертью ее матери?

— Да, — ответил парень, и в его взгляде зажглась магия, в ответ черные зрачки сказочника растеклись непроницаемой кляксой по глазным яблокам.

И за миг до того как они сцепились, я поняла. Почти все, начиная с того, кто был таинственным любовником матери Мартына, и до того, почему мне знаком этот дом, хотя я ни разу не переступала порог. Хватило и того, что его переступал кто-то другой.

Молодой целитель привел нас сюда, может, хотел вскрыть давно назревший нарыв, а

может... Тут мысль сделал неожиданный кульбит, отбрасывая меня в прошлое. Тогда нас тоже было трое, как и сейчас

Сын целителя зарычал и бросился на баюна, сбивая ног. А то захохотал, хотя должен был кричать. Должен был орать от боли, когда кожа на его руках и лице стала лопаться и расходиться, обнажая мышцы, словно кожура с ошпаренного помидора. Сказочник спиной сбил круглый стол, на пол полетели щепки, капли крови, и двое мужчин.

— Пашка! — заорала я, бросаясь вперед.

— Нет, — явидь схватила меня за руку, качнувшись на хвосте. — Это их дело. Не твое. Хоть раз не лезь!

— У нас нет на это времени, — рявкнула я.

— Только представь, — хохотнул Ленник, лежа на полу, и не замечая, как по лицу течет кровь, — Если бы Марьяна осталась жива, ты мог бы звать меня "папой"

Парень схватил его за воротник рубашки и ударил кулаком в рот, словно желая вбить слова обратно.

— Заткнись, — и еще раз. — Заткнись, — И еще.

Самое странное сказочник совсем не сопротивлялся, не закрывался руками, с которых слезала кожа, продолжая смеяться, как умалишенный, и изливая в этот звук причиняемую боль. Губы были разбиты, кровь окрасила зубы, превращая улыбку в звериный оскал.

— Зато она была бы жива, — проговорил Ленник и занесенный для очередного удара кулак замер.

— Ты этого не знаешь, — сказал Март и зеленый цвет его магии потух.

— Не я убил ее, — сказочник смотрел прямо на парня. И его глаза все еще оставались черны и полны силы, — Но если бы не закон, ты рос бы сиротой.

Март разжал руки, отпуская ворот, голова сказочника стукнулась об пол с глухим звуком.

— Люблю представлять, как твой отец сам себе перерезает горло. От уха до уха.

— Какой второй вопрос? — парень поднялся и одернул свитер.

— Что заставляет вас думать, что я смогу защитить это, — он сел и указал на яйцо. — от вория?

— Мы здесь не только потому что ты должен, а потому, что вряд ли кто вообще подумает искать приплод Константина Черного у тебя. Даже сам целитель, даже стяжатель, или тот с кем он поговорит и попробует выкупить сведения. Никто.

— Они не настолько ненормальные, как вы, — хохотнул Ленник и легко поднялся, — Считайте, я вернул долг, ребенок за ребенка. Я не сдам змеиное отродье дракону.

— А сам? — спросила я, — Сам ничего не сделаешь?

— Если бы мог, я бы съел яйцо ложечкой, смакуя каждую порцию. Но съел бы сам. — баюн развел руками.

— Но ты не можешь? — я повернулась к Пашке, — Так?

— Нет. — кратко ответила она.

В этом слове было столько всего, что я почти ей посочувствовала.

Логика, странная, неправильная стала проступать сквозь кучу догадок и предположений.

— Пашка, черт возьми, я же помню этот дом, эту комнату. Там в иллюзорном Юково, на востоке. Его, — я указала на сказочника, — хотели убить. Его мираж убивали все, потому что этого хотела ты. Твоя память, твои воспоминания. Ты была здесь. С ним.

— О чем ты? — не понял парень.

— О руне у нее на затылке и о том, почему она хотела, чтобы я была рядом, когда она выполнит данное Простому обязательство. Он знал, что просить. Что же ты натворила, Пашка...

— Расскажи им, змейка, — Ленник ухмыльнулся, а от этого ласкового "змейка" вздрогнули и я и Мартын.

— Так, это он, — застонал парень, — В округе мужиков, что ли мало? Бедный отец... Его снова предали... снова с ним.

— Не говори того, чего не знаешь, — зашипела явидь.

— Прости, но ты идиотка, — сказала я.

— Присоединяюсь, хотя трахать тебя было... — баюн задумался, подбирая слово, — Познавательно.

Март снова зарычал, сказочник отвернулся, открывая окровавленными руками, холодильник и доставая другую банку. На белой дверце остались красные разводы.

— Что мне делать с драконом, если явиться?

— Сказку расскажи, как мне, — огрызнулась явидь.

— И расскажу. Человеком он сюда не войдет. Вопрос в другом, — он с шипением открыл банку. — Что помешает ящеру вскрыть мой дом, как банку консервов и выковырять...

— А вот сейчас и узнаем! — закричал Мартын, за секунду до того, как я услышала хлопанье крыльев, а секунду спустя оглушающий рев.

— Быстро, — Ленник пинком отправил останки стола к стене.

Под расколотой столешницей отказался квадратный люк в подпол. Мужчина рывком откинул крышку.

— Пашка, — заорала я, но та замешкалась, проводя рукой по малахитовой скорлупе. Скорлупе, которая крепче камня для чужих, и такое уязвимое перед тем, кто дал ему жизнь.

Медные глаза сузились. Рев повторился, земля вздрогнула, над головой закачалась люстра с белыми плафонами. Я не стала больше раздумывать. Ни о судьбе яйца, ни о чувствах Пашки — все это меня больше не интересовало. Я толкнула ее каменное, так похожее на отлитое из чугуна, тело, и яйцо с грохотом упало на пол.

Мартын не растерялся и пинком, придал ему нужное направление. Явидь яростно зашипела, словно забыв зачем мы пришли, чешуйчатый хвост взметнулся в воздух, обвиваясь вокруг шеи пасынка. Ее инстинкты просто кричали о том, что она должна защищать приплод. Защищать любой ценой.

Яйцо свалилось в подпол, с грохотом сломав что-то внизу.

— Пашка! — снова закричала я.

Сказочник вернул крышку на место. По потолку побежали трещины. Дракон собирался сделать именно то, о чем спрашивал Ленник, а именно вскрыть это дом, сняв с него крышу.

— Он рвется сюда только по одной причине, — сказал баюн, выпрямляясь и делая глоток из банки, — Его должники здесь.

Явидь отпустила полузадушенного парня и, рыкнув, ринулась обратно к двери. Ее встретил драконий рев и струя жалкого пламени, от которой съежилась молодая трава, и обуглились доски крыльца.

— Иди сюда, переросток! — закричала она, бросаясь в сторону, уходя от огненного плевка, попавшего в дерево, — Сюда, вор! Что не нравится, когда воруют у тебя?

— Что она...?

— Она уводит его от дома, — перебил меня парень.

— И пусть делает это побыстрее, — вставил ленник, взмахнув банкой, — Низшие, так интересно я не проводил время с тех пор, как в Юково вторглись западники.

— Достань тетрадь, — прохрипел Март, — Достань тетрадь, Ольга, или мы все покойники, — он подошел к двери, — А мы пока развлечем хранителя знаний.

По крыше что-то проскрежетало и дракон оставив в покое шиферную крышу снова заревел. Змея уже выбралась на дорогу, тогда как целитель нырнул в кусты.

— Кажется, я приглашал тебя на пиво? — сказочник открыл холодильник.

— И я обязательно приму приглашение, — ответила я, подходя к двери. — Но не сегодня.

— Даже не взирая на Пашку?

Он впервые назвал ее по имени, и я поняла, что на самом деле все было не так просто, как он пытался нас уверить. Пашка, а не чешуйчатая девка.

— Мне все равно.

Ленник отсалютовал пивом.

У дома целителя, все еще толпился народ, хотя ни бабки, ни феникса, старика, ни еще кого из народных добровольцев не было. Увидев меня, пробегающую мимо, карка подняла большой палец, в знак одобрения. Но я не остановилась, лишь обернулась на рев, и одна из сосен на краю стежки загорелась. Маленький лихач заплодировал, указывая отцу на пылающую крону.

Радиф все еще сидел на крыльце, словно сторожевой пес, которого избил хозяин, а у зверя не хватает ума сбежать и никогда не возвращаться.

Он все прочел по моим глазам, еще до того, как я взбежала на крыльцо, вытягивая руку, в которую тут же скользнула, ставшая материальной, цепь.

— Где тетрадь Тура Бегущего? — спросила я, вздергивая голову мужчины кверху.

— Не знаю, — ответил он глухо, а в глазах скользнула тень беспокойства, и именно она, эта тень не дала мне поверить словам, сказанным вполне искреннее. Он на самом деле не знал. Но знал что-то другое.

Где-то там на краю стежки раздался полный боли крик. Женский крик.

— Где? — зарычала я, склоняясь к его лицу.

От вестника пахло потом и кровью. Еще страхом и усталостью. Так же как и от меня тогда в каменном мешке Желтой цитадели. Я могла бы посмеяться над иронией судьбы, могла бы...

Вместо этого я замахнулась и ударила его наотмашь, по той стороне лица, где раздувались, волдыри от ожогов. Ударила, чтобы причинить боль, а не для того чтобы защититься, не в пылу схватки. Впервые.

Он ударился затылком о стену дома и застонал. Несколько волдырей лопнуло, оставив на моей коже разводы, рана успела загноиться. Его боль была похожа на леденцы монпансье из жестяной коробочки, многочисленные и колючие, но такие сладкие.

— Где? — повторила я и вопрос и удар.

Он открыл рот и едва слышно выдохнул:

— Не у меня.

— Где? — я толкнула его, и он упал на доски, оставив на светлой стене кровавый след.

Цепь натянулась, я уперлась коленом ему в грудь.

— Не знаю, — зло огрызнулся Радиф, центральная руна на ошейнике вспыхнула алым.

Мужчина выгнулся и заорал не сдерживаясь. Громко, пронзительно, как никогда не кричат мужчины. А потом еще несколько секунд хватал ртом воздух, словно никак не мог надыхаться.

А я впитывала сладость его боли и никак не могла остановиться. Это как сладкая шипучка, которая щекочет нос пузырьками, и ты кашляешь не в силах сделать следующий глоток.

— Где? — ласково спросила я, почти желая, чтобы он снова огрызнулся.

— Развлекаешься? — раздался ленивый голос.

Вот так нас и можно поймать. Нас — нечистых. Тех, кто так хорошо слышит, тех, кто так хорошо чувствует, и тех, кто, пьянея от чужой боли, перестает замечать все вокруг.

Я подняла взгляд, рядом облокотившись на перила, стоял Веник. Лохматый, небритый, в пиратской повязке через правый глаз. Меня снова резанула, какая-то странная неправильность в нем. Как и в том мужчине, что пытался приподняться с шершавых досок крыльца.

— Спрашиваю, — ответила я, снова опуская взгляд на Радифа.

— Кто ж так спрашивает, — ухмыльнулся падальщик, и одним рывком перепрыгнул перила. Ботинки, испачканные коричневой грязью, приземлились рядом с изуродованным лицом вестника.

— Я так понимаю, тебя поджигает время? — он выразительно посмотрел на чистое небо, я кивнула, — Позволишь? — он указал на вестника.

— Порадуй меня, — попросила я, выпуская цепь, которая тут же исчезла.

— Желание Великой — закон, — издевательски протянул падальщик.

— Северники, — Вестник приподнялся и сплюнул кровью.

— Восточник, — ответил сосед, и мазанул рукой по его груди.

Вроде бы легко, даже почти ласково. На коже резко расцвели три багровых полосы. Вестник сцепил зубы, не произнеся не звука. Сосед задумчиво облизал пальцы. А я поймала себя на том, что смотрю на его широкие ладони и улыбаюсь. Боль была резкой и острой, как приправа.

— А теперь... — многообещающе проговорил Веник, касаясь рукой раны.

Радиф вцепился в его пальцы, силясь оттолкнуть. Сосед перехватил правую и резко выкрутил. Раздался треск. Три пальца остались торчать под странным углом Восточник хрипло выдохнул, а падальщик уже погрузил когти ему в грудь. Погрузил, зацепил и выдернул.

Крик Радифа звучал нежной музыкой. Голые пятки глухо стучали по доскам. Сосед поднял окровавленную руку, в которой белел обломок кости. Ушедшие, он выломал ему ребро! Выдрал вместе с частью мышцы, сухожилием и еще низшие знают чем. Даже не знаю, ужасаться и восхищаться этим, действительно не знаю.

— Где тетрадь Тура Бегущего? — тут же спросила я.

Мужчина продолжал стонать и мотать головой, и Веник отбросив кость, с удовольствием погрузил пальцы в рану снова.

— Я могу сломать и вытащить их все, и ты все еще будешь дышать, — пообещал вестнику падальщик.

— Сделай одолжение, — еле слышно прошептал восточник, — Я не знаю где тетрадь,

но могу начать фантазировать.

Когти вошли в рану, и сломалась еще одна кость. Крик, боль, сладость и запах.

Я смотрела на текущую по пальцам мужчины кровь, и вдруг поймала себя на мысли, что хочу попробовать ее на вкус, слизать с чужой кожи. Веник вскинул голову, всматриваясь в мои глаза, и раздувая ноздри.

— Не надо, — хрипло попросил он, таким тоном, словно ждал, что я не послушаюсь, что не услышу....

На краткий миг, глядя на мужчину, я забыла обо всем, о стежке, о Мартыне и Пашке, о восточнике у моих ног, и даже о драконе.

Еще один кусок плоти полетел на траву. Боль вестника вдруг сменилась усталостью, и... ожиданием. Сосед встряхнулся. Я с трудом подавила дрожь в теле, стараясь избавиться от видения, что нарисовало воображение. Потому что оно нее могло быть правильным. Оно не могло быть неправильным. Оно просто не могло быть. Я знала это совершенно точно. Такой нечистью, я быть не хотела..

Слюна вдруг стала вязкой. Где-то заревел дракон

— Где тетрадь? — на этот раз спросил сам Веник.

А я вдруг увидела нас со стороны, чужими глазами, чужими чувствами... Никогда не делай во тьме того, на что не сможешь посмотреть при свете дня. А я была во тьме, и мне это нравилось. Но та, прежняя Ольга Лесина, сейчас кричала бы от ужаса. Знать и чувствовать. Чувствовать и знать...

Я знала, что должна остановить это. Нет, не так, я должна попытаться остановить, падальщик должен отмахнуться от моих слов и продолжить. Тогда у меня будет и результат, и чистые руки.

Кажется, я зарычала, почувствовав в ответ недоумение Веника и колкий сахарный страх Радифа. Стиллет со щелчком слетел с крепления, и я склонилась к лицу пленника, почти легла на грудь, чувствуя, как теплая сладкая кровь пропитывает кофту. Серебряное лезвие легонько коснулось скулы, на которой еще сохранилась кожа и короткая опаленная щетина.

— Где тетрадь? Отвечай или он разберет тебя на запчасти!

— А ты с восторгом к нему присоединишься, — прошептал он, улыбаясь, или кривя губы от боли, — Не этого ли ты боишься?

Где-то вдалеке захлопали крылья снова поднявшегося в воздух дракона.

— Возможно. А ты? Чего боишься ты?

Я посмотрела на его искалеченное, искореженное лицо и прижала стилет к щеке, медленно, ласково, ловя его кислое дыхание. Кожа стала обугливаться, запахло жареным мясом и я втянула в себя этот запах. Кожа разошлась и под ней обнажились кровоточащие красные мышцы. Я почувствовала каждый миллиметр их движения, когда он открыл рот и заорал, тогда, как серебро продолжало прожигать его лицо словно кислота.

Веник довольно заурчал, встряхивая лохматой головой.

Наверное, сегодняшний день запомнится моим соседям, как один из самых интересных. Дракон, пламя и окровавленный мужик на крыльце, которого неловко и неумело пытается бывший человек, почти захлебываясь от лавины боли, с которой он не в силах совладать.

Стиллет стукнул о челюсть, прожигая щеку насквозь. Низшие, я даже видела его шевелящийся язык... Рука дрогнула, и нож погрузился глубже прижигая слизистую. Крылья хлопали ближе, солнце снова закрыла тень. Не думать о том, что у Пашки и Марта не получилось. Не думать о том, что сейчас моя очередь. Только о вздрагивающем куске мяса

подо мной. Он уже мертв, остается только сделать номинальное действительным.

Он дернулся, и крик вдруг прервался, словно кто-то перерезал восточнику голосовые связки. А в черных глазах стала разворачиваться спираль силы вестника. Пытка вдруг стала неважной... не для меня, для него. Он словно отстранился от агонии тела, и вдруг четким и спокойным голосом проговорил:

— Тетради больше нет. Уничтожена. По приказу Хозяина, чтобы никто больше не...

Он вдруг закашлялся, давясь слюной и кровью, боль вернулась. Драконья тень скользнула по небу.

— Я сказал! Сказал! — заорал Радиф, смотря прямо перед собой, словно обращаясь к кому-то другому. Кому-то напугавшему восточника куда сильнее, чем мы с Веником.

Ворчание переросло в рык, падальщику это не нравилось. Я отпрянула, убирая стилет.

— И это все? — со злым разочарованием спросил Веник.

— Тетради больше нет, — повторила я, поднимаясь на ноги, в голове стал нарастать писк, сперва далекий, а потом все ближе и ближе, так похожий на писк старого телевизора, когда на экране появлялась настроенная таблица, в которой мы так любили пересчитывать цвета.

— Убьете меня? — спросил Радиф и снова закашлялся, разворочанная грудь вздымалась и опускалась.

— Надеешься или боишься? — уточнил падальщик. Взревел дракон. — Ольга? — он поднял на меня единственный темный глаз, на губах остались мазки потемневшей крови.

— Смерть — это всегда конец, а ты свой не заслужил.

— Надо же, как пафосно, — проскрежетал он, — А не боишься, что я придушу тебя первой же ночью и выем глаза?

— Не боится, — ответил сосед, — Ошейник не даст.

Я протянула руку и за секунду до того как появившаяся цепь коснулась пальцев, уловила знакомое покалывание. Тоже артефакт, который откликается на призыв хозяина. Ошейник заставил его приподняться.

— А Седой хорош, — произнес странным, деревянным голосом Веник, и я не сразу поняла, его чувства. Злость сменилась завистью. Завистью к демону и тому, что он мог сделать. — Правильную упаковку для подарка придумал, — сосед указал на вырезанные знаки. — Правая руна — смерть, левая — свобода. А по центру, он ухмыльнулся. — Подчинение. Коснешься ее, и он здесь лебединое озеро станцует. В пачке. Или без.

— То есть можно было его не пытаться, а просто нажать?

— Наверняка, — он пожал плечами, — Только это уже не так интересно. И безвкусно.

— Когда-нибудь я попробую и вас на вкус, — пообещал Радиф.

— Встань в очередь, — рявкнул Веник, мгновенно перемещаясь на другую сторону крыльца и выталкивая меня наружу. Грубо, быстро, почти небрежно.

Я перекувырнулась через перила, задев головой, столбик и упала на бок. А в следующую секунду, драконий хвост, снес и крыльцо вместе с мужчинами, задел дом. Выламывая раму окна, заставляя стекла звенеть, а доски стонать. Струя пламени ударила сверху, ослепляя... только меня там уже не было. Я стояла в метре от черного обугленного пятна. Стояла на четвереньках, успев уйти, но, не успев подняться. Пальцы словно когти загребаали мягкую землю. Сердце билось размеренно. Тук-тук. Ни страха, ни сожалений, ни азарта.

— А ведь, тебе придется умереть, — проговорила я, глядя нао черно-зеленого ящера.

В ответ получила струю огня, перекатилась, уходя от слепящего жара.

А не поторопилась ли я с обещанием?

Снова пламя, и я успела вскочить и броситься в сторону, сбивая огонь со вспыхнувших с правой стороны волос. Веник поднялся, расшвыривая обломки крыльца. Среди иззубренных досок показалась рука вестника. Я позволила себе один взгляд на мужчину, дракон сбил меня хвостом. Ударил в живот и отбросил на дорожку. Человеку переломало бы все кости и перемешало внутренности. А я даже смогла подняться, прижимая руку к пылающему болью боку.

Моя первая боль, первая рана в новом статусе. Значит, я не так уж и неуязвима, а все дело скорее в прилагаемых усилиях. Ворий на мелочи не разменивался, и удар который мог бы разрушить дом отозвался болью в ребрах.

Веник подхватил обломок перил и со злостью запустил в чешуйчатый бок. Дракон не обратил внимания ни на комариный укол, ни на самого "комара". Радиф выполз из-под завала и, упав на спину, стал смотреть в голубое небо, словно происходящее его совсем не касалось. Ящер извернулся, ломая тушей березку с тонким стволом. Сломал бы и толстую, если бы она была. Одна из гигантских лап опустилась на землю в шаге от лица восточника. Тот не шевельнулся.

Рев на секунду оглушил всех, а потом звук сменился огнем. Я бросилась в сторону дороги. Ни секунды передышки. Ни крупицы надежды. Это закончится только со смертью. Осталось узнать чьей...

Очередной разворот гибкого тела, и казавшаяся огромной лапа обрушилась на меня сверху. Я ринулась вперед, Лапа зарылась в землю за спиной, и мне вслед полетело пламя. Огненное дыхание опалило спину. И поняла, что не успею, на этот раз не увернусь.

Душная волна силы целителя раскрутилась где-то в стороне и коснулась... нет ударила, меня по колену, нога тут же подогнулась, и я полетела на старый асфальт дороги. Там глубине земли ласково отозвалась перезвоном струн стежка. Жаркое пламя прошло над головой, едва коснувшись затылка. Запахло палеными волосами и горелой тканью. Усыпанная пеплом блузка зияла подпалинами и прорехами.

— Ольга, — раздался яростный шепот Марта и я, неловко поднявшись, захромала к кустам за дорогой.

Разочарованный рев неся следом. Правая нога то и дело подгибалась, по коже бегали мурашки, очень похожие на те, что колют мышцы, если долго лежат в одном положении. Не выдержав, я оглянулась... Сломанные доски крыльца уже занялись пламенем. Вестник лежал на траве, каким то чудом не раздавленный драконом, Веник скалил клыки рядом с ним. А на крышу моего дома приземлялся, взмахивая сверкающими крыльями Алексей.

Неистово мотающий головой дракон, взрывающий лапами землю и разевающий пасть, чтобы пустить мне в след струю огня. Дверь моего дома отворилась.

— Ольга, — высунувшийся из зарослей Март просто дернул меня на себя...

И я едва не полетела головой на землю, зацепившись за лежащее на земле тело. Я даже не почувствовала его, не услышала биения сердца, как слышала остальных вокруг себя. Не почувствовала вони сторевшей плоти, потому что все вокруг воняло горелым, даже я сама.

— Ох, — только смогла выдохнуть я, опускаясь на траву и ломая ветки окружающих кустов. Кто-то приближался со стороны леса, быстро и целеустремленно. Но мне не было до этого дела, кто бы это ни был, он не может быть страшнее дракона.

Пашка казалась слишком маленькой даже в своем зверином обличье. Свившийся хвост, сжатые лапы, оплавленная чешуя, розовая плоть под съежившийся кожей. Голый череп,

покрытый несколькими уцелевшими чешуйками, капюшон кровоточил и казался грязной накинутой на голову тряпкой. Лица почти не было, распухли, утратили черный блеск приобретя налет копоти, я даже не была уверена, что глазные яблоки сохранились. Вместо губ две спекшиеся корки, из-под которых выглядывали белые зубы. Помню, эта странная белизна и удивила меня тогда. Не опаленное тело, а светлые клыки.

И тут явидь вздохнула, хрипло, протяжно, а сердце стукнуло. Один раз.

— Низшие, — прошептала я, — Она жива? Что произошло? Что... — я посмотрела на парня, — Почему ты весь мокрый?

— Потому, — огрызнулся он, поворачиваясь к тому кто ломился к нас сквозь кусты, зажигая глаза магией, дракон взревел и земля в очередной раз вздрогнула от поступи гигантского ящера. — В озеро нырнул на той стороне стежки. А вот она не успела. Где книга?

— Нет ее. Совсем. Уничтожена.

— Хреново.

Пашка снова вздохнула, и снова ее сердце дрогнуло и замерло. Я почувствовала влажный запах магии целителей, но глаза парня потухли. И я поняла кто приближается к нам одновременно с ним.

— Выживет?

— А какая разница?

— Большая, — зашипел, выбираясь из зарослей Константин, — заварил кашу, а расплачиваются другие.

Парень сцепил зубы, скулы чуть покраснели. Черный целитель опустился перед явидью на колени и легко, очень легко с невероятной нежностью коснулся лица. А ведь она на самом деле дорога ему, как может быть дорого хоть что-то нечисти. Или кто-то.

— Разберись в этой ящерицей перостком! — рявкнул Константин, магия стекала с его пальцев прямо в искаленное тело змеи.

— Легко сказать, — в тон ему ответил Мартын, — Это не большой зверь, это Ворий, он разумен...

— Да, хоть гениален.

— Отец, он нечувствителен к моей магии пока на нем эта шкура! Совсем, как и охотник — ветер....

— Так сними с него шкуру, — черный целитель склонился к обгоревшему, лишившемуся черт лицу явиди и вдохнул свое дыхание ей в рот, словно она не в пламя попала, а чуть не утонула, — И напоминаю, ветра ты все-таки убил.

Струя пламени прошла чуть правее и кроны съежились и почернели. Через секунду стяжатель будет здесь, и к одному обугленному телу добавятся еще два, или три, если считать экспериментатора.

— Ах, ты ж, — раздался знакомый голос моей бабки, — Теперь пожарных вызывать придется.

— Чувствую себя словно в парке юрского периода, — вздохнул Март и, раздвинув ветки, выскочил на дорогу. Горелые листья плавно опускались на старый асфальт.

Дракон победно взревел. Я вышла следом и увидела гигантскую морду дракона, склоняющуюся к земле. К нам. Начиналась вторая серия.

Его дыхание было горячим, как бывает горячим воздух в жаркий летний полдень, воздух, поднимающийся, от раскалившегося за день асфальта. Запах гари и сухость во рту.

Впервые я видела его так близко, я вообще впервые разглядывала дракона. Он совсем не походил на змею с лапами, к которым питают слабость восточные народы. В нем не было изящества воспетого северными мифами. В нем ничего не было, кроме массивности и ярости. Морда больше всего напоминала ковш экскаватора, а откормленная туша отличалась от крокодилей, лишь размерами, более длинными когтистыми лапами, да изогнутым хвостом. Гротескная помесь диплодока, тираннозавра и крокодила... Ворий — хранитель знание Земли Детей

Он топтался на дороге между моим домом и лесом, словно медведь на узкой тропе через малинник. Для него узкой, максимум пять шагов туда и обратно. Поломанные деревья, вывороченная трава. Кончик толстого хвоста лежал метрах в пяти от обломков крыльца.

В дверном проеме стояла моя бабка. На ней все еще был цветастый передник, хотя лопатку в правой руке сменил соломенный веник. Понятия не имею, откуда он у меня, если уже пару лет, как в доме появился пылесос... Низшие, она все это время была там, пока мы пускали кровь восточнику? Это смутило так, словно она застучала меня в койке с мужчиной. Может, потому что боль для нечисти — это тоже удовольствие и чаще всего интимное? Я встретила взглядом с соседом, падальщик вдыхал горелый воздух стежки и дрожал всем телом. Не от страха, от предвкушения.

Один миг и все эти бесполезные мысли вихрем пронеслись в голове. Феникс слетел с крыльца на землю и совершенно естественным жестом подал Марье Николаевне руку. Та неловко ухватила за Алексея и по-старушечьи слезла с порога, который в отсутствии крыльца возвышался над землей на пол метра. Вокруг снова собирались зрители.

Дракон с шумом втянул воздух...

— Ты направо, я налево! — рыкнул Март.

... гигантская пасть раскрылась. И мы бросились в разные стороны, огибая ящера, и надеясь, да, именно надеясь, что струя пламени достанется другому. Эдакая лотерея, кто-то прожарится, а кто-то останется жить. Слепой случай, все честно.

Не повезло мне. Дракон изогнул голову, выпуская огонь вдоль своего тела. Раздался сухой треск, догоняющего меня пламени. Испуганно вскрикнула бабка. И я поняла, что не успеваю свернуть с пути огня. Все было слишком быстро, слишком близко...

Я все-таки свернула. Бросилась в сторону, зная, что огонь вот-вот накроет меня с головой, нырнула под брюхо ящера, рискуя быть раздавленной, впечатанной в землю лапой. Струя пламени окатила чешуйчатый бок, и тающими в воздухе каплями стекла на землю. Собственный огонь ожидаемо не причинило ворию никакого вреда.

Стяжатель разочарованно зарычал, поднял одну лапу, потом другую. Я отклонилась вправо, потом влево. Ящер был слишком здоров, и это обернулось против него. Человек вполне мог стоять, под его брюхом не качаясь чешуи и оставаясь почти незаметным для такой громадины.

В этот момент мне почему-то вспомнилась детская сандаля и муравейник на обочине. Не большой лесной, а самый обычный, придорожный от которого сухая земля кажется исперщенной дырочками. Вспомнилось, что как ни наступала маленькая Алиса на шустро снующих насекомых, ей никак не удавалось раздавить ни одного из них. Рисунок на подошве, наверное, казался маленьким трудягам широкими туннелями. Сейчас именно я стала таким... ну, может не совсем муравьем, но все-таки мелким насекомым.

Лапа с когтями опустилась на землю, в очередной раз заставив стежку вздрогнуть.

— Ах ты ж... — я увидела мою бабку с занесенным над драконьим хвостом веником, —

Откормленный теленок, и не стыдно детей обижать? — соломенное помело опустилось на черный хвост.

И я поняла, что смеюсь. Несмотря на старающегося нас убить ящера, несмотря на то, что где-то там умирала Пашка, не смотря ни на что. Стою и смеюсь диким граничащим с криком смехом.

Представьте себе сухонькую мышь, взявшую в лапы зубочистку и ударившую кота по хвосту. Представили? А теперь представьте удивление того кота, когда вместо неощутимого касания, он получил удар молотом.

Марья Николаевна еще не осознавала свою силу, она предоставила это право дракону.

Как сказал баюн, мы очень интересно проводили время.

Ворий подавился собственным пламенем, издав короткое и емкое "Акчшшш" и присел на задние лапы, не хуже любого другого зверя, которому отдавили хвост. Для меня на миг погас солнечный свет, я старалась не представлять, что случится, если он грохнется на брюхо. Но ящер поднялся и стал поворачиваться, быстро перебирая лапами.

Я увидела, как Март остановился рядом с оскалившимся падальщиком, увидела, как развернулись сияющие крылья феникса. Со стороны стежки потянуло жадным любопытством, возбужденные соседи переместились к новому месту действия. Дракон повернул морду к бабке и тут же получил по ней веником.

Отпрянув от переступившей с места на место лапы, я повернулась и... услышала его слишком поздно, в последний момент. Покойника, у которого все еще билось сердце. И поняла, какую странную неправильность видела в нем, и не только в нем.

Веник тоже смог подойти ко мне, смог застать врасплох. Я думала дело во мне, в моем опьянении болью, от которого мне часто сносило крышу. Словно покойник, по капризу неизвестных сил, все еще стоящий на двух ногах не представлял для меня угрозы, и личный эквалайзер не пеленговал его. Я почти не чувствовала его приближения до тех пор пока не становилось слишком поздно.

Он толкнул меня, прямо на чешуйчатую лапу, как раз в то момент, когда ворий сделал шаг и черные когти прошли в сантиметре от моей головы. Он налетел сзади, опрокидывая меня на землю. Ошейник, проступивший на его шее тут же, сжался причиняя Радифу боль.

Я не видела его, но чувствовала едва ли не затылком. И знак рабства, и горящие руны, и пытку восточника, который поднял руку на того, кому принадлежит. Бывший вестник хрипел, прижимая меня коленом к земле, но не сдавался. Боль скручивала Радифа, только когда он сопротивлялся и только когда мне. Руны дарили пытку телу, не лишая разум воли, пока не лишали... предел есть у каждого. Он слабел с каждой секундой и осознавал это.

Выгнувшись, я попыталась сбросить с себя восточника и встать. Помело в бабкиных руках сломалось. Солома не была рассчитана на такие нагрузки. Теперь я знаю, какая судьба постигла лопаточку. Радиф снова давил меня в перемешанную с кусками асфальта землю. Камни лезли мне в рот, неприятно скрипя о зубы. Восточник схватил меня за руку и вывернул ее, заламывая за спину.

— Не дракон, а сто рублей убытку, — высказалась бабка.

Радиф тяжело дышал, скулил, его перемазанные грязью и кровью руки дергали ремешки крепления стилета, стараясь сорвать клинок. Даже слишком стараясь, руки царапали кожу, соскальзывали... Серебро зашипело, обжигая восточника.

Дракон переступил с ноги на ногу, легонько задевая Радифа и легонько сбивая его с моей спины и даже не замечая этого.

Стилет остался болтаться на предплечье, прижимаемый последним ремешком. Восточник не просто застонал, он заплакал, как плачет ребенок, у которого отобрали любимую игрушку. Когтистая лапа опустилась, вдавливая восточника в мягкую землю. Ящер мотнул башкой и заревел прямо в лицо моей бабке. К чести последней та всего лишь зажмурилась.

Плачь, перешедший в крик не слышал никто кроме меня. Захрустели, ломаясь кости.

— Стой! — раздался новый голос.

Напротив вория, уже стоял староста, сжимая в вытянутых руках знакомую тетрадь в потертом желтом переплете. Дневник Тур Бегущего. Я не нашла в себе ни желания ни сил удивляться этому.

— Поговорим? — предложил он.

Дракон сделал шаг назад. Я посмотрела на то, во что превратила восточника лапа дракона.

— Кххааа, — сказал Радиф, голова была цела, а вот грудная клетка оказалась вдавленной внутрь, — Кххааа, — повторил он, брызгая на подбородок алой сладко пахнущей кровью.

Его левая нога вдруг стала быстро-быстро подергиваться, словно в припадке.

Рот на изуродованном обожженном лице приоткрылся. Пятка в очередной раз стукнула о землю, и это раздражало сильнее его слезящихся глаз, в которых было только одно. Просьба, мольба, обещание, пусть даже невыполнимое, все что угодно, только чтобы прекратить это. И в этом наши желания совпадали. Даже такая смерть будет сладка.

— Всего лишь разговор, — склонил голову старик.

— Откуда у вас... — начал Март, но Семеныч поднял палец, заставляя парня замолчать.

Я склонилась над восточником, ошейник тут же проступил на грязной шее, и цепь, привычно кольнув кончики пальцев, ткнулась в руку.

— И если мы не договоримся, — староста посмотрел на стяжателя, — Мы все, — он кивнул подошедшему Алексию, и повторил. — Мы все отойдем в сторону и дадим тебе закончить дело.

Опрометчиво, — мысленно заметила я, протягивая руку к ошейнику, к горячей руне, — Ведь иногда такие обещания приходится выполнять. А может, именно на это он и надеется?

— Скааааххх... — прохрипел Вестник, кровь из рта брызнула мне на лицо.

Я поняла, что он хотел сказать, почувствовала. Угловатая, неловкая благодарность, с легким привкусом стыда, коснулась моих чувств. Палец дотронулся до руны... на миг линии, словно лезвия, впились в кожу, спрашивая, а уверена ли я? Да? Нет? Будто к компьютерной программе, только игроки существовали на самом деле, хотя в них порой очень сложно поверить.

Да, уверена.

И руна погасла, как и ошейник, как и глаза восточника. Грязная голая пятка, ударила о землю, еще раз и еще, с каждой секундой замедляясь, пока не замерла на вывороченной вместе с пучком травы кочке.

А секундой позже нас залил солнечный свет, пробивавшийся сквозь зеленые кроны. День перевалил за середину, а мы все еще были живы... напротив старосты стоял обнаженный мужчина.

— Это ты! — обвиняющее ткнул пальцем в старика Картэн, — Твоя тетрадь не моя!

— Зря. — прошептал мне в ухо Веник. — Могли бы неплохо повеселиться.

Опять он сделал это. Опять подошел, а я и не почувствовала. Почему меня так злил этот факт? Раньше, когда я была человеком, когда не слышала биения их сердец, когда не ощущала эмоции... Тогда меня это не смущало. Я играла теми картами, что сданы, и гордилась этим.

— Ты вовремя, — не удержалась я от упрека, — С весельем придется подождать.

— Это не моя тетрадь, — закричал хранитель знаний.

— Прикрой срам, охальник, — влезла моя бабка, снимая цветастый фартук и накидывая на вория. Тот не повернул, и головы следя за руками старосты, в которых тот сжимал тетрадь.

Я уловила медленное завихрение силы целителя. Почти незаметное, еще только формирующееся.

— Да, не твоя, — не стал отпираться Семеныч, и вдруг вскинув руку, рявкнул, — Нет, парень. Нет. — он посмотрел на Марта, у которого загорелись зеленью глаза.

Сын целителя решил воспользоваться случаем. И ведь правильно, раз дракон сам снял шкуру...

— Нет, — повторил староста. — Я обещал ему разговор.

Марья Николаевна деловито завязывала пояс фартука над обнаженными мужскими ягодицами.

— Это не тот дневник. Не та его часть, — старик снова посмотрел на стяжателя.

— Часть? — переспросил Март.

— Не думаешь же ты, что дорога Тура Бегущего началась с гор? Ведь что-то его туда привело.

Я передернула плечами, встала и перешагнула через Радифа, оставив Веника за спиной. Покойником был, покойником и остался. Я уже забыла о нем, мысленно переносясь в бункер дыма под землей. Видя полумрак, кресло и книгу на коленях старого вестника. Чуть более темный переплет, старые страницы, смутно знакомый почерк, и бросившаяся в глаза строчка. Как же там было? Что-то вроде: "настась... напасть", или как-то еще.

— Значит, тетрадей было две? — спросил Мартын.

— Три, — поправила я.

— Четыре, — рявкнул Картэн.

— И я предлагаю тебе первую за их жизни, — Семеныч вновь поднял книгу.

Несколько бесконечно-долгих секунд ворий смотрел на старосту, переводя взгляд с лица на темно желтый переплет, и раздумывая, потом, нехотя, пересиливая себя, произнес:

— Одного. Я готов отступить от одного за эту книгу. Выбирай.

Март довольно громко хныкнул, подошедший сзади Веник с иронией произнес

— Выбери меня, выбери меня, птицы счастья...

— Нет, — с сожалением ответил Семеныч, — Они нужны мне все.

— Ты глуп, старик, — рыкнул Картэн и тут же схлопотал от бабки подзатыльник.

— Имей уважение к старшим, — надзирательно сказала она.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

К моему удивлению обернувшийся дракон только кивнул и повторил совсем другим тоном:

— Это глупо. Одна жизнь лучше чем не одной.

— Хорошо. — староста словно ожидал такого ответа, в его голосе не слышалось ни разочарования и досады, — Раз я не могу получить жизни, предлагаю выкупить время.

— Сколько? — прищурился хранитель знаний.

— Год. Для всех троих.

— Издеваешься? Не дам и часа.

— Полгода?

— Три часа, и пусть будут благодарны.

— Месяц? Подумай Картэн...

— Подумал. Три с половиной, пусть напишут завещание.

— Неделя?

— К чему все это? За первый том..., - замялся стяжатель, — Этих сочинений, я не дам больше нескольких часов, — он оскалился. — За последний еще и приплачу. У тебя есть последний, старик?

— Ты отлично знаешь, что он в Дивном, — покачал головой Семеныч, — До рассвета?

— До заката, и договорились, — мужчина протянул руку за тетрадь.

— Ворий, — ухмыльнулся Семеныч, обнажая желтоватые зубы, и отдал дневник, по мне так слишком легко отдал.

— Старик, — стяжатель легонько склонил голову, и добавил, — Вернусь на закате, если выйдут сами, такого — он обвел рукой горящие доски и вывороченные деревья, — Устраивать не буду.

— Молодец, — похвалила его бабка, и легонько потрепала по плечу.

Кто хоть раз видел в кино эпизоды, когда люди всем селом тушат чей-то дом? Тушат не только потому, что огонь может перекинуться на твой, а потому, что так надо. Надо протянуть руку помощи. Я видела, и не раз. Жаль только киношная реальность не так часто сходит с экранов и воплощается в реальной жизни. Особенно в жизни нечисти. Помню, как они над "Вием" ржали, лучшая комедия всех времен и нечистых народов, переплюнула в нашей тили-мили-трядии легендарное тарантиновское "От заката до рассвета", но не дотянула до "Мастера и Маргариты"...

К чему я это все, к тому, что нечисть не люди. Мы не люди, а потому, я без удивления наблюдала, как стяжатель уходит с тетрадь, как его окружают соседи, кто-то хлопает по плечу, кто-то жмет руку, молодой лихач, возбужденно кричит, как это было круто. А старая Караха, выливает ведро воды на занявшуюся с ее стороны траву и равнодушно отворачивается от соседнего участка, где трещал в огне куст сирени. Впрочем, его хозяин тоже не смотрел по сторонам, а просто закидал очаг землей.

Да, нечисть не люди, а потому у каждого находящегося сейчас здесь есть для этого причина. Пол пятого вечера, заход солнца около девяти, даже немного раньше. Семеныч выторговал нам чуть больше четырех часов.

— В дом, — скомандовал ведьмак, и бабка первой бросилась к дверям, немного неловко взбираясь на порог.

Из кустов вышел Константин с Пашкой на руках. Ее сердце по-прежнему не билось, или билось но очень медленно, а каждый вздох приходилось ждать не меньше десяти минут. Семеныч и Алексей мрачно переглянулись и последовали за ней. Март дожидался отца.

Я со злостью распинала горящие доски, настроение было паршивым. Шедший следом Веник обхватил меня за талию и просто поставил внутрь. В другое время, я бы придумала этому тысячу причин и всяких теорий, но не сегодня. И, наверное, он это чувствовал, войдя в дом падающий просто сел на диван и закрыл глаза.

— Давайте на кровать, — всплеснула руками бабка, когда на пороге появился

Константин с явностью, воняло от нее по-прежнему хреново, не как от живого создания, а как от куска мяса.

Из крыла вставшего у плиты феникса выпало маленькое сверкающее перо и приземлилось на дощатый пол. Доски минуту раздумывали, а потом решили не загораться.

— Ты так на него смотришь, — проговорил феникс поправляя очки.

Я наклонилась, обхватила танцующий невесомый огонь пальцами и спросила:

— Только ты можешь зажечь его?

— Мой сын тоже может, — и почувствовав мое любопытство пояснил, — О нем я говорить не буду, лучше о тебе.

— А жена? Внук? Правнук?

— Жена? Она давно умерла.

— Я спросила не об этом.

— Знаю. Нет, она не могла. Внук тоже наверное не сможет, уже другая кровь не плохая просто другая. Хотя если у него будет предмет с оттиском моей души... Родится, проверим, — он аккуратно вытащил перышко из моих рук.

— Что такое оттиск души?

— Это след, Ольга, след который мы оставляем в этом мире. Дела, мысли, поступки... Мой бабка очень любила старый торшер, что сейчас стоит у моего изголовья, говорила, что украла его из борделя, где познакомился с дедом. И теперь эта лампа низших горит только тогда, когда ей вздумается, а не когда надо.

— След — это память?

— Да, наверное. Во всяком случае, мои перья этот светильник поджигает на раз.

— Буду знать.

— Знай, — пожал плечами Алексей. — В твоих руках это, — он поднял перышко и оно мгновенно превратилось в пепел, — Просто украшение. Перо жар-птицы.

— Надо вскипятить воду и приготовить бинты, — метнулась к плите бабка.

— Зачем? Мы же не роды принимаем? — не понял Мартын.

— Да уж лучше бы роды... — покачал головой остановившийся рядом с плитой староста.

Его прервал стон. Тихий, едва слышный, его так легко перепутать с дыханием. Но в наших ушах он прозвучал оглушающим криком, который не смогло издать сгоревшее горло.

Семеныч схватил меня за руку, не дав сделать и шага.

— Не надо. — я дернулась, вырываясь. — Ты себе потом не простишь, если будешь питаться ее болью...

— Питаться? Да, что я же за Великая? Хуже трупоеда... — я пошла к спальне.

— Я тебя слышу, милая, — отозвался Веник, — Спасибо за комплимент.

Старик не сводил с меня взгляда, пока я шла, и даже остановившись в шаге от кровати, я продолжала чувствовать его пристальное внимание. И страх. Он боялся, на самом деле боялся, но не говорил чего.

Постельное белье уже успело пропитаться кровью, и испачкаться клочками сгоревшей плоти, Пашка выгибалась, а Константин с горящими магией глазами, положил ладонь на спекшийся лоб, пытался унять боль.

Она была полной и вкусной, как мороженное, на которое не пожалели сливок... Я сжала кулаки и потрянула головой. Сейчас мне доставляет радость боль Пашки, а что дальше? С улыбкой смотреть, как плачет Невер?

А ведь она бы на твоём месте так и поступила, — пришла подлая, но наверняка правдивая мысль. Наверняка... Но она — не я. Даже у выгребной ямы, в которую я падала есть дно и я не хочу удариться о него со всего маха

Я вздохнула и отступила, сделав последний глоток сладости. На шаг назад. Мысленно отступила, невидимые нити потянулись обратно, но я повернула рукоять чувствительности на ноль. Это как закрыть ладонями уши, или нос, чтобы не слышать звуков или не ощущать запахов. Это как оказаться внезапно в вакууме, где нет ничего. Я едва не задохнулась, и мои голодные... нет, даже жадные, щупальца новой силы снова потянулись к умирающей явиди, возвращая мне способность ощущать.

— Если закроешься совсем, сойдешь с ума, — проговорил целитель, — Советую экранировать только объект.

— Закрывать? Но это способность демонов?

— Да, а как ты думаешь, кто их ею наградил? — Пашка всхлипнула, и целитель успокаивающе проговорил, — Тихо-тихо. — он поднял голову. — Ольга, ты только что закрылась, на несколько секунд, но полностью. Это чревато.

— Чем? Сумасшествием? Демоны не сходят с ума.

— Да? — он поднял брови, — У меня для тебя новость, они давно уже сошли.

— Шшшш, — зашипела явидь, ее молчаливое сердце вдруг быстро забилося, изуродованная рука взметнулась и ударилась о подушку, — Шшшааа...

— Что? — нахмурился Константин, — Я же перекрыл каналы... — в спальню заглянул Март, — Почему боль нарастает?

Пашка выгнулась, не переставая шипеть, и уже вторая лапа с негнувшимися пальцами, потянулась к голове, с которой слезала чешуя, оставаясь на наволочке вместе со впитывающейся сукровицей. Целитель стал приподнимать ей голову... И мы с Мартыном все поняли одновременно.

— Руна, — простонал парень, — Как не вовремя.

— Простой сказал, не путай время, с вечностью, — вспомнила я.

— Что она должна сделать? — сразу ухватил суть проблемы Константин, — На чем он ее поймал? Быстро! Руна проснулась, потому что возникла угроза жизни. Метка не даст ей умереть, пока не выполнено обещание.

— Так пусть живет, — хмыкнул Март.

— Боль не может быть вечной. Что...

И в этот момент Пашка открыла слезящиеся глаза. Вернее попыталась. Одно спекшееся веко разорвалось, другое приоткрылось лишь на половину. Двойные зрачки горели медью, белки были мутными. Все правильно, бес сознания змея не могла ничего сказать и руна привела ее в чувство.

— Охххшшша, — зашипела она, глядя на меня и только на меня, а во взгляде загнанного зверя была лишь обреченность.

— Что? — рявкнул Константин, — Что она натворила?

— Она спала с другим, — проговорила я, — не сводя взгляда с наполненных болью глаз и каждую секунду борясь с побуждением окунуться в эту пытку с головой, и впитать в себя. — Ночь на карачун, когда тебя похитили, она провела с другим мужчиной.

— С кем? — целитель посмотрел на Пашку.

— Сссс... — зашипела она приподнимаясь.

— С ним, — ответил парень, — С ним. А недавно еще и второе яйцо отложила...

Дальнейших пояснений не потребовалось.

Глаза явиди закатились, и она упала обратно, сердце стало замедляться.

Константин смотрел на змею, и вдруг улыбнулся, по его телу прокатилось облегчение, чистое, немного скрипящее и совсем-совсем неправильное.

— Дурочка, — ласково проговорил он, и коснулся губами спекшейся крови на лице.

— Отец? — не понял Мартын. — Ты спятил? Она трахается с тем же любовником, что и мать, а вместо позорного столба получает поцелуй?

— Да, — ответил мужчина, — И будь я тогда чуть старше, твоя мать была бы жива... наверное.

— Ты теперь всепрощение проповедуешь? — оскалился парень, — Не самая популярная религия. Проявишь слабость, сожрут, она же и сожрет или я...кхрр

Парень захрипел, потому что отец еще секунду назад сидящий на кровати, уже стоял рядом и ласково сжимал шею сына. И все еще улыбаясь, заглядывал в лицо.

— Ты? Сожрешь? Неужели? — едва уловимое движение рукой, и Март ударился затылком о стену, на которой висели постеры с картинками моря, оттолкнувший парня целитель отступил и приглашающе раскинул руки, — Ну, давай, жри. А я посмотрю, как у тебя это получится.

— Нашли время, — проговорил входящий в комнату Алексей, за его спиной маячила бабка с полной кастрюлей кипятка, — Щенок вырос и учится кусаться, — он посмотрел на потирающего шею Марта, — Хоть бы законы сперва изучил.

— У нас один закон, кто сильный тот и прав. — парень выпрямился.

— В точку, — кивнул Алексей, и вдруг протянул руку Константину, — Тебя можно поздравить? Вышел вне уровней!

— Меня тоже поздравьте, — буркнул Мартын, — Я кажется, перебрал того бурого порошка подвале и сошел с ума. Ни черта не понимаю. Как измена змеи сделал отца бесцветным?

Я согласно кивнула.

— Не уверен, что у нас есть на это время, — посмотрел на наручные часы феникс, и посторонился, пропуская бабку с кастрюлей от которой шел пар.

— Расскажи, — раздался голос Семеныча, — Я не для того выторговывал время, чтобы они в бега пустились.

— А для чего? — спросила я.

— Чтобы найти того, кто оттащит от нас дракона за холку, — в комнату заглянул староста с телефоном, в ухо неслись длинный гудки, собеседник не торопился снимать трубку.

— Нашел? — я посмотрела, как бабка ставит кастрюлю с кипятком на стул с одеждой. — Кого?

— Кирилл Седого. Знакомое имя?

— А чего сразу не позвонили? — задал резонный вопрос Март, но староста не ответив вернулся в гостиную, продолжая прижимать к уху телефон.

Причины, у каждого из нас были причины находиться здесь, торопиться, или слегка опаздывать.

Я попыталась понять, что чувствую, слыша это имя, и не могла. Или не хотела. Пока не хотела.

И в самом деле в бега надумали? — спросил феникс, поправляя очки.

— Бега — это не для меня, — скривился Мартын, и нехотя попросил, — Расскажите мне, а то такое ощущение, что все состоит в тайном обществе рогоносцев, а меня не пускают, за отсутствием рогов.

— Ты почти прав, — целитель сел, рядом с затихшей явильдью.

— Выживают лишь сильнейшие, — сказал Алексей, — И оставляют потомство тоже, — он взглянул на меня, — Закон природы.

Раньше, я бы точно возразила, что не хочу жить по таким хреновым законам, а они бы в очередной раз посмеялись бы. Сейчас я не чувствовала в себе ни сил, ни желания возражать. Природа редко спрашивает мнения своих созданий.

— У нас рождается не так много детей. По одному на пару — почти норма. Приток заложников, длинная жизнь и наша убыль почти незаметна. Но всегда найдутся энтузиасты страстно желающие стать многодетными, черт его знает почему, — Алексей улыбнулся Константину, бабка словно не слыша, о чем говорят мужчины подошла к Пашке и, охнув, стала закутывать обожженное тело простыней, несколько чудом сохранившихся лоскутков ткани были вплавлены в чешую, — Но в большинстве своем у них не получается. Один уже оставил потомство, а потому...

— Низшие, нужно сравнение, — закрыл глаза Март, — Другой партнер, и девка залетит от сильнейшего.

— Поясните, — потребовала я.

— У нас это называют amans — замена, дублер. Женщина призвана сохранить семя достойного, слабые умрут, сильные дадут потомство. — добавил Константин.

— Идиотизм.

— Не скажи, в природе самцы дерутся за право спариться с самкой — пожал плечами феникс.

— Вот и деритесь.

— Мы и деремся, просто на другом уровне.

— На клеточном. — вставил черный целитель.

— Повторюсь, это идиотизм.

— Согласен, — неожиданно рассмеялся Алексей, — Но этот идиотизм действует. Хотя я всегда думал, что наши девки пользуются этим, чтобы изменять мужьям. Почти законная причина уйти налево.

— Удобно, — согласилась я, — Значит, Пашка...

— Решила завести второго ребенка, — кивнул Константин. — Я только не знал, как далеко она готова зайти в этом желании.

— Но почему баюн? — спросил Март, — Ведь, когда мать спала с ним... — он замер пораженный мыслью, — Вы тоже хотели второго? — спросил он у отца и тот кивнул, — Но она забеременела от сказочника, а не от тебя!

— Хуже, — ответил целитель, — Она собралась уйти к нему, может, влюбилась, а может, с ним она чувствовала себя более защищенной. Как ты сам сказал, мне бы не простили слабость. Двойное поражение.

— Ушедшие, — вздохнул парень. — И ты...

— Дождался рождения ребенка и убил ее.

— Зачем?

— Я должен был точно знать, что он не мой, вернее она. Не с ее слов, а убедиться сам.

— Но почему ты не убил сказочника? Почему не утопил приплод? — зло спросил

парень, глядя, как Марья Николаевна осторожно касается щеки Пашки, сердце змеи ударило один раз и снова затихло.

— Твою сестру, ты хотел сказать, — поправил феникс, веко парня дернулось, — А какой толк в убийстве младенца?

— Я хотел, чтобы дочь всегда напоминала психарю, чего он лишился. Чтобы он смотрел на ее лицо, а вспоминал Марьяну.

— Ты ненормальный, отец. Я бы вырвал сердце баюну, а не воевал с женщиной!

— Я и хотел.

— Это против традиции, — перебил Алексей, — Amans и так считается проигравшим, слабым, а противника надо выбирать с умом. И убивать тоже, — он вздохнул, — Сколько несчастных случаев с ними происходит...

— Но тогда проигравшим был я, целитель только-только получивший черный уровень, но еще не ставший оп... еще не рассчитывающий на защиту хранителя. — в последний момент поправился Константин.

— И ты испугался? — не поверил Мартын.

— Не за себя. Тогда я был слабее баюна, моложе, и у меня был сын. Именно поэтому я отправил тебя в filii de terra.

— Я сам сбежал!

— Точно, после того, как я оттащил тебя за уши и запер на сутки в подвале. Конечно сам, кто спорит. И обучение оплатил сам, и комната тебя там ждала, потому что они экстрасенсы...

— Низшие, отец...

— А у Ленника была дочь, и эти двое осторожничали, скалась друг на друга издалека. Марьяна была мертва. — резюмировал Алексей.

— Месть — это блюдо, которое едят холодным, — раздался тихий голос Веника из гостиной, он, конечно, все слышал.

— Для меня оно уже чересчур остыло, — скривился Константин, и жестом попросил бабку отойти от кровати.

— Но не для него, — буркнул парень, — Он мечтает увидеть, как ты перерезаешь себе горло.

— Значит, придется мне с ним поговорить, и убедить пересмотреть мечты.

— Никаких разборок на стежке, — рявкнул, заглянувший в спальню, старик, трубка все также была прижата к его уху, и там по-прежнему слышались длинные гудки. — Столько лет ждали, подождете еще. — он посмотрел на старшего целителя и добавил, — Он нам нужен, Костя.

— Все это очень интересно, — заговорила я. — Биология, психология и иже с ними. Если бы не одно "но". Пашка вздорная, порывистая, себялюбивая, но не глупая, иначе ее бы не назначили следящей. Она понимала, к чему может привести ее загул со сказочником. Так какого черта она это сделала? Она же не полная идиотка?

— Не полная, — согласился Константин, — Но поверье до сих пор гуляет в народе, и в него верят, пусть и не безусловно. Спроси себя, сколько людей вместо того, чтобы идти к врачу заговаривают пупочную грыжу у разных, объявивших себя белыми колдуньями, старух?

— Я моего Валю возила, — закивала Марья Николаевна, заглядывая в кастрюлю с водой, словно надеясь найти в ней что-то новое.

— Много, — согласилась я, — Вот только ты не человек. Откуда ты вообще знаешь, что

яйцо твое? Или это тоже не имеет значения? Такими темпами, я скоро в милосердие нечисти поверю?

— Лучше не надо, — скривился Константин и спросил у Марта, — Какого цвета скорлупа?

— Зеленого. — ответил парень.

— Еще раз поздравляю, — улыбнулся Алексей.

— То есть она решила сделать тебе подарок? Изменила, потом залетела и вздохнула с облегчением, отложив зеленое яйцо? Вопрос о ее уме снят. — резюмировала я.

— Ты хочешь, чтобы я убил ее за измену? — не понял целитель, — Вы вроде дружите...

— Не хочу, — я подняла руки, — Просто не понимаю, почему ты этого не сделал. Откуда она знала, что ты вышел вне уровней?

— Она не знала, просто верила.

— Бедная девочка. — Марья Николаевна вздохнула. — Все то у нее не как у людей.

— Трогательно, — съязвил Мартын. — Отдает идиотизмом.

— Думаю, все намного проще, — вмешался Алексей. — Пашка не дурочка, но дурную мысль вполне могли вложить в ее голову. Кто-то достаточно сильный, чтобы задурить голову нелюдю.

— Сказочник всегда был силен, — кивнул Константин, — Сыграл на ее отношении ко мне, подтолкнул в нужном направлении, а потом наблюдал.

— Один из сильнейших баюнов Нижнего мира, таких по пальцам пересчитать можно, — вздохнул Алексей.

— Поэтому старик так им дорожит? — спросил Март.

— Да. Большинство сказочников умеют заговаривать только людей или низшую нечисть, но пасуют перед высшими. — рассмеялся феникс, — А этому сам черт не брат. Мы как-то пили, и он говорил, что однажды, что когда ему все надоест, опробует силы на Седом. Просто возьмет и попробует.

— Похоже на него, — сказала я. — Кирилл Ленника на изнанку вывернет.

— Скорей всего, — равнодушно согласился Константин и посмотрел на явидь. — Но Пашка не смогла ему сопротивляться.

— Рецепт прост, — согласился Алексей. — Смешать вымысел с правдой, добавить каплю понимания, толику сочувствия, чуть-чуть симпатии и вызов. Много вызова. Как ей не откликнуться, не поставить на карту все и сыграть по самым высоким ставкам? Низшие, я бы и сам сыграл.

— Он выиграл много лет назад, уже тогда я был Черным. Но ничего не стоит на месте. Роли изменились. Я изменился.

— Когда же он ее зацепил то? — спросил Март, — Никто же в его дом не суется, и на улице за версту обходят...

— Тогда и зацепил, — я закрыла глаза вспоминая...

... Как мы шли по стежке, как змея уговаривала меня не спешить, не психовать, а остановиться на минуту и подумать. Но я шла вперед, напуганная исчезновением детей, среди которых могла быть и моя дочь. Почти миллион лет назад...

Ушедшие, это и вправду было настолько глупо, насколько кажется? — подумала я и почти испугалась. Вернее, должна была испугаться, хотя бы собственного равнодушия. Ничего не екнуло внутри. Совсем. Пропади Алиса сейчас, что я сделаю? Уж точно, не брошусь на землю детей сломя голову. И именно это пугало. Я знала, что должно пугать...

— Она хотела узнать есть ли у сказочника связь с filii de terra, чтобы выяснить, кто из детей пропал. Хотела узнать для меня, она пробыла в его доме всего пару минут...

— Этого более чем достаточно, — прервал Алексей.

"На меня не смотрят, не приходят в гости, не зовут на пиво. Меня боятся" — сказал мне иллюзорный сказочник в иллюзорном Юково, — "Тем приятнее награда, когда они преодолевают страх и отвращение. Или я заставляю их преодолевать, и они бегут за мной, как дрессированные щенята"

Это был ее сказочник, из ее иллюзии. Значит, Пашка знала, что он с ней играет, или догадалась позднее, и очень хотела исправить. Убить баюна хотело ее сознание.

Опять никакой романтики, одна грязь.

— Надеюсь, вы хорошо спрятали яйцо? — спросил Константин, — Потому что именно сейчас ворий пьет опиум с нашими соседями, и они очень охотно треплют языками. А он слушает. Если дракон завладеет яйцом, нам придется или выйти к нему, — целитель посмотрел на Пашку, — Хотя бы для того, чтобы отдать ее. Или забыть о твоём брате или сестре. Сделать вид, что никакого яйца не было. Мы сможем, а вот она...

— Она нет, — ответила я.

— Ни в жизнь не догадаются, — ухмыльнулся Мартын, а я посмотрела на бабу, которая, как само собой разумеющееся потрогала бок кастрюли, а потом, видимо решив, что в кипятке здесь не нуждаются, ухватила за ручки. Низшие, я только сейчас поняла, что в ее руках нет прихваток, а металл должен обжигать, как феникс знает что. — Яйцо у...

— Стоп, — скомандовал целитель, — Мне совсем не нужно этого знать. Если змейка выберется, скажет сама. Если нет, — на лицо мужчины набежала тень, — Без нее оно все равно погибнет.

Марья Николаевна подхватила кастрюлю и понесла обратно.

— Да будь оно все проклято! — раздался из гостиной голос Семеныча.

Я бросила взгляд на Пашку, на замершего рядом с ней целителя, Алексея, грустного Марта и вдруг поняла, что больше не пью боль. Даже не порываюсь. Что слышу потерявшиеся во времени, отсроченные удары ее сердца и не впитываю их в себя. Не ловлю редкое болезненное дыхание, не принимаю к запаху сгоревшего мяса.

Стоило подумать, как мои жадные чувства, так похожие на невидимые щупальца или пики, антенны, не знаю, как их назвать, словно проснувшись, потянулись к явиди.

"Стоп" — скомандовала я себе, — "Стоп. Я не голодна"

И влетевшие, в предчувствии сладкой боли, пики опали.

— У каждого своя жажда, — проговорил внимательно наблюдавший за мной Алексей. — Но она не управляет нами, лишь придает жизни вкус, как приправа.

— Пора садиться на диету, — буркнула я и вышла вслед за бабушкой из спальни.

Выплеснув часть кипятка на пол, Марья Николаевна вернула кастрюлю на плиту и снова зачем-то зажгла газ. Старик в раздражении сбросил вызов. Атмосфера в доме была нехорошая, такая что обычно предшествует буре, такая от которой волосы на затылке встают дыбом и очень хочется убежать и спрятаться. Тревожное ожидание и предчувствие неизбежного. Пашка снова вздохнула и замерла, заставив меня гадать, а будет ли он, следующий вдох?

— Я должен поговорить с Седым, — сказал староста, глядя в пространство, — Демон наш единственный шанс?

— Наш? — удивилась я.

— Ваш, — раздраженно ответил Семеныч.

— А это, — я указала на трубку. — Единственный способ с ним связаться?

— Нет, — он оглянулся, словно соображая, где находится, и я уловила его досаду, — Мне надо домой. Надо найти Михара и еще попробовать... — он махнул рукой, — сам все сделаю.

— А где Ветер? — спросил сидящий на диване Веник, рука свободно лежала на спинке, я заметила блестящий циферблат часов. — Он мог бы оказаться в Серой цитадели и вернуться обратно еще до заката.

— Прости, но мне забыли выдать инструкцию по эксплуатации ошеров, — ответила я поворачиваясь к двери, к моему дому кто-то шел, тяжело и неторопливо. Кто-то посторонний и скрипучий.

— Не вздумай звать Тёма, — рявкнул Семеныч, — Ты не готова. А ты, — староста повернулся к падальщику, — Закрой рот, если не хочешь, чтоб тебе его зашили. Смелый больно стал.

— Да мне то что? — оскалился сосед, — Хранитель знаний не за мной приходил. Сейчас вернусь домой и буду этот спектакль оттуда досматривать, пусть не из первого ряда, зато с удобствами.

— Значит так, ты — скомандовал старик и ткнул пальцем в меня. Гость за дверью сделал несколько шагов к разрушенному крыльцу и остановился словно в раздумьях, я слышала его сиплое дыхание, слышала как его кости словно трутся друг о друга при движении, гость был стар. Я приняхалась, вернее стара. — Сидишь тут и ждешь меня. Идиотов не слушаешь. Ясно?

— Так точно, — отрапортовала я.

Бабка вытерла руки полотенцем и поспешила к двери. Я едва поборола желание спросить ее, что она делает? Заставить осознать, что все изменилось, ее слух, ее возраст, ее состояние... И остановила себя. Не потому что пожалела, а потому что это уже не имело никакого значения.

Тяжело дышащая гостья подошла к дому, Марья Николаевна открыла дверь, не дожидаясь стука. Семеныч обошел ее спрыгнул с порога и быстро зашагал по стезе. Стоящая рядом с обломками крыльца Караха его не заинтересовала.

— Тебе чего? — спросила моя бабка другую, — Соли? Аль спичек? Муки не дам, у самой мало.

Старая ведьма, поймав мой взгляд, спросила:

— Тот, что на грядке у вас валяется, — она ткнула пальцем за спину, — Для красоты? Или на удобрения? Если не больно нужен могу прибрать.

— Нужон, — ответила я, вяло удивляясь тому что меня кто-то о чем-то спрашивает, раньше бы уволокли и никаких проблем. — Не трогайте.

— Твоя правда, Оленька, чего добром то разбрасываться, — бабка закрыла дверь. Старая Краха с той стороны тут же на нее плюнула.

— Вы больше не называете меня Галей? — не удержалась от вопроса я, — Или Машей? Или Светой?

— Что ты Оленька, — она всплеснула руками, — Нежели я, какая маразматичка, — и совершенно безумно хихикнула. — Ты уж не трясись надо мной так, чай не стеклянная не рассыплюсь.

Я заглянула в светло серые глаза и не смогла сдержаться, потянулась всеми чувствами к

ней, к этой замершей на грани смерти оболочке. И сразу почувствовала их. Струны стежки, мелодичные упругие, он словно сплетались внутри нее, вливая в мертвого человека жизнь,

Не будет стежки — не будет и хранителя. Эх, Ефим... что же с тобой стало?

Струны перехода исцелили ее, заполнили пустоты, соединили жизнь и смерть. Нити заменили собой старые проржавевшие контакты памяти, вернув старухе подобие разума, изломанного, шаткого, но все же по-своему неповторимого.

— Марья Николаевна... — позвала я, не зная толком, что собираюсь сказать. Наверное, ничего хорошего. Извиниться за смерть сына? Так я не чувствовала вины, я ничего не чувствовала, и она это сразу поймет. Или может рассказать правду о том, кем она стала и кем стала я? Бессмысленно. Тогда что? Я не знала...

Снова закипевшая в кастрюле вода выплеснулась на пламя и зашипела. Бабка бросилась к плите.

— Больше воду в спальню не таскайте, — в итоге сказала я, — Пашка кипятком не пьет и в ванной не нуждается. Лучше на того голого мужика выплесните.

— А что, — выключив конфорку, ответила она, — Если снова в непотребном виде явится, выплесну.

Из спальни вышел раздраженный март, Константин в полголоса спорил с Алексием о шансах Пашки на выживание, рассуждая об обмене веществ и изоляции сознания... Я отключилась от разговора.

— Черт лучше бы у нас застряли, или у старика, там хоть книги есть, — парень сел за стол, и бабка тут же поставила перед ним блины, как мало некоторым надо для счастья.

— У меня тоже есть, — я покосилась на толстый том о Великих который мучила все утро.

— Да, я видел, — он мотнул головой, — Анжелика и король, Порочная страсть, Мир полон женатых мужчин и Гарри Поттер. — тут взгляд его упал на толстый том.

— Бери, — разрешила я, — По мне так лучше Анжелика, — бабка фыркнула, так как книги были ее, большинство моих так и осталось в подвале, а пускать кого-то туда я пока не хотела. не знаю почему но не хотела и все, — Найдешь чего полезное, расскажешь.

Парень кивнул, и бессознательно взял блин с тарелки.

Мы ждали еще два часа. Ждали и молчали, потому что нечисти не нужны слова. Потому что они понимали, не будь рядом этих странных не всегда понятных нелюдей, я давно бы уже бегала по стенам, или того хуже была бы на пол пути в Африку.

Мысль о бегстве, казалась привлекательной как никогда, я играла ей, как ребенок играет погремушкой, вертя так и так, и прислушиваясь к себе. Как быстро меня найдет ворий после убийства Пашки и Мартына? Не знаю, но точно найдет. И там, неизвестно где, мне придется так же давать бой, но на чужой неизвестной территории. И умирать, но уже в одиночестве.

Я прошлась от плиты к дверям спальни. Константин ушел домой, но обещал вернуться... У меня вырвался смешок, хотя ничего веселого не было. Пашка пока дышала.

Хотя, если бы поехала совсем в противоположном направлении... например, в Серую цитадель? Шансы на выживание резко пошли вверх, а шкала самоуважения вниз. Стоит ли умирать из-за гордости? Однозначно — нет.

Однако, я все еще была здесь, все еще ждала непонятно чего. Почему? Я не думала, что мне будет так плохо у Кирилла, скорей наоборот. Или... Я замерла. А не этого ли он ждет? Чтобы я прибежала, размазывая слезы по щекам, как тогда в другой жизни, въехав бампером в кривую березу? Может быть.

Но, что еще вероятнее у меня паранойя на фоне собственной значимости. Великая, чтоб их всех, которая не может справиться даже с собой, не то, что с кем другим.

К дому в очередной раз подошли очередные любители порядка, третьи кажется, и великодушно предложили убрать лежащего на траве Радифа и получили столь же великодушный отказ и убрались. В этот раз обошлось без плевков.

Солнце клонилось к закату. Староста не возвращался и я уже начала думать о том, что и не придет. Не получилось, и он предпочел наблюдать за финалом с удобствами. Что через несколько минут из спальни исчезнет Алексей, из гостиной Веник...

Мысли вернулись к бегству и Кириллу. Нет ничего проще, чем выйти из дома, из Юкова, из стежки. Никому даже ничего объяснять не придется. Каждый за себя... Тогда почему они все еще здесь? Почему ухмыляется Веник? Бабка моет посуду и поглядывает на часы, скоро начнется сериал. Почему Алексей недвижимым изваянием сидит рядом с полудохлой явильдью? А я должна уйти? Позволить какому то ящеру выгнать меня из дома? Моего дома? Моего Юкова? Моей стежки?

Я почувствовала, как в горле нарастает рычание, как руки сжимаются в кулаки, как...

Веник рассмеялся. Запрокинул голову и захохотал.

— Ты, как ребенок, — проговорил он, — Подросток в период созревания, эмоции, как качели то вверх, то вниз. Маленькая миленькая нечисть.

Март хмыкнул, не поднимая головы от книги. Я моргнула, посмотрела на соседа, злость тут же ушла, сменившись раздражением.

— Давай еще углы пометь, — продолжал смеяться он.

Я смотрела на него и не понимала, кто из нас изменился: он или я. Кончика пальцев закололо... Новые чувства играли со мной злые шутки, словно я и вправду стала ребенком.

— Низшие, — выругался Алексей, и что-то упало на пол.

Я моргнула, покалывание тут же исчезло. Из спальни вышел феникс держа в руке очки.

— А попросить? Язык отвалится? — сказал он, протягивая мне оправу.

— Я не хотела.

— Нет, — хмыкнул мужчина, — Именно хотела. Иначе они не слетели бы у меня с лица. Тебе нужны очки?

— Да. Зрение что-то подводит. — я посмотрела на соседа, — Все кажется не таким, как на самом деле. У вас ведь глаза в порядке?

— В полном. И тебе не мешает подправить.

Я все-таки взяла оправу, потому что именно этого и хотела, глядя на Веника. Хотела знать, кто передо мной. Нечисть не носит очки, не болеет катарактой, и у нее не садится зрение. Очки не носил Авис Лихорадный, очки не носил и Алексей. Они носили артефакты, чтобы быть уверенными в том, что видят.

Раньше я подобными вопросами не задавалась, потом мне стало все равно, зачем феникс таскает на лице это украшение. До сегодняшнего дня, пока подсознание не сформировало желание раньше, чем я успела как следует подумать.

— Я сдернула их у тебя с лица? — спросила я.

— Не задавайся, но артефакты тебя слышат, не забывай этого.

— Не забуду, — я надела очки, которые оказались чуть великоватыми, и несколько секунд смотрела в пол, не сразу решаясь поднять взгляд на соседа.

— Давай уже, не тяни. Твое любопытство похоже на изжогу, — лениво проговорил Веник и чуть шевельнулся, старый диван скрипнул. — Ведь нет ничего глупее, чем бояться

знать, правда?

Я выдохнула и подняла голову.

Первое, что бросилось в глаза, это его молодость и незащищенность, словно передо мной теперь был не мужчина, а скорее студент. А потом пришло понимание, яркое, болезненное, словно удар в грудную клетку от которого перехватывает дыхание.

Он не был молод. Человек сидящий на моем диване был болен. Если бабка остановилась на самой черте, то он не дошел до нее всего ничего.

И это был именно человек. Осунувшийся, с заострившимися чертами лица, темными подглазинами и серой кожей, на которой то тут, то там темнели почти черные кровоподтеки. Взлохмаченные волосы потеряли блеск и висели сальными патлами, а в глазах стояла такая тоска, что в пору было завывать...

— Вот только жалости мне твоей не надо, лучше злись, — рыкнул он.

— Что же с тобой сделали? — протянула я, — Вени... Веньямин.

Потому что назвать того, кто смотрел, на меня этой собачей кличкой не поворачивался язык.

Один раз я видела похожего человека, один единственный раз, но запомнился он на всю жизнь. Это было отделение общей хирургии нашей областной больницы, мы девчонки старшеклассницы навещали учительницу биологии, на самом деле сварливую тетку, которая не гнушалась ставить двойки за любое неправильно произнесенное слово. Но она выбрала нескольких учеников себе в любимчики. Не за заслуги, не за ум, просто так, без системы, или ей лица понравились? Наверное, какая-то логика все же была, может мы ей кого-то напоминали? Не знаю, тогда я не задавалась такими вопросами, а просто радовалась, что попала в число, тех, кому ставили пятерки за правильно названный раздел в учебнике. Нас было пятеро: я, Маша Афанасьева, кстати, круглая отличница, близняшки Шалаевы брат с сестрой и двоечник Константинов, двоечник по всем остальным предметам. И когда биологичка слегла, нам совесть не позволила остаться в стороне, мы сели на тридцать третий автобус, Константинов нарвал на даче цветов, Машка яблок...

Да уж, воспоминания действительно похожи на шляпу фокусника...

Помню больничные коридоры, выкрашенные зеленой краской, длинные и изгибающиеся, белые никогда не закрывающиеся до конца двери, тишину, шарканье ног. Тогда еще пускали прямо в палаты, если накинуть на плечи белый халат, словно он убивал все микробов, мой, помню, волочился, никогда не была особенно высокой...

Его кровать стояла в коридоре, даже не кровать и не каталка, а кушетка, покрытая дешевым коричневым дермантином, серое белье и такое же серое лицо с необыкновенно ясными черными глазами. Мужчина был лыс, кожа так туго натянулась на черепе, что казалось, лопнет от любого неосторожного движения.

— Палата номер двадцать четыре, — Машка обеспокоено оглядела коридор, словно он был виноват, что мы до сих пор не нашли нужную дверь.

— Говорил же надо корпус обойти и в окно покричать, — Серега Константинов поежился, атмосфера больницы не нравилась никому, но ему в особенности. Женщина сидевшая на пост медсестры подняла голову от книги, но ничего не сказала.

Одноклассники прошли мимо, а я невольно замедлила шаг у этой одинокой кушетки, которой не место в коридоре. Тонкое байковое одеяло лежало неровно и одна нога мужчины, поросшая темными волосами, была выставлена напоказ, словно в этой серой наготе до бедра не было ничего необычного. Больной мигнул, раз второй...

— Это там! — закричала Верка Шалаева и, тут же вжав голову в плечи, продолжила, — Там, в следующем крыле.

— Дети, что вы здесь забыли? — громко спросила вышедшая из очередных дверей девушка в белом халате со стетоскопом на груди, — Чего шумите?

— Мы пришли...

Одноклассники как всегда предоставили объясняться Машке, как отличнице, командиру звена и старосте класса. Медсестра на посту не замедлила умилиться ответственности и заботливости пионеров, навещающих учительницу.

Больной посмотрел на меня, нет даже сквозь, словно никого здесь и не было, тянущаяся к руке трубка капельницы, тихонько качнулась. Он словно находился где-то в другом измерении, поколение, воспитанное на советской фантастике и сказках "Ленин и печник" всегда думало об измерениях.

Низшие, сколько ненужных деталей всплывает, стоит только задуматься, стоит только отпустить память...

Он не мог даже шевелиться, лишь изредка вздыхал, на приоткрытом плече темнел черноватый кровоподтек, распахнутые глаза запали, жидкость в капельнице текла очень и очень быстро "кап-кап-кап-кап". От мужчины плохо пахло, спиртом, йодом и чем-то другим... Чем-то резким и безнадежным.

— Ольга, кончай копаться, — позвал меня Витька Шалаев, придерживая дверь, и я поспешила за ним.

— Что с Имановым? — подойдя к посту, девушка со стетоскопом указала на одинокую кушетку.

— Ничего, — равнодушно ответила медсестра, — Сегодня кончится...

Дверь закрылась, громко хлопнув одной своркой о другую. Иногда люди могут быть ни чуть не менее жестоки, чем нечисть.

Сегодня кончится. Эти слова еще долго преследовало меня, увязавшись словно эхо по пустому коридору. И догнали спустя не один десяток лет. Потому что сосед выглядел именно так.

Сегодня кончится...

Нет! Неправда!

— Хорошо уметь чувствовать, — прошептал феникс.

Я вздрогнула, обернулась и едва не ослепла от огненной вспышки. Алексей, стоя на месте, горел, невозможно ярко, словно чучело на масляницу. Горел и не сгорал.

— Чувствовать не только ярость, гнев и боль, а еще и жалость, — Веник зарычал, — Сострадание, неприятие... желание чего-то лучшего.

Веник отвернулся, словно ему был неприятен сам взгляд, я а не могла отвернуться от бледного лица, от сутулых плеч, от странных истончающихся отростков, которые вырастали у него из груди и бессильно трепетали в воздухе. Душа, пришло понимание, здесь была его душа...

Я перевела взгляд на бабуку, которая больше всего напоминала заводную куклу, неживую, но способную обмануть детские глаза, способную казаться живой.

— Я помню, каково это, — язык вдруг оказавшийся жестким с трудом воспроизводил звуки, — Помню. Иногда, даже слишком сильно.

Я выпрямилась, и встретила взглядом с Мартом, раскрытая книга лежала на столе...

Глаза парня горели зеленью даже сейчас, когда он не призывал магию. А по лбу шла

цепочка древних символов. Рун, старых и страшных сочащихся зеленым гноем. Их не рисовали, их вырезали на его коже, почти достав до кости.

Низшие! Что же с вами сделали? Кто придумал превратить вас в... в это?

Сев на диван, я сдернула оправу. И так увидела больше, чем хотела. Главное, что Веник это Веник, не Кирилл, не Видящий, не Прекрасная, не бес... Веньямин Яковлев, обычный парень что живет по соседству и на досуге поедает трупы... И сам почти ставший покойником.

Глазами я нашла висящее на стене зеркало, не очень большое, всего то и можно увидеть лицо да плечи, но и этого хватит. Не один пальчик здесь отдал душу. Я аккуратно сложила дужки, и протянула артефакт фениксу. Затылка коснулось острое разочарование падальщика. Он ожидал от меня большей смелости, вот только я уже давно устала оправдывать чужие ожидания...

— Вернешь потом, — Алексей развернулся и пошел обратно в спальню, — Когда будешь уверена, что видела все.

Меня обожгло гневом. Знаете, как бывает, тебя за секунду бросает из озноба в жар и обратно. Ярость была мгновенной, яркой, как вспышка. Я бросила очки на пол и наступила ногой. Услышала хруст пластика и стекла и почувствовала удовлетворение. Никто не будет мне указывать. Ни он, ни Веник, ни...

— Я же говорю подросток, — удовлетворенно констатировал сосед.

Алексий скрылся в спальне, даже не обернувшись, я встретила глазами с Мартом и поняла, что он только что увидел. Жар сменился холодом понимания, все это уже давно напоминало истерику ребенка, на которого не обращают внимания, или наоборот слишком много обращают.

— Может и так, — согласилась я и, нагнувшись, стала собирать осколки в ладонь.

— Как думаете, Седой откликнется? — спросил сын целителя, отложив книгу.

Веник посмотрел на меня. Он знал ответ на этот вопрос. Мы знали.

— Нет, — ответила я и подняла последний осколок.

— Почему? — удивился парень, — Потому что ты отняла у него стежку?

Падальщик фыркнул, едва сдерживая смех.

— Отняла? — я выпрямилась, — Считай, он сам мне ее вручил, и если бы захотел забрать, то вряд ли я или ты смогли бы ему помешать. А значит...

— Все идет так, как задумано, ну или просто интересно, — закончил Веньямин.

— Нет, — тряхнул головой Мартын, — Не верю.

— Не верь.

— Помнишь, как быстро Кирилл появился здесь, тогда? — спросила я у соседа, — когда его вестнику нужен был ребенок Милы?

— Помню, — он пристально посмотрел на меня, — Все помню.

— Если бы он только захотел... — я поднялась и подошла к мусорному ведру.

— Оленька, все в порядке? — бабка стояла, обмахиваясь полотенцем, — Мы кого-то ждем в гости?

— Нет, Марья Николаевна, идите, смотрите сериал, скоро уже начнется.

— Отсылаешь старуху, — прищурилась она, но тут же спокойно добавила, — Может, оно и правильно, чего я тут у вас не слышала, позовете, ежели есть захотите, — и она зашагала в сторону спальни.

— Или дракон захочет, — тихо добавил Мартын, — Тогда чего мы ждем? Если не

Седого?

Я стала ссыпать осколки в ведро, представляя парню самому ответить на этот вопрос. Стеклышки ударялись о пластмассовое дно, последний, самый крупный прилип к ладони, делая невероятно четкой линию жизни.

— Мы ничего не ждем, — сообразил парень. — Чуда не будет и на закате...Либо он нас, либо мы его

— Кто знает способ убить дракона? — спросила я, сжимая руку, осколок врезался в кожу.

— В драконьем облике никак, — ответил Веник.

— Он очень быстро обращается, почти мгновенно. — я осторожно опустила стекляшку в карман, если мужчины заметили, то не подали вида.

— Значит нужно что-то... что лишит его возможности оборачиваться, — прищурился Мартын.

— Наконец-то, мозги заработали, — Веник скрестил руки на груди, — Спасение утопающих, дело рук утопающих.

— Атам? — предложила я.

— Годится, — склонил голову Мартын.

— Ой ли? Возьмешь режик, выйдешь в поле и... Эгегей, чудище — страшилище выходи на бой честный! — Веник засмеялся.

— Лучше ударить по тихому и в спину, пока не оборотился, — похоже Мартын всерьез задумался над этим вариантом, — Атам выпьет силу в одно касание, ну или хотя бы ослабит. У тебя есть атам? — он посмотрел на меня.

Я промолчала. Потому что атам у меня был, но... Кончики пальцев снова закололо. Жало Раады осталось в Серой цитадели. Мое жало...

— У старика вроде тоже был...

Раздался грохот, парень закончил фразу руганью.

Одновременно я почувствовала две вещи. Чужое присутствие возле дома, и секунду спустя, поняла, что это Семеныч. Он все-таки надумал вернуться, шел тяжело, и неохотно. Но шел.

Вторым оказалось почти осязаемое чувство присутствие, чего-то знакомого, чего-то почти родного...

Покалывание унялось. И я посмотрела на стоявший посреди комнаты туалетный столик. Туалетный столик Нинеи. Нет, не так. Мой столик. На опрокинутый стул, на собравшийся под его ножками половик, стоящего рядом парня и книгу, упавшую на пол.

На зеркале висела записка, наспех нацарапанная на обычном офисном листке бумаги. Одно слово.

"Убей"

До боли знакомый размашистый почерк. Разломанный в хлам ящик, но котором, я когда-то отвела душу, был собран и отреставрирован. Ничего не напоминало о событиях прошлого. Ничего кроме моей памяти.

Дверь открылась, и в комнату вошел хмурый староста.

— Седой ответил? — спросил Март, и сам же едва не возненавидел ту надежду, что прозвучала в его голосе.

— Ответил.

— Дайте угадаю, — проговорила я, делая шаг вперед, — Вы спросили, что делать, а он

ответил: "на ваше усмотрение"?

Одно слово на листе бумаги и собранный туалетный столик — других подтверждений мне не понадобилось.

— Да, — старик избегал моего взгляда.

К дому снова кто-то приблизился, на этот раз быстро, почти бегом, легкими уверенными шагами, Мартын обернулся к двери.

Я потянула на себя ящик. Все что мне надо лежало внутри. Все что я оставила в Серой цитадели. Почти все.

Серебряный кинжал в пару к стилету на запястье, шелковый платок с росписью, зеленоватое Жало, пузырек за которым влажно поблескивал песок и...

— У нас проблемы, — констатировал зашедший следом за стариком Константин.

— Еще? — скривился Март. — Может хоть очередность установим, еще с предыдущими не разобрались.

— Солнце садиться, — старший целитель указал в окно.

— Значит, скоро вернется ворий и... — начал староста, но мужчина его перебил, хотя мне так хотелось услышать, что будет после "и".

— Он не вернется, мы сами к нему выйдем, — вздохнул экспериментатор, — Ящер сидит у нашего дома. У нашего. — он перевел взгляд на сына, — Сидит и ждет.

Парень схватился за руку, за ту на которой была руна Простого.

— До заката я должен вернуться, — прошептал он.

— Плодотворно Картэн по соседям прогулялся, — констатировал показавшийся в дверях спальни Алексей.

Пашка тихо вздохнула.

— Значит, все кончено? — с тоской спросил парень.

— Нет, — отрезала я.

— Ольга, — попенял мне старик.

Я запустила руку в ящик и вытащила из нее две вещи. Атам и...

— Мы уберем дракона с вашего дома.

— Знаешь, как его убить? — спросил Веник.

— Хуже, — я повернулась в соседу, — Знаю как надеть на его намордник.

— Будете уходить, выключите свет, нечего просто так жечь, м прокричала бабка из спальни.

Через десять минут я вышла из дома, обе руки были заняты. Солнце нижним краем диска коснулось земли, окрасив деревья и дома в разные оттенки алого. Все еще пахло гарью, и любопытством. Оно словно масло обтекало меня со всех сторон. Густое, липкое. Все ждали, ждали развязки, смерти, не важно чьей.

Я быстро пересекла газон, переступила через тело, хотя могла и обойти, и обернулась, не смогла не обернуться. Левый глаз Радифа был полностью залит кровью, а второй... Второй черный, слезящийся, словно маслина которую окунули в рассол, следил за каждым моим движением. Он давно уж не дергался, лишь дрожь агонии иногда проходила по вдавленному в траву телу. Агонии, которая никак не могла закончиться. И была такой сладкой...

Я присела и поставила пластиковую бутылку на землю, жидкость качнулась, лизнув сперва одну стенку бутылки, потом вторую. Запах был слишком резкий, я чувствовала его даже сквозь плотно завинченную пробку. Но дыхание Радифа перебивало все остальное...

Времени почти не осталось, но просто так уйти было бы не правильно. Ольга — человек бы не ушла, даже не смотря на злость на этого бывшего вестника, несмотря на боль, его и мою. Даже если это ставило под угрозу весь план...

...- Что нужно делать? — падальщик поднялся с дивана.

— Сможешь достать бензин? Где-то здесь были спички...

— Я могу пойти с тобой, — вышел вперед феникс, — И обеспечить столько огня сколько потребуется.

— Нет, — я положила зеленоватый атам, взяла со стола коробок и посмотрела на соседа, — Слей из машины литра два в бутылку.

— Что ты придумала? Дракона не поджечь... — нахмурился староста.

— И не надо, — спички с шорохом перекатились внутри картонной коробки, я убрала коробок в задний карман, — Поджигать мы будем не дракона...

... Его одежда была покрыта грязью, он весь был покрыт, а может, уже сам был ею.

— Если выживешь, — я посмотрела на мужчину, — Найди нору поглубже и заползи подальше. Сюда не возвращайся, не лелей мечту выесть мне глаза чайной ложкой. Твой хозяин мертв.

По изломанному телу прошла дрожь, я не удержалась и провела пальцем по коже. На самом деле он пах замечательно, даже будучи почти покойником, хотелось отбросить все, наклониться и слизнуть кровь, лакать его агонию, словно изысканный деликатес. Раньше я очень боялась таких порывов. Но страх быстро пошел. Я знала, что не сделаю этого, хотя бы потому, что были те, кто этого ждал. Не сделаю, вопреки, назло. Истерика подростка? Прекрасно. Желание все сделать наоборот? Желания должны исполняться. Сейчас я была уверена только в этом. И том, что держала в правой руке, то, что не решалась положить на землю...

... - Март можешь создать карман? Пузырь, как тот, что был у вас в доме, только непроницаемый?

— Эээ... Не понимаю зачем это...

— Я могу создать, — вставил Константин

— Можешь? Или нет? — перебила я, продолжая смотреть на парня. — Не твой отец, а ты? Создать здесь, чтобы я могла взять его в руки, как... — я свела ладони, — Мяч. Чтобы не пройти сквозь него, а именно поднять? Чтобы никто не проник за его стенки, чтобы...

— Я понял-понял, — он почесал макушку, — Карман высокой плотности, непроницаемый, маленький. Могу, надо задействовать кровь, нет лучше лимфу, сделать его частью себя, но...

— Всегда есть "но", — покачала головой я.

— Не бывает ничего вечного. Я могу, но с моей смертью не станет и его. Нельзя умереть по частям.

— То, что надо.

— Объект? — парень стал закатывать руки.

Я разжала ладонь, в которой все еще держала, то, что достала из ящика столика. Вещь, которую нашла. Яркий огонь ласково коснулся пальцев, и прильнул к коже...

... - Фршъ, — выплюнул мне в лицо Радиф, правая рука дернулась и проскребла по земле.

Это все на что его хватило. Не слово, звук, злость, и сожаление. Не в том, что произошло, а в том, что мои глаза все еще на месте. Сейчас он был масом, пищей для остальных, и ничего не мог с этим поделать. А я не хотела.

— Мне не нужны дохлые рабы, — черный глаз шевельнулся и остановился на сфере в моих руках, сфере за которой бушевал огонь, — Живые тоже не нужны. Поэтому я сняла ошейник, поэтому не отдала тебя соседям. Поэтому, а не потому что пожалела. Сделай одолжение себе и мне — сдохни.

— Ольга, — позвал меня подошедший Веник, — Я могу просто убить его, не усложняй...

— Нет. — я повернулась к падальщику, — Слышишь...

...- Послушай, ты не сможешь его поджечь, — Алексей принялся к перу феникса в моих руках, — Его хозяин давно мертв.

— Я не смогу, — пальцы сжались на рукояти атама, — Но оно может. Как ты сказал? Предмет с оттиском души?

Феникс посмотрел на малахитовое лезвие, долго смотрел...пока не понял, что я задумала.

— Ольга, ты ненормальная...

... - Только дураки оставляют за спиной таких врагов. — падальщик покачал головой, — тебе даже не обязательно разрешать, просто не оглядывайся.

— В очередной раз отвернуться? — я скривилась, — Как же я устала от вашей доброты. — задев локтем бутылку, я ухватила восточника за короткие волосы и вздернула голову, резко, желая причинить боль, желая услышать как в горле булькает кровь и трещат позвонки, — Я хочу чтобы ты лежал тут долго, сколько выдержишь. Хочу чтобы понял, что значит быть беспомощным. И свободным. — улыбка тронула мои губы, — Хочу чтобы ты не знал, умрешь или выживешь, как я в Желтой цитадели. И заметь, я даже не буду снимать с тебя кожу. А потом, быть может, мы поговорим, если будет о чем.

Я разжала пальцы, и Радиф упал назад, зубы клацнули, черный глаз закатился, сосуды в глазнице лопнули, смятая грудь задрожала, ему никак не удавалось сделать вдох. Последний? Предпоследний? Хрип сменился шипением, едва слышным даже моему уху, и что-то изменилось в теле. Правое легкое вдруг собралось, сдулось, как сдувается проколотый воздушный шарик. На самом деле, это страшно, когда тебя предает не тот, кто стоит рядом с ножом в руке, а собственное тело.

Восточник судорожно сжал кулаки, загребая землю и едва замечая это. Я вместе с ним чувствовала взорвавшийся в груди ледяной шар, разлетевшийся миллионом иголок, боль пустоты... это было хорошо, сладко.

Я подхватила бутылку с бензином и поднялась.

— Хочу чтоб ты знал... Вы все знали. — я повысила голос, хотя это было и не обязательно...

... - Знаю, — ответила я, и посмотрела на Мартына, — Готов?

— Нет, — ответил он и кивнул.

Я с силой воткнула жало Раады в стол, прямо сквозь сверкающее перо. Огонь взметнулся по каменному лезвию, словно почувствовавший опору выюнок. Этот атам создавали для одной руки, и он помнил первую хозяйку, очень хорошо помнил. Даже люди запоминают своих первых, любовников или друзей.

Красный язык взлетел, касаясь рук...

— Не спать, — рывкнул Константин, толкая парня в плечо.

Глаза Марта зажглись магией, и пахнувшая влажным дождливым днем сила рванулась вперед, окружая пламя.

Стоя чуть позади, Константин коснулся руки сына, словно желая помочь или поддержать, провел ладонью по плечу, дотронулся до ключицы... заставив сына едва слышно охнуть. Заострившийся коготь вспорол ткань рубашки, кожу, погружаясь в плоть все глубже и глубже. Закапала кровь, и тут же остановилась сменившись прозрачной жидкостью. Она пахла... пахла парнем, его плотью. Лимфа — чистая влага организма, как называли ее в старину.

Несколько капель вдруг застыли в воздухе, отказываясь, впитываясь в одежду и потянулись к атому. Вытягиваясь и извиваясь, словно прозрачные пластиковые нити, словно... стежки. Я вздрогнула от пришедшего на ум сравнения.

— Ольга, — закричал парень, — Убирай нож...

... - Он мой. Не убирать! Не убивать! Не трогать! — Я обвела взглядом пустую улицу, с трудом проглотив фразу "прошу вас". Потому что нечисть просить нельзя, только требовать. — Этот покойник мой!

Я дернула плечом, в любой момент ожидая услышать смех. Искренний, подленький. Все еще ожидая, что во мне, в очередной раз увидят слабого человека...

... почувствовав внезапную слабость, я выдернула каменный клинок, и прозрачные нити опутали пламя, не давая ему рвануться следом, опутывая и опутывая подвижные язычки, словно кто-то наматывал на алый клубок невидимую пряжу. Наматывал до тех пор, пока огонь не оказался полностью заперт в сферу, закрыт за ее прозрачными стенками.

Парень выдохнул и покачнулся, отец тут же поставил ему плечо. Алексей попятился от стола, словно там сидела готовая в любой момент броситься гадюка. Он задел опрокинутый стул, еще больше смял половик. Он отступал до самого дивана, и в нем был не страх, в нем плескался самый настоящий ужас, сейчас, я бы легко перепутала его с человеком.

— Вы понимаете, что создали? — спросил он, падая на диван, — Что она создала?

Семеныч закрыл глаза, по лицу пробежала судорога.

— Не люблю сожалений, — поморщился Константин, — Они совершенно бесполезны.

— Если пламя мертвого феникса вырвется на свободу... — Алексей помотал головой, — Когда вырвется, его не остановит никто. Никто! Ни вы, не я, не Седой! Слышите? ...

... Он слышали. Слышали и молчали. Нечисти нет дела до чинов и званий, они уважают только силу. Чем страшнее, тем лучше. Они не упали ниц перед Великой, но не решались противоречить той, что держала в руках стихию. Она плескалась огненными волнами за стенками прозрачного пузыря, что создал Мартын.

Я ступила на стежку и обернулась, бросив взгляд на крыльцо. Они все стояли там.

Смотрели и, похоже, не знали, чего хотят больше остановить меня или станцевать от осознания сопричастности и предвкушения. Оно казалось приторным, и оседало на языке терпким послевкусием.

Радиф, который все никак не мог решить, стать ли ему удобрением или садовником, был все еще жив. Я посмотрела на Веника, стоявшего ближе всех, и едва не задохнулась от... от... Не знаю что было в его взгляде, на его лице. Больше всего это походило на восхищение, но скорей всего им не было. Одобрение? Возможно. Или бесшабашное предвкушение. Оно казалось, коснулось чего-то такого в глубине меня, чего-то давно мертвого и неосязаемого. Никто очень давно уже не смотрел на Ольгу Лесину так. Никто кроме...

... - Не говорил бы ты за Седого, — посоветовал фениксу Веник.

Под напряженными взглядами, я коснулась, прозрачной стенки сферы. Она была мягкой и хрупкой. Таким бывает начавший сдуваться воздушный шарик, тонкие стенки охотно поддавались под пальцами. Казалось если нажать чуть сильнее... Мягкая преграда за которой бушевало пламя толкнуло руку назад.

— А ворий? — шепотом спросила я. — Не может...

— Что? — нахмурился парень, — Проткнуть карман? Нет.

— Не проткнуть, а унести, спрятать, запереть в сундук, обмотать цепями и повесить на дерево?

— Объясни конкретнее, чего тебе надо, — попросил Константин, — Чтобы только дракон не мог коснуться его? Или чтоб не мог коснуться никто кроме тебя, не взирая на степень чешуйчатости?

— И меня, я его создатель, — добавил Март, и тихо пробормотал, — Словно мы о группе в ВК говорим.

— Этот стяжатель слишком легко заводит друзей, — сказал старик.

— Чтобы никто кроме нас не смог коснуться, ни унести его с места, на которое я его уставляю...

— Это правильно, что ты говоришь о нем, как о бомбе, — глухо сказал феникс поднимаясь с дивана, — А все ты! — он неожиданно ткнул пальцем в Семеныча...

...Было не важно, что я видела, что чувствовала. Важны лишь действия и результат. Я перехватила сферу и быстро зашагала к стежке. Солнце чуть ушло за горизонт, надо торопиться.

Больше я не оглядывалась. Шла вперед, мысленно прокручивая в голове дальнейшие действия. А дракон оставлялся там в Юково. Кот, засевший у мышеловки. Кот, который еще не знает, что где-то там, для него приготовили блюдечко с валерьянкой.

Центральная улица изогнулась, к дороге вплотную подступили деревья. Тягучим обещанием уже был слышен зов безвременья. Дорога всегда одна. Я сделала шаг в низ, погружаясь в туман...

...- Дай руку, — попросил Март.

Раньше я бы наверное подумала, или наотрез отказалась, что вряд ли повлияло на результат. Но вечером того безумного дня, я протянула парню ладонь. И не особо удивилась, когда его коготь чиркнул по запястью. Лишь кожу обожгло резкой болью и запахло кровью, такой знакомой, такой странной. Не сказать что вкусной и не сказать, что неприятной.

Никакой. Я испытала мимолетное желание лизнуть рану, но не потому что хотела попробовать алую жидкость на вкус. А потому что хотела закрыть порез, запечатать его...

Мужчины вздохнули, Веник с любопытством, старик нехотя, феникс зло, а Константин с ностальгией. Черный... бесцветный целитель уже пробовал мою кровь на вкус.

Мартын поднял испачканный палец и легонько коснулся мягкой словно игрушка сферы. На миг на прозрачной стенке висел его алый отпечаток, а потом полностью впитался, исчезнув и растворившись в непроницаемом пузыре.

— Что это? — я все-таки лизнула запястье. Кровь оказалась почти безвкусной, что даже немного разочаровало.

— Система идентификации, — ухмыльнулся Март, — В кармане наша с тобой кровь и никто не сможет даже сдвинуть его с места, — она посмотрела сперва на феникса, но тот отвернулся, потом на Веника, Семеныча... Староста, вняв молчаливой просьбе, вытянул руку и толкнул пузырь.

Алексий застонал, но сфера даже не качнулась. Ногти старосты с глухим стуком соприкоснулись с пузырем, пальцы согнулись, словно натолкнувшись на каменную преграду. Шар не сдвинулся ни на миллиметр.

— Здорово! — проговорила я.

— Не совсем, — ухмыльнулся Константин, взялся за столешницу и сдвинул сферу вместе с пузырем.

— Всегда есть подвох, — выругалась я и взяла мягкий огненный шар в руки, — В вашей тили-мили-трядии все подделка.

— Где? — не понял Март.

— Вряд ли мы имеем отношение к той, — Семеныч выделил голосом слово, — стране.

— Это уж точно. Вы не выдумка...

... такое веселье и наслаждение просто не могло быть подделкой. Хотелось раскинуть руки и танцевать на старой дороге. Где теряются люди и гаснут звуки. Хотелось смеяться, хотелось забыть о том, что оставлено за спиной и кричать от радости в окружающую хмарь. А ведь когда-то это место казалось мне страшным. И эта мысль такая простая и обыденная отрезвила меня. Я снова почувствовала в руках тяжесть пластиковой бутылки с бензином и невесомость огненного пузыря. Ощутила вес обязательств. Странно чем сильнее я становлюсь, тем больше их становится.

Стежка, вибрируя, убегала вперед, пресекаясь с другими, ныряла глубже и выныривала, словно нить неумелой мастерицы. Я даже не стала присаживаться и касаться земли, как первый раз, я так и осталась стоять с раскинутыми руками, и если бы кто-то мог увидеть меня в этот момент, то наверняка покрутил бы пальцем у виска или напал со спины, где я была сейчас уязвимее всего.

Сколько их всего было? Этих ныряющих подвижных нитей, связавших миры? Не знаю, никак не удавалось почувствовать их все, только по очереди, одну вторую, третью... Я перескакивала с тропинки на тропинку, как перескакивает возбужденный взгляд ребенка у лотка с мороженого с одного стаканчика на второй.

Нет, не то, не мой путь и вообще ничей.

Моя дорога лежала поверх всех остальных, дорога созданная вне правил или даже вопреки. Я потянулась к ней, не замечая, что сжимаю пальцы, и выгибаюсь всем телом.

— Алиса, — выдохнула я.

Не слово, лишь мысль. Зов.

Запела, откликаясь, нужная струна и где-то далеко-далеко от места где я стояла, девочка, почти уже девушка с белыми волосами вдруг замерла, прислушиваясь только к ей одной слышному голосу...

... я повернулась к выходу.

— Отдай мне, — перегородил мне путь феникс. — Отдай и я спрячу его так далеко, что никто никогда не найдет.

— Нет.

— Прекрати! — рявкнул Константин.

— Прекратить? А что будет, когда твой щенок сыграет в ящик? Об этом ты подумал?

— А ты уверен, что тебя к этому времени будет это волновать? — парировал целитель.

Алексий отступил и не найдя поддержки горько сказал:

— Надо было сразу скормить вас ворюю. А теперь из-за трех идиотов мы поставили под угрозу все! Всю...

— Тили-имили-тряндию? — иронично спросил Мартын, словно пробуя название на вкус, и оно ему определенно нравилось, хотя бы тоем, что бесило Алексия..

— Идиот, — покачал головой, — Молодой глупый, спасающий свою шкуру. С Ольгой тоже все понятно, она задумается о том, какую опасность выпустила в мир потом, кинется спасать, может, лишится головы... Но ты куда смотрел? — Он указал на старосту, — Ты битый жизнью ведьмак уже давно научившийся жертвовать частным ради, общего!

— А тебя ли давно на всеобщее благо потянуло? — скривился Константин, — Морфия не дать? Сразу отпустит.

— Какие же вы нелюди порывистые, иногда даже во вред. Допусти на миг мысль, что я вижу общее, — вздохнул Семеныч, — Иди Ольга, времени почти не осталось.

— Но... — Алексей нахмурился, — Не понимаю. Скажи только, что ты спрячешь это в такую дыру, что никто никогда...

— Уверю, — ответила я, подходя к двери, феникс уступил мне дорогу, — Я уберу это очень далеко, настолько, что даже сама потом не смогу достать...

...стежка уходила далеко. Бесконечно далеко в мир вечного лета, в мир, которого не должно было существовать. И все же Земля детей была порой более реальной, чем остальной мир.

Я вывалилась во влажную духоту острова безопасности, продолжая улыбаться, и наверняка напоминала со стороны умалишенную. Filii de terra — закрытая территория, люди и нелюди, желающие причинить боль и смерть ученикам, не могли попасть сюда. Манеж для наших деток, ограждающая от мира мягкая сетка...

Все чего я сейчас желала — это причинить боль. Но не детям. И стежка впустила меня, открыла дверь на остров чудес. Поздняя весна сменилась жарким летом, вечер — ночью. Сумрак деревьев казался прозрачным, он больше не пугал и не казался таинственным.

Из-за ближайшего дерева вышла девочка, почти девушка, распущенные волосы падали на плечи. Все-таки она подстриглась. Алиса шла бесшумно. Ни запаха, ни хруста веток, ни эмоций... Демон в закрытии, самый настораживающий признак из возможных. Она остановилась в двух шагах и принялась, как кошка, которая наткнулась на незнакомый предмет и спросила:

— Мама?

Знаете, это было похоже на удар. Не то, что она спросила, а как. С сомнением в голосе, с едва заметным прорывающимся рычанием. Я закрыла глаза и досчитала до трех. Ничего, все вернется. Я все верну...

— Да, Алиса.

Я могла бы свалить все на отсутствие материнского амулета, но... Вранье — это не то, чего я хотела в отношениях с дочерью.

— Это я.

— Странно, — она тряхнула головой и сменила тему. — Ты звала?

— Да. Поможешь мне?

Алиса склонила голову на бок, словно прислушивающийся к чему-то зверь, и меня тут же окутал знакомый запах сладости. Она раскрылась, застучало сердце, эмоции немного обескураживающие и настороженные окутали меня. По вкусу она напоминала нежное суфле, воздушное и сладкое, так и хотелось подойти ближе и вдохнуть такой родной запах.

— Да, — без колебаний ответила она, и это ее бездумное согласие согрело. Почти так же как объятия, — Что надо делать?

Я протянула ей бутылку с бензином.

— Поджечь библиотеку. Справишься?

— Сжечь совсем? Или симитировать?

— Умница, — не удержалась я, протягивая руку, но она отшатнулась... Больно, очень и, судя по гримасе дочери, скрыть это не удалось. — Идем, — голос дрогнул, — Времени мало.

В первый раз я шла рядом с дочерью рядом. А ощущала себя словно на другой планете. Словно нахожусь за тысячу километров от нее. Пару раз я поворачивала к ней голову и хотела сказать... спросить? Не знаю что, но нарушить тягостное молчание, она поворачивалась и я видела на ее лице тот же вопрос, потом надежду, потом разочарование. И я так и не смогла открыть рот.

Шли быстро, не оглядываясь и не заботясь о том, что нам могут увидеть. Библиотека показалась из-за деревьев спустя всего две минуты. Темная, закрытая, необитаемая, я не чувствовала внутри ни одного человека. Хорошо. Будь внутри хоть один ребенок, Мила не позволила бы упасть ни одной капле бензина.

— Она запер все, когда уходил, — поняв, о чем я думаю, сказала Алиса, — И сказал, что тот, чьи следы он учует по возвращении рядом с его пещерой, будет с месяц языком вылизывать ее стены. Языков жалко, да и учиться особо никто не жаждет.

— Держи, — я вытащила спички и протянула Алисе.

Она закатила глаза.

— Уж огонь то я добыть смогу... мама.

Последнее слово она выговорила словно через силу, но все же выговорила. И я была ей за это благодарна. Она тоже старалась, неуклюже и совсем не пряча разочарования, но все-таки.

— Разливай, — скомандовала я, — Подождешь, как только я выйду.

Даже не поворачивая головы, я знала, что она кивнула. Конечно, можно было все сделать самой, чего там трудного, разлить, да чиркнуть спичкой, но... Она нужна была мне здесь, и дело не только в том, что я хотела ее видеть, или именно в этом, но... Мне нужен был свидетель. Такой свидетель, на которого ворий не посмеет поднять лапу, а если посмеет, то без лапы и останется.

Ручка двери была прохладной на ощупь, что казалось, даже странным в этом царстве тепла. Библиотека была заперта, но я просто пнула дверь и она распахнулась. Навесной замок, повиснув на перекореженной планке ворота. Металл он и на Земле детей металл.

Подозреваю, со стороны это отдавало дешевым боевиком, но баланс сил изменился, и сейчас совсем не до удивления и молодцеватых жестов. Мне просто надо было внутрь. И я просто вошла, если бы мне вздумалось пробить эту деревяшку головой, я бы пробила.

В нос ударил резкий запах разливаемого бензина.

Внутри было темно, бесконечные ряды стеллажей уходили вглубь пещеры. Несколько секунд я стояла, вглядываясь во мрак, хотя больше всего мне хотелось зашвырнуть сферу между шкафов и завывать. Заорать в голос, от тоски и безнадежности. Алиса... что-то было не так, что там Кирилл перемудрил с моей душой и конечный результат не нравился дочери. Я не нравилась Алисе и даже такое простое и привычное слово, как "мама", она теперь произносила через силу.

Но я не закричала, не бросила сферу, не плюнула всех и вся... Я достала из кармана осколок стекла. Мышцы казались застывшими и деревянными. Нет, я двигалась легко и свободно, и только внутри своей головы слышала скрежет стигающихся суставов сломанной игрушки под названием "человек".

Осколок не осветил тьму ни снаружи, ни внутри меня. Сквозь него я видела размытые тени, стеллажей с книгами. Почти все они остались без изменений, знания заключенные в бумажную оправу страниц и выставленные, как солдаты на плацу. Только вот стены сменили теплое дерево на холодный необработанный камень. Это была не библиотека, это было логово хранителя, его пещера сокровищ.

Стеллажи вдоль стен превратились в каменные ниши. Высокие и низкие выемки, извилистые ходы воздухоотводов, потолки больше похожие на черные каменные зубы гигантского чудовища...

Я ухватила за ближайший стеллаж, поставила ногу на нижнюю полку, беззастенчиво пачкая старые и новые тома, подтянулась, заставив полку покачнуться, и положила мягкую сферу на каменный выступ. Смысла прятать не было, на своей территории ворий найдет все что угодно. Найдет, но с места не сдвинет, только если вместе с пещерой.

— Поджигай, — шепотом скомандовал я, спрыгивая на пол, стеклышко, ледышкой скользнув меж пальцами, вернулось в карман, и ноги коснулись уже дощатого пола библиотеки.

Пламя взметнулось вверх в тот миг, когда я сделала шаг за порог. Она все-таки помедлила, всего секунду, но эта секунда сказала мне больше слов. Больше взглядов, что мы бросили друг на друга. Казалось, она ждет чего-то, или даже надеется, вот-вот... сейчас. Ее ожидание было нетерпеливо ломким, каким-то рваным, словно она сама одергивала себя, но сдержаться не смогла.

— Алиса, — выдохнула я.

— Мама, — одновременно позвала она.

Наши слова столкнулись, ударились друг об друга и повисли в воздухе.

— Малыш...

Пламя взметнулось, ласково касаясь трубы водостока.

— Я убью отца, — горько проговорила она.

— Нет, Алис, — я подняла руку, — Отец тут не при чем...

— Не при чем? — она хохотнула, — Да ты даже не знаешь...

Он появился сверху, быстрый и темный словно призрак. Он мог быть совершенное бесшумным, когда хотел, когда делал что-то по настоящему важное. Ну, что стоило этой чешуйчатой твари повременить минуту?

Он упал на нас тенью закрывающей закатное небо. Алиса оскалилась. Я даже не подняла голову. Картэн не стал рычать, не стал топтаться лапами, изрыгать огонь, угрожать. На землю перед библиотекой приземлился человек, потерявший где-то бабкин фартук.

Молниеносное движение и его рука сомкнулась на моем горле. Я могла бы уклониться, или ударить мужчину по рукам. Но не стала. Два рычащих голоса смешались, тонкий высокий...

— Я тебе голову отверну ящер, — пообещала Алиса.

Низкий мужской...

— Убью...

И третий, новый, но не сказать что неожиданный...

— Прекратили! — за спиной хранителя знаний, между ним и Алисой появилась хранительница земли детей Мила. — Ольга, там где ты, всегда неприятности.

Я улыбнулась вопреки всему, вопреки его сжимающимся на шее рукам, вопреки собственным судорожным движениям, когда я пыталась отодрать его пальцы. Потому что ее фраза прозвучала хорошо, правильно в мире нечисти. Страх не было. Совсем.

Мила перехватила бросившуюся ко мне Алису.

— Твоя халупа сейчас сгорит, — выдохнула я, прямо в лицо с горящими малиновыми глазами.

Он вздрогнул, руки разжались, на миг землю снова накрыла тень ящера. Выдох зверя вместо огня принес собой прохладу, и огненные языки, весело танцевавшие по стене библиотеки, исчезли, а темная фигура скрылась в распахнутой двери.

— Зачем? — укоризненно спросила Мила, выпуская Алису, — Зачем вы его провоцируете?

— Никаких провокаций, — уверила я, и это было истинной правдой. — Обычный ультиматум, — я потерла рукой шею, боли не было, лишь легкий дискомфорт, в основном от чужого прикосновения, хотелось вымыть кожу с мылом.

Ворий появился в дверях, бледный и дрожащий, все тай же голый, но не скажу что жалкий, скорее разгневанный, хотя казалось куда уж больше. Мила не дала ему броситься ко мне, встав на дороге, и успокаивающе проговорила:

— Картен, мы все решим...

— Там внутри карман с пламенем феникса! В моем логове! В моей пещере! — он кричал, наступая на хранительницу, заставляя ее пятиться.

— Поздравляю с приобретением, — закатила глаза Алиса.

— Ну, давай, — подначила я его, — Отведи душу. Убей меня и Марта. Пашка, считай, мертва... Убей и карман на крови лопнет. Пламя феникса не погасишь, дунув посильнее.

— Серый волк, блин, — высказалась Алиса.

— Остановитесь! — снова закричала Мила.

— Знаешь, о чем я подумала, когда принесла его сюда? — он замер, смотря на меня поверх плеча девушки, — О том, что все хранители одинаковы. Да, Мила? Они живут только за счет того, что призваны охранять. Она, — я коснулась ее руки, — Умрет, если с земли детей уйдет последний ученик. Так ведь? — девушка молчала, — А ты, хранитель знаний? Ты умрешь, если спалить все твои книги, расплавить сокровища? Может, проверим? Давай

прямо сейчас, а?

Несколько секунд он смотрел на меня, а потом отступил, малиновые глаза потухли.

— Это еще не конец, — пообещал он, — Я найду этого феникса. Он получит от меня...

— Не старайся. Этот феникс мертв!

— Что? — ко мне с побелевшим лицом повернулась Мила, — Ты сошла с ума?

— Не знаю.

— Ольга, ты соображаешь, что сделала? Если с тем, на кого завязан пузырь, что-то случится, все сгорит к низшим! Ты... ты... тварь!

— Неужели — холодно спросила я, — А когда я спасала тебя и Игоря, особых возражений не было.

— Тогда речь шла о невинном ребенке! О младенце!

— И сейчас идет, — я улыбнулась Миле, — У Пашки тоже есть ребенок и даже не один. Скажи, в чем разница между ней и тобой? В том, что ты была человеком? Аи все остальные должны послушно дать себя сожрать ради вашего спокойствия? Или всеобщего блага? Тогда надо было и Игоря на алтарь положить, ради блага рода.

— Вы воры! — едва сдерживая себя, выкрикнул стяжатель.

— От вора слышу. Если это все претензии, то я, пожалуй, пойду. Мы не хотим видеть вашего стяжателя в Юкове. Никогда!

Я уже развернулась, уже пошла, когда вопрос, заданный в спину, спокойным тоном, так не вязавшимся с едва сдерживаемой и колючей яростью Картэна, заставил меня остановиться.

— Ты не любишь свою дочь.

— Что? — я развернулась, к стяжателю.

Мужчина пожал плечами и скрестил руки на груди, нагота его совершенно не смущала. Мало того, она не смущала никого, включая Алису.

Я поймала взгляд Алисы и поняла. в единый миг, глядя в серые бесцветные глаза, точно такие же как у ее отца, поняла, чего она ждала от меня все это время.

В два шага я оказалась рядом с дочерью, и не дав ей отстраниться, схватила за плечи и притянула к себе.

— Не смей верить в это!

— Не любишь, иначе никогда бы не притащила негасимое пламя туда, где она, — добавила Мила.

— Низшие, да если вспыхнет, запечатайте пещеру. Пусть ящер там со своими книжками коптится. Ради Великих, это же камень, он не горит!

— Я не могу позволить детям зайти туда, не могу допустить даже потенциальную опасность...

— Да мне плевать, организуете вы чтение на свежем воздухе и закупите все книги по новой. Плевать! — я почти кричала, прижимая к себе дочь, — Алиса, ты слышишь?

Она уперлась руками мне в грудь и отстранилась. Святые, ее глаза прямо напротив моих, как же быстро летит время, не в мире людей. Здесь!

— Раньше, — тихо проговорила она, — От тебя шло тепло. Оно было такое... — дочь зажмурилась, и меня окутало облако ее воспоминаний и ассоциаций. Стук сердца, тепло, безопасность, чуть горьковатый запах родной крови, покой. — А сейчас, — в голос вернулась горечь, — Ничего, лишь холод севера. Знакомый, но... совсем другой. — Она снова зажмурилась как в детстве.

— Алиса, посмотри на меня, — попросила я, — Я все исправлю. Обещаю.

Не открывая глаз, она замотала головой.

— Не получится, отец...

— Стоп. Сейчас с тобой говорю я. И я даю тебе слово, что все исправлю! Поняла? Только дай мне время.

Она открыла глаза.

— А если не получится? Если тепло не вернется?

— Мы говорили с тобой об этом, говорили о том, кто из нас готов отказаться от другого, только потому, что что-то изменилось, помнишь? — Алиса кивнула, — Подумай об этом.

— Хорошо, — серьезно кивнула она.

Я подняла взгляд на стоящую поодаль Милу.

— Я не забуду этого.

— Ольга, ты не понимаешь...

— Это ты не понимаешь. Но поймешь. Не сейчас, и не тогда, когда твой сын вырастет и покинет *filii de terra*. Ты поймешь, когда пройдут годы, и он умрет, как умирают все. А ты даже не будешь знать этого, не будешь знать, как это случилось где, не будешь знать, могла ли что-либо изменить или нет.

Я видела, как она побледнела, как аккуратное личико под шапкой темных волос сравнялось цветом со снегом, которого здесь не бывает.

— И чтобы изменить это, ты принесешь в жертву всех драконов своего острова, но это не поможет. Ты прикована навсегда.

Она просто растаяла в воздухе, не дав мне посмаковать запах ее боли.

— Я не сдамся, — пообещал ворий, исчезая за дверью со сломанным замком.

— Не ты один, — ответила я чистую правду.

А по дороге домой, на стежке, когда нервов касалось непрошенное веселье, от которого хотелось плакать, пришли воспоминания, далекие, страшные непрошенные...

...- Они не умеют любить, — сказала Тамария, — Но это даже не самой страшное. Самое страшное то, что, — Прекрасная опустила руку, браслет, состоявший из моих колечек, тихо звякнул. Она склонилась и прошептала несколько слов. — Самое страшное то, что твоя дочь тоже демон...

Алиса ведь никогда не говорила, что любит меня. Мне не нужны были ее слова. Я никогда не хотела быть матерью что-то просящей взамен. Не просила, но чувствовала? Или раньше моей любви хватало на двоих? Это было похоже на... тепло?

Может быть, но проблема была в том, что от моей дочери тепла тоже не шло. Демоны не умеют любить, такими их создали.

Все справедливо, только вот от этой справедливости хотелось завывать.

Вы играли когда-нибудь по-крупному? Ставили на кон все? Все, что было и все чего не было? Нет? Тогда вы не поймете меня, не поймете ту, что пошла ва-банк и проиграла.

Когда-то я оставила мир, уйдя вслед за дочерью. За своей любовью к ней и к нему... Любовью, от которой остались лишь воспоминания.

И самое противное, что сердце билось ровно, не разу не дав сбой.

Что такое сны? Наша память? Совесть? Подсознание? Часть души? Все вместе? Кто из философов и ученых не пытался найти ответ...

Я не пыталась. Я знала.

Она пришла ко мне во сне. Пришла словно незваная гостья, скромная молчаливая и красивая. Киу смотрела на меня печальными темными глазами и ничего не говорила. Даже в моем сне она не знала языка, хотя во снах можно все. Но ей и не надо было. Все было в глубине темных глаз. Обещание и боль.

Мне это даже нравилось. То, что не одной мне больно. Ночью я смотрела в ее раскосые глаза, а днем... Днем мне не было спасения. Я искала его в мыслях и в воспоминаниях, даже в картинках на стене. Наверное поэтому я встала и сорвала все плакаты один за другим.

Неужели это были мои мечты? Это же так просто встать, выйти из дома, сесть на поезд, самолет, автомобиль и поехать. Мечтать надо о том, чего не можешь добиться сама. О полете к Марсу или еще о какой глупости вроде любви.

Сорвала, скомкала и легла обратно на кровать. Смотреть на обои оказалось ничуть ни интереснее, чем на картинки.

— Собираешься вставать? — спросил вошедший Семеныч.

— Нет.

— Ты была странным человеком и стала странной Великой. Когда что-то происходит многие бегают кругами, а тебя каждый раз прибывает к кровати.

— Я тоже бегаю, когда есть надежда, а когда ее нет, какой смысл. Если вы пришли выяснить только это...

— Ты не отвечаешь на звонки, — он покосился на экран валявшегося на полу сотового. Новый телефон принес Мартын, стоял на том же месте, что сейчас старик и минут пять сетовал на то, что я не подхожу к стационарному. Трубку того брала бабка, а поболтать она любит, не важно с кем и о чем. Итог, у меня снова был сотовый, и он валялся на полу, время от времени весело моргая экраном, так как звук я отключила сразу.

— Не отвечаю, — не стала отрицать я.

— Выбираешь куда вбить крюк для петли? — он проследил за моим взглядом и не нашел на потолке ничего примечательного, — Сходи к Константину, он подберет не вызывающий аллергии яд без побочных эффектов.

— Обязательно, попрошу со вкусом апельсина, — я не повернула головы.

— Есть дело, — староста поднял телефон и бросил на подушку.

— У кого? — я положила руку под голову.

— У нас. Я хочу узнать, что случилось с Ефимом, — он вздохнул, — Хранители исчезают не в первый раз. Охраняющий Поберково тоже исчез, когда стежка перешла от севера под сень запада. Просто взял и испарился. Ты слушаешь?

— Нет.

— Отлично. Вспомни, что у нас рядом с Поберково? Чистые источники.

— Вы хотите поговорить с Максудом хранителем Кошухино, вдруг он что-то знает о ближайшем соседе, — поняла я. — Зря. Хранитель стежки исчез, потому что западники вырезали все население.

— Нет. Есть данные, что хранитель исчез раньше, опоры пытались его призвать во время схватки...

— Ясно, — прервала я.

— Собирайся, — неверно истолковал мои реплики Семеныч, — Хватит, ты вгоняешь в тоску пол стежки, они скоро, проходя мимо твоего дома, подвывать начнут.

— У вас есть дети? — спросила я.

— Нет.

Я повернула голову и посмотрела на старика, впервые он сказал что-то интересное.

— Вы соврали.

Ложь всегда отличается от правды. Она слышится в более высокой частоте звуков, почти не заметной человеческому уху, в крошечной паузе, которую берет тот, кто собирается соврать между вдохом и первым слово лжи.

— Соврал, — не стал отнекиваться староста, — Но дети не самая безопасная тема, скорее слабость. Надеюсь, ты понимаешь, почему я не хочу распространяться.

— Понимаю. А вы должны понять меня. К Максуду пошлите Веника. Или баюна, — ; снова посмотрела на потолок, — Или Сеньку, или...

— Ты не поедешь, — констатировал старик, — И я больше не могу тебе приказывать.

— Вы сегодня на удивление проницательны.

— Ольга, это не дело!

— Знаю.

— Низшие, ты даже не споришь, — он поднял руки, — Ладно, я попытался.

Дверь захлопнулась и я закрыла глаза, не хотелось даже двигаться, не то, что думать и разговаривать. В гостиной снова зазвонил телефон, послышался веселый голос моей бабки, она зачитывала рецепт кабачковой икры собеседнику, хотел он того или нет.

Киу вернулась ночью. И снова это выжидающее бездействие. Я не имела ничего против, ее глаза вытеснили хреновые мысли об обещании, которое я дала дочери, но понятия не имела, как его выполнить. Наорочи Простого напоминала мне о другом обязательстве.

На третий день звонки прекратились, видимо все запаслись рецептами на год вперед и ушли готовить. Изменился и сон. Вернее начинался он как обычно, с печальных раскосых глаз. Я не избегала ее взгляда, его темнота завораживала, затягивала. Полные губы приоткрылись, и я вдруг поняла, что, в моих руках что-то есть. Опустила голову и без удивления увидела, что держу кольца доспеха Тира в одной руке и засохшую кость в другой.

— Ты не оригинальна, — проговорила я, поднимая глаза...

... Напротив меня уже стояла не Киу. Там стояла Алиса. А потом изображение качнулось, вызывая мимолетное головокружение, и я поняла, что смотрю в зеркало. Поняла, когда белые волосы упали на лицо. Мое и одновременно с этим не мое отражение улыбнулось, знакомо и немного лукаво. Алиса в зеркале поднесла кость к доспеху, и я почувствовала, как движутся мои руки.

— Нет, — прошептала я и губы отражения шевельнулись, но останки павшего ошера продолжали приближаться к железу, — Нет! Алиса, нет! — закричала я...

И проснулась. В горле все еще клокотал крик. Вокруг царила серая темнота, свет месяца заглядывал в окно, просеиваясь сквозь сито ажурных занавесок. Я прислушалась, бабки дома не было, кстати, не в первый раз.

Я встала, подошла к шкафу, в большом зеркале отражалась серая, словно присыпанная пеплом фигура. Слава Великим, изображение принадлежало мне и пока не собиралось меняться. Волосы спутались после сна и торчали во все стороны, светло карие глаза, курносый нос, горькая складка у рта. Лямка майки упала на плечо, кажется я похудела, всю жизнь мечтала... Какие же глупые у меня мечты.

— А ты умеешь уговаривать, Киу, — пробормотала я, открывая шкаф и вынимая штаны. Прозвучавший в пустом доме тихий смех никак не мог быть настоящим.

Ручка магнитолы была вывернута на максимум, но громкая музыка не заглушала мысли. Я нажала на педаль газа, и черный внедорожник, взревев двигателем, рванулся вперед. ВЫ не раз видели такие на дороге, полностью тонированные и басы бьют так, что дребезжат стекла окрестных домов. Вполне возможно, что внутри не придурки, у которых давно вытекли мозги, вполне возможно, что внутри человек, которому некуда бежать от мыслей или собственной совести.

Выйдя из дома час назад, и вспомнив дорогу сквозь холмы, я взяла машину Кирилла, моя шкура застряла бы на первом же ухабе. Ехала и старательно гнала мысль, о том, что очень уж удачно внедорожник оказалась в моем огороде... Мысль отдавала сумасшествием, потому что, что я сама взяла автомобиль из гаража Кирилла, а Седой не забрал. Теперь я везде видела заговоры, даже там где их не было.

Я сжала пальцы, серебряный стилет стукнулся о руль, его старший брат висел на поясе, а на соседнем сиденье, лежал старый доспех и кость. Да хозяин Севера позаботился, чтобы все мои вещи вернулись ко мне, дальновидный он у нас. Я поняла, что смеюсь...

Дело казалось простым добраться до Заячьего Холма, найти отмеченную кругом на надгробии могилу и прикопать недостающие части тела, по которым видимо тоскует покойник. Обернусь за день и снова могу считать закорючки на обоях в спальне. А все потому, что я хоть и стала нечистой, но так до сих пор и не нашла своего места в Тилимили-трндии...

Прошрое мое посещение Заячьего холма закончилось пожаром, нападением гарх и смертью половины населения. Остальных спас чистый источник...

Ивановская трасса походила на тронутую лишаем кожу, с проплешинами, рытвинами и трещинами. Ночная дорога была пустынна, два раза я чувствовала приближение переходов, но они ныряли вглубь не доходя до дороги. Темный лес надежно хранил свои секреты. Светлыми пятнами мелькали яркие вывески придорожных заведений — "Тихий Хутор", "Трактир на Козьей ноге". Они манили к себе ночных бродяг вроде меня, запахом шашлыка и зоной свободного вай-фая.

Прошло три года, или три месяца, все зависит от того с какой стороны стежки смотреть. Я могу проехать по этой дороге лет через пять, десять, сто, если здесь все еще будет эта дорога. Есть вещи вечные, есть однодневки...

Мысли снова вернулись к Алисе, к ее словам, к теплу, которого больше не было.

— Хорошо, — рывкнула я и выключила бесполезную музыку.

Иногда убежать от себя просто не получается. И остается только один способ избавиться от мыслей — поддаться им. Обдумать, раз за разом прокручивая их в своей голове до тошноты, до иступления, как бы хреново не было, и чтобы не ждало в конце этого пути.

Автомобиль, выехавший навстречу на миг ослепил меня фарами, но уже через секунду дальний свет сменился ближним.

Итак, что же произошло? Я потеряла тепло? А что такое "тепло"? Любовь? Но разве я не люблю свою дочь? Разве я разучилась чувствовать? Ведь если оглянуться назад, к тому самому моменту, как Кирилл забрал мою душу, разве мне стало все безразлично? Нет, напротив, стоило вспомнить Прекрасную, как руки сжимались в кулаки. И дело не в том, что

я еду сквозь ночь, а она наверняка валяется на простынях Кирилла. Вернее не только в этом. Она владеет информацией, она была с ним с самого начала, и наверняка останется после... Во мне снова поднялась злость.

Я ругалась, негодовала, ненавидела, глотала горечь. Я помню терпкость чужой крови, сладость агонии и веселое сумасшествие перехода. Это ли не чувства? Они самые, только знаком минус.

Что значит любить? Есть этому определение четкое и понятное? Еще один философский вопрос. Подойдем с другой стороны. Сравним "тогда" и "сейчас"

Если сейчас из filii de terra пропадут дети, брошусь ли я туда сломя голову?

Нет

А если представить, что на остров детей отправили охотника за головой моей дочери?

Опять — нет, остров его просто не впустит.

Хорошо, пусть будет другой ученик угрожающий дочери, пусть я буду знать это совершенно точно, не важно как... И в третий раз ответ — нет. Демона убить очень сложно.

А ведь когда-то для меня было достаточно только одной возможности, чтобы броситься на амбразуру. Сейчас все это заменила логика, и мне, почему не кажется это плохим.

Тогда куда я сорвалась ночью? Куда бросилась после всего лишь одного не внятного сна. Ведь опасности нет?

Но стоило снова вспомнить, как Алиса собирает артефакт, как сердце резанула боль, острыми крючьями рвущая на части, ведь неудачи детей всегда бьют более чем собственные.

Я рассмеялась, на этот раз от облегчения. Пока есть эта боль, еще не все потеряно. Я видела, как Константин смотрел на Пашку, как Веник защищал сына. Нечисть умеет любить, пусть их любовь хреново пахнет. Главное, что она есть. Тепло есть, оно никуда не ушло, просто сейчас я могу испытывать только негатив, только холод. Кто-то переключил мой внутренний тумблер с плюса на минус.

Машину тряхнуло, Иваново я миновало час назад, справа тянулись поля, небо начало светлеть. С густой укутанной туманом травы взлетела стайка воробьев. Мир продолжал жить день за днем, час за часом. Ведь если задуматься, я здесь как раз из-за любви. Из-за любви Киу к войну-ошеру, чья кость лежала на соседнем сиденье. Из-за любви Простого, не сумевшего отпустить чужую женщину. Так что рано отчаиваться, вот когда эта любовь приведет меня к очередному идиотизму, тогда и будем думать.

Трасса Р71 привела меня в Ковров поздним утром двадцать третьего июля две тысячи тринадцатого года. Или уже четырнадцатого? На стежке время не шло, оно летело, словно экспресс, с которого уже нельзя было сойти.

Дорожный знак при въезде рекомендовал сбросить скорость до сорока километров в час. Пришлось последовать рекомендации, хотя внедорожнику дорога со слезшим асфальтом не особо мешала. Я остановилась, чтобы заправиться и выпить кофе, собрала дюжину любопытных взглядов. Ковров лежит в стороне от туристических маршрутов, скорее это край охоты, а я на охотника вряд ли тянула.

"Нехорошие холмы", как называли равнину за городом местные, навевали тоску. Ямы, ухабы, овраг, в который я чуть не загнала машину, странное место даже по меркам нечисти, тут запрещена охота на людей, тут нашли выход на поверхность три чистых источника: Поберково, Кошухино, Заячий холм — задворки мира, глухой угол, о котором мало кто слышал, о котором мало кто знал. Источники — камни преткновения пределов, можно сказать оружие массового поражения, текущая вода, что смывает все навешанное извне, все

наносное.

Я почувствовала приближение перехода и сбросила скорость и так едва державшуюся около сорока. Перед моими глазами все еще стояло прошлое, полупрозрачной картинкой накладывающееся на настоящее. В прошлый раз нас привез сюда джип. Жив ли он еще? Сгинул ли в застенках Желтой цитадели? Или развлекает нового хозяина, притворяющегося старым?

Переход манил меня запахом свежей травы и звонкими веселыми голосами, которые никто не слышал, и красными, горящими во тьме глазами. Дорога сделал поворот и я нажала на тормоз. Отсюда начиналась узкая уходящая вверх тропа, и здесь же прямо у меня под ногами дрожала в ожидании того, когда на нее вступят, струна перехода...

Проблема была в том, что даже внедорожник по ней не прошел бы. Я чертыхнулась. На улицах Заячьего холма были автомобили, а это значит, был другой въезда стежку, но я его не знала. И не видела. Не видела? А ведь это идея...

Я вышла из машины, и присев, коснулась земли. Переход приветствовал меня победным перебором струн, он ждал, ему хотелось, чтобы на него вступили. Я закрыла глаза и "течение" подхватило меня, унося далеко вперед, на узкие улочки Заячьего холма, протащило мимо деревьев великанов, пол которыми были зарыты старые кости, и еще дальше, туда, где стежка снова выныривала в мир людей... Я сжала руку, подхватывая нить перехода. Она послушно скользнула в ладонь, готовая к чему угодно, но... совсем не к тому, чему нужно.

Я видела другой переход в Заячий холм, но не могла понять, где он находится. К моей способности совершенно не прилагалось ни навигатора, ни координатной сетки, ни пресловутого чувства направления. Хотя, я понимала, что выныривает стежка где-то на западе, но, в этих холмах можно кружить до бесконечности, стараясь услышать знакомый перебор струн и наткнуться на незнакомый. Стежек тут было три.

Переход лежащий передо мной все еще оставался узкой тропой, идущей сквозь заросли. Путь всегда один, даже для той, что научилась передвигать стрелки.

От неожиданности, пальцы разжались, позволяя невидимой нити лечь обратно под ноги. Поднявшись, я сделал пару шагов назад, пока не уперлась спиной в машину и... не захохотала, как умалишенная. Я смеялась, пока по лицу не потекли слезы.

Нужен эмоциональный плюс? Вот он, не даром же говорят, смех продлевает жизнь. Я потратила несколько часов на дорогу! Низшие! Я проснулась среди ночи и рванула в холмы, хотя могла оказаться здесь всего через несколько минут, просто войдя в переход у Юкова, и сменив нить. Я все еще оставалась человеком. По меркам Великих, я, наверняка, ползала на четвереньках, вместо того, чтобы выпрямиться, встать на две, не говоря уже о том, чтобы взять в руку палку. Эволюция...

Я вытерла лицо, взяла с переднего сиденья артефакт, достала из багажника рюкзак, лопату, которую в пору называть большим совком, и щелкнула брелком сигнализации. Психу, забравшему эту машину, придется самому объяснять хозяину, что взял точилу минут на пять, девочек покатасть.

Дорога в гору сквозь кусты калины, и первое холодное щупальце тумана коснулось ног. В голове снова поселилось бесшабашное веселье.

Святые, как же здесь здорово, как же хорошо и весело, здесь каждый может излучать тепло...

Не голоса в голове, а только ощущения. Ощущения того, чего так мало в мире нечисти. Ощущения со знаком плюс.

Середина лета, цветы качали белыми шапками. Струна стежки извиваясь ложилась под ноги. Звуки замолкли, сменившись веселым любопытством.

Безвременье раньше такое жестокое, теперь показало, что может быть добрым, что у всего есть другая сторона, с первого взгляда невидимая.

Я тряхнула головой. Чьи это мысли? Мои? Или *non sit tempus*? Очень хотелось сбросить рюкзак и, рассмеявшись прогуляться в темноту, это точно будет лучше того, что твориться в реальной жизни.

Оголенных нервов коснулась первая волна удовольствия, так хотелось ему поддаться и на миг позволить себе погрузиться в него с головой. Тут было много тепла... Хотелось смеяться.

Тропа шедшая в гору вдруг исчезла, я ступила в провал... И мир кувырнулся, словно что-то схватило меня за плечо и потащило вперед, ломая ветки кустов. Не удержавшись на ногах, я грохнулась в туман, загребая его ботинками. Потому что это "что-то" не остановилось, волоча меня за собой.

Я вцепилась в землю, в ту землю, которой здесь больше не существовало, в невидимую, скрытую белой пеленой твердь, и почувствовала как камни и песчинки впиваются в ладони, забиваясь под ногти. Почувствовала и рассмеялась. Рука с рюкзаком и предплечье по локоть ушли безвременье. Во второй ладони вместе с землей пульсировала нить перехода, билась словно живая...

Если бы меня сразу бросило в бок, то я бы уже во всю веселилась бы в *non sit tempus*, но меня потащило чуть наискосок вперед. И это тоже было весело. Ладони в темноте что-то коснулось, что-то упругое и податливое. В тумане зажглись два алых глаза и тут же погасли.

Я приподнялась и с дурацкой улыбкой потянула на себя сползшую лямку рюкзака. Казалось, что внутри него лежала железная болванка, а где-то там, в темноте, стоял магнит. Большой сильный, но все же не такой, чтобы я не могла противостоять силе притяжения. Падение и последующее за ним движение произошли скорее от неожиданности. Я много ждала от безвременья, но не такого настойчивого приглашения, раньше он предпочитало ласку и уговоры, сейчас же... Я дернула рюкзак, подтащила к себе и села. Качающиеся ветки кустов задевали макушку.

Молния разошлась с тихим прерывистым звуком. Лопатка стукнулась о кольца доспеха. Неподвижного и равнодушного к песне перехода доспеха. Я почувствовала веселое внимание и повернулась, в клубящемся за ветками темной тумане зажглись алые глаза, кому-то было столь же любопытно, как и мне. Внутри все потеплело от этого осязаемого сродства, захотелось протянуть руку в безвременье и коснуться... Да что там, захотелось нырнуть с головой и окунуться в пробегающее по кончикам нервов удовольствие. Удовольствие на грани истомы, на грани взрыва, когда каждую клеточку тела щекочет сладость...

Рюкзак дернулся в моих руках, выводя из состояния предвкушения. Доспех был холоден и равнодушен, зато старая кость прижималась к стенке рюкзака, увлекающая его и меня за собой. Кость та самая железка, что так стремиться к магниту. Я посмотрела в туман. А что же тогда магнит? Могила Тира?

Алые глаза в тумане исчезли. Все еще продолжая улыбаться, я коснулась пальцем кости, наверное, впервые осознано, а не по необходимости, дотронулась до части артефакта. Он был похож на гудящий и дрожащий бок старого холодильника. И в тот миг, когда колебания

прошли сквозь палец, заставляя вибрировать челюсти, черная ткань рюкзака опала, кость скатилась на дно, снова став всего лишь обычными останками, когда-то умершего человека.

Безвременье вздохнуло! Нет, не так. Безвременье вздохнуло, выгнулось, застонало, застонало разными голосами, словно оставленная любимым женщина. Каплями слез стек на стежку туман, перебор струн, который, я слышала у себя в голове вдруг сбился, сменил тональность, перемежая мелодию фальшивыми высоким нотами. Качнулись, хлестая по лицу, ветки кустов, темнота сгустилась, схлопнулась, поглощая дорогу, нить перехода приподнялась, изогнулась петлей и стегнула по безвременью. Мир мигнул и...

Все. Стежка легла под ноги, и запела чисто-чисто, туман поднялся в воздух. Тьма снова отступила по краям обтекая нить, как изоляция покрывает медный провод под напряжением. Словно кто-то покрутил на старом телевизоре рукоятки громкости и яркости.

— И это все? — рассмеялась я, чувствуя, как привычное, низшие, уже привычное, удовольствие наждаком прошлось по коже, — Конец света отменяется?

Я поднялась, прижимая к себе рюкзак, встретила взглядом с испуганными алыми глазами за границей тьмы. Очень испуганными, что, насмешило меня еще больше. Опынение перехода, так и осталось опынением терпким и бесшабашным. Я застегнула молнию, накинула лямку на плечо и, понимая, что тяну время, проговорила:

— Потерпи, — я похлопала по черной ткани и с неохотой сделала первый шаг.

Голубого гостевого дома у подножия холма не было, он исчез в зареве того пожара, и брежатый не стерег вход в Заячий холм, и в его руках не было хрупкого хрустального колокольчика. Никого не было, только пустая тропа.

Я спускалась, разглядывая стволы-великаны, дома, выстроенные на месте пожарищ и высокий холм, на котором бил чистый источник. Улицы были прямыми, словно вычерченными по линейке, на меня оглядывались. Старая карка, плюнула прямо под ноги, молодой человек издевательски поклонился, в нос ударил запах сгоревшего молока... лгун. Маленькая девочка с косичками и розовыми бантами разревелась. Один молодой ведьмак остановился, провожая меня взглядом, а потом вдруг сорвался с места и побежал, от него оглушающе разило страхом и радостью. Он словно стоял на краю гигантской ямы и знал, что вот-вот туда спрыгнет. Знал, боялся и был в восторге от неизвестности, ждавшей на дне. Ибо там сидел волк.

Чудно меня встречают, с душой. Как бы не расплакаться.

Парк-на-костях совсем не пострадал от пожара, огонь так и не решился переступить его границы, пройти по хрустящим гранитным дорожкам, подпалить кору шумящих листвой гигантов, раскалить металл скамеек, на которых никто не сидит, лизнуть покосившиеся каменные надгробия...

Я остановилась у первой линии, спину буравили чужие взгляды, так зрители в зоопарке смотрят на особо экзотичного зверя. Видимо придется привыкнуть... но как же от них чесалась спина, хотелось обернуться и рявкнуть, чтобы занимались своими делами. Человеком быть намного проще.

Первое надгробие вросло в землю наискосок, второе лежало на земле. Знаки на раскрошившейся поверхности просматривались очень смутно. Стрелочка, перевернутая буква "П", кружок. Я присела и присела с камня грязь... не кружок, всего лишь овал.

Два раза мне попадись крестики, один раз круг и куча других непонятных символов. Я соскребала мох со старых камней, каждый раз надеясь на чудо, но оно каждый раз

откладывалось. Одна из могил ближе к восточному краю парка так просела, что мне пришлось соскребать с камня землю и выкапывать весело качающиеся желтыми головками одуванчики. На последнее надгробие, тоже давно лежащее на земле, я села и вытянула ноги, задрала голову и посмотрела на голубое небо. Макушки высоких деревьев качались, вызывая легкое головокружение. Простая задачка обрастала неожиданными трудностями. Могилы отмеченной крестом и кругом здесь не было.

Велик соблазн прикопать артефакт прямо здесь на краю кладбища и пусть мертвые сами разбираются... Но я знала, что не могу так поступить. И дело не в совести, и не в обещании. Дело в том, чем может обернуться такой поступок, Киу была очень лаконична в том сне. Если не я, то Алиса.

— Слав, — продолжая смотреть на небо, тихо позвала я хранителя Заячьего холма, — Слав, я знаю, ты меня слышишь. Ты слышишь всех на своей стежке, но...

Я почувствовала его появление за секунду до того как опустила голову и увидела. Это было похоже на... не знаю на что. Только что я была одна, а спустя мгновение рецепторов коснулось ощущение чужого присутствия. Будто делаешь шаг в темноте и знаешь, что вот-вот наткнешься на стенку, на препятствие, на что-то или кого-то, и даже ждешь этого.

— Но не ко всем прихожу, Великая — закончил за меня лысый мужчина, с оттопыренными ушами, замшевая жилетка и пожелтевшая рубашка старомодного покроя, еще один замерший на границе жизни и смерти человек, еще один человек с остановившимся сердцем. И хоть он пафосно произнес это "великая", за этим слово чувствовалось странное напряжение.

— Я оценила оказанную честь, — подхватив рюкзак и лопатку, я встала. — Мне нужна могила, отмеченная крестом в круге, захоронение Тира, одного из ошеров Великих.

— Зачем? — он поднял брови, и кожа на лбу собралась складками.

— Вернуть ему недостающую деталь, — я встряхнула рюкзаком.

— Ничем не могу помочь, — мужчина которому на вид было не больше сорока лет, посмотрел вдаль, — Жаль.

— Вы врете, — буднично заметила я, но хранитель не ответил, уходя так же беззвучно, как и появился. — Значит, мы пойдем другим путем, — резюмировала я, снова оставшись в одиночестве, и зашагала по хрустящей гравийной дорожке.

С чего начинаются любые поиски? Любой в нашей тили-мили-трындии ответил бы, что с расспросов. С очень жестких и сладких допросов, когда один мурлыча спрашивает, а второй плюясь кровью отвечает.

Я вышла на длинную улицу, к которой примыкал Парк-на-костях, оскалилась и одним стремительным движением скользнула в придорожные кусты акации. Оттуда несло любопытством и патокой. Так сладко могут пахнуть только дети, они не думают о последствиях и редко испытывают страх. Чаще испуг.

Вот и сейчас, изменяющийся — мальчик лет шести в перемазанной землей рубашке вздрогнул, когда я ухватила его за руку, попытался вырваться и клацнул зубами так, что мне пришлось бросить рюкзак и схватить упирающегося звереныша за шею, впиваясь ногтями в кожу и вытащить на тротуар.

Пацан посмотрел на меня огромными голубыми глазами и вдруг заревел, громко с надрывом, от всей своей отчаявшейся души. Взгляды все еще сверлившие спину, мгновенно сменились с лениво — любопытствующих на тревожные. Дети они и на стежке дети, слишком ценный товар, чтобы разбрасываться понапрасну.

— Чего ревешь? — спросила я, выпуская тоненькую шейку, которую так легко переломить одним неловким или наоборот слишком ловким движением.

— Ааа, — ответил мальчишка, понял, что свободен, отбежал на два шага, остановился, и вытер лицо рукавом, красноречиво всхлипывая.

— Чего орешь? — повторила я, — Когда подглядываешь, будь готов огрести по ушам.

— А-ага, — на распев проговорил оборотень и спросил, — А вы меня не съедите?

— Еще не решила, — ответила я, он нерешительно заулыбался, безошибочно уловив в словах иронию, — Бабка говорила, что Великие, съедали по дюжине детей на завтрак.

— И ты тут же побежал за мной следить? Очень хотелось умно — он отвел глаза, — Бабку слушать надо, — я покачала головой, — Предлагаю сделку, я не съем тебя на завтрак, а ты покажешь мне, где живет староста?

Вместо ответа мальчишка фыркнул и сделал еще один опасливый шаг назад. А потом еще один...

— Третий дом от центрального перекрестка, большой с синей крышей — прокричал он уже на бегу и добавил, — А мама говорит, что я невкусный!

— Ну, раз мама говорит, — вытащила из кустов рюкзак, — Маму тоже надо слушать, но я бы на твоём месте не проверяла.

Дом у старосты Заячьего холма был основательный и... новый. Прежний, видимо исчез в бушевавшем пожаре. Или главу стежки обуяла тяга прекрасному. Построенный из цельных бревен цвета меда, с террасой, узкими пластиковыми окошками и массивной железной дверью, он больше напоминал баню, чем жилой дом. Полтора этажа, так я называла дома, у которых на чердаке была полноценная комната... полтора этажа под непривычной синей черепицей, захочешь не пройдешь мимо.

Стежка мелодично пружинила под ногами, я поняла, что ощущаю ее без всякого усилия, без старания и сосредоточенности, словно слышу играющее в отдалении радио и... Знаете, сейчас на детских площадках землю закрывают такими прорезиненными ковриками или плитками, видимо из соображений безопасности, а раньше просто асфальтировали, видимо из тех же соображений? Суть в том, что именно так ощущала нить перехода идущую вдоль центральной линии, как пружинящую дорогу под ботинками.

Железная дверь была не заперта, из-за нее тянуло тревожным любопытством. Черная труба дома напротив изрыгала черный маслянистый дым, пахло прахом. Я не очень хотела знать, что закидывали в печь за серыми стенами.

Я вошла, безошибочно следуя за стуком чужого сердца. Меня ждали, надеялись и злились, последнее яснее всего чувствовалось в коридоре, обклеенном бежевыми обоями, в мятном освежителе воздуха. Она ждала меня в гостиной, так напоминавшей просторную комнату времен моего детства в деревне у бабушки. Диван, стол, со скатертью, кресло напротив телевизора, чашки в серванте, шарик люстры под потолком. Заячий холм — деревня, а передо мной на диване сидела именно бабушка, выглядевшая как полноватая женщина, которая едва разменяла пятый десяток, чуть жмуций в груди костюм, высокая прическа — вылитая зауч нашей школы.

— Добро пожаловать, — натянуто произнесла она и не менее натянуто добавила, — Великая.

— Правда? — удивилась я, — А по виду не скажешь. Но спасибо на добром слове. — меня так и тянуло на манер моей бабки поклониться в пояс, но я смогла сдержаться.

Белые занавески на окне шевельнулись, я увидела, как к дому подошел "дедок" в кепке,

следом женщина с корзиной.

— Что вам у нас надо?

— В прошлый раз вы не спрашивали. — я вспомнила нашу краткую встречу у источника, запах дыма, что шел от соседнего дома, очень напоминал тот.

— В прошлый раз у нас приходила человеческая игрушка Седого, а сейчас...

— Что? — обернулась я, — Нечеловеческая игрушка? Не игрушка?

— Великая.

В ее устах это слово прозвучало прерывисто, "вели...ая" будто она споткнулась и проглотила букву "к", у нас девушки с завода так же о директоре говорили.

— Мне нужна могила, помеченная кругом и крестом, могила ошера Тира, которого похоронила здесь Киу, если это о чем-нибудь вам говорит. Я закопаю недостающие части тела бедолаги и уеду.

Женщина посмотрела в окно, меня коснулось ее сожаление. И решимость.

— Я не знаю, что вы ищите.

— Вранье, знаете. Ваш хранитель знает и даже они, — я ткнула пальцем в окно, где только что подошедший молодой парень в кепке, задумчиво, один за одним, обдирает листики с куста сирени, — знают. И думаю, цена за это знание не окажется непомерно велика.

— Думаете? — он подняла подведенные черным брови, — Что они запросят? В лучшем случае разрешение на охоту.

— В худшем, вы хотите сказать?

— Расплатиться за счет кого-то другого? — она напряженно улыбнулась, — В лучшем. В худшем они потребуют чего-то от вас, вернее от Седого. Вы можете давать обещания от его имени?

— Тогда я разрешу охоту, — я дернула головой, отворачиваясь от окна, перед домом уже стояло человек семь.

— Охоту на незнакомого человека, мужчину, женщину, ребенка? Теперь уже врете вы.

— Туше, — я села напротив ведьмы в кресло.

— Уезжайте.

— Уеду, — согласилась я и увидела, как брови поползли вверх, в моем слове не было ни грамма лжи, — Если убедите меня, что это на самом деле лучше. Неспроста же вы все дергаетесь.

Я выжидательно уставилась на женщину, чувствуя, как ее эмоции сменяют друг друга, как стеклышки цветного стекла в калейдоскопе, каждый раз складываясь в разный рисунок. Сомнение, надежда, отрицание, горечь, и решимость. Снова эта твердокаменная серая решимость, чувства, словно стрелки часов сделали круг и вернулись обратно.

— В Заячьем холме есть легенда... Там, где бы вы не жили, есть легенды? — она подалась вперед.

— Как разочаровывающее прозвучало это "где бы", — я позволила себе улыбку.

— В Юково, — тут же исправилась она.

— Есть, в основном на сценарии к фильмам ужасов смахивают. Ваши такие же?

— У нас есть легенда о последней могиле и круге. — она испытывающе посмотрела на меня, — Когда последний павший будет захоронен, когда будет брошен последний ком земли в последнюю могилу, когда кости утратят силу и обретут покой, круг жизни замкнется. И все кончится.

Я на всякий случай подождала еще минуту, но староста полуприкрыв глаза, продолжала выдерживать трагическую паузу.

— Что все?

— Мы не знаем, но думаю наш холм, наш источник, наше...

— Стоп, то есть сразу предполагаем худшее, несмотря на расплывчатую формулировку?

— Мы должны предполагать худшее, никто не позаботится о нас, кроме нас самих.

— Отлично, — я встала. И надела рюкзак, — То есть узрев мировую опасность хозяина вы о надвигающемся угрозе оповестили, — женщина не открывая, глаз, кивнула, меня снова кольнуло ее разочарование, — Дайте угадаю, что он ответил... "На ваше усмотрение"? — Она кивнула, — Прямо де жавю какое-то.

— Ты надо мной смеешься?

— Есть немного, — призналась я, — знали бы вы, сколько раз я слышала эти слова и что они означают, тоже бы смеялись.

— И что они значит?

— То, что кому-то придется очень несладко, и этот кто-то в большинстве случаев я.

Открыла глаза, и я поняла, почему она сидела зажмурившись и на что решалась. Зрачки блеснули белым огнем, странным образом напомнив мне шуку из старого пластилинового мультфильма, и меня отбросило к стене. Белая вспышка казалась, осязаемо колючей. Я ударилась о перегородку рядом с дверным проемом, стена отозвалась неприятным треском.

Воздух выбило из легких, и я сползла на пол, в рюкзаке лопатка звонко стукнулась о доспех. Кресло опрокинуло на спинку, и оно ударило меня по колену. Наступила вязкая тишина. Словно воздух вокруг превратился в кисель, в котором замерли секундные стрелки, словно сердце едва не выскочившее из груди, вдруг замедлилось и стало отбивать неправильный тягучий ритм.

Ведьма встала, показавшись мне слишком массивной, слишком значимой...

— Убирайся, пока жива!

Я тряхнула головой, подхватила рюкзак и... вместо того, чтобы встать, как видимо ожидала старшая, уцепилась ладонью за косяк, подтянулась к проему и перекатилась за стену. Ненадежное укрытие, но лучше чем ничего.

— Вставай и дерись, — взвизгнула ведьма. — Ты не смеешь...

— Дело ведь не в предсказании, — проговорила я, проверяя как выходит из крепления на поясе нож, — И не в могиле. В чем-то другом. В чем?

Я слышала, как она подходит, под ботинками едва слышно поскрипывали половицы.

— В тебе, — ответила она.

И я поняла, что это правда. Она показалась в проеме, я, замахнувшись, воткнула нож в ногу, прибавая ступню к полу прямо сквозь ботинок. И тут же ударила кулаком в колено, от чего старая женщина охнула и стала оседать на пол. Будь на ее месте человек, я бы сломала ему ногу... Будь на ее месте человек, я бы его не ударила...

Когда-то я удивлялась способности нечисти наносить вред играючи, словно между делом, но то время давно прошло.

Я поднялась и заглянула в дверной проем. Ведьма шипела, сидя на полу с закрытыми глазами. Что это означает, я поняла слишком поздно. Очередная вспышка холодного света из ее глаз и меня снова отбросило назад, словно теннисный мячик по которому ударило ракетка. Глупо, было так подставляться под удар, но... я понятия не имела, как

противостоять магии.

Меня с силой ударило об дверь, та распахнулась, я вывалилась наружу и, не удержавшись на ступенях крыльца, грохнулась на взрыхленную землю. Кто-то, наверное ведьма, начал сажать здесь розовые цветы, я безжалостно смяла тонкие стебли плечом. Боли не было, лишь недоумение. Что во имя высших происходит? Староста могла просто не отвечая на вопросы, выдворить назойливую девку несолоно хлебавши. Не с ножом же у горла ее расспрашивать, хотя... Что-то внутри меня было очень радо такой перспективе. Оно очень хотело посмотреть, как ее глаза закатятся от боли, хотело ощутить упругие толчки крови из рассеченной артерии.

Я подняла голову и увидела их. Лица. Молодые и старые, насмешливые и серьезные — разные. Сколько жителей Заячьего холма собралось здесь? Не знаю. И зачем? Я же не дракон.

В доме что-то заскрежетало, я стала подниматься, да так и замерла в неудобной позе. Сперва, в поле зрения попали коричневые ботинки, потом испачканные землей джинсы, машина, на которую он опирался, сложенные на груди руки, и лицо, которое выражало неприкрытую брезгливость.

Веник стоял у своего автомобиля, на противоположной стороне улицы и смотрел на меня, кривясь от пренебрежения. На меня словно опрокинули ведро холодной воды. Лед чужого презрения коснулся затылка, пробежался по спине, заставив сердце на миг сжаться. Он не и мел права смотреть на меня так... так... Как я на него, когда вспоминала об особенностях "диеты".

Одно из самых болезненных воспоминаний вдруг всплыло в голове. Он уже смотрел на меня так, они все смотрели, когда Охотник в очередной раз поставил мне ногу на спину, заставляя жрать грязь под хохот "благодарных" зрителей. Сколько раз они проделывали такое с человеком? Много. Сейчас тоже самое происходило с великой. Ее валяли по земле на потеху публике.

Кто-то засмеялся, парень в кепке указал на меня пальцем.

Холод сменился жаром. Переход был мгновенным, и именно тогда пришла боль, не физическая, эмоциональная. Потому что ничего не изменилось.

Нет! — я выпрямилась. — Не хочу! Не хочу быть чудовищем, но и не хочу больше быть жертвой. Никогда, не хочу ловить жалостливые взгляды.

Дверь снова открылась и на улицу вышла ведьма, она держала мой серебряный клинок за обмотанную кожей рукоять и победно улыбалась. Женщина с улыбкой осмотрела собравшихся и повернулась ко мне. Ее предчувствие триумфа было подобно накинута на шее удавке.

Кровь застучала в висках, под ногами вибрировала упругая нить стежки.

— Кому-то придется умереть, — высказалась ведьма, и старуха в расписном не по погоде платке показала ей большой палец, словно мы находились не в глухом селе, а на гладиаторских боях. В воздухе разлился азарт, предвкушение и голод.

Она вдохнула и я поняла что последует за выдохом. Поняла и сжала пальцы, чувствуя, как в них бьется нить перехода, пронизывающая и сшивающая миры нить единственная доступная мне магия.

Глаза ведьмы зажглись, Веник откинул голову, мужчина в синей футболке в десяти шагах от меня подался вперед, жадно нюхая воздух, еще один падальщик, еще один низший...

Я развернулась, подхватывая невидимую нить стежки, посмотрела ведьме в глаза, прямо в ослепительную белую магию. И хлестнула поющей струной наотмашь, хлестнула словно кнутом.

Женщина закричала, нож упал на ступени, ледяной свет погас, кожа на дряблой щеке разошлась, на грудь закапала алая кровь, расплываясь пятнами на сером костюме. Она замечательно пахла, немного солью, немного медью, но самым восхитительным острым был аромат страха. Я подняла руку и снова ударила, но на этот раз не кнутом, на это раз петля стежки, словно лассо, захлестнула широкую шею.

По толпе пронесся ропот, тут же сменившийся одобрительным гулом. Зрелище есть зрелище, должна литься кровь, и это главное. Я подняла руку, невидимая нить стежки, повинаясь то ли движению, то ли желанию взвилась, и женщину, словно куклу, вздернуло в воздух. Вспоротая на шее кожа разошлась, светло-серый костюм залило кровью.

— Кому-то придется умереть, — повторила я чужие слова, и мне было приятно произносить их. Приятно смотреть в испуганные глаза, слышать невнятный хрип, и бульканье с которым звуки выходят из ее горла. Не через рот, они вместе с пузырящейся кровью. выходили прямо сквозь рану. Это был очень сладкий миг. Настолько сладкий, что я не подумала о последствиях, пошла на поводу у сиюминутного желания, и дернула за струну, затягивая...

Это оказалось слишком легко. Петля сомкнулась, пройдя сквозь плоть и кости, не встретив ни малейшего сопротивления, и грузное тело женщины упало на землю раньше, чем голова, на которой все еще сохранилась высокая прическа школьного зауча.

На миг струна перехода окрасилась алым, став видимой всем вокруг, и потом кровь впиталась без следа. Нить в моей ладони уплотнилась, будто вместо первой самой тонкой и высокой "ми" струны в моей руке оказалась шестая, то же "ми" но на октаву ниже и толще. Перед домом повисла выжидательная тишина, и раздавшийся в ней хлопок показался мне оглушительным. А потом еще один и еще. Я обернулась. Веник аплодировал, стоя у темно синего фольцвагена.

Сухой ритмичный звук, казался издевательским

— Прекрасное зрелище, — проговорил падальщик, отталкиваясь от машины и делая размашистый шаг вперед. Улыбка, простая и открытая не сходила с его лица, словно он увидел нечто приятное, а не обрубок шеи из которого толчками выходила кровь.

— Ах ты... — шагнул ко мне мужчина в кепке, — Ты...

Я сжала ладонь, чувствуя, как пульсирует невидимая стежка... и вдруг поняла. Посмотрела на себя со стороны, как я хлестала невидимой нитью, как выглядела в чужих глазах. Они же не видят струну, и даже не чувствуют. Для них это взмах рукой — удар — кровь, для них это... магия. Высшие, как же все буднично и лишено налета тайны, романтики. Это уже не кроличья нора в страну чудес, это волшебство Гудвина набивающего чужую голову отрубями, это такой же обман, как и все вокруг.

— Еще один доброволец на убой? — спросил Веник, делая приглашающий жест рукой, — Хотите попробовать свои силы против Великой? — он все еще улыбался, но в голосе слышалось рычащее предвкушение, — Против дважды названной хозяйки предела?

Мужчина, от которого разило псиной, сделал шаг назад и заморгал.

— Дважды, Изменяющийся, — повторил Веник, — Ну, кто-то еще? Давайте смелее.

Я разжала ладонь и стежка исчезла. В ней больше не было необходимости. Потому что оборотень сделал шаг назад, потому что маленькая девочка на руках у ведьмака в клетчатой

рубашке помахала мне грязной ладонью. Если сразу после драки они еще могли пойти наповоду у ярости и азарта, но сейчас уже нет. Накал прошел.

— Нет? — он позволил себе легкое разочарование, — Ольга?

— Кто-нибудь знает, где могила отмеченная кругом и крестом? — громко спросила я, поднимая рюкзак.

Ответом мне было молчание. Очень интересное молчание. Они знали. Но по каким-то причинам не хотели говорить.

Изменяющийся, еще недавно так отчаянно пытавшийся заступить мне дорогу, опустил голову, девушка в розовой футболке вдруг вспомнила, что у нее есть срочные дела, как и у мужчины с девочкой на руках.

— Совсем никто? — спросила я, поднимая свой нож, и разглядывая ногу в темном ботинке. — Это же глупо... все эти предсказания, вы даже не знаете о чем речь...

— Так живые, девонька, мертвым не указ, — проговорила бабка и, снова показав большой палец, шустро поковыляла вдоль забора.

— И как оно? — остановился рядом со мной падалыщик.

— Нормально. — я закрепила серебряное лезвие на поясе, наблюдая как они расходятся тихо переговариваясь.

— Я о первом трупе...

— Уже ответила "нормально" — я обошла безголовое тело.

— И все? — удивился он, догоняя, — А как же все эти принципы и стенания "не убий"?

— Никак, — меня так и тянуло оглянуться и посмотреть в мертвые глаза ведьме, но я смогла удержаться. И так их вряд ли забуду.

— Понравилось? — кажется, он действительно был заинтересован в ответе.

— Нет. — я посмотрела на черную пересекающую лицо повязку.

— Ты, будто, разочарована, — он остановился.

— Так и есть.

— Смерть никогда не разочаровывает. — он взял меня за плечо, — Никогда.

— Это было легко. Слишком...

— Обыкновенно?

— Да, словно дать пощечину. Я просто натянула стежку, даже не старалась.

— А чего ты ожидала? Фейерверка или угрызений совести?

— Хоть чего-то, — я выдернула руку и пошла дальше. — Надо закончить дело.

— Оно догонит тебя.

— Что?

— Осознание. — он произнес это слово, так, что у меня потеплели кончики пальцев, горячие иголки словно впились под кожу, — Хотел бы я вдохнуть его вместе с тобой — он встряхнулся и спросил, — Что за дело надо закончить? Ищешь могилу?

— Тебя Семеныч послал? — я отогнала видение того, как легко стежка прошла сквозь плоть.

— Да. Обзвонился, дал задание. Раз уж я все равно в этих краях, — он пожал плечами.

— Надоел уже с этой опекой.

— Я так же лет в четырнадцать матери говорил. — хохотнул Веник.

— Хватит сравнивать меня с...

— С кем? С собой? Так противно?

— С подростком. — я посмотрела на мужчину, — Тебе не кажется, что мы

возвращается к тому, с чего начинали?

— Начинаем все заново? Почему нет, — он ухмыльнулся. — Введи в курс дела, что конкретно ищем? Или кто может об этом рассказать? — он выразительно щелкнул пальцами с желтоватыми ногтями.

До заката мы обыскали Заячий холм вдоль и поперек, заглянули под каждый куст, в каждый огород, дорожную яму и в итоге вернулись на кладбище. Сидя на замшелом камне Веник задумчиво рассматривал артефакт, провел рукой по тусклому металлу доспеха, развернул целлофан и поднес к лицу старую кость, на одно мгновение мне показалось, что он сейчас ее лизнет, но падальщик всего лишь понюхал и отложил в сторону.

— Думаешь, она здесь? — спросила я, вглядываясь сквозь сумрак к старым камням. — Могила Тира?

— Конечно. Иначе бы местные так не дергались.

— Но я осмотрела каждое захоронение! Если не веришь, можем пройти еще раз...

— Не вижу смысла, проще допросить кого-нибудь, хватит играть в человека.

Я отвернулась. С каждым потраченным на поиски часом эта идея становилась все более и более привлекательной, и если в ближайшее время не появятся новые идеи, как найти несуществующее захоронение, я отвечу на это предложение согласием. Не должна, но отвечу.

Перед глазами мелькнуло видение грузно опускающегося на землю безголового тела. Мелькнуло и исчезло.

— Хватит прятаться от себя самой.

— Я не прячусь, — он усмехнулся, и я добавила, — Кажется. Просто это...ммм, похоже на жульничество. — брови мужчины поползли вверх, от чего перетянутое черной повязкой лицо перекошило, — Нет, неправильное слово. Это слабость, разве мы настолько глупы, что не можем разгадать загадку сами?

— Воспринимаешь как вызов?

— Они ведь знают ответ, — я оглянулась, чувствуя чужие взгляды, но в Парке-на костях кроме нас никого не было, — Он прост.

— Может быть, — он встал и пнул ногой камень, — Если до утра не разгадаем, пойдем по пути наименьшего сопротивления.

— Ты хотел сказать, наибольшего. — я убрала артефакт в рюкзак.

— Да мне плевать на формулировку, я просто зайду в ближайший дом и начну вытягивать жилы из первого, кого найду. И это не метафора.

— Когда ты успел стать таким самонадеянным? — спросила я, обходя ближайшее захоронение, ни круга, ни креста на камне не было, лишь два обкрошившихся треугольника и петля между ними, — Где осмотрительность, что мне так нравилась?

— Неужели тебе что-то нравилось?

— Ты говоришь так, — не стала отвечать я, — Словно все уже кончилось. Словно мы проиграли войну, которая даже не началась.

— Все верно, лишь одно слово неправильное.

— Веник, скажи что происходит? Что... — я повернулась к гробокопателю.

— Откровенничать не буду, и не надейся.

Я отвернулась и пошла дальше. Опять возникло ощущение предопределенности. Меня, будто подопытную мышку, запустили в лабиринт, у которого только один выход, а все

ответвления и ходы — просто обманки, создающие иллюзию выбора. Потому что выход всегда один...

— Думаю, мы не с той стороны смотрим, — Веник догнал меня, обошел и пошел впереди, даже не глядя на серые камни и на их надписи, — Могила — это следствие, надо искать причину.

— Причину смерти ошера? Его убил Простой, но если бы он этого не сделал, тот все равно бы умер.

— Ого, какие сведения. Зачем столько подробностей? Будь проще, я спрашивал, зачем мертвяков здесь прикопали?

— Раньше верили, что, предав тело земле, помогают перерождению. Их потомки — люди... мы сохранили эту традицию. — на следующей могиле был выписана только половинка круга и ломаная линия.

— Разговор немного со слепым, — вздохнул падальщик, — Я не об этом. Зачем куда-то тащить трупы? Даже если после той заварушки осталось достаточно выживших желающих помахать лопатами, главный вопрос, зачем тащить куски мяса так далеко? Если только...

— Сюда вела стежка, — тут же поняла я, — Только что протянутый переход, по которому они прошли. Согласна. Но как это поможет найти могилу Тира?

— Я несказанно рад, что у этого, — он указал на рюкзак. — есть имя. Предлагаю во имя покойников повторить путь этих добровольных могильщиков хотя бы частично. Но если ты против, готов вернуться к варианту с допросом и жилами, выбирай дом...

— Все-все, — подняла руки, — Будем искать стежку.

— А не надо никуда идти, Великая, — он обернулся, останавливаясь у последней могилы с затертым полумесяцем, в темноте его лицо казалось худым и даже немного угловатым и очень похожим на то, что я видела сквозь стекло из очков феникса. — Ни за что не поверю, что ты их не чувствуешь.

— Чувствую, там и там. — я указал в разные стороны, — И еще там, но далеко. Проблема в том, что где именно они проходят, я не знаю, мне карту GPRS забыли установить к способностям Великой. Да и смотрела я уже, когда на машине хотела сюда проехать. Стежка, которую я видела, не ведет в Дивный.

— Значит, идем допрашивать, — не протестуя, кивнул он.

— Умеете вы уговаривать, — я остановилась и, закрыв глаза, вытянула руки, словно собираясь просить милостыню или искать что-то на ощупь. Прохладный ветер коснулся кожи. Стежка пела чуть в отдалении, тихо и печально.

— Ну, как?

— погоди, это тебе не поисковый запрос отправить.

— Жду...

Я почувствовала, как падальщик прошел совсем близко. Сейчас его эмоции были очень яркими. Нетерпение, капля пренебрежения, и какое-то бесшабашное предвкушение, словно нам нечего было терять, но чтобы он не говорил, происходящее ему нравилось.

Нити переходов, нити которыми скрепили миры... Очень трудно описать то, чего никто не видит, то, что не видишь даже ты сама. Я все время сравнивала их со струнами, веревками, проводами под напряжением и еще великие знают с чем. Но больше всего это напоминало вены, по которым в наши миры течет кровь. Или, что еще вернее, трубки капельниц. Только я могла коснуться их, пройти сквозь стенки и почувствовать движение. Ощутить руками, телом, головой, мыслью.

Опуститься в быстрый ручей и позволить ему нести себя. Линия, не перекресток, глубокая сильная. Мелькнули улицы, срезанный холм с источником, поселок нечисти исчез, стоя на стежке, я вынырнула в раннее утро мира людей и увидела чахлый перелесок. Нить снова прошла насквозь, и лес сменился черной гладью реки, туманом и двумя темными домами. Снова нырок, будто кадры в фильме меняются слишком медленно и вместо реки пред глазами пустынная зарастающей травой дорога...

— Стоп, — проговорила я, и изображение застыло.

— Нашла? — раздался приглушенный голос, Веник коснулся руки.

— Там нет Дивного.

— Уверена?

Я отмотала пленку назад, вернувшись к срезанному холму и повернув против течения, посмотрела в обратную сторону. Линейная стежка, нелегальная, в том верхнем мире, над ней никогда не будет поселения, ни настоящего, ни "бумажного".

Пустые холмы, тропа, по которой я пришла... Что-то коснулось правого бедра, течение вильнуло, словно в него кинули камень.

Тело мое все еще стояло на стежке, на краю Парка-на-костях, а разум был там... не знаю где. Я по-прежнему не могла соотнести место, которое показывала мне нить и реальную точку на карте.

— Если, хочешь, чтобы я смотрела, не трогай.

— Я не трогаю, — раздался голос Веника совсем с другой стороны, и в подтверждение слов он провел пальцем мне по левому плечу, невидимое течение вспенилось бурунами.

Тропа сменилась утренним лугом, луг чьим-то огородом, огород заброшенным зданием, здание пустырем, утро, ночь, снова утро...

— Прекрати!

Его веселье щекочущим пером прошло по коже.

— Я ничего не делаю.

Пустырь, грязная лужа и отражающаяся в ней луна, сарай, поселок, через который в лучах восходящего солнца едет грузовик.

Палец поднялся к ключице, стежка ответила дрожью и быстрым перебором струн.

— Ты ускоряешь течение, я ничего не успеваю увидеть.

— Нет, Ольга, — он зашел мне за спину, — Очень заманчивая перспектива, но... Я падальщик, ты Великая.

— Ты человек, бывший человек, как и я, а они... мы...

Его дыхание коснулось уха.

— Еще раз нет. Я нечисть. Да и человеком, был никудышным.

Я заставила мельтешение картинок остановиться. Все хватит. Назад, возвращайся назад.

— Расскажи.

Он ответил тихим смехом. Лужа, пустырь, огород, луг. Быстро, очень быстро, стежке было все равно, в какую сторону двигаться. Дорога всегда одна.

— Не особо интересная история.

— Но я бы...

— Для меня не особо интересная, — поправил он.

Я открыла глаза. Деревья шевелили казавшимися в темноте черными ветвями. Прохладный ветер, холм с источником, Веник стоящий за спиной. Его близость не беспокоила. Почти не беспокоила.

— Нет тут перехода в Дивный.

— Дивное Городище. Ты даже называешь его по-другому — Дивный.

— Хватит философствовать. Если здесь был переход в город Великих, сколько бы придурков шастали туда-сюда в поисках острых ощущений?

— Много, — согласился он, отводя мои волосы с шеи.

— Дивный там, где он был всегда на северо-востоке... эээ... Что ты делаешь?

— Мотивирую тебя.

На миг мне показалось, что он сейчас поцелует меня в шею, но... время шло, а кожу все так же ласкал только холодный воздух. Воображение не очень приятная вещь, ведь нечисти не нужны слова.

— На что? — тихо спросила я.

— Сам еще не решил.

В падальщике не было никакого возбуждения только задумчивость и любопытство. Он ставил опыт и с интересом ожидал результата. Даже обидно, совсем немного, но все-таки.

— Касаешься меня, чтобы... — я задумалась, — А зачем?

Физиология, банальная физиология, ничего больше. Веник подступил ближе, прижимаясь всем телом. Делал одно, внутри оставаясь все таким же отстраненным, хотя даже по этой отстраненности стали пробегать маленькие щекочущие искорки. Законам физиологии подчинялись не только люди, но и нечисть.

— На это реагирую не только я, но и стежка, — стала рассуждать я. — Она ускоряется, словно экспресс.

— Неправильно, — он прижался щекой к моему уху, щетина оцарапала кожу, — Повторяю, я не влияю на стежку. Не могу. Только на тебя. Знаешь, даже лестно.

— Нашел, чем гордиться, — я вдруг почувствовала странное желание потереться о его подбородок, Веник рыкнул, руки лежащие на плечах, с силой сжались, — Ты на меня, а я в свою очередь на стежку. Она бурлит и бросает... — я вспомнила, как поток вильнул в сторону, — Но в самый первый раз...

Он замер. Мы замерли. Догадка холодом осела на языке и тут же растаяла. Его заинтересованность стала нетерпеливой, почти навязчивой. Веник не хотел касаться меня, он хотел слышать то, о чем я думаю. Но руки не убрал. Не знаю почему, но это обстоятельство показалось мне важным.

— В самый первый раз, — удовлетворяла я наше общее любопытство, — Стежка вильнула сама, будто... — он хищно вдохнул мой запах, — будто в реку влился ручей. Новый поток. А стежки бывают такими? Вливающимися одна в другую? Тупиковыми?

— Давай проверим.

Я закрыла глаза.

— Не торопись.

— С тобой не получится.

Он снова засмеялся.

— Одним глазком и быстро.

Я уже не видела ни ночи, ни неба, ни холма, я снова была на тропе, была в потоке, который несся вперед на такой скорости, что я едва не пропустила его. Этот легкий толчок в бок. Но не пропустила, потому что ждала. Кагда знаешь, что искать все становится намного проще.

Я подхватила этот новый поток и повернула вспять. Он не подчинился, замедлился.

— Не пускает

— А мы и спрашивать не будем, — он склонился и, наконец, прижался губами к шее. Было бы лучше, если при этом Веник не думал о том, как пройти по стежке. Уж лучше бы он желал попробовать меня на вкус.

Мысль была отвратительной, но "отвратительно" это всего лишь слово, а никак ни ощущение.

Я выдохнула, и поток вскипел, и меня дернуло вперед рывком, утренние холмы сменились, ночью... Городом с острыми шпилями, с которых давно осыпалась черепица, на которых свили гнезда птицы, мостовые взломали корни деревьев, а повисшая над ним тишина казалась мертвой. Нет, не казалась, она была такой. И прежде чем, я успела осознать, что происходит, Веник прикусил кожу на шее. Едва-едва, без желания причинить боль. Хотя вру, он хотел причинить боль.

Но получилось иначе. Стежка вскипела белой пеной, окружила со всех сторон, завертелась, и я почувствовала, как струна начинает выводить минорный аккорд, как водоворот чего-то невидимого утягивает меня внутрь... Не меня нас. Ноги потеряли опору

Веник проорал что-то, я не могла ответить, захлебывалась в этих невидимых бурунах энергии, и почти утопая в них. Меня залило ею по макушку и отступило. Так прибрежная волна выбрасывает на берег ракушку и отступает, унося с собой песок и силу.

Падальщик разжал руки, я упала на землю, закашлялась, словно горло и в самом деле заливала вода. И только после этого подняла голову. Веник стоял под скудным светом красноватой луны, и его тело почти дрожало от возбуждения и восторга. То, что не смогла сделать женщина, сделала стежка.

Я посмотрела на полуразрушенные башни. Мы в Дивном. Помоги святые, мы в первом и единственном городе Великих.

Раньше он был другим. Я видела... Не совсем я и не совсем видела, но в мире, где правда и вымысел смешиваются и превращаются в реальность, это не имело значения. Феникс парила над изящными резными башнями. Мы стояли на земле рядом с полуразрушенными строениями, в которых не было ни легкости ни изящества. В которых не было ничего, кроме зарастающих вьюнками дыр...

Поднявшись я посмотрела упавшую и расколовшуюся стену, в форме которой еще угадывалась арка.

— Ты ненормальный, — проговорила я, звук сорвался с губ и затих.

— Не я перенес нас сюда, — ответил Веник, продолжая смотреть вперед, но я еле разобрала его слова.

Звуки падали вниз, исчезали, словно напуганные установившейся тишиной и неспособные поколебать безмолвие.

— Не ты. Но ты подбросил в топку дров, а без них, увы, — я развела руками, — поезд бы не поехал. Стежка старая, и какая-то...

— Мертвая?

Дивный поглотил его вопрос, оставив от слова лишь шепот, но я поняла, почувствовала, что он имел в виду. Ощутила его смятение и жадный восторг. Падальщик стоял и смотрел, стараясь вобрать в себя взглядом лежащие до горизонта руины. Боялся не запомнить.

— Не знаю, — я встала рядом, — скорее застывшая или ожидающая, как забытый на запасных путях состав.

Было неудобно. Нити перехода, оставленные за спиной, еще ощущались, но как-то вяло,

кто-то ослабил натяжение, заставив струны бессильно повиснуть. Их перебор был едва слышен, и с каждой минутой становился все тише и тише, будто несуществующий гитарист уходил все дальше и дальше.

— Мы нашли переход, — я дотронулась до руки Веника желая привлечь внимание, — И теперь знаем, где они прошли, знаем, почему тут не шастает любопытная нечисть. Пора повторить их путь и верну...

Падалыщик отдернул руку, пнул ногой старую каменную кладку и вдруг, шагнул вперед. Посыпалась земля и сухая пыль, когда гробокопатель взобрался на остов здания и спрыгнул с другой стороны.

— Здорово, — проговорила я, становясь на каменный изгиб, когда-то бывший аркой, и спрыгивая вслед за гробокопателем, — Как я рада, что у нас полное взаимопонимание.

Вход в город больше не охранялся. Дивный был заброшен, оставлен и забыт, как забывается старая колыбель, из которой рано или поздно вырастают все. На улочках города властвовало безмолвие, и даже ветер не гонял листву по каменным россыпям. Я коснулась шершавой стены первого частично уцелевшего здания. На нем не было крыши, а второй этаж казался погрызенным каким-то гигантским зверем, двери и окна отсутствовали, дальняя стена превратилась в кучу обломков, над которой стоял Веник. Его ботинки с громким шорохом прошли по черепкам.

Слишком громким для места, где рождалась тишина, и терялись голоса

— Мы должны уйти, — быстро проговорила я. — Слухи, что Дивный опасен, появились не на пустом месте.

Падалыщик не повернул головы, словно не слышал, а может, так оно и было.

— Веник!

Мужчина сделал еще шаг и вдруг... пропал из виду.

— Святые, — выдохнула я, бросаясь вперед.

Именно тогда в голову в первый раз пришла мысль о том, что он мне не так и нужен, что возможно, было бы самым разумным, просто повернуть назад и попробовать уговорить вялую стежку выпустить меня обратно. Хотя бы попробовать...

Иногда мысли бывают такими утешающими, и ты играешь ими, как игрушкой, уже зная, что никогда не последуешь собственному совету. Я взобралась на груды черепков. Святые, как же мерзко они шуршали. Взобралась и, не удержав равновесия, ухнула вниз.

Когда-то давно здание было пристроено к холму и некоторые комнаты даже вырыты в нем. И если с южной стороны, дом казался огрызком двухэтажного, то с северной он был огрызком трехэтажного. Одна стена рухнула, образовав неаккуратную кучу, сейчас поросшую бледной и чахлой травой, за которую у меня никак не получалось уцепиться. У подножия развалин начиналась прямая как стрела улица Дивного городища.

Я с размаху въехала в не успевшего встать Веника. Ударилась о спину, падалыщик издал короткий рык, перекатилась и зашипела от боли, когда острые черепки врезались в колени... Боль была похожа на вспышку, на лампочку, зажегшуюся во тьме. И я поняла, что мне не нравилось в этом месте.

— Ты упал, — прозвучало обвиняющее, гробокопатель повернулся, — И я тоже. Вспомни, когда в последний раз, ты падал не сбитый с ног противником, а не удержав равновесия?

Падалыщик поднял руку, свезенная ладонь кровоточила. Он принюхался и лизнул поврежденную кожу. Сейчас находясь рядом, я снова начала чувствовать его эмоции, пусть и

как-то смазано, но стоило отвлечься, как его присутствие словно рассеивалось, исчезало из поля моего зрения. Это было и раньше, но здесь и сейчас притупились и остальные чувства. Я не слышала, обоняние снова стало лишь одним из чувств. Я снова стала или становилась...

— Мы люди? — спросила я и сама удивилась, сколько сожаления услышала в голосе.

Человеком я была более тридцати лет, а Великой всего несколько недель. Самое время сказать, что к хорошему быстро привыкаешь, но не уверена, что все, произошедшее можно назвать хорошим.

— Не совсем, — прохрипел Веник, — Но близко. Это место... — он приподнялся.

— Я хочу вернуться.

— Хоти, — он ступил на усыпанную листьями улицу, трава давно пыталась взломать камень мостовой, местами удачно, — Или уходи.

— Ты говоришь так, зная, что я не уйду, — я встала рядом, вглядываясь в темноту между двумя постройками, одна из них еще походила на дом, зато вторая напоминала лежащую на боку каменную трубу. Башня? Показалось или я на самом деле уловила какое-то свечение?

— Самое время преподать мне урок, — гробокопатель не торопясь пошел вперед.

— Давай обойдемся без пафосных высказываний. Скажи прямо, чего тебе здесь надо? Мы искали могилу ошера, не забыл?

— И не нашли, — Веник шел дальше, его голос отдалялся, становясь все тише и тише. — Почему ты думаешь, что мы не найдем ее здесь?

— Потому что... — начала я и замолкла.

А собственно почему? Потому что так сказала мертвая девушка, языка которой я не знала? А что если она имела виду именно этот переход, а совсем не Парк-на-костях? Ведь мои выводы, это только мои выводы...

— Что тебе здесь надо? — я повторила вопрос, чувствуя, что начинаю злиться.

— Ничего, — ответил падающий, но мир донес до меня только глухое окончание "его". — Не хочу проснуться однажды в своем доме, в своей постели, вспомнить этот момент, и остро пожалеть, что не отошел от твоей юбки.

— Ты и вправду изменился, — сказала я, делая несколько шагов следом, глаза уловили очередной блик или вспышку света, — Настолько, что иногда мне кажется что ты, это не ты.

— Самое время у феникса еще одни очки попросить, — он вдруг замер и посмотрел направо, я не улавливала ничего ни звуков, ни запахов, снова невольно вспоминая каково это быть человеком, каково это снова бояться. — Или достать то маленькое стеклышко, что прилипло к рукам?

— Ты заметил?

— Все заметили. Достань и посмотри, — он снова пошел вперед, разве что с большей осторожностью.

— Нет.

— Нет? Почему?

Я не стала отвечать. Не захотела, потому что пришлось бы сказать вслух, что мне нравится идти вот так и перебрасываться словами. Нравилось искать ответы. Нравилось там в Парке-на-костях, нравиться и здесь. Не нравилось лишь место. И если Веник — это не Веник, а скажем... даже мысленно я не стала произносить имя, то я не хочу этого знать, не хочу все портить. Пока слова не сказаны, от них можно отмахиваться.

Святые! А ведь, я чувствую! Чувствую снова и не только минус, но и плюс, просто поняла это только сейчас.

Святые! Мои эмоции, чувства — это первый "плюс", с тех пор как перестала быть человеком, с тех пор как я стала Великой. Даже мысленно это прозвучало чересчур пафосно. А ведь раньше особых возражений не было. Первый плюс, вызванный не чьей-то болью или агонией, а чем-то иным.

И само понимание этого отдалось такой волной тепла внутри, что я начала улыбаться. Чувства, которые провоцируют другие чувства... Отдает сумасшествием, но как же хорошо. Улыбка чистая и искренняя, улыбка, которой можно не стыдиться, и не прятать о самой себя причины, что ее вызвали.

Веник засмеялся, уловив эхо моих ощущений, и я поняла, что тоже смеюсь. Смеюсь, шагая вслед за падальщиком по улице города, признанного самым опасным местом в Северных пределах. И слышу как залиvistый смех, разносится вокруг, легкий задорный, детский...

Я обернулась, дерево похоже на иву качнуло ветками, в его тени мелькнула ярко желтое пятно. Платице? Или футболка? А может, сарафан? Голые ступни, смех... Маленькая фигурка миновала очередную кучу черепков и, юркнув в темный провал полуразрушенного дома, исчезла. Смех затих

— Веник, там ребенок, — я остановилась, вглядываясь в темные развалы камней. Дерево качнуло ветками, словно по улице гулял сквозняк

Что-то было не так. Миг понимания и ясности, миг недоверия. Очень "не так".

— Веник, — снова позвала я, ветви дерева качнулись, — Здесь... — начала я и закончила совсем не так как планировала, — здесь нет ветра.

Ветки качались, то скрывая, то приоткрывая кучу щебня.

— Веник...

Я посмотрела вперед, падальщика не улице не было, вот только что он шел в трех шагах впереди, а сейчас, дорога была пуста. Когда он исчез? Куда он ушел? И ушел ли?

Ребенок засмеялся вновь.

Я сдавила пальцами виски, ощутив запоздалое сожаление. Не ушли, не успели. Неощутимый ветер продолжал шевелить листву на дереве, меж веток показалась перепачканная пылью рожица. Я могла бы закричать, даже, наверное, должна была, увидев знакомое лицо, но гробокопатель меня не услышит, только не в мире, где звуки рождались и умирали не успев пожить, словно мы до сих пор находились в переходе.

Ребенок смеялся, но грязные губы оставались неподвижными. Не ребенок, визирг Простого которого мы убили.

— Мы это уже проходили, — пробормотала я, — Еще одна стежка мертвецов, и каждому приготовлен персональный.

Мальчик вышел из тени, я сделала шаг назад. Он наклонил голову и, под тот же раздающий со всех сторон смех, пошел ко мне. А я стала отступать, воображения рисовало абсурдную картинку, что мертвый ребенок сейчас раскинет руки, побежит и обнимает меня за колени, как поступают все дети.

— Очнись-очнись-очнись, — быстро проговорила я, отступая. Ребенок приближался...

Что-то коснулось талии, и не просто коснулось, меня схватили, не давая сделать очередной шаг.

— Ольга!

Вибрирующий звук тут же затих. Я моргнула. Ребенок никуда не исчез, он продолжал приближаться. Появился Веник державший меня поперек туловища и не давший сделать

очередной шаг в... Я обернулась. Последний шаг в яму, на дне которой острыми зубами скалились битые камни. От дома, что некогда стоял здесь не осталось почти ничего, только часть фундамента и погреб, или подвал или еще что-то.

— Есть более простые и приятные способы умереть, — зло сказал падальщик, и эта злость напоминала щепотку соли.

— Расскажешь как-нибудь на досуге, — выдохнула я, поворачиваясь обратно точно в тот момент, когда мальчик налетел на меня. Нет, не налетел, прошел насквозь, опалив чистыми, как первый снег эмоциями, он куда-то тропился. И я поняла, что он совсем тот мертвый визирг. Телосложение, цвет волос, плавные движения — просто мимолетное сходство, которое сыграло надо мной злую шутку. Я ждала мертвеца, я его увидела, остальное дополнило воображение.

Мальчик прошел сквозь меня, пробежал поверх ямы, словно не замечая ничего вокруг. Он очень торопился.

— Что ты видишь? — Веник отпустил.

— Мальчика, — прошептала я, — Ветер. Листву, а вот ты... тебя не было.

— Хорошо, считай, уговорила. Уходим отсюда. Быстро.

Он сделал еще шаг и... улица поплыла. Знаете, я видела такое на экране старого трехногого телевизора. Крутишь ручку настройки, и одна картинка наслаивается на вторую. Город лежащий в руинах и осколках величия, и город возносящийся к в небо. Такой, каким он был, когда тут жили Великие, запечатленный во всем блеске нечеловеческого величия. Город живой проступал сквозь город мертвый, очертания домов плыли. Я видела изящные шпили и радужные стекла окон, буйную зелень и широкие стволы деревьев, журчавший фонтан на углу и... девушку, что смеялась на резном балконе. Кажется, я что-то пропищала, картинка подернулась трещинами или скорее линиями, словно кто-то взял фломастер и черкал поверх изображения. Светящиеся голубым росчерки, то пропадающие, то исчезающие. И блики, множество бликов, светлыми пятнами легшие на старые и новые улицы. Те самые вспышки в темноте... а может, не вспышки? Они не пели, как нити переходов, но все-таки чем-то неуловимо их напоминали. Первые грубые стежки скрепляющие миры. Все нити берут свое начало отсюда.

— Веник! — закричала я, но было поздно.

Для нечисти понятие "поздно" совсем не то же самое, нежели для человека. Что он уловил первым мои эмоции или крик? Не знаю, тем более что в Дивном ощущения словно притуплялись, отодвигались на второй план.

Но Веник не успел, замер, застигнутый моим криком, в неловкой позе, чуть ссутулившись, руки и плечи напряглись, взгляд исподлобья. Он остановился как раз в тот момент, когда его голова коснулась голубой линии, она шла от стены ближайшего дома, ныряла в ссохшийся ствол, и истаявала с той стороны улицы. Но я знала, она продолжается и там, невидимая глазу и неосязаемая. Я видела начало стежки и не знала, хочу ли видеть конец.

Лохматая голова Веника коснулась светящегося росчерка, так похожего на молнию и осталась на месте. Падальщик недоуменно покосился, принялся и на всякий случай переступил с носка на пятку, чуть пригибаясь, словно готовясь отразить атаку. Но и только.

— Говори, что происходит, — рычащее потребовал гробокопатель.

— Ты задел... задел что-то такое... что-то...

— Конкретнее!

— Стежка, я думаю, это начало стежки.

— И?

— Не знаю, — он сделал пружинящий шаг в сторону, и висящая в воздухе линия... осталась висеть в воздухе, — Ты ничего не чувствуешь?

— Нет, — он дернул головой и скомандовал, — Уходим.

Я моргнула, мир снова поплыл, разрушения объединились с цветущими садами. Мертвая девушка взмахнула рукой, на другом конце улицы появился мужчина, сияющий меч в его опущенной руке, прочерчивал в дорожной пыли извилистую линию.

Досматривать кино из прошлого не было никакого желания. Веник схватил меня за руку и потянул за собой. Страх он не испытывал, я вообще никогда не ощущала в нем этого чувства, максимум опасение. Сейчас он был раздражен неизвестностью и немного разочарован, видно гробокопатель ждал чего-то другого от легендарного города Великих.

Падалыщик дернул меня в сторону, заставляя сойти с улицы. Я оглянулась, ошер со стеклянным мечом продолжал идти, голова опущена, он не видел нас. Слишком много времени прошло, несколько веков. Веник издал низкое рычание, только вот смотрел вовсе не на видение, а в проход между домами напротив. Вернее развалинами домов. Картинка продолжала накладываться одна на другую, и поверх развалин я видела балкон, крыльцо увитое диким виноградом и глухую стену соседней постройки, отделанную мелким речным камнем.

Между домов зажглись два таких же голубых, как и висящие в воздухе росчерки, пятна. Рычание Веника стало угрожающим. Не пятна, глаза.

— Быстро, — закричал он, бросаясь к развалившейся стене, и подталкивая меня вперед.

Сразу две мысли пришли в голову, первая, несколько тревожащая, но не особо неожиданная: я не чувствовала того, кто прятался в тени развалин. И вторая, к которой я не знала, как относиться: падалыщик... не испугался, нет, он просто внезапно захотел, чтобы я оказалась подальше от этого места. Трогательно. Непонятно. И неправильно.

Мы выбежали на параллельную улицу, или вернее на то, что от нее осталось, гранитная мостовая была завалена обломками черепицы и костями. Белесые обломки давно освобожденные от плоти, оглушающее хрустели под ботинками, словно кто-то тряс прямо над ухом мешочком с камешками.

Щщщак-щщаак.

Веник отступил в тень, лежащей на земле башни. Я видела, какой величественной она была раньше, какой высокой, что даже птицы изредка вили гнезда на ее крыше. Сейчас же она лежала наискосок, упираясь основанием в старый фундамент, нависала над чашей фонтана и другим концом лежала поверх частично сохранившейся стены дома на другой стороне улицы. Теперь вместо птиц, в ней поселилось забвение.

И это словно вездесущие хрустящие кости...

Щщщааарк.

Кто-то двигался вслед за нами. Ошер с мечом? Нечто с голубыми огнями вместо глаз? Что-то третье? Рычание стихло, Веник пригнулся, вглядываясь в развалины.

Щаарк — щщаааарк — щак.

Меня коснулась волна предвкушения, падалыщик знал, что как только преследователь появится, он сорвется в прыжок. Неожиданность это тоже преимущество, а добыча, которая решила стать охотником, неожиданность вдвойне.

Щаарк — щщаааарк-щак-щар.

Я нырнула под нависающую часть башни. Тонкая косточка под ботинком сломалась, резкая волна недовольства и предостережения от падальщика, заставила меня замереть на месте. Не шуметь, не лезть под руку, не мешаться, в идеале — исчезнуть, но жизнь далека от идеала. Томительные мгновенья ожидания в почти полной тишине, и это скребущее "щаарк-щцаркк" повторилось.

Странная избирательность звуков, которые казалось, подавляло само это место, любые кроме этого шороха, так похожего на шепот. Еще одна неправильность Дивного. А какая была первая? Притупление чувств? Видения и призраки? Нет, что-то другое, что я заметила вскользь еще раньше, почти сразу как очутилась здесь. Что?

Щщцааарк.

Под костями блеснуло битое стекло, рядом с грязным присыпанным землей черепом, белел крупный осколок тонкой резной чаши, деревянная планка или ручка, фрагмент чего-то изогнуто кованного. Величие величию, а даже святым надо из чего-то есть, на чем-то спать, ни или хотя бы сидеть, ведя глубокомысленные беседы. Они было в большей степени людьми, чем кто-либо мог представить, и оставили после себя следы, осколки жизни.

Щщцак-щцааак.

Преследователь, наконец-то, вышел из тени. И замер, глядя прямо на нас своими сияющими голубыми глазами, словно и не было тени, словно, не было рухнувшей башни, и высохших деревьев. Он знал, где мы. И не был призраком.

Маховик. Вот и довелось увидеть еще одну легенду Дивного. Создание так похожее на человека, две руки, две ноги, голова, но, тем не менее, им не являющееся. Высокий и массивный, несмотря на лето одетый к драную кудлатую шубу нелюдь посмотрел из-под выпуклого лба, подался вперед, качая несоразмерно длинными, почти достающими до земли руками, ногами так похожими на бревна. Маховик. Убивающий одним махом. А может, и еще десятью разными способами.

Предвкушение Веника сменилось недовольством и самую малость недоумением. Он встряхнулся, и все исчезло, осталась лишь готовность. Так или иначе, драка будет. Насколько Дивный ослабил падальщика? Какой толщины вуаль набросил на его силы и инстинкты?

Маховик сделал шаг, Веник пригнулся. Один хищник напротив другого.

Щаарк — щцаааарк — щак — щак — щак — щак — щак.

Захрустели шаги в тишине, руки и нога маховика двигались ритмично и размеренно, словно маятники, отмеряющие расстояния

И все это в тишине, нарушаемой лишь слишком громких хрустом костей.

Щак — щак — щак- ща... на последних метрах маховик прыгнул, резко ушел вверх и бухнулся вниз со всей силы, ломая сухие ветки дерева и выбивая каменную крошку из упавшей башни.

Гробокопатель не стал ни нападать, ни встречать удар лбом, он скользнул в сторону, позволяя, твари приземлиться на свое место. Маховик издал утробный разочарованный рык и получил удар в спину. Веник ударил когтями, разрывая, кожу и плоть. Маховик был обнажен, лысые и какие-то розоватые руки и ноги, бочкообразное тело покрывала короткая серая шерсть, которую я приняла за шубу.

Он нелюдя пахло зверинцем, навозом и чем-то еще... яростью и болью. Ослепляющей, яркой. Она коснулась меня предлагая попробовать муку на вкус, посмаковать... Веник рыча вздернул руку, его пальцы были покрыты почти черной кровью.

Но впервые отмахнуться от этого желания оказалось слишком легко. Почти без усилия. Я не хотела возвращаться назад, не хотела снова становиться одержимой чужой агонией. Плюс — минус, минус — плюс, и пусть кровь пахнет так сладко...

Нелюдь взмахнул руками, падальщик припал к земле, пропуская массивные конечности над собой и впился зубами в маховику бедро, получая от этого немалое удовлетворение.

Это было бы почти смешным, даже гротескным. Для обычного человека картина полная абсурда — один мужчина вгрызается в ногу другого. Но сквозь абсурд проступает нечто иное. И вот уже замечаешь, что спина Веника хищно изогнута, слышишь, как трещит плоть, как с кровавых губ хищника срывается прерывистое рычание, видишь на лице удовлетворение и удовольствие. Он делал то, что хотел и плевал на всех остальных. Одна картина поверх другой, снова эта двойственность.

Маховик замычал, вязкая слюна повисла на подбородке, и нелюдь с размаху ударил падальщика по спине. Гробокопатель издал невнятное "агссс".

Вы замечали, что когда хочешь закричать, когда это действительно нужно, чтобы выплеснуть боль или позвать на помощь, горло немеет, дыхание почти останавливается, а легкие отказываются сокращаться? Надеюсь, что нет. Надеюсь, вы никогда не ощущали боли на грани, ни физической, ни сторонней, почти беспомощной, когда ты вынужден наблюдать. Страшен не крик, страшна тишина.

Удар был настолько силен, что гробокопатель не смог сразу подняться. Маховик пнул Веника в бок, отбрасывая к стенке башни. Падальщик упал на ломкие кости и замер. Впервые я поблагодарила судьбу за новые способности, потому что, глядя на неподвижного мужчину, точно знала, что он мертв. Он мертв с тех пор, как продал душу, и тем не менее его сердце еще билось. Слава святым или им вопреки, Веник дышал.

Горящие голубе глаза остановились на мне, словно два пятна света в темноте. Я отшатнулась, даже не знаю почему. Ведь свет не причинит тебе вреда... если только ты не тьма. Я отпрянула, ударила затылком о нависающую башню, задела ногой разбитую чашку. В любом другом месте я бы этого даже не заметила, но в Дивном все было неправильно. Чашка откатилась от черепа, и я увидела, что она вовсе не расколота. Вторая ее половина все еще существовала, только сделана она была не из керамики, а из того же голубоватого свечения, как и росчерки в воздухе, как и глаза маховика.

Нерасколотая чашка качнулась, и мир взорвался звуками. Они ударили меня наотмашь, проникли в голову, раскаленными иглами протыкая черепную коробку, зудящими червями пробрались в уши... И я, наконец, смогла разобрать хруст костей. Не шорох осколков, а шепот, переходящий в вой. Они кричали! Все разом, вспыхнув воздухе светящимися росчерками. Им было до сих пор больно, прошли века, с тех пор, как они погибли прошитые стежками, как разбилась эта чашка...

Вдали от Дивного переходы тоже говорили с людьми, пугали их, толкая прочь с тропы. Но тот шепот лишь слабое подобие, того, что я слышала здесь. В городе Великих они оглушительно были в агонии, которая длилась вечно. И ты сделаешь что угодно, чтобы прекратить это. Уйдешь, убежишь, убьешь, умрешь...

Может быть, поэтому нечисти так хорошо в переходе? Мы не слышим крики ушами, не понимаем их, но впадаем в эйфорию от чужой боли, от смерти, которая длится и длится, которая не кончается никогда. Это неоправданное веселье и чистое удовольствие.

Я смотрела на Дивный и видела. Я не хотела, но не могла закрыть глаза

...Светящаяся нить влетела в грудь и вышла из спины. Выплеснулась кровь. Петля

свернулась в животе и на землю упали вывернутые сизые кишки, снятая едва задевшей спину струной кожа повисла лоскутами...

Картины накладывались одна на другую, в сером мире запустения и разрухи, алым цветом расцветала смерть.

... Глазница без глаз, срезанная наискосок ладонь, что беззвучно падает на дорогу...

Сколько их было, погибших не в бою, а прошитых струнами мира в тот момент, когда озеро взорвалось осколками, выбрасывая нити стежек? Тех, кто служил Великим или демонам? Не знаю. Но все они остались здесь, словно обрезки ткани, случайно попавшие под иглу и пришитые к ткани мира почти навечно, пока стежка не будет распорота.

Слишком много всего, чтобы понять и осмыслить. Иногда даже боли становиться слишком много.

Я поняла, что кричу, что прижимаю руки к ушам, словно это может, что-то изменить, ору в окружении видений и светящихся росчерков. Чашка Ушедших замерла в шаге от черепа, голоса стали утихать, замолкал то один, то второй. Дыхание кончилось, и крик захлебнулся, воздух отказывался проходить сквозь горло. Только оказалось, что кричала я не одна. Воздев руки к серому небу, маховик был вместе со мной. И не только он, отовсюду, с разных концов города раздавался плаксивый тоскливый вой нелюдей, словно они были волчьей статей. Крик снаружи и крик изнутри, снова двойственность, в которой так легко заблудиться.

Растревоженные струны замирали, затихали голоса мертвых, и крик маховиков. Я опустила руки, нелюдь уронил свои похожие на лопаты ладони. Слезы текли по лицу. Тишину, в которой оглушительно бились сердца, одно быстрее, другое медленнее, разорвало рычание. Миг бесконечной боли закончился. И маховик прыгнул. Прямо с места едва согнув толстые короткие ноги, с одной из которых продолжала течь кровь.

Наверное, надо было уцепиться за каменную кладку, взобраться на рухнувшую башню, спрятаться или убежать, но... одна мысль о том, сколько таких вещей принадлежавших Ушедшим, может валяться под ногами, вогнала меня в ступор. А это непозволительная роскошь.

Он приземлился прямо передо мной, растирая старые камни и кости в пыль. Глаза продолжали гореть, и от них тоже хотелось спрятаться, а еще лучше отмотать время назад и никогда не видеть Дивного. Маховик поднял руку, так похожую на толстое полено.

Бывали моменты, когда я хотела смерти, бывали даже, когда ждала... но не сегодня.

— Стой, — закричала я, вскидывая руки, и широкая грубая ладонь с короткими пальцами остановилась у самого лица. Что похоже удивило не столько меня, сколько самого нелюдя. Кожа на выпуклом лбу собралась складками, и он дотронулся до волос завершая движение не ударом, а легким касанием. Маховик вдруг удивленно заурчал, когда локоны обвилились вокруг толстых пальцев. Думаю, он одним движением мог оторвать мне голову.

Веника я почувствовала слишком поздно, как всегда, стоило падальщику пропасть из поля зрения, пропасть из мыслей, как он и исчезал с внутреннего радара, становясь невидимкой. Он ударил маховика в спину. Словно толкнул камень, стоящий на краю обрыва. Валун покачнулся, целую секунду балансировал и, не удержавшись, повалился вперед.

Я успела отступить на шаг, волосы упали на плечо, когда он повалил меня на землю, впечатывая спиной в острые царапающие кожу кости. Руки уперлись в горячую шкуру. Сила еще не покинула меня, или покинула но не вся, в самый первый момент, я не позволила этому "камню" раздавить себя, смогла удержать, но не оттолкнуть. Громадные ладони

уперлись в землю, принимая вес собиравшегося подняться маховика, а падальщик уже напал снова, запуская когти в ранее нанесенную рану. Горящие глаза подернулись болью, я выгнулась, стараясь отползти.

Веник, стремительно возвращавший себе звериную сущность, продолжал рвать плоть. Это казалось даже нестрашным, почти привычным. Разве камню, что навис надомной может быть больно? Даже когда кто-то стесывает с него слой за слоем.

Маховик перенес вес с одной руки на другую, становясь надо мной на четвереньки, глаза — огни мигнули, поросшая мехом грудь замерла, лицо с вывернутыми ноздрями и темной дырой рта исказилось.

Веник урча слизывал с рук кровь.

Нелюдь тряхнул головой. Он был слишком близко, но я все равно чувствовала его еле-еле. Может, маховик выпадал из зоны "уверенного" приема, а может, это место не давало мне заглянуть внутрь своего коренного жителя, да много чего могло быть. Но его эмоции были слишком простыми, и я смогла уловить ту часть, что была на поверхности. Раздражение, которое словно зуд расползалось по телу, и заставляло его вздрагивать. Оно требовало действий, требовало махать руками. Он не хотел видеть чужаков, они ползали словно кусачие блохи, они задевали струны, дергали нити, заставляя его кричать. А он не хотел... устал... Нелюдь давно привык к боли, сжился с ней. Она была для него так же естественна, как дышать. Но он устал, и эта усталость росла, ложилась на плечи тяжелой меховой шкурой. Скоро он опустится и не сможет встать. Даже не захочет. Обидно.

В его глазах светилось чистое огорчение, почти детское. Так же я смотрела на Маринку, когда она жадничала и не давала велосипед покататься. Щелчок по носу, так он воспринимал свое падение. И меня, бесполезно ерзающую в пыли. Чувства, пришедшие из другого мира, им не место здесь, не место на морде страшного нелюдя.

Спину царапали кости, я пыталась отползти от маховика, от его звериного терпкого запаха, от ощущений, от грязи.

Веник запустил руку в спутавшиеся колтунами волосы твари и дернул, заставляя запрокинуть голову. И я поняла, что сейчас нелюдь отмахнется от гробокопателя. Ударит, грохнется на меня, и наверняка раздавит. Я даже успела представить, насколько это будет больно. Любой бы отмахнулся, хотя бы постарался.

Рычание падальщика сменило тональность, а маховик все еще стоял на четвереньках, желтоватые когти, метнулись к горлу.

Почему он не защищается? Почему даже не пытается? Почему обида на меня только усиливается?

Один поворот и при такой массе он будет спасен. Одно движение и мои ребра хрустнут, если он отмахнется и повалится вперед... Или в этом все дело? В осторожном прикосновении к волосам? В том, как нам было больно, когда я задела вещь Ушедших?

— Веник! — протестующе закричала я.

Он услышал и понял. Он мог остановиться. Мог но не захотел. Противник пал и должен быть убит.

— Веник, он...

Маховик открыл рот и завыл. На одной ноте, жалобно и тоскливо. Когти падальщика почти ласково прошли по чужому горлу, оставляя за собой две линии. Крик прервался перечеркнутый одним движением. Но его слышали и ответили короткими отрывистыми, похожими на лай криками. Другие... Кто? Наверное, маховики... отозвались на его зов.

Хлынула кровь, в свете алой луны она казалась черной. Она имела тот же звериный запах. Ее было очень много. Она текла из раскрывшихся порезов, словно у маховика внезапно появилось еще два рта с рваными краями — губами. Кровь заливала мне руки, грудь, шею, толчками выплескивалась на лицо и сколько бы я не пыталась, отвернуться, все равно попробовала ее вкус, закашлялась, на языке осела шерсти и соль. Каждый вдох теперь был окрашен в красный цвет.

Глаза нелюдя утратили блеск, кровь текла, рот открывался и закрывался, а он все стоял, все не падал...

Веник схватил меня за плечо и я, оторвав перемазанные кровью ладони от груди маховика, вцепилась в падальщика.

— Давай, — рывкнул он, помогая выбраться, — Быстрее, — он поставил меня на ноги, — Опять на тот свет намылилась? Так только скажи...

Он потащил меня вдоль рухнувшей башни. Всего десяток шагов по битой черепице и белеющим в ночи костям. По вещам Ушедших... У сухого ствола я заметила кованный ободок, похожий на браслет присыпанный пылью. А в следующий миг едва не споткнулась о... наверное, это все-таки это была тряпичная кукла. Я увидела размытое грязное лицо, неумелой рукой намалеванное на куске ткани, нос, растянутый в улыбке рот, глаза — бусины, одна из которых сколота с краю. Только бы не коснуться, не задеть. Этот как детская игра "не наступи", пока ты не думаешь об этом, все хорошо. Но как только дашь себе зарок дойти вон до того дерева, не наступив ни на одну трещину в старом асфальте, они словно нарочно лезут под ноги, и ты спотыкаешься и спотыкаешься. Браслет, кукла, угол то ли коробки, то ли ящика, блеск осколков...

Я обернулась. Маховик продолжат стоять, продолжал умирать. Где-то впереди снова залаяли и завыли, на этот раз ближе. Широкая голова, стала медленно опускаться на старые кости. Очень медленно, словно он сопротивлялся самой смерти, до последнего не сводя с меня обиженного взгляда.

Посыпались камни, падальщик зарычал я отвернулась. Впереди показалась усыпанная листьями чаша фонтана, похожая на вкопанную в землю сферу. Снова раздался вой на этот раз с другой стороны. Я перелезла через бортик, Веник его просто перепрыгнул, пригнулся и съехал на дно, вороша прелые листья. Я скатилась следом, но не так ловко и элегантно. Он жестом приказал мне пригнуться.

Вой затих, снова слышались шуршащие шаги, пока еще в отдалении.

Щаарк — щцаааарк.

— У тебя глаза светятся, — одними губами прошептал гробокопатель, — Как у этих.

Я потерла перемазанное кровью лицо ладонями, зажмурилась, а потом открыла глаза. Кривая физиономия Веника не претерпела никаких изменений. Чтобы там не светилося, я этого не ощущала, да и окружающему миру было похоже плевать на цвет глаз.

Щарк-щарк-щарк, звук приблизился, и тут же повторился с другой стороны. Щаарк. Маховиков было уже двое.

— Не думаю, что они причинят мне вред, — ответила я, вспомнив бережное прикосновение к волосам, и то, как нелюдь до последнего стоял, как просто не позволил себе упасть на меня, и его детскую обиду. Как он остановился, когда я закричала, как Веник рвал ему спину, а он терпел... или, возможно ли такое, даже закрывал меня собой. — Скорее уж наоборот.

Шаги замолкли.

— Хочешь выйти поболтать с друзьями? — Веник сел на дно чаши. — А если у них просто с девками туго? Увидели глаза с подсветкой и приняли за свою, — его губы изогнулись обнажая клыки. — Тебе так понравилось под ним ерзать?

Ответить я не успела, его хищное узкое лицо вдруг подернулось расплывчатой рябью. Фонтан стремительно наполнялся водой. Оживали, падая в чашу прозрачные струи, наполненные красноватой тьмой ночи. Дивный опять повернулся ко мне живой стороной. Со дна исчезли прелые листья. Заблестели округлые камни. Я попыталась сделать вдох и поняла, что тону. Дернулась, пытаюсь встать, падальщик ударил ногой в щиколотку. Сделай меня Дивный человеком до конца, кости бы точно хрупнули, а так я всего лишь упала. Веник навалился сверху, не давая подняться, не давая вырваться из водного плена и сделать вдох.

— Не идиотничай, — рывкнул он и отдалившиеся было шаги снова стали приближаться. Шарк-шарк-щаарк.

Но разве я могла слышать их под водой? Разве мог бы разговаривать Веник? Разве... Вода мягко колыхалась вокруг.

Пред глазами были блестящие округлые камни, которыми выложили чашу фонтана, светло серые, темно-серые и даже черные, цепочкой убегающие под ладонь. Одна цепочка, вторая, пересечение. Две темные линии и крест прямо под рукой. Неужели я нашла? Я замерла, как зачарованная рассматривая ребристый рисунок чаши. А ведь я видела его раньше, видела, но не помню где.

Легкие начало покалывать, сперва легко, а потом все сильнее и сильнее. Интересно, можно ли утонуть в прошлом?

Веник рывком перевернул меня, на спину. Его лицо было близко, глаза полны ярости, подбородок перемазан кровью. Мы оба были перемазаны чужой кровью, которая уже подсыхала на коже, делая одежду заскорузлой и жесткой. Разве вода не должна ее смыть?

И словно услышав мои мысли, мягкое влажное колыхание тут же сменилось сухим воздухом. Сладким долгожданным вдохом.

Шарк-шарк... Шаги снова замедлились, а потом кто-то завыл. Тихо и тоненько, словно выброшенный на улицу щенок. Печаль, боль, сожаление — все смешалось в этом звуке. Маховики нашли мертвого товарища. Странно, но нечисть редко оплакивает покойников, скорее уж примется жрать труп, а эти звери... А звери ли?

— Больше держать не буду, — предупредил он, — Хочешь подружиться с маховиками, вперед. Уйду один, — я открыла рот, чтобы возразить, ведь без меня стежка его не послушается, но он никогда не был дураком, — Уйду обычный путем, через северо-запад, по стежке тех, кто таскает из Дивного артефакты. Долго, муторно и почти смертельно, но уйду. Ясно?

Я кивнула, и он разжал руки.

— Чаша это ведь круг? — прошептала я.

— Видимо, — злость падальщика сменилась настороженностью.

— А здесь, — я села и провела рукой, торопливо сгребая легкие ломкие листья, к вою одного маховика присоединился второй, сейчас мне меньше всего хотелось смотреть в сияющие глаза этих странных созданий. — Выложен крест. Крест в круге!

— Поздравляю, ты сорвала банк, — Веник приподнялся, заглядывая за бортик, и тут же присел обратно, — Будешь копать здесь? — кажется, его это предположение развеселило, я машинально отметила, что он сказал "будешь", а не "будем".

Наверное надо было ответить "да", но рюкзак с артефактом и лопатой остался где-то

очень далеко, в Заячьем холме, там у крайней могилы в Парке-на-костях.

Вой маховиков стих. Снова зашуршали под их шагами кости. Щаааааррк.

— Не сегодня, — сожалением ответила я.

— Не представляешь, как я рад, — он снова приподнялся, на этот раз оглядываясь куда дольше, а потом скомандовал. — Быстро.

Мужчина в два шага оказался у противоположного края чаши, схватился за камень, оттолкнулся от покатога края и одним слитным движением перепрыгнул через бортик. Я бросила последний взгляд на перекрещивающиеся черные линии, и испытывая острое чувство беспомощности.

Щарк-шарк-шарк, шаги снова стали размеренными. Я осторожно выпрямилась, и не увидела маховиков. Ни живых, ни мертвых, кости хрустели, где-то правее. Я подбежала к бортику и, перевалившись через ограждение, последовала за Веником в соседнюю чашу фонтана. За ней снова продолжалась улица, и дома там выглядели куда как целее, чем на предыдущей.

Под ногами было точно такое же ребристое дно, точно такой же мусор. Повинуясь наитию, я провела ботинком по дну, и едва не застонала от разочарования. Точно такая же линия из черных камней уходила к центру второй чаши, я ворошила листья пока не увидела крест. Святые! Киу, чего же ты хотела от меня на самом деле? О чем просила?

— У твоих предков отсутствовала фантазия, — проговорил Веник. — В конце улицы, я видел еще два фонтана, и один из них точно цел, — Пойдешь и там подметаться?

— Нет, — ответила я, — Пойду обратно. Домой.

Все что мне нужно это, обогнуть фонтан, свернуть у дома, от которого осталась лишь груда округлых замшелых валунов, навевавших мысли о старинных замках, вернуться на предыдущую улицу, пройти до конца, а там... подхватить стежку и окунуться в ее течение. И можно будет спокойно подумать, найти рюкзак, может быть, посмотреть еще один яркий сон о Киу.

Да, я все еще рассуждала как человек, но в оправдание могу сказать, что тот раз был последним. Моя человеческая жизнь закончилась не на алтаре у Седого, и не на той грязной прогалине у часовни, где умер Валентин и мой счет открылся. Она закончилась здесь, когда я в последний раз думала, как человек, сомневалась и искала правильную дорогу, вместо того что бы понять — правильного пути не существует. Есть лишь твой. Вниз ведет много ступеней, но даже они иногда заканчиваются. Вечности не существует, а хищники редко мучаются угрызениями совести. Я не исключение. Жизнь человека закончилась, когда я выбиралась из чаши фонтана в городе, которого давно не существовало. И никаких фанфар и салютов

Как всегда Веник почувствовал их первым, а я лишь уловила его беспокойство. Падальщик не любил сюрпризов. Я перебиралась через бортик, когда выброшенный вперед костяной крюк ударил по чаше, выбивая каменную крошку. Мои пальцы находились в трех сантиметрах от образовавшейся выбоины.

Они были еще не до конца проснувшимися и оттого немного неточными и неповоротливыми. Ближайший валун вдруг шевельнулся, в нас полетел еще один крюк на подвижной суставчатой конечности. Не долетел, упал на землю и втянулся обратно, в покрытый серым мхом шар. Не мехом, короткой похожей на валенок шерстью. Крюк втянулся и тут же метнулся к Венику. Падальщик зарычал, обнажая желтоваты зубы и легко уклонился.

Я пахла кровью. Мы пахли.

Шар приподнялся, покачиваясь на подвижных суставчатых конечностях, которые заканчивались загнутыми ороговевшими пластинами — крючьями. Посреди шарообразного тела открылся широкий рот, полный острых иглоподобных зубов. Ни глаз, ни носа — ничего лишнего. Я видела этих созданий раньше. В чужом сне. Крючник, кажется так, называла его феникс. Тварь, состоявшая из одной головы или туловища, попеременно выбрасывающая крючья, оттого никак не удавалось понять сколько их у нее.

— Колобок, колобок, я тебя съем, — нараспев проговорил Веник, и тварь, словно поняв его, разразилась кратким визгливым смехом.

Падальщик пригнулся и прыгнул, бесшумно и почти красиво, словно танцор. Одним смазанным, казавшимся бесконечно медленным движением он оказался сбоку от колобка. Тварь выстрелила очередным крюком, но Веник сбил ее в полете и прижал конечность ногой к земле, второй крюк перехватил рукой, и вывернул, заставляя тварь то ли снова расхохотаться, то ли завизжать от боли.

Еще один шар откатился от завала и еще... За чашу фонтана зацепились крючья, меня коснулся чужой голод, пустота внутри, которую нужно заполнить. Есть и спать, спать и есть. Я перелезла через бортик, крючья втянулись в шарообразное тело, словно составные части складывающегося и раскладывающегося механизма. Колобок открыл пасть и захохотал. Крюк третьей проснувшейся твари едва не пропорол мне ногу, в последний момент я успела отпрыгнуть, едва не свалившись обратно в фонтан.

Хруст смешался с визгом, очень похожим на ход несмазанных дверных петель. Веник выдрал часть сустава с крюком, понюхал и отбросил. Охромевшая тварь вместо того, чтобы собрать конечности, забиться в какую-нибудь нору, зализать раны и оплакать потерю, бросилась на гробокопателя с раззявленной пастью. Веник легко ушел с ее пути, пропустил вперед и с разворота пнул, заставляя крючника влететь в кучу щебня и битого стекла. С кучи мусора, оставленного временем, свалилась деревяшка, похожая на резной обломок картинной рамы. Я внутренне сжалась, приготовившись в волне криков, боли и отчаяния. Но к ней нельзя было подготовиться.

Дивный ожил, заговорил, закричал, запел, струны заплакали. Мертвые закричали, улицы вспыхнули россыпью натянутых голубых нитей, в голове билось отчаяние и картинки того, как гибло все, как умирали на этих улицах люди, нелюди, Великие...

Крюк впился в бедро, и боль прошлого смешалась с болью настоящего. Я упала на колено... А стежка продолжала звенеть, рассыпаясь на множество жалящих нот и всполохов. Крючник дернул конечностью, и я поняла, что уже давно кричу, что скользкими от крови руками пытаюсь вытащить крюк. Он был холодным, словно кусок мяса из холодильника. Деревяшка скатилась с кучи и остановилась. Струны издали последний аккорд стали затихать.

Второй крюк полетел мне в голову, я видела, как он отделяется от тела, как короткая шерсть, под которой перекачиваются мышцы, топорщится... Боль отступила всего лишь на миллиметр, меньше чем на миллиметр, и я выставила руки, чувствуя, как коготь входит в предплечье. Тварь завизжала у самого лица раскрывая и закрывая вонючую пасть. И не просто завизжала, забилась в конвульсиях, когда Веник, вспоров когтями шкуру, запустил руку в ее нутро, разрывая сосуды, вспарывая мышцы и ломая кости.

На самом деле это трудно, тело не состоит из пустот. В него очень трудно запустить что-то кроме ножа. И когда в фильмах разные вурдалаки одним ударом пробивали грудину и

вытаскивали сердце, легкие, почки, печень, не важно, где они находятся, достают их всегда из груди, меня пробивал хохот. А потом пот. Ровно с того момента, как я увидела, что такое на самом деле возможно. Попробуйте с размаху вогнать пальцы в кучу песка, получите незабываемые ощущения. Реальность такова, что плоть не расступается даже перед самыми острыми когтями, она трещит и рвется, она кровоточит, она конвульсирует. Чтобы просунуть внутрь руку нужно покрошить внутренности на куски, запустить ножи бленкера и нажать на пуск. Веник сжимал и разжимал пальцы, взрезая плоть, рывок за рывком погружаясь в его тело. Крючник визжал, стежка наполненная чужой болью затихла.

Самый первый колобок, столкнувшийся с падальщиком, уже лишился конечностей и теперь лежал на куче битых камней, открывая и закрывая пасть. Веник не добил его, поспешил ко мне. И я это не забуду. Внутри крючника, что-то с хрустом сломалось. Похожий звук я слышала, когда соседская машина сбила собаку, что жила во дворе. Ничейная дворняга, которой скармливали объедки, а она махала хвостом. В тот день объедки вынесла я, а сосед ее не заметил. Собачьи кости хрустели так же.

Колобки были животными, как та дворняга, звери на инстинктах без зачатков разума.

Еще один крючник расхохотался, расправляя лапы. Я выдернула подергивающийся крюк из руки. Вскрикнула, когда тварь инстинктивно попыталась втянуть второй вместе с частью моего бедра. Чтобы его вытащить пришлось залезть в рану пальцами...

Еще два камня скатились с кучи валунов, защелкали конечности. Подергивающаяся шаровидное тело замерло. Веник отбросил умирающую тварь. Ее агония не имела особого вкуса, пресная почти безэмоциональная. Твари, в сущности, было все равно, у нее не было осознанного желания жить, она не понимала ее ценности, у нее был лишь инстинкт, а он напоминал по вкусу пропаренный рис без специй, есть можно — насладиться вкусом нет.

Бедро тюкало болью, я неуклюже поднялась. Веник уклонился от очередного крюка. Крючники хохотали. Их было легко убивать, но уже с десятков колобков оживал, отделившись от кучи, которую я приняла за развалины дома.

— Уходим! — закричал Веник, — Они задавят нас числом.

Я развернулась и встретила взглядом с яркими голубыми глазами маховика, он шел по улице, размеренно махая руками и ногами. Целеустремленно шел, словно машина.

— Веник! — закричала я, прижимаясь спиной к падальщику.

— О, твои новые друзья вернулись. Видимо, недалеко ушли, — я почувствовала прикосновение к плечам, — Может, попросишь их поиграть в футбол?

— Мы не успеем, — я оглянулась на оставленную за чашами фонтана улицу, с той стороны к нам шел еще один маховик.

Веник перехватил еще один крюк и вместо того чтобы отбросить, наоборот дернул на себя, выворачивая конечность из сустава, и впечатал в зубастую пасть колено, не давая ей раскрыться. Крючник подавился хохотом.

— Бери свое невидимое лезвие! — рявкнул мне падальщик, — Порежь этих тварей на салат!

Здравая идея, первая здравая идея с момента нашего появления здесь. Я закрыла глаза, всего на миг, всеми чувствами потянувшись к стежке, по которой мы пришли. Она была похожа на переваренную макаронину, безвольная слабая, она не ложилась в руки, она падала из них. Зато вокруг были другие. Яркие, четкие, словно росчерки пера, повисшие в воздухе. Они дрожали и гудели, словно высоковольтные линии.

— Ольга, — зарычал Веник, за миг до того как меня сбили с ног.

Я ударилась о чашу фонтана, вскрикнула, бедро дернуло болью, на пропитанную кровью штанину налип мусор и листья. Каждый камешек, каждая попавшая в рану песчинка показалась мне острым булыжником. Как же не вовремя Дивный отобрал у Великой величие. Плечо начало неметь.

Ударивший меня под колени крючник расправил суставчатые конечности.

Веник стоял на четвереньках, а над ним возвышался успевший присоединиться к вечеринке маховик. Сам удар, заставивший гробокопателя упасть, я пропустила, теперь тварь давила падальщику громадной лапой на спину, словно желая впечатать в землю. Подкатившийся колобок запустил крюк падальщику в икру.

Удовлетворение твари смешивалось со злостью Веника, приправленной щепотью осознания, что все скоро закончится. Не сейчас, так потом, но конец у всех один. Не покорность, а констатация факта.

— Не надо, — попросила я, глядя в горящие глаза маховика, — Отпусти его! — и закричала, — Слышишь ты? Отпусти!

До последнего я надеялась, что он меня послушает. Он не был мне врагом, я знала это, но этого было достаточно для того чтобы не убить меня, но мало чтобы отпустить Веника.

Гробокопатель тратил все силы на то, чтобы не дать твари себя прихлопнуть, раздавить как муху, вены на руках и лице вздулись, черная повязка сбилась и сидела криво.

Я не выдержала, знала, что совершаю ошибку, но все рано сделала. Ухватила за светящееся перекрестье натянутых стежек. Ухватила не руками, а разумом. Знаете, та нить перехода в Заячьем холме, что сняла голову старшей ведьме, больше всего напоминала кнут. Переплетение сияющих нитей в Дивном походило на путаницу веревок на колокольне. Упорядоченную путаницу, тронешь один, и зазвонит сразу десяток.

И колокола зазвонили. Больно, хоть я этого и ожидала. Светящиеся росчерки хлестнули по чертовому колобку, что тянул ко мне крюки. Стежки не подвели, располосовав круглое тело на лоскутки. Боль ударила в голову, так как не ударяла никогда. Словно молотком. Нет, меня раньше никогда не били молотком по голове, но один раз я поскользнулась и так приложила затылком о лед, что звезды расцвели перед глазами. Они расцвели и сейчас, оглушая и почти ослепляя.

Но прежде чем куски плоти упали на землю, в последнем движении, перед тем как отпустить стежки, хлестнула ими вверх. Чуть промахнулась, срезая волосы с головы Веника. Волосы и часть кожи, разрезанная повязка упала, обнажая пустую глазницу. Сияющая плоть исчезла, ладонь маховика осталась лежать на спине падальщика, а сама рука распалась, кажется, на три части. Голубые глаза потухли, голова свалилась назад, грудь рассыпалась, словно состояла из детского набора кубиков. Слишком быстро, чтобы осознать.

Боль затопила все вокруг, заставляя пожалеть об утраченном равнодушии, будь оно со мной, я бы не корчилась в судорогах, загребая куски битого стекла и камня скрюченными руками. Воздух стал темнеть, а они кричали и кричали...

— Не смей отключайся! Не смей! — донесся до меня яростный шепот, скулу обожгло болью, — Немедленно открой глаза!

Боль продолжала метаться внутри черепа.

— Если не откроешь, твою Алиску скорей всего убьют, а Седой снова отправится на охоту. Мне в целом плевать, но сдохнуть раньше времени... Бери стежку, подстилка, и вытаскивай нас отсюда, — закричал он мне прямо в ухо.

— Давно меня так не называли, — слова давались с трудом, веки казались тяжелыми,

боль продолжала накатывать волнами. Я открыла глаза и увидела искривленное лицо Веника прямо перед собой, пустую глазницу и текущую по лицу кровь. Он пах землей и раздражением.

— Ностальгия? Могу еще и не то напомнить. И напомню, если не вытащишь нас в Заячий холм.

Острые камни и обломки впились в кожу, сердце оглушающе билось в груди, падальщик продолжал смотреть. Раздражение вдруг растаяло, сменившись прохладой спокойствия, будто мы сидели на крыльце его дома и пили яд с корицей. Ярость сменилась готовностью. Решение принято. Знать бы еще какое.

— Не могу, — проговорила я, облизывая губы, — Стежка по которой мы пришли слишком далеко... мы... не доберемся.

Вылетевший крюк впился в спину Веника. Падальщик дернулся, тягучий росчерк его боли был отголоском моей.

— Какая же ты, — прохрипел он, не пытаясь стряхнуть тварь, — глупая. Ольга, очнись, наконец! Демонам не нужны переходы, чтобы перемещаться, а Великим, что их создали и подавно!

— Но...

— Не веришь мне?

Колобок выпустил второй крюк, цепляя плоть падальщика, но тот словно не замечал.

— Правильно и делаешь. Только вспомни, откуда ты шагнула в Дивный? Разве с перехода?

Я смотрела в его окровавленное лицо, а он смотрел в мое. Понимание приходило очень медленно. И почти мгновенно. Запах снова изменился, теперь в нем было острое как перец торжество.

В Дивный мы пришли отнюдь не с перехода, мы пришли сюда с края Парка-на-костях.

Самая главная неправильность этого места, вдруг сделала шаг перед, предлагая рассмотреть ее со всех сторон. То, что я видела, но так старательно не замечала.

— Здесь нет безвременья, — прошептала я, — Это неправильно.

— Конечно, — согласился гробокопатель.

Колобок захохотал, подтягиваясь на своих крючьях-лапах. Собратья — валуны ответили таким же смехом, по спине падальщика потекла кровь, слышались хрустящие размеренные шаги маховика.

— Дивный брошен, но *non sit tempus* до сих пор не съело дома и улицы. Почему?

— Не тому задаешь вопросы, — рывкнул Веник и напомнил, — переход! Бери стежку!

Еще один шар расправил суставчатые лапы.

Времени не осталось.

Нельзя ошибиться, нельзя коснуться ни одной из голубых натянутых нитей, сплошное нельзя. Здесь стежки брали свое начало, словно контрастные нити, словно направляющие всех путей. Здесь они несли боль, но если ухватить нить не Дивном, а дальше, там, где напряжение, или как оно на самом деле называется, слабело, то...

Некогда выбирать, некогда анализировать, лишь одна стежка лежала за пределами города, вернее их наверняка много, но я помнила лишь об одной. Та, по которой мы пришли.

Если Веник прав, то физические расстояния не имели больше для меня значения. А если не прав, то мы умрем. Все просто.

Я потянулась к нити перехода и едва не застонала от разочарования, далекая стежка все

также напоминала переваренную макаронину, или пустой шланг.

Крючник вспрыгнул на спину к Венику. Чужая боль накатывала волнами, но мужчина продолжал смотреть на меня. Его раны, мои, все смешалось, а стежка все выskalзывала и выskalзывала из рук.

— Та стежка дохлая, как была дохлой, так и осталась. — Его руки смяли грязную ткань рубашки, пальцы коснулись кожи, ответ лежал на поверхности. Не только я перенесла нас сюда. Я и он. Я и то, что он со мной делал, — Ты это серьезно?

— Да. — он навалился на меня всем телом.

Это было самое абсурдное, что могло произойти с нами здесь. Спину падальщика вскрывают словно консервную банку, а он...

— Думаешь, я смогу... Мы сможем в лужи крови... Что мне может это понравиться?

— Да, — перебил он невнятный лепет.

Вылетела еще одна пара крючьев, зубастый рот на круглом теле твари раскрылся, словно кто-то дернул за молнию, заставляя края щели разойтись...

Его руки оказались неожиданно теплыми.

Хрустящие шаги замолкли, и я увидела светящиеся глаза склоняющегося над нами маховика, в них по-прежнему горела обида. Она смешивалась с хищным предвкушением Веника, с теплом. С тяжестью чужого тела. С болью.

— У тебя из уха идет кровь, — ласково проговорил падальщик, таким тоном, словно делал комплимент, и, нагнувшись, слизнул ее с шеи.

Он пах землей, кровью и смертью. Он был грязен. Он был отвратителен. Он был теплым. Отвратительно притягательным. Мужские ладони сжались на талии...

Маховик начал поднимать руку.

— Забудь, — прошептал он, — Просто забудь.

И в тот момент, когда его губы коснулись моих...

Хохотали колобки, разрывая плоть.

А я вбирала тепло. Сейчас не было ни притворства, ни равнодушия. Его колючее возбуждение впитывалось в тело. Огонь пробежался по венам, и стежки вспыхнули. Все без исключения. Они наливались силой, почти искря от едва сдерживаемого напряжения.

Я попыталась отстраниться и глотнуть немного воздуха, губы приоткрылись, и в рот скользнул язык.

Медный вкус крови. Сегодня ее было пролито очень много. Чужое медленное движение, словно тебя пробуют на вкус. Надо было ужаснуться, надо было оттолкнуть его, но вместо этого я издала стон.

Есть такое чувство, оно горькое, но ты хочешь испытать его снова и снова. Когда переходишь грань, секунду балансируешь, а потом... Это как ходить по натянутой над пропастью проволоке, рано или поздно упадешь, и головокружительный миг полета будет самым прекрасным в твоей жизни.

Мир расцвел цветными росчерками, отдаваясь с каждым ударом сердца. Я взлетела, как наполненный гелием шарик, Дивный уменьшился, все уменьшилось, превратившись в пластиковую поделку. Я смогла, наконец, рассмотреть его целиком, как глобус в кабинете географии. Увидела очертания материков, нашу тили-мили-тряндию, проступающую сквозь привычное изображение грязными пятнами язв. Увидела черное марево безвременья, Юково, холмы, Серую цитадель, Землю Детей, пустоши, пустыни, желтый песок. Мир был расчерчен светящимися линиями, вроде бы без всякого порядка, но я знала, что порядок

есть. Изломанный, чуждый, но есть. И стоит мне протянуть руку к любой из этих линий, не настоящую руку, вымышленную, даже скорее мысль, и нужная дорога ляжет под ноги.

Видимо, мне все-таки загрузили карту GPRS.

Веник оторвался от моих губ, задрал рубашку и с рычанием приник к коже. Прикосновения шершавого языка казались слишком нарочито грубыми. Он не собирался жалеть меня. Он собирался желать.

Не раздумывая, я подхватила нить и сжала ладонь. Мир рывком приблизился, словно я только что сделала на качелях солнышко. Воздух вскипел, горящие огнем глаза маховика исчезли, как и земля, чаши фонтанов, Дивный... Нас бросило в водоворот перехода. Одно наслаждение наслоилось на другое, боль смешалась с болью.

Крючник на спине гробокопателя издал невнятный клекот, его конечности с треском разорвались, водоворот сломал его, искорежил и отбросил как ненужную вещь.

Не водоворот. Я.

По этой стежке мог пройти только тот, кого я проведу, и стоит на миг разжать обхватывающие лохматую голову руки, на миг допустить мысль, что падальщик мне не так и нужен. Стежка изломает и его. Перемелет словно мельница.

Веник почувствовал это и поднял голову. Из пустой глазницы выглядывала тьма, губы кривила провоцирующая усмешка. Давай, скинь меня! Падальщик и сам почти желал этого.

Какого черта, он заслужил смерть тысячу раз...

Голоса шептали, плакали, звали, их песнь была почти красивой. Возбуждающей. Тяжесть чужого тела и невысказанные вопросы, на которые совсем не хочется отвечать.

Дивный исчез, мы упали на редкую траву. В бок врезался могильный камень безымянного захоронения Парка-на-костях. Рука задела брошенный рюкзак. Я вернула нас на то же место с точностью до сантиметра.

Веник отстранился, убирая руки с исцарапанной кожи. Кольнуло сожалением, и он тут уловил его. Тихий смех падальщика отдался внутри теплым предвкушением.

— Скажи, чтобы я остановился, — потребовал мужчина, склоняясь к моим губам.

Это было дерзкое прикосновение. Дразнящее и легкое с привкусом запрета и запахом крови. Одна мысль пронеслась в голове. Она приходила и раньше, но никогда не задерживалась, по сути, очень простая.

Он не Кирилл. Все. Точка.

Губы Веника были требовательными, но... Как он сказал, я могла остановить его в любой момент. Могла думать, например, о том, как прятая тяжесть мужского тела. Или о том, какого это будет. Могла предвкушать. Ощущать чужие руки на теле, чужие губы. Впервые. Я встретила Кирилла слишком рано, а поняла, что он такое слишком поздно. Моя жизнь была скучна, как у какой-нибудь безнадежно влюбленной старой девы. Истина в том, что не желала себе иной судьбы. Как сейчас не желала останавливать Веника.

Его губы изогнулись в усмешке, я почувствовала ее своими.

— Так мне остановиться? — прошептал он.

Ответ был ему известен, но он хотел услышать его от меня.

— Нет, — прошептала я.

— Повтори, — потребовал он, проводя пальцем по животу, все выше и выше.

Я приподнялась на локтях:

— Нет. Я не хочу чтобы ты останавливался. Так достаточно громко? Или повторить?

Его ладони снова скользнули на талию, комкая ткань, на миг мужчина отстранился,

чтобы стащить с меня рубашку, мы задели рюкзак, и там что-то загремело.

Он по-звериному заворчал, я рассмеялась. Веник схватил меня за волосы и снова поцеловал, заставляя замолчать. Резкий до боли поцелуй, от которого на глаза навернулись слезы. И их соленый вкус смешался с горечью его прикосновения. Грубость тут же исчезла, ладонь разжалась, и мы упали на землю. Я ударилась об угол надгробия... Что там на нем нарисовано? Круг? Квадрат? Не важно.

Дыхание смешалось, Языки соприкасались, словно танцуя, подчиняясь древнему как мир ритму. Когда он отстранился, я потянулась следом. Его ладони легли на грудь лаская сквозь тонкую ткань белья. И разочарованный вздох сменился требовательным стоном. Веник подцепил лямки бюстгалтера и дернул, легко разрывая ткань. Разрывая и отбрасывая в сторону.

Обнаженной кожи коснулся прохладный воздух. Веник замер, приподнявшись на руках. Он смотрел на меня, на мое тело, так смотрел... Один горящий желанием глаз и черная пустота пустой глазницы. Его взгляд дарил не меньшую чем руки ласку, от которой кожу начинало невыносимо покалывать.

— Коснись, — прошептала я.

Веник поднял голову.

— Коснись меня.

На этот раз никакой усмешки, никакого торжества, лишь предвкушение. И ожидание, которое само по себе сладко.

Его ладони накрыли грудь. Пальцы дразнили, сжимали... А потом руки сменили губы, я выгнулась, шершавый язык царапал кожу. От рубашки Веника остались одни лохмотья, я сдергивала их, не задумываясь. Грязь, пот, засохшая кровь. Ничего не имело значения. Ткань сползала с него лоскутами, как отжившая свое кожа. Рука нерешительно замерла у обнаженного плеча.

Он оторвался от моей груди и, не поднимая взгляда, приказал:

— Коснись меня... Коснись, ну же! — кожу обожгло дыханием.

И я дотронулась, провела пальцами по плечу, груди, спустилась к животу. Он судорожно выдохнул. Напряженные мышцы чуть подрагивали, кожа теплая. Я уцепилась за пряжку ремня, просунув пальцы под пояс джинс. Веник зарычал, отбросил руку, и теперь уже сам склонился над моими брюками, дергая ткань, бегунок молнии, стаскивая кроссовки, сдирая штанины. Я низко, не узнавая своего голоса, смеялась, помогала или больше мешала, не знаю. Кожи касался ветер, мелкие уколы острых камней, травы... А еще взгляды, тоже жадные, тоже нетерпеливые, тоже чужие.

— Они смотрят, — прошептала я.

Веник схватил мою лодыжку, коснулся губами щиколотки, потом икры, лизнул колено.

— И пусть смотрят, — ответила я сама себе.

Пусть смотрят, пусть докладывают, и я даже знаю кому. Мысль была приятной. Я хотела чтоб он узнал, чтоб почувствовал... Или ничего не почувствовал. Говорят, демоны не умеют. Пусть так. Сегодня я буду делать это за нас обоих.

В Венике мелькнула едва ощутимая горечь. Он коснулся губами внутренней стороны бедра, язык оставил на кошее влажный след. Мучительная ласка, Мучительно-неприличная, но я не хотела, чтобы она заканчивалась. Никогда. Я запустила руки в его вечно растрепанные волосы, пальцы скользнули по запекшейся крови, по ране, что нанесла я, взяв в ладони стежку.

— Больно?

— Нет, — Веник посмотрел в глаза, перехватил мою руку и завел себе за спину. — Это хуже.

А там... там все было перепахано, перекорежено, перевернуто.

— Веник... — охнула я, коснувшись застрявшего над лопаткой когтя крючника.

Но он снова закрыл мне рот поцелуем, и только потом ответил:

— Веник. Запомни, — я снова ощутила его прикосновение к бедру и выше. Раздался едва слышный, мягкий треск, и в его руке оказалась последняя часть моей одежды. Разорванные трусики полетели на могильный камень.

— Твоя спина...

— Плевать, — он схватил меня за руку, дернул на себя, увлекая следом.

Веник упал назад, на раны, на камни, задевая боком могильную плиту. Горечь сменилась сладкой вспышкой боли. Он отбросил волосы с лица, легко пробежался пальцами по спине, словно пианист клавишей рояля, опустил руки ниже, сжал ягодицы.

И я поняла, что больше не могу, это выносить. Что мне на самом деле наплевать на все, даже на боль, и на взгляды, на чертову горечь. Хватит. Сегодня, сейчас, буду думать только о себе.

Я выгнулась, отстраняясь, и села на мужчину сверху. Пряжка ремня казалась холодной и неподатливой, ткань брюк лишней, собственные пальцы неуклюжими и неповоротливыми. Его запах изменился, став терпким, колючим и притягательным. Хотелось потереться о его кожу, провести пальцами, потом губами... Нетерпение обжигало. Ни минуты промедления. Ни разговоров, ни воспоминаний, ничего.

Наши руки соединились. Как и наши тела. Так долго сдерживаемый огонь ворвался внутрь меня. Пальцы переплелись. Одно движение бедер за другим. Пламя внутри и лед снаружи. Шепот ветра. Мой вдох, его выход. С каждым разом все быстрее и быстрее.

Веник что-то пробормотал, и вдруг поднялся, сел, заводя наши соединенные руки мне за спину. Сухие шершавые губы коснулись моей груди. Я дрожала, я приподнималась и опускалась. Еще раз и еще. Сладкая пытка не кончалась. Его руки сжали мои, зубы прикусили кожу. Миг острой, как нож боли... И все исчезло.

Я сама превратилась в пламя, в пульсирующий огонек, который так легко задуть.

Веник рычал, все еще впиваясь в мою плоть. Рычал и содрогался. Его удовольствие слилось с моим, укутало, закружило, зазвенело в ушах. Сердце остановилось. И на миг все показалось таким ясным, таким чистым.

Плюс и минус. Два полюса. Огонь и лед. Сейчас со мной был огонь.

Кажется, мы упали обратно на редкую колючую траву. Кажется, лежали так долго. Не знаю. Луч солнца попал в глаза, я заморгала, пошевелилась, скатилась с Веника и села. Он лежал на спине, положил руки за голову и всматривался в далекие кроны деревьев.

Падальщик не сказал ни слова, даже не отреагировал. Что ж молчание после секса мне было знакомо. Когда сказка заканчивается не надо открывать рот и говорить. Не надо все портить.

От белья мало что осталось, одежда была грязной, а прикосновение ветра к обнаженной коже таким приятным, что я натягивала брюки и рубашку с легким чувством брезгливости.

— Как первая измена? — растягивая гласные спросил Веник.

И я с удивлением поняла, что ему и в самом деле интересно.

— Хорошо, даже более чем, — ответила я, подходя к гробокопателю, он не стеснялся наготы и не торопился одеваться, — А знаешь, что понравилось больше?

— Просвети.

— Что ты сказал "первая" — я подняла рюкзак, — Кстати, кто выиграл пари? Получишь пару бедренных костей?

— Неа, — ответил Веник, приподнимаясь и застегивая штаны, — Слишком долго принюхивался.

— И оно того стоило?

— Да, — в его голосе звучала убежденность, — Твое "коснись меня" я запомню.

Падальщик уловил мою неловкость и засмеялся. Черт, он ведь это специально сказал. Сколько мне лет, пора бы уже перестать вести себя как молоденькая инженеру, но... Одно дело молчать о сексе и совсем другое говорить.

— Ты сама спросила, — отсмеявшись, проговорил он, сидя на земле.

Я расстегнула рюкзак, вытащила бутылку воды и скомандовала:

— Переворачивайся, — еще бы голос поуверенней.

Но Веник послушался, лег обратно и перевернулся на живот. Его интерес имел привкус старого крепкого чая. Поколебавшись, я снова села на него верхом, открутила крышку, сделала глоток, а потом наклонила бутылку и стала лить воду на грязную спину. Гробокопатель даже не дернулся, положил подбородок на сложенные руки и проговорил:

— Бессмысленное занятие, через пару дней и следа не останется, — он зевнул, — Особенно если пожрать. Как думаешь, мне отдадут труп той ведьмы, с которой ты сняла голову? Я попрошу очень вежливо.

— Попроси, — я отставила бутылку и прерывисто вздохнула.

Спина Веника представляла собой перепаханное поле. Несколько рваных ран, они бугрились, словно перекрученные веревки, которые запихнул под кожу. В мышцах застряли обломки когтей крючников. Первый над лопаткой, второй в левом боку. Один торчал наружу, второй был почти полностью погружен в тело. Но ни воспаленной красноты, ни синяков, ни кровотечения, края ран уже схватись. Веник прав, скоро и следа не останется, вот только эти крючья... В машине Кирилла была аптечка, понятия не имею зачем демонам бинты и жгут, разве что удушить кого-то, но тем не менее она там была. Кажется даже не распакованная, черная коробка в прозрачном хрустящем целлофане лежала в багажнике.

Не успела мысль до конца сформироваться, как упругая нить стежки скользнула в руку. Послушная, наполненная энергией, приносящая, в отличие тех, что в Дивном, не боль, а удовлетворение. Все получилось быстрее, чем в прошлый раз. Это как подвернуть лодыжку, связки становятся уязвимым местом, и травмировать второй раз их еще проще. Стежки были моим мысленным вывихом.

Нас рвануло вперед, Веник зашипел и засмеялся, чужие голоса, чужая боль, удовольствие. Земля исчезла и вернулась. Быстро, почти мгновенно, мы оказались за узкой уходящей вверх в Заячьему холму тропе, рядом с которой стоял большой черный внедорожник.

— Не могла поближе к кровати нас перетащить? — высказался, подняв голову, гробокопатель.

— Мы еще не закончили дело, — ответила я.

— Ты не закончила. Я закончил, во всех смыслах.

— А я с тобой еще нет, мне нужна аптечка, — коснулась израненной спины.

— Хочешь поиграть в доктора?

— Что-то вроде того, — я коснулась застрявшего над правой лопаткой крюка и уловила отдаленный всплеск боли, Веник даже не вздрогнул, — Ты хоть иногда вспоминаешь, каким человеком был? Не жалеешь, что заключил сделку?

— И почему, стоит переспать с девкой, как она сразу наглеет? — он говорил с издевкой, но настоящей злости в падальщике не чувствовалось.

— Надо пользоваться моментом, — я обхватила коготь пальцами, — Так как? Кем ты был? И когда?

— Зачем тебе?

— Затем, что если я буду слушать, то не буду думать, о том, что именно делаю, — я потянула за коготь, рана снова открылась.

Веник втянул носом воздух, его кровь пахла чем-то прелым, словно затхлая вода в стоячем пруду. Несколько секунд гробокопатель молчал, а когда я уже подумала, что все мои слова пропали в тую, Веник заговорил. Медленно и хрипловато, воспоминания, которые он хотел пробудить, оживали очень неохотно.

— Начало века, Россия, Санкт — Петербург переименовали в Петроград, Первая мировая война, — она говорил короткими рубленными фразами, словно подбирая пароль к своей памяти, — Молодой матрос, бывший студент, получил в грудь осколками шрапнели. Стараниями корабельного врача он дотянул до госпиталя. Не должен был, но дотянул.

Я снова взялась за коготь.

— Оперировал молодой врач. Не помню в чем было дело, в неопытности хирурга, или в том, что двумя днями ранее умерла родами его жена, ребенок не сегодня — завтра готовился последовать за матерью...

Одним рывком, я выдернула коготь, Веник споткнулся, но тут же продолжил:

— Но хирург не смог удалить всю шрапнель. До одного осколка не добрался, не смог или не захотел.

— Солдат выжил? — я снова стала смывать кровь, воды в бутылке осталось меньше половины.

— Выжил, ушел в один из дней с куском свинца в груди. Это как бомба с подожженным фитилем, если металл сдвинется, то можно сразу выбирать гроб покрасивее. Недалеко ушел, до ближайшей рюмочной. И там, опрокидывал стопки одну за другой до самого вечера. А потом вернулся в госпиталь, встретил того врача, и во вселенской обиде на мир, царя и отечество избил его. Хорошо избил, до кровавых соплей.

— А ты? — я коснулась второго когтя, но тот сидел глубоко.

— А я был тем самым врачом.

— И ты... — мои пальцы замерли.

— Нет, я не умер, — он хрипло рассмеялся, — Лежал и злился.

Я снова погрузила пальцы в рану.

— В своем же госпитале и лежал. А этажом выше умирал мой сын Марк. Порок сердца врожденный. Я даже пару раз бога звал, но откликнулся совсем не он.

Скользкими от крови пальцами я, наконец, смогла подцепить обломок когтя.

— Кто к тебе пришел?

— Прежний вестник, тот самый, что не пережил встречи с черным целителем, когда вы оба у него гостили. Я курил в коридоре, тогда все курили табак, опиум или нюхали. Хорошо одетый господин с черными ногтями, который предложил мне невозможное.

— И ты поверил? — задержав дыхание, я дернула за коготь, тот шевельнулся, но остался в ране.

— Почти, — прошипел Веник, — Вестники умеют убеждать, в этот момент по коридору, как раз шла медсестра, так он попросил ее оголить грудь. И та, сияя улыбкой, послушалась. Эх, все бы девки, так делали. Вестник — это голос демона.

— Чего же ты пожелал? — я снова ухватила коготь.

— Жизнь сына в обмен на душу. Хорошая сделка, особенно когда предмет торга нельзя взять в руки и потрогать. Душа, а есть ли она? В церкви я не был с момент смерти жены. В общем, думаю сильно меня ударили по башке, раз я согласился, и даже дополнительное условие не смутило.

— Какое? — коготь поддался на несколько миллиметров.

— Я должен быть найти того солдата, что вытащил из-за черты, вырезать любой орган и съесть. Вернее, всего лишь попробовать на вкус, — гробокопатель хмыкнул, — Вестник никогда не переоценивал человеческие возможности.

— Условие? — я нахмурилась, — Но это неправильно. Никаких условий, душа в обмен на желание.

— Где ж ты раньше-то была, честная моя. Мне предлагают убить пациента, а я должен оспаривать юридическую сторону сделки с нечистой? — я ощутила в нем застарелую горечь, — Долго там еще? — Веник шевельнул плечами. — Я, конечно, могу понять, что тебе нравится ковыряться в крови, но мне уже надоело языком чесать. Оставь, само выйдет, как любое другое дерьмо.

— Минута, не больше, — пообещала я, и снова взялась за обломок, — Ты выполнил условие?

— О да, — проговорил гробокопатель, так, словно эти воспоминания до сих пор доставляли ему удовольствие, — Нашел, напоил, привел к себе, тот даже ничего не заподозрил. Наверное, есть что-то интересное в том, чтобы бухать с тем, кому еще недавно рыло чистил, — мышцы на спине Веника напряглись, — У меня была квартира... там я и вырезал у него печень, прямо на кухне. Привязал к батарее, вставил кляп и... Кстати, печень пьющего человека — страшная гадость, не ешь.

— Не буду, — пообещала я, сжала пальцы и дернула, вытаскивая обломок когтя.

— Так я и стал падальщиком. Ничего романтического. Как всегда одна грязь.

Я вылила на спину остатки воды и встала:

— Повязку бы наложить.

— Еще предложи зеленкой помазать, — Веник поднялся мягким смазанным движением.

— Что не так? — прямо спросила я, глядя в его лицо, сейчас без повязки оно казалось гротескно уродливым, — Я же чувствую запах обмана, запах злости. Ты выполнил условие, пусть кто-то и ставил эксперимент, пытаюсь нащупать взаимосвязь между поступком и той тварью, которой станет человек, что с того? У истории нет сослагательного наклонения. Или ты задаешься вопросом кем бы стал, не убив солдата? Падальщиком? Или свааром? Подвием? Не так грязно, но суть от этого не меняется.

— Кто-то? А ты не знаешь кто? — он усмехнулся, — И кого уговариваешь? Меня или себя? Мне давно плевать на это. Я падальщик и научился жить по новым правилам. Многих убил, и многих сожрал, зачастую это были разные люди. И убью еще больше, когда игроки сбросят карты, и сдающий перемешает колоду, так что оставь сожаления, у меня от них

изжога.

— Тогда в чем дело? — продолжала допытываться я, — В чем подвох? Твой сын жив?

— Не задавай глупых вопросов, — он по-хозяйски положил мне руку на талию, — Ты его видела.

— Видела, — согласилась я, вспомнила Марика, что учился в *filli de terra*, и тут же поняла. Догадка было скользкой, противной, как пиявка она имела солоноватый привкус, привкус обмана.

— Поняла, наконец, — оно притянул меня к себе, с интересом вглядываясь в лицо, — Со мной они могли делать все, что угодно, — он провел пальцем от запястья до плеча, коснулся ключицы, — Я предполагал, что об меня вытрут ноги. И вытрут не раз. Мой сын поправился, но стал падальщиком. Не заложником. А урожденным, так что это даже повышение. Вестник не сказал об этом ни слова. Ни звука! Ни намека! Марк должен был остаться человеком.

— Мне жаль, — снова повторила я.

— Я же сказал, не стоит, — он дернул головой, — Будь это иначе, я бы нашел способ вернуться, взять хотя бы песок Простого, стал бы человеком, но — он склонился к моему лицу, — Я не могу решать за него... Ольга, — позвал гробокопатель.

— Что? — выдохнула я, его губы были в миллиметре от моих.

— Хочешь еще раз извальяться в грязи?

Вместо ответа, я подалась вперед, прижимаясь к Венику всем телом. Нечисти не нужны слова.

Я проснулась на закате, резко дернулась, ударяясь коленями о руль, села и потеряла глаза.

Снилась какая-то чушь — Дивный, чаши фонтанов и их круги с крестами, маховики и Киу, стоящая посреди улицы. Из всего сна она запомнилась ярче всего, особенно ее расстроенный взгляд, там смотрит мать на ребенка, уронившего чашку, мать, у которой уже нет сил его ругать, так как весь сервиз давно разбит неугомонным чадом. Без упрека, лишь огорчение.

Я потянулась и огляделась. Спать в машине оказалось не особо удобно, и совсем неромантично. Но чувствовала я себя на удивление хорошо. Соседнее сиденье пустовало. Когда и куда ушел Веник после того, как мы закончили свои интенсивные упражнения, я не знала, да и не особо переживала по этому поводу, немаленький.

Солнце почти село, раскрашивая высохшую траву холмов алыми закатными красками. Я вылезла из автомобиля, на миг ощутив спиной взгляд, обернулась, но там никого не было, лишь трава. Ни дыхания, ни биения сердца. Я закрыла дверцу машины и снова вздрогнула, теперь кто-то смотрел на меня совсем с другой стороны и кажется... я знала этого "кого-то".

Взгляд исчез, сменившись ветром, заставляющим шуршать траву. Я снова осталась одна.

— Чего ты хочешь от меня? — тихо спросила я, — Устала я от ваших загадок.

Чужой взгляд на миг ожег яростью и снова исчез.

— Киу, — позвала я, и мне ответил ветер, щедро приправленный обидой.

Неужели невыполненное обещание заставило ее вернуться? В книгах постоянно об этом пишут, хотя откуда им знать?

Я вытащила рюкзак, и обида тут же сменилась нетерпением.

— Я не знаю, где ты прикопала своего ошера, — в пустоту проговорила я, снова ощутив

чужой взгляд, чужие чувства, чужое присутствие и подняла голову.

Она стояла посреди заросшего травой поля и смотрела на меня. Трава колыхалась, проходя сквозь силуэт, тонкий, неровный, почти незаметный, словно рисунок, обозначенный несколькими штрихами на хрупкой кальке. Не человек, не душа, не призрак, а что-то другое. Воспоминание, скорее всего порожденное моим сознанием, моим невыполненным обещанием. В нашей ти-мили-трюндии либо ты держишь слово, либо огребаешь последствия.

— Не знаю, — со вздохом повторила я, — Что теперь? Я скорее разобью себе голову камнем, чем позволю тебе тронуть Алису.

Она не шелохнулась. Не человек, а его очертание. Если не приглядываться можно и не заметить. Если не чувствовать чужое внимание, не знать, что оно есть. Она смотрела, точно так же, как в моем сне, точно так же, как Дивном, точно так же...

Точно так же. Точно так же!!! Великие, какая же я глупая! Все было тут прямо у меня перед глазами. Все точно так же!

Я схватила рюкзак и бросилась к склону, в спину летел неслышимый, щекочущий кожу смех Киу. До тропы перехода я даже не добежала, подчиняясь вспыхнувшему, как факел во тьме, желанию стежка легла под ноги, и смех мертвой девушки сменился сотней других голосов, ее веселье смешалось с эйфорией перехода. Миг восхитительной невесомости, и я снова стояла на твердой земле Заячьего холма. Снова смотрела на деревья великаны Парка-на-костях, на срезанную верхушку Источника, на прямые как стрела улицы поселка. Глупо было не замечать очевидного. Эх, Киу, как жаль, что мы говорили на разных языках! И до сих пор продолжаем говорить!

Я бежала, прекрасно понимая, что несколько минут погоды не сделают, что ничего не изменится, если я перейду на шаг. Великие, этот ошер столько ждал, вряд ли, несколько мгновений способны что-то изменить. Но все равно бежала, не могла заставить себя остановиться. Воспоминания оживали, подтверждая догадку и снова заставляя сетовать на слепоту. Дивный, его старые фонтаны, горящие улицы Заячьего холма... И еще один штрих — Шорох Бесцветный в моей спальне, больше всего желающий никогда не видеть артефакт, что сейчас лежит в рюкзаке. Шорох Бесцветный говоривший, о том, что слышит его.

Я остановилась, выдохнула и посмотрела на чашу источника. Ту, что я когда-то назвала природной. Природно-круглой. Великие, весь Дивный был застроен такими источниками и их круглыми чашами. Я не помню, что на дне у этого. Наверное, потому, мне и потребовалось, столько времени, чтобы разгадать загадку, но это и неважно. Значение имело то, что любая вещь, побывавшая в чистой воде источника, любое заклинание, проклятие, яд, да что угодно, исчезали, растворяясь в его чистоте.

Киу... Киу... Какими извилистыми путями идут наши мысли? Ты знала об источниках, знала, что будет, если омыть в его водах это старое железо? Знала, я уверена. Больше не будет "последнего в роду артефакта", не будет "последнего в роду ошера", кость станет костью, а железо — железом. Твой ошер обретет покой. Надеюсь... потому что червячок сомнения еще оставался.

Я подошла к краю чаши. Здесь в глубине мира, день еще даже не перевалил за середину. Время замедлилось, замерло, звеня в вышине. Я достала из рюкзака целлофановый сверток с костью и несколько скрепленных колец доспеха, сжала в руках, готовясь сделать шаг. Шаг, который погрузит меня в источник. Святые, я помню, насколько холодна проточная вода в этой чаше.

Выдох. Момент истины. Я едва не рассмеялась, я почти шагнула сама, подняла ногу,

когда удар по голове опрокинул меня вперед.

Вас били по голове так, что пред глазами темнеет, светлеет, а потом цветные пятна мельтешением, словно в калейдоскопе, доводят то тошноты? Тогда вам повезло, пусть везет и дальше.

Я кувырнулась вперед, тепло сменилось холодом, отепляющая боль в затылке, пронзила насквозь, отдаваясь пульсацией где-то за ухом. Мир расцвел и потемнел. Воздух вышел из легких в жалкой пародии на крик.

Кто? Почему? Вопросы были подобны молниям. Но я знала ответ на один из них. Еще одна очевидность в мире полном загадок. Кто мог подойти ко мне незамеченным? Кого я не чувствовала, пока не понимала, что он рядом? Кто так легко пропадал с внутреннего радара?

В нашей тили-мили-тряндии можно было заниматься сексом с женщиной ночью, а с утра положить на алтарь и вырезать сердце. С чего я решила, что со мной будет иначе?

И все же, прежде чем уплыть во тьму, не могла не спросить, пусть и мысленно:

— За что, Веник?

Но никто не услышал вопроса. Падальщик пошел ва-банк, сдающий распаковал новую колоду карт.

Руки коснулись каменистого дна, я изогнулась, перед глазами роились четные мошки, грудь сдавило, вода колыхалась вокруг...

— Мммм, — я замычала, затрясла головой, изгибаясь, тьма то сгущалась, то рассеивалась.

Сориентироваться в воде очень трудно особенно в самый первый момент, особенно когда грудь жжет от недостатка воздуха, когда не понимаешь где верх, а где низ. Я когда пришла мысль, что возможно, так даже лучше, пришла мысль, что можно уже успокоиться и пусть продолжают партию без меня... Нет, мысль не была ни приятной, ни отталкивающей, она была никакой. Именно в этот момент перестав дергаться, я коснулась ногой камней чаши, и тут же поняла, где дно, где воздух и солнце.

И глупости тут же вылетели из головы. Я резко оттолкнулась от камней и ринулась к яркому свету дня, казавшемуся таким зыбким. Рывок, еще рывок, вода, казалась такой тяжелой, такой давящей... Я кажется зарычала, снова навалилась тьма, на этот раз непроницаемая, как покрывало или саван, но...

Это же не море, и даже не река, просто пруд, пусть и глубокий. Что со мной? почему, я никак не могу выплыть, хотя тут дел-то на два гребка?

Я снова рванулась, и тут, чья-то рука ухватила меня волосы и дернула кверху. Воздух был сладок, слишком сладок, чтобы надышаться, и я глотала его, глотала, уцепившись за бортик, ноги тут же коснулись покатога дна... Где тут тонуть-то?

— Живучий, — то ли с восхищением то ли с сожалением сказал кто-то заслоняющий солнце, и снова дернул меня за волосы, перетаскивая через бортик, — Хоть и разбавленная, а кровь Великих, что ты хотел...

Я ударилась боком о камень, продолжая хватать ртом воздух. Что-то было не так. Сильно не так. Все мои чувства просто кричали об опасности. О смерти.

— Что... — проговорила я и похолодела, голос был не мой. Хрипловатый и ломающийся, широкие ладони и запястья, серые брюки...

Чужие пальцы ухватились за бортик фонтана, отражение в воде колыхалось и казалось зыбким ненастоящим. Широкоскулое лицо, спутанные короткие волосы светлого соломенного оттенка, голубые глаза, нос с горбинкой, разорванное ухо с которого на плечо

капала кровь. Я едва успела окинуть взглядом напуганное лицо парня лет пятнадцати, как меня отбросило.

Не его, а именно меня, вытолкнуло из тела, выбросило словно порывом ветра. Я проехала по земле, одежда на задралась, но... даже не почувствовала. Абсолютно. Все еще слишком оглушенная, я вскочила на ноги, едва не упала обратно. Парк-на-костях исчез, вместо него мы стояли у чаши фонтана рядом с высокой округлой башней, той самой, что через несколько тысяч столетий будет лежать перегораживая всю улицу. Мы стояли в Дивном.

Снова это мимолетное ветренное касание, и буквально увидела, как меня проходят насквозь. Пробегают. Пацан, чем то неуловимо похожий на того, что только что пытались утопить в фонтане. Размазывая слезы по лицу он бросился к брату.

— Что будем с ними делать? — спросил массивный мужчина в кожаной одежде, в руках он держал двусторонний топор или, кажется, это называется секирой. — Утопим?

— Меняющий велел к нему приволочь, — ответил ему голос, и вслед за парнем к фонтану вышел мужчина, вроде ничем не примечательный, невысокий, среднего телосложения, среднего роста, с пегими волосами и фиолетовыми глазами, зрачки в которых по форме напоминали звезды. Джин.

Я инстинктивно отступила, что бы быть в не зоны его досягаемости, что бы он не смог коснуться, и вдруг поняла, что задеваю плечом куст с красными цветами. И эти самые цветы беспрепятственно проходят сквозь плечо.

Дивный был жив, люди и нелюди, его населявшие были живы. А вот я была призраком.

Где-то вдали раздались хриплые крики, и к нам выкатились два шара, затормозили, расправляя крючья...

— Серх, — скомандовал тот, что держал топор и на его запястье на миг загорелся алым браслет подчинения. Крючники тут же сложили конечности, едва заметно выжидаяще подрагивая. — А ну, пошли, — скомандовал он мальчишкам, пихая старшего в спину. — Великое отродье, что вас черти взяли.

Я снова рванулась, и тут, чья-то рука, ухватив меня волосы, дернула кверху. Воздух был сладок, слишком сладок, чтобы надышаться, я глотала его, глотала, уцепившись за бортик, ноги коснулись покатога дна. Где тут тонуть-то?

— Живучий, — то ли с восхищением, то ли с сожалением сказал кто-то заслоняющий солнце, и снова дернул меня за волосы, перетаскивая через бортик, — Хоть и разбавленная, а кровь Великих, что ты хотел...

Я ударилась боком о камень, продолжая хватать ртом воздух. Что-то было не так. Сильно не так. Все чувства просто кричали об опасности. О смерти.

— Что... — проговорила я и похолодела, голос был не мой. Хриловатый и ломающийся, широкие ладони и запястья, серые брюки...

Чужие пальцы ухватились за бортик фонтана, отражение в воде колыхалось и казалось зыбким ненастоящим. Широкоскулое лицо, спутанные короткие волосы светлого соломенного оттенка, голубые глаза, нос с горбинкой, разорванное ухо с которого на плечо капала кровь. Я едва успела окинуть взглядом напуганное лицо парня лет пятнадцати, как меня отбросило.

Не его, а именно меня, вытолкнуло из тела, выбросило словно порывом ветра. Я проехала по земле... и даже не почувствовала этого. Абсолютно. Все еще слишком

оглушенная, я вскочила на ноги, едва не упала обратно. Парк-на-костях исчез, вместо него мы стояли у чаши фонтана рядом с высокой округлой башней, той самой, что через несколько тысяч столетий будет лежать, перегораживая всю улицу. Мы стояли в Дивном.

Снова это мимолетное ветренное касание, и буквально увидела, как меня проходят насквозь. Пробегают. Пацан, чем-то неуловимо похожий на того, что только что пытались утопить в фонтане, только лет на пять младше, размазывая слезы по лицу, бросился к брату. Он прошел сквозь меня, словно сквозь облако. Словно я призрак, которого никто не видит.

— Выш лире огсс? — спросил массивный мужчина в кожаной одежде, в руках он держал двусторонний топор или, кажется, это называется секирой.

И я не поняла ни слова. Они говорили на древнем языке этого мира, но ведь только что...

— Рехо иш харог, — ответил ему голос, и вслед за парнем к фонтану вышел мужчина, вроде ничем не примечательный, невысокий, среднего телосложения, среднего роста, с пегими волосами и фиолетовыми глазами, зрачки в которых по форме напоминали звезды. Джин.

Я инстинктивно отступила, что бы быть в не зоны его досягаемости, что бы он не смог коснуться, и вдруг поняла, что задеваю плечом куст с красными цветами. И эти самые цветы беспрепятственно проходят сквозь плечо.

Дивный был жив, люди и нелюди, его населявшие были живы. А я? Не уверена...

Где-то вдали раздались хриплые крики, и к нам выкатились два шара, затормозили, расправляя крючья...

— Серх, — скомандовал тот, что держал топор и на его запястье на миг загорелся алым браслет подчинения. Крючники тут же сложили конечности, едва заметно выжидаяще подрагивая. — Велишаер, рарр! — он толкнул старшего парня и тот, споткнувшись, едва не упал прямо на меня.

В тот момент, когда мы соприкоснулись, когда тело пятнадцатилетнего пацана и призрачной женщины из другой эпохи, джин заговорил снова.

— Изменяющему виднее, сказано доставить отродье Великих, значит доставим.

— Как бы потом не пожалеть, что не утопили, — покачал головой тот, что походил на викинга с топором.

Младший парнишка, поддержал старшего, не дав ему упасть, и наши тела разъединились, ощущение дуновения исчезло. И слова только что такие понятные и простые снова стали набором рычащих и шипящих звуков.

Звенела сталь, раздавались крики боли, крючники качнулись, почуяв добычу... Джин отдал отрывистую команду, и мальчишки побрели вперед, поддерживая друг друга. Младший беззвучно плакал, старший стиснул челюсти так, что рот превратился в тонкую линию. Викинг с секирой сплюнул и пошел следом.

То, что скоро произойдет в Дивном уравнивает и победителей и проигравших. Но не знаю, хочу ли я это видеть.

Я оглянулась на фонтан, на его бегущую воду. Можно ли вернуться, если нырнуть в темную глубину прямо сейчас?

Крест в круге... Где-то в глубине времени остался доспех и кость. Мысль была тревожной, но ее было так легко прогнать. Откуда-то пришла убежденность, что каждому действию свое время. Раньше меня беспокоила такая предопределенность, словно, кто-то уже давно написал сценарий жизни и теперь я просто играю выученную роль. Раньше...

Какое кислое полное сожалений слово. И бесполезное. На этой дистанции с беговой дорожки уже не сойти. Не мне. Не в нашей тили-мили-тряндии. Разве что вперед ногами. Когда-нибудь такая судьба обязательно постигнет всех. Даже Кирилла. Но не сегодня. Не в моем сегодня.

Мальчишки уходили вместе с конвоирами. Джин шел последним, он не видел меня и не обернулся, когда я сделала шаг следом. И даже не вздрогнул, когда наши тела соприкоснулись. Вместо того, чтобы нырнуть в фонтан, я нырнула в звездногоглазого. Поступок на грани безумия. Никто никогда по доброй воле не коснется исполнителя желаний, никто не отдаст себя во власть фантазий мертвеца.

А ты уверена? — спросил внутренний голос, — Нечисть живет долго...

Этот джин не был похож на Евгения и тем не менее, походил на него как родной брат. Их роднил не цвет волос или глаз. Их роднила странная усредненность черт, невыразительность и серость. То, что не позволяло взгляду остановиться на его лице, то, что не позволяло запомнить. Неприметные люди, ровно до тех пор, пока не помотришь в звездчатые фиолетовые глаза.

Не знаю, как вселяются в свои жертвы — костюмы бесы, но у меня с первого раза не получилось. Теперь уже не он, а я прошла сквозь него, оказываясь впереди.

По инерции я пробежала вперед еще несколько шагов. И тут не сбавлявший шаг джин сам нагнал меня. Призрачное тело слилось с настоящим. Это было похоже на... Не знаю, на что. Только что я была неспособна ощутить даже прикосновения, а через миг мир наполнился запахом и вкусом.

Джин сделал еще шаг, и я едва не осталась на месте

Трудно быть ветром. Еще труднее удержаться между скал. Меня потянуло вслед за джином, чувство похожее на то, что охватывает нас на краю обрыва. Но вместо того, чтобы отступить, я поддалась ему. Упала в чужое тело. Исполнитель желаний ничего не почувствовал, в его время я еще не родилась. Следующий шаг мы сделали вместе.

Мальчишек привели на берег озера, на скрипучий мокрый песок, к остекленевшей водной глади, крючники катились по бокам от пленников. Исполнитель желаний вышел к берегу последним. Как раз в тот момент, когда развернулись огненные крылья, когда сорвалась в последний полет феникс. Девочка на руках у зеленоглазой девушки зашлась в истошном плаче.

Звенел стеклянный мост, лилась кровь. Я снова видела предка Седого, его серые кожистые крылья, кто-то захлебнулся криком боли, подарив нечисти сладость смерти.

Мальчишек толкнули в круг. Тело Тиира все еще было здесь. Гарха повернула голову и уставилась на парней немигающим белым взглядом. Немногочисленные пленники сидели на песке, такие же обреченные и равнодушные. Только одна девочка лет десяти, виденная в том сне лишь мельком, тихонько бормотала сжав кулаки. Но мы все равно слышали. Она произносила имена. Одно за другим они слетали с ее губ под аккомпанемент криков умирающих. Что они для нее значили? Друзья? Семья? Враги? Словно услышав мои мысли девочка вздрогнула и подняла голову...

Его шаги были легкими и в то же время значительными. Его присутствие ощущалось едва ощутимым ожиданием, что появится в воздухе перед дождем. Ты просто знаешь, сейчас, что-то будет.

Шепот затих. Джин развернулся и я вместе с ним. Наши сердца забились и он это слышал.

Я видела демонов ранее. Седого и Прекрасную в настоящем обличье на расстоянии вытянутой руки. Кирилла даже больше чем видела...

Он вышел к нам из зарослей, как раз в том месте, где черная земля сменилась золотистым песком. Демон, непохожий ни на одного виденного ранее. Непропорционально длинные руки с тонкими пальцами напоминали лягушачьи и свешивались почти до колен. Они раскачивались при ходьбе, здорово напоминая мне маховиков моего времени. Длинные словно ласты стопы, драные штаны, безволосый торс, под светлой почти белой кожей, выступали толстые зеленоватые вены. Я видела как по ним течет кровь, я даже слышала ее, ощущала ее приторно сладкий запах, словно где-то рядом был кондитерский цех. Голова демона очень походила на яйцо, скорлупа которого успела потрескаться, но не отвалиться. Что-то среднее между шалтаем-болтаем и длинноруко лысой обезьяной, такими еще изображали инопланетян писатели фантасты.

Но несмотря на кажущуюся несуразность двигался он с поразительной плавностью и грацией.

— Демон, — беззвучно произнесла я.

— Ломающий, — с чувством удовлетворения сказал исполнитель желаний.

— Подарочек для тебя, — указал на мальчишек тот, что с топором, — Как и заказывал кровь Великих, хм... пока вместе с оболочкой, но могу слить.

— Всего двое? — спросил демон, его голос оказался неожиданно тонким, почти женским и каким-то скользким, согласные звучали чересчур мягко, а гласные певуче.

— Трое, — поправил джин, указывая на девочку, которая снова стала повторять имена, — К вечеру будут еще, щенки прячутся, словно дикие звери.

— Точно будут, — ухмыльнулся викинг, — наплодили полукровок без счета.

— Они могли забрать их с собой, — джин посмотрел на мост.

Демон двинулся к сидящей на песке девочке, та тут же оборвала состоявший из имен монолог и подняла на демона испуганные карие глаза.

— В них может проснуться кровь Великих. Их магия, — добавил исполнитель желаний.

— А может и не проснуться, — хохотнул, опираясь о топор мужчина. — Дело случая.

Девочка стала отползать от наступающего на нее демона, в широко распахнутых глазах испуг сменился ужасом.

— Значит, мне придется сделать так, чтобы она не проснулась, — мягко и с улыбкой проговорил своим женским голосом Ломающий, — Или убить.

Очень мягко и плавно демон опустился на колени, словно собираясь обнять девочку или утешить. Я даже не знаю, что почувствовала бы поступи он так на самом деле, облегчение или панику?

Когда он схватил девочку за волосы, та взвизгнула. Ломающий притянул ее лицо к своему. Палач и жертва. Я зажмурилась, а вот джин продолжал смотреть, его ноздри раздулись, вбирая в себя запах детского ужаса и липкого пота. Я тоже чувствовала эту сладость, но разница между нами заключалась в том, что желания тела, инстинкты, сколь бы сильны они ни были, можно сдержать. Он тоже это знал, но вряд ли собирался сдерживать то, что считал естественным. Волк никогда не оплакивает съеденного козленка.

Я открыла глаза. Над серебристым озером снова взлетела огнекрылая феникс... это ненадолго, скоро она лишится одного крыла и будет ползти по серебряному мосту в последней отчаянной попытке что-то исправить.

Девочка всхлипнула, забилась, закричала в отчаянной попытке вырваться из хватки

Изменяющего. Один из пленных мужчин вскочил, по-моему, даже не понимая, что намерен сделать. Викинг прикоснулся к управляющему браслету и ближайший скалящийся иглами зубов шар выбросил крюк. Суставчатая конечность ударила несостоявшегося защитника по колену. Гарха подобралась. Мужчина упал, стараясь зажать рваную рану руками. Других смельчаков не нашлось.

— Раз, два, три, — словно строки из детской считалочки нараспев проговорил Ломающий и коснулся лягушачьим пальцем носа девочки.

Крик оборвался, жертва замерла. Демон отпустил светлые волосы. Девочка упала на песок, ее широкооткрытые глаза испуганно смотрели в хмурое небо. Узкая грудь судорожно вздымалась, сердце колотилось, как у пойманного в силки зайца. Ее и поймали. Поймали в капкан неподвижности.

На мосту снова кто-то закричал, его боль была, как приправа к супу. Немного острая, немного терпкая, дразнящая рецепторы и только возбуждающая аппетит.

Длинные пальцы демона, так похожие на манипуляторы из научно-фантастического романа, окутало зеленоватое свечение. Он словно ток побежало о его выпуклым венам, обвилось вокруг ладоней и выплеснулось наружу, собираясь на кончиках пальцев в короткие полупрозрачные когти. Один из них слегка задел ухо девочки. Маленький надрез быстро наполнился... Нет не кровью, все тем же зеленоватым свечением, что текло пол кожей у демона.

Девочка вздрогнула, из уголка немигающего глаза скатилась слеза.

Младший парнишка спрятал лицо в ладонях, худые плечи вздрагивали, от него веяло острым отчаянием. Приторным страхом и острой безнадежностью. Старший обхватил брата руками. Он был даже раз слабости младшего, хотя никогда бы в этом не признался. Ему был нужен страх брата, его слезы, его потребность в защите. Младший защищал старшего от самого себя, от необходимости вскочить, как тот мужчина, и сделать хоть что-то. Вместо этого он обнимал брата, младший был щитом от собственной совести.

Ломающий коснулся призрачным когтем лба девочки. Воздух вдруг стал нестерпимо холодным, по обездвиженному телу прошла дрожь. Демон добавил еще один штрих. И еще... Он расписывал кожу ребенка зеленоватым узором, словно мастеровой глиняный горшок. Станным узором, от которого воздух становился все холоднее и холоднее, дыхание слетело с гуд джина беловатым облачком.

С таким же успехом демон мог переломать ей все кости. Вернее так было бы даже лучше, кости срастаются... Слезы текли из распахнутых детских глаз не переставая, лоб теперь обхватывала полоска символов, горящих словно рекламная строка над дверью банка, только вряд ли она призывала открыть счет или купить акции. Точно такую же я видела на лбу у Мартына.

— Ну, будет, — с чувством удовлетворения проговорил Ломающий, поднимаясь и почти человеческим жестом отряхивая колени от песка, — Теперь она не сможет ничего создать, только сломать.

Холод стал отступать. Кто-то отвернулся, кто-то продолжал смотреть. Раненый мужчина больше не зажимал ногу, кровь уже остановилась.

— Ошейник для крови, — викинг с топором принялся, — Ты накинул петлю на ее магию?

— Именно так, — кивнул яйцеобразной головой демон, может, мне показалось, а может, трещин на ней и в самом деле стало больше, — Не убивать же. Чай не звери,

какие, — она развел руками и жизнерадостно спросил, — Кто следующий?

Маленькая феникс, которой суждено вырасти и стать хозяйкой северных пределов вдруг затихла на руках у своей Радной.

Мои губы шевельнулись, и джин сказал:

— Бери мелкого.

Викинг улыбнулся, его зубы были острыми и имели сероватый налет. Они были цвета пепла...

— Нет, — выкрикнул старший.

Гарха снова посмотрела на него белесыми глазами и разразилась беззвучным лаем, выглядело это так, словно у нее заело челюсть.

Демон пошел к мальчишкам, его следы на песке больше всего походили на отпечатки лап аквалангиста.

— Не трогайте его! — теперь и от старшего разило солоноватым отчаянием, а от младшего ледяной свежестью ужаса.

Демон остановился. Трудно сказать, кто удивился больше: мальчишки или мы с джином. Хотя удивление последнего быстро сменилось предвкушением. В нашей тили-мили-трянди такая заминка почти всегда означала игру. Жестокую и кровавую, которая сама по себе едва ли не хуже казни.

— Не хочешь, чтобы я его трогал? — ласково спросил Ломающий, — Нет ничего проще...

Старший посмотрела на демона, мягко отстранил цепляющегося за него брата и встал.

— Что нужно делать? — мальчишка мотнул головой и уточнил, — Что я должен сделать, чтобы вы не трогали брата?

— Умненький щенок, — с обманчивой легкостью викинг переложил топор из одной руки в другую словно тот был игрушечным и ничего не весил, — Весь в своего папашу.

— Наш отец... — закричал, вскакивая младший, его ноги по щиколотку увязали в песке.

— Ваш отец уже ушел, — перебил исполнитель желаний, и парнишка с отчаянием посмотрел на него... на нас, — Ему нет дела до полукровок, у него их без счета, надо будет, наделает еще. Вы всего лишь чешуйки с рыбьей кожи и не более.

— Нет! — закричал младший.

— Да, иначе он бы взял вас собой. Все просто, либо вы нужны, либо нет, — я и джин усмехнулись упиваясь растерянностью и неверием парнишки, — А поскольку вы здесь...

— Нет, — по инерции повторил мальчишка, но в его голосе больше не было страсти, лишь слезы, — Нет, нет, нет...

— Что вам нужно? — снова спросил старший.

— Сущую безделицу, — пошевелил лягушачьими пальцами Ломающий, и зелень, что текла по его венам стала снова закручиваться на вытянутых ладонях, — Мне нужен ты. Послушный и преданный, как собачка.

— Хорошо, — выдохнул парень.

А викинг и джин рассмеялись. Потому что жертва сама шагнула в расставленный капкан.

— Нет, не хорошо, — ласково пояснил джин. Преданность не обеспечить словами или угрозами. Преданность должна идти изнутри. И ее залогом станет твой дух.

Младший перестал всхлипывать, его круглые глаза стали еще больше, хотя казалось это невозможно. Сколько ему? Семь? Восемь?

Закричала в вышине феникс и рухнула в гущу сражения. Одна из женщин, что безучастно смотрела на город, вдруг повернулась и уставилась на звенящий мост. Поднялись мечи, лилась кровь...

— Либо это, либо... — из пальцев демона снова выдвинулись зеленоватые когти, — Я сделаю из маленького щенка ярмарочного уродца. И может, ему это даже понравиться.

— Нет, Оли, нет! — на этот раз крик мальчишки разнесся далеко над озером.

И я едва к нему не присоединилась. Но мой крик бы никто не услышал.

Сделка с нечистой — это обман. Всегда. Даже если поначалу кажется, что ты приобрел больше, чем потерял.

— Я согласен. Забирай. — выдохнул старший и демон сделал шаг вперед, плавный, почти неспешный.

— Ооолл! — младший, только что шарахавшийся от Изменяющего, словно нечисть от чудотворной иконы. Не раздумывая бросился на демона.

Страх бывает разным. Страх за себя парализует, страх за другого заставляет без оглядки бросаться на врага. Викинг ударил мальчишку древком топора в затылок, брызнула кровь. Парень упал как подрубленное у корня дерево, алые капли стали впитываться в песок, делая его темным.

— Хочешь меня? — кричал старший, не знаю, каких усилий от него этого потребовало, но он остался на месте, — Не трогай его! Иначе сделки не будет!

Демон качнул яйцеобразной головой, и уже поднявший второй раз топор викинг отступил. Старший мальчишка сжал кулаки и зажмурился, как ребенок увидевший шприц в руке врача. Его выжидающее отчаяние казалось мне провалившейся в желудок льдинкой, а нетерпение демона жгучим канайским перцем.

Зеленоватые прозрачные когти удлинились, мы с джином подались вперед. Ошеры на мосту кричали, кто-то в пылу битвы, кто-то в агонии. Эфемерные когти Изменяющего погрузились в грудь мальчишки. И я, наконец, увидела то, что сделал со мной Кирилл со стороны. Парень задрожал. Джин вдохнул сладкую свежесть его страха. Демон стал вытягивать когти один за другим, за каждым из них тянулась серебристая нить, а на ладони переливалась капля души, духа, сути... Сколько веков сколько названий.

Светлые нити заиграли радужными бликами, они втягивались и вытягивались, удлиняясь. Это казалось бесконечным, хотя на самом деле все произошло в один миг. Ломающий вырвал душу одним движением. Вырвал то, что куда важнее сердца. Серебряные струны натянулись, задрожали. На миг над головой демона появилось ветвистое дерево, даже не появилось, а проступило, словно молния в грозовом небе. Ствол, изогнутые ветви, узорчатые листья, но вместо плодов на этом дереве висели капли душ. Живые и пульсирующие.

Одно стремительное движение и еще один "плод" зацепился за ветку. Нити, что тянулись от капли к пареньку, растаяли в воздухе. А спустя секунду исчезло и дерево. Остались только мальчишка и демон.

— Так-то лучше, — напевно сказал Ломающий и словно в ответ на его слова зеркальная поверхность озера задрожала, первые трещины разбежались от берега к нависающему над ним мосту и клубящемуся в центре провалу. Он ощущался гигантской трубой или магнитом, что тянет и тянет тебя за собой... Теперь почти все пленники смотрели туда, и наверняка чувствовали. Времени не осталось.

Лежащий на песке парнишка застонал и схватился за разбитый затылок.

— А теперь, — предвкушением начал Ломающий, и я поняла, что именно сейчас все и начнется. Настоящая сделка, ее изнанка, то ради чего с парнем и затеяли эту нелепую игру. Демон знал, что может получить от него все что захочет. Все. Но куда забавнее заставить жертву отдать все добровольно. Дать надежду и отобрать ее. Веселье в самом разгаре.

— Возьми топор, — демон посмотрел на викинга, тот ощерился серыми зубами и перехватив секиру, протянул древко парню. Рукоять все еще была перепачкана кровью его младшего брата, — И отрежь для меня кусочек от этого мертвяка, — он указал на Тира.

У ошера не было Горловы, она лежала на песке чуть дальше, к бледной щеке прилипли песчинки, подернутые мутной пленкой глаза смотрели в бесконечное небо. Воин Великих продолжал улыбаться и после своей смерти.

Джин отступил. Впервые наши желания совпали полностью. Сейчас, я четко видела во что превратил себя ошер. Во что-то иное, что-то переходное и окончательное. Отдающее и забирающее. Это что-то больше всего походило на кинематографическую хлопушку, как бы ни было нелепо сравнение. Коснувшись его ты начнешь запись своего последнего кадра, и без сомнения он станет лучшим в твоей жизни, сильным, ярким, талантливым. И окончательным. У тебя отберут и подарят. Ошер позаботился о том, что бы осквернивший его останки остался один. Навсегда. Последний в роду...

— Что? — парень дернулся.

— Мне нужен кусок этого мяса, — с бесконечным терпением повторил демон, — Живее.

— Но...

— Никаких "но", щеночек, — Ломающий сжал кулак, по коже побежали зеленоватые завихрения, над его головой появилось дерево душ, что-то зазвенело, словно на его ветках висели колокольчики... Парень запрокинул голову и захрипел. Словно вместо воздуха демон сжимал его шею... Под его кожей, как и по кожей демона набухли Венны, уродуя юные черты.

— Я сделаю с тобой все, что захочу, — добродушно проговорил Ломающий, и фоном его слов стал скрежет, лед на озере продолжал трескаться. — Пока твой дух у меня, ты раб. Возьми топор! — демон разжал кулак.

Парень с трудом повернул голову, как кукла на заржавевших шарнирах, неловко вскинул руку, взял топор. Поднял на уровень глаз и опустил. Еще раз поднял и опустил.

Этот звук не забыть, сколько ни старайся. Сочный, плоский, немного трескучий. Всегда одинаковый. Всегда разный. Лезвие коротко звякнуло о кольца доспеха и вошло в плоть. Рука отделилась от тела.

Озеро шевельнулось. Вода проступила сквозь трещины, как кровь сквозь раны

Топор поднялся и опустился. Теперь на песке осталась лежать присыпанная песком кисть. Теперь я видела, как это произошло, как был создан... нет, вырублен из тела артефакт.

— А теперь подай его мне, — потребовал демон, но на этот раз в его голосе послышалось беспокойство и... нетерпение. Он тоже чувствовал силу, что клубилась по ту сторону льда, и если раньше она была под контролем, то сейчас вот-вот готовилась сбросить с себя хрупкие путы Великих. Она колебалась, раскачивалась, словно переполненная чаша, готовясь выплеснуть...

Мост зазвенел, и первая нить лопнула с высоким металлическим звуком. Топор выпал из рук парнишки, колени согнулись рывком, как у столетнего старика, загорелые узкие

ладони потянулись к кровавому ошметку, еще закованному в часть доспеха. Мальчишка двигался, как во сне, так будто был во власти наркотиков или еще чего похуже. Много хуже.

— Нет! — закричала я, — Нет!

Меня никто не должен был слышать. И не услышал. За исключением исполнителя желаний. Он дернулся, словно его ударили, сердце забилося, как сумасшедшее.

— Тут кто-то есть! — закричал джин, что прозвучало по меньшей мере странно, вокруг нас стояли сидели и смотрели на мост люди и нелюди, мертвые гархи и крючники... Последние прижав к телу лапы-крючья уже катились прочь от озера. Крысы давно покинули тонущий корабль, теперь его покидали и остальные твари.

Парень схватил кусок плоти, пальцы заскользили по металлическому краю доспеха.

— Нет! — снова закричала я, даже то, что происходило с гордом, с озером, с миром, не казалось мне таким страшным, как это.

Но было уже поздно, он коснулся доспеха второй рукой и "артефакт" сработал.

— Кто здесь? — напряжено спросил джин, и я почувствовала жар в глазах, когда исполнитель желаний применил силу.

По лежащему на песке парнишке прошла судорога. Он выгнулся, кожа на лбу, на щеках, на шее треснула, словно стала внезапно мала человеку. Сердце забилося, остановилось и снова забилося. Вокруг стоявшего с артефактом в руках парня что-то закружилось, что-то невидимое, но такое значительное.

Старший нахмурился, и вдруг затряс головой, словно старясь стряхнуть с себя что-то, так проснувшийся среди ночи человек старается сбросить с себя липкую паутину кошмара

— Коул?! — позвал он.

Младший слышал, распахнул глаза, попытался вздохнуть и не смог, сердце отбило последний прощальный удар и замерло, а кровь все текла по его коже. Пока текла... Артефакт взял свою плату, сработав для старшего и убив младшего.

— Коул, — прошептал непослушными губами, тот, кого называли Оли...

Озеро взорвалось, и серебристый осколок пробил живот демону. Тянувшийся за обломком серебристый росчерк, словно нить за иглой, прошел Ломающего насквозь, вышел из спины, изогнулся и вошел в землю, исчезая. Она появиться снова, в другом месте, прошив два мира, и соединив их навечно.

Но демон не умер, он захрипел, затрясся, словно проткнутый шампуром зверь.

— Коул... — продолжал обреченно звать парень, и еще одна нить располосовала гарху.

Викинга уже рядом не было, он бросился бежать вдоль кромки зарослей, забыв свой особо ценный топор. Маленькая Раада кричала, уносимая в заросли своей Радной. Один из пленников бежал рядом с ней, раненый полз к кустам. Девочка все еще лежала, ее не волновало происходящее. Больше не было ни победителей, ни побежденных. Начиналась эпоха Единения — время, которое будут бояться помнить.

Ее один светлый осколок обжег бедро. Боль опрокинула джина на песок и чужое присутствие перестало его волновать.

— Коул, — повторял парень, словно от его слов могло что-то измениться, артефакт упал к его ногам.

Пришпиленный словно мотылек булавкой, демон забулькал, и я поняла, что он смеется.

— Закончился твой Коул, закончилась Великая кровь. Не осталось и следа. Вы великие обманщики, вели... — в голе Ломающего забулькало.

Парень дернул головой, по какой-то счастливой случайности, ни одна серебряная нить

еще не задела его.

— Нет, — проскрипел он.

— Да, — хохотнул демон.

Исполнитель желаний закричал, стараясь подняться, и я старалась вместе с ним. Боль уже отступила, и раненую ногу окутало ватное онемение, словно в нее вкололи дозу новокаина.

— Нет, — мальчишка закрыл глаза и что-то сделал. Не знаю, что. Он, кажется, сдвинул мир. Именно так это ощущалось, как всеобъемлющее движение только не снаружи, а внутри.

— Не смей, — взвизгнул Ломающий, — Ты мой раб! Я запрещаю! Твой дух...

— Мой. Он мой. Его нельзя отобрать. Только отдать. Так говорил отец, — парень поднял голову и посмотрел на небо.

— Ты и отдал! Мне! Добровольно!

— Отдал, — согласился с демоном мальчишка, — А теперь забираю назад, — он поднял руки, и тут же в вышине зазвенело невидимое дерево, завизжал тонким женским голосом демон, завибрировала стежка. Все слилось в один сплошной высокий гул. Мальчишка просто позвал ее... Позвал себя, я слышала в этом гуле его срывающийся голос, хотя парня губы не шевелились.

Я поняла, что он намерен сделать на секунду раньше. Поняла и ужаснулась. Поняла и пришла в восторг. Это казалось таким правильным, таким... знакомым.

Ветки с душами появились и исчезли. А в руках у мальчика осталась лежать серебристая капля. Она словно живая льнула к узким ладошкам. Он сжал пальцы и дух слился с плотью. Капля словно влилась... Нет, скорее впиталась в его ладони.

— Вы все равно мертвы! — выкрикнул демон.

— Да, — устало согласился парень, — Но я могу это изменить, — мир снова сдвинулся, — Могу указать путь. Каждый, кто пройдет его до конца, каждый, кто отдаст душу демону и возьмет в руки доспех павшего...

И словно во сне я слышала голос Мартына зачитывающего строки из дневника Тура Бегущего:

"...роздать душу демосу и заяти в долонь налокотыню павшего..."

— Обретет силу крови своей! — шепотом закончил ин, снова что-то изменяя

"...ведати алафу велицею..."

Почти, как Тиир. Не знаю почему, мне пришло в голову сравнение с павшим опшером, но именно это я и видела. Последнее колдовство. Или последнее желание.

— Дурак, — простонал джин, — Ты же принес себя в жертву! Отдал жизнь не за желание, а всего лишь за возможность, чтобы когда-нибудь, может быть, кровь Великих обманщиков проснется!

— Я рад, — ответил парень, и я поверила в эти два слова. А потом тело парня застыло, и рассыпалось желтоватым речным песком. Сперва осыпалась кожа, обнажая мышцы, потом распались ткани, вены и, наконец, кости. Все, что было парнем по имени Оли. Ни одна песчинка не упала на землю. Все пылинки просто растворились воздухе.

— Глупо... — начал исполнитель желаний, и в этот момент еще один осколок ударил его в плечо, заставляя мужчину упасть лицом на землю. Упасть и вдохнуть вместо воздуха сухой песок. Он наполнил его легкие. Мои легкие. Я тонула в ледяном песке, тонула в текучем, как вода...

Меня снова дернули кверху. Меня или джина?

Меня, настоящую, в настоящем времени вытащили из чаши источника и бросили на землю. Эмоции сменяя друг друга, как кадры в кинофильме. Удивление, облегчение, даже злость, но спустя секунду все перекрыла опасность. Она накрыла меня мгновенно, и казалось оглушающей, как удар. Я вскочила, разворачиваясь к источнику опасности, инстинкты просто кричали о необходимости драться. И не просто драться, а убивать.

За спиной стоял Веник. Одежда рваная и грязная, волосы растрепаны. Знакомый до последнего синяка мужчина. И одновременно чужой. Плюс или минус...

— Кто ты? — выдохнула я, вода текла с одежды ручьями.

Вместо ответа его темные глаза стали алыми. Даже тот, в котором давно уже была только пустота, зажегся красный огонь

— Бес, — выплюнула я, пальцы сжались на кольцах доспеха, который, все еще был в моих руках.

— Помни, — ответил бестелесый, — Он сам дал на это согласие.

— Постараюсь, — прохрипела я, отчаянно стараясь не сорваться на рык. Передо мной стоял враг, ненависть к которому, казалось, заложена на уровне ДНК. Ненависть слишком древняя, чтобы ее можно было погасить усилием воли.

Плохо, очень плохо, эмоции мешали сосредоточиться. Эмоции и осознание того, что ударил меня все-таки Веник, бестелесый не подошел бы так близко незамеченным. Столкнул в воду падальщик, а вытащил бес. С каждой минутой все хуже и хуже.

— Он просил передать спасибо, — произнес бес знакомыми губами.

— Кто? — спросила я, все еще думая о падальщике.

Бестелесый опустил взгляд на мои руки и на кольца доспеха.

— Ошер.

Скользкое железо и мокрая кость внутри. Недавно сама кричала мальчишке "нет", а теперь... Испугаться, я не успела, как и удивиться своей запоздалой реакции. Пальцы разжались, артефакт упал на землю и... Она пошла волнами, как вода. Нет, не так, словно твердая земля вдруг превратилась в болото, если только болото может шевелиться само по себе. Трава смялась, почва вздыбилась и расступилась, поглощая доспех и его содержимое. Металлические кольца в последний раз поймала тусклый луч солнца и исчезла. Часть Тира, что так долго бродила по миру сама нашла могилу.

— Ты смыла с нее всю магию. Магию, что он наложил на себя сам. Он об этом очень жалел. Поддавшись минутному порыву, он пожинал плоды сотни лет. Поучительно, не правда ли?

Я почувствовала досаду. В основном на себя. Святые! Крест в круге? Очень сложный ребус! Задача для второго класса. Надо было просто смыть с останков магию, сделать их тем, чем они были на самом деле. Киу, ну что тебе стоило изобразить на картине источник, пусть даже таким, каким ты его помнила по Дивному? Не знаю, мысли девушки, умершей много лет назад, всегда шли своим путем. Могила на которой нарисован круг и крест... Это ведь и вправду могила, надо было только понять.

Холм задрожал, раздались далекие крики. Земля шевелилась не только у источника, соседний холм шевелился словно живой, качали ветками деревья великаны парка-на-костях нелюди разбегались. В землю один за другим уходили надгробия, сломанные и расколотые давно вросшие в землю, камни проседали и исчезали.

— Ты похоронила последнего, — бес тоже посмотрел на соседний холм. — Замкнула

круг. Они верили, что погребенные в землю...

— Смогут возродиться вновь? — я постаралась взять себя в руки и не кинуться на Веника — беса, — И как? Это правда или очередная байка о бессмертии, чтобы войны не боялись умирать? Неужели, в нашей тили-мили-трядии снова начнут рождаться ошеры? — злость сквозила в каждом произнесенном слове, она слышалась в каждом звуке, в интонации, даже в позе.

— Появилась же Великая, — пожал плечами бестелесый, — Один круг завершился. Начат новый. Конец Тихой эпохи, время, которое называют живым, закончилось.

— Откуда ты знаешь? Откуда ты, черт возьми, это знаешь? — даже его спокойный тон, вызывал во мне дикую агрессию. Как он мог стоять передо мной? Как смел открывать чужой рот? Как он вообще посмел взять это тело?

"Он сам дал на это согласие" — сказал бес.

— Я видел. А что видела ты?

Вместо ответа я зарычала:

— Веник, если ты слышишь меня... если можешь слышать... Я знаю, как тебе вернуть душу. И не только тебе!

Я вдруг поняла, что говорю абсолютную правду. Вера в это пришла словно из ниоткуда, хотя вру, она пришла из моего погружения в прошлое. Увидев один раз, я много чего поняла. Великие обманщики... Кто был более велик? А кто больший обманщик? За это звание наверняка стоит побороться.

Я подняла руку. Великие, еще недавно я едва не смеялась на этим пафосным жестом. А сейчас... сейчас мне было все равно.

— Стой! — закричал бес и добавил с совершенно нехарактерной для нечисти интонацией, — Пожалуйста, не надо!

Он почти просил, бросаясь ко мне.

Я ощутила мгновенную радость и удовлетворение. Я хотела, чтобы он бросился. Очень хотела, иначе, зачем бы мне сжимать во второй, опущенной к земле руке упругую нить стежки, что выныривала из-под земли чуть дальше. Я касалась ее пальцами, чуть поигрывая, словно на инструменте с одной струной. Я призвала ее почти не напрягаясь, даже не думая об этом, призвала на уровне инстинкта. Стежка скользнула в ладонь так естественно, словно всегда была там, как нечто привычное, как кольцо, что долго носишь на пальце, перестаешь замечать, но удивляешься, не обнаружив на привычном месте.

Бес бросился на меня, а я хлестнула стежкой словно кнутом, лишь в последний момент изменив траекторию удара. Невидимая струна срезала часть волос вместо уха, что объяснялось скорее везением, нежели мастерством, которого у меня не было. Но даже если бы и задела... Я поняла, что снова не чувствую никакого сожаления, только злость, осознала это в один момент. Когда на меня успел накатить холод? Плюс на минус. Еще недавно я жалела мальчишек, которые давно умерли, а теперь... Кажется меня опять мотнуло не в ту сторону, и по-прежнему неизвестно, кто или что щелкает выключателем.

Бес остановился, стежка упала, хотя я все еще продолжала ощущать ее упругость в своей ладони.

— Ты не убьешь меня, только его.

— Может быть, — я слушала далекий перезвон, — Но без костюма, ты всего лишь черный дым, грязный воздух и не более.

— Костюм? Черный дым? — задумчиво повторил бестелесый, — А ты и вправду

Великая. Только они способны говорить так об остальных, как о вещах. Даже о том, кто еще недавно был внутри тебя, — он сжал и разжал кулак, — к тому, что казался тебя везде. Этот падающий испытывает больше эмоций к своей жертве, чем ты к нему.

— Станный аргумент, — я нахмурилась, — Вывать к чувствам — это так... так по-человечески. — он сделал шаг вперед, и я рывкнула, — Не приближайся ко мне!

Его колебания и сомнения имели постный привкус, и со стороны они казались такими смешными. Я сосредоточилась на далеком перезвоне колокольчиков и позвала. Позвала, не открывая рта, позвала свою суть, и как тут принято называть в Дивном, дух.

— Очередной обман. Какой из многих? — я шевельнула пальцами, раздался легкий перезвон колокольчиков, — Отдать душу демону, обменять на желание? И как следствие измениться. А почему никто не задумывается, почему вообще возможно такое следствие? Ведь она же продана? Как изменения того, что больше не твое могут влиять на тебя? Это все равно что, выдирать ногти из отрезанной кисти и ждать, что человек будет орать от боли. Хотя он возможно и будет, но отнюдь не из-за испорченного маникюра. — звон стал ближе, и небе проступила извилистая ветка, словно кто-то рисовал ее на холсте мира простым карандашом.

— А если позвать, то эта "отрезанная рука", конечно, откликнется, — на этот раз голос беса был полон иронии.

— Отрезанная нет, — я чуть шевельнула второй рукой, и стежка изогнулась, ложась около ноги, — Обман в том, что душу не отрезают. Никогда. Будь это иначе ни демон, никто иной не смог бы влиять на заложника. Менять его... — стоило подумать об этом, как серебристые нити появились в воздухе, я знала, что их можно коснуться, можно дернуть, заставляя исчезнуть, но нельзя разорвать. Уже видела. В прошлом. подросток оказался намного смелее, взрослых, — Душа и тело связаны. И эта связь — улица с двусторонним движением, а я в любой момент могу нажать на тормоз. Или на газ.

Я потянулась свободной рукой вперед, чувствуя где-то рядом душу, это было похоже на... Трудно объяснить, я чувствовала ее так же, как и руку, хоть обе пока были при мне. Дерево, так похожее на карандашный рисунок на куске картона серого цвета, появилось в нашем мире, словно набросок, и только души на его ветвях казались, казались живыми.

— То, что мое моим и останется.

Ветки исчезли, оставив у меня на ладони ослепительное серебро.

Святые, ее прикосновения были такими... такими... Только одно сравнение проходило на ум, даже воспоминание. Во время болезни мама касалась рукой лба, иногда хмурилась, а иногда начинала легонько поглаживать, а потом всегда наклонялась и целовала.

Прикосновение души вызывало похожие чувства. Словно ко мне вернулось что-то незаслуженно забытое, но такое родное.

— Наверное, поэтому их и называют заложниками, — прошептала я, — Залог это не продажа, — капля стала медленно просачиваться под кожу, разливаясь внутри, растекаясь по венам, согревая и изгоняя лед, хрусталиками осевший в крови.

Древо исчезло, а я снова была целой. Я снова была собой. Не холодной, не горячей, обычной, словно выключатель с плюса на минус исчез. И не только он... Стежка, еще недавно так привычно ложившаяся в ладонь. Испарилась. Оставив после себя пустоту.

— Это было... не сложно, — едва заметно запнувшись, сказала я, но бес все равно заметил и улыбнулся, знакомо изогнув губы.

— Я видел, — ответил бестелесый, — И этот костюм тоже. Ты удивишься, но

падальщик отнюдь не восторге.

— Не говори за него, — кое-что не изменилось даже по возвращении души, оно не смогло до конца погасить мою безотчетную злость на бесов, впрочем так было всегда, что человек, что нет, я терпеть не могла этих тварей.

— Хорошо, не буду. Скажу за тебя, вернее для тебя. Помнишь Тира? Как мгновение, один порыв, за которым последовали века сожалений. Все повторяется. Один круг завершен, начат второй. Ты вернула душу — импульсивный поступок, но не подумала об одном.

— Просвети.

— Ты не подумала о хозяине древа.

— Что? — глупо переспросила я, чувствуя, как ко мне на секунду вернулся холод севера.

— И теперь он знает, — без эмоций сказал бес, и из его алых глаз полилась кровь.

Нет, не кровь, напомнила я себе, а быстро наливающийся чернотой красноватый дым. Он закручивался, собираясь над головой Веника в подвижный невесомый кокон. Падальщик упал на землю, как отброшенный за ненадобностью костюм.

— Что за дурацкая манера говорить загадками и даже их не договаривать. Почему прямо не сказать, кто и что знает?

— Согласен, — раздался голос.

И мое сердце скакнуло к горлу. Черт, видимо не только гробокопатель, мог подойти ко мне незамеченным. Кольнуло беспокойство, я пошевелила пальцами, но стежка та Ки осталась лежать... где-то там, Святые, я даже не знала, как далеко она находится.

Я подняла голову, около чаши источника стоял Кирилл, который сейчас, так сильно походил на человека. Свитер, джинсы, короткая стрижка... слишком короткая, кажется он подстригся. Седой наклонился и легко провел пальцами по чистой воде.

— Я знаю, а иногда много знать — это не так хорошо, как кажется.

Веник шевельнулся и попытался встать, немного неуклюже, словно еще не до конца вернул контроль над телом. Черный дым покинул его тело и собравшись грозовым облаком, вдруг устремился в небо. Бес сказал все, что хотел, или все, что ему велели сказать. Я больше не чувствовала его присутствия, я больше не чувствовала ничего. Совсем, только подступающую и такую человеческую панику.

Веник поднял голову и посмотрел на Седого. Спокойно посмотрел, без пиетета и подобострастия.

Сюрреалистическая картинка. Я только что побывала в прошлом, вернула душу, потеряла... Черт, почему они так смотрят друг на друга? Почему я не чувствую вкуса их эмоций? Почему я снова вынуждена строить догадки, пытаюсь увидеть на их лицах хоть что-нибудь? И почему, я не слышу биения их сердец? Святые...

— А мало — еще хуже, — демон выпрямился и поднял руку, с которой на редкую траву слетели прозрачные капли, и протянул падальщику, словно предлагая пожать. Простой жест. И очень страшный.

— Кирилл, я...

Беспомощные слова. И совершенно бесполезные.

Что я могла ему сказать? Да и надо ли?

Седой замер с протянутой рукой, и Веник... Мужчина, которого несколько часов назад я целовала, сломался. Сломался пополам, как кукла, которую согнул не рассчитавший силы ребенок.

Даже человек слышал треск костей. Я и услышала. Звук, от которого, кровь стынет в

жилах. Почему это стало так важно для меня? Почему сейчас, я не просто знаю, а чувствую, что это важно?

Я бросилась к падальщику, уже зная, что не смогу помочь, но все равно не в силах остановиться. Кирилл поднял вторую руку, выставляя вперед ладонь, и я ударились о воздух, обо что-то невидимое и очень жесткое. Попробуйте врезаться в стену нарочно, разбегитесь и... Уверяю, у вас не получится, чувство самосохранения не позволит, так называемая тормозная система человека. Другое дело если что-то появиться у вас на пути внезапно. Я ударились, как муха о стекло.

Зазвенело в ушах, в носу что-то хрупнуло, на подбородок закапала кровь. Я почти успела забыть это чувство беспомощности, забыла, какой обжигающей может быть собственная боль. Забыла каково это — быть человеком.

Сломанный падальщик упал на землю. Над плечом Кирилла появилась ветка дерева. Седой подняв руку, не глядя, снял одну из серебристых капель.

— Я всегда знаю, когда Брут что-то мое, — сказал демон, и я почему-то была уверена, что речь отнюдь не о моей душе.

Седой небрежно швырнул серебряную каплю Венику. Падальщик лежал на земле раскинув руки, сломанный поперек туловища, словно манекен из пластика. Я не видела лица гробокопателя, наверное, это и к лучшему. Капля шлепнулась ему на грудь, скрюченные пальцы загребли жирную землю и замерли. Веник не издал ни звука, хотя грудь его стала конвульсивно подергиваться. Соприкоснувшись с телом, капля зашипела, словно соприкоснувшись с горячей сковородкой.

Я подалась вперед и снова ударились о невидимую преграду, на этот раз слабее, и вспыхнувшая боль отдалась в висках.

Капля души обернулась серым паром и устремилась в небо. Тело веника дернулось, словно он попытался подняться.

— Разрешаю тебе умереть, — проговорил Кирилл с непривычной для него мягкостью, и тело замерло.

Серый дым стал стремительно наливаться чернотой. Он стал наливаться сомой тьмой, по которой то и дело пробегали алые сполохи.

— Нет, — разбитыми губами прошептала я, но когда, хоть кого-то интересовало мое мнение.

Черный дым был более чем равнодушен к тому, что происходило с живыми. Он собрался в кокон и легко устремился ввысь, постепенно исчезая и растворяясь среди хмурых облаков.

То, что удерживало меня на месте, исчезло, но я больше не хотела никуда бежать, не хотела подходить к венику, к тому, что от него осталось. Внутри что-то сломалось с не менее громким хрустом, чем позвоночник падальщика. Сломалось оставив после себя пустоту.

У меня не было иллюзий по поводу Веника. Святые, их давно не было, но иногда я позволяла себе надежду, особенно в последнее время. Я не была влюблена, не была увлечена, не была... сплошные "не". Проще перечислить, чем это не было, чем дать определение. Это зрело давно, произошло, и вернуло мне часть эмоций, согрело в мире холода. А это уже больше того, что сделали многие. Мой плюс.

Теперь Веник был мертв. Хуже чем мертв. Кирилл превратил его беса, как Шороха бесцветного. Мой минус. А ведь это даже не было ревностью, иначе пределы животики надорвали бы от смеха. Нет. Это что-то другое, более значительное, нежели эмоции.

Не было слышно ни дыхания, ни биения сердец. Исчезли запахи и эмоции. Исчез вкус. Я неуклюже поднялась. К мокрым ладоням и одежде прилипла грязь... Какие только детали не врезаются в память...

Седой опустил руку. Я не хотела смотреть на него, что угодно лучше, чем его лицо сейчас.

— Ты перешел черту, — собственный голос казался низким и грубым.

— Я давно ее перешел, — Констатировал Кирилл, — Но я рад, что ты, наконец, заметила.

— Ты... — я вделала крохотный шажок вперед и увидела лицо Веника. Еще одно воспоминание в копилку, содержание которой однажды сведет меня с ума. Ох, поскорей бы! Застывшие черты, открытый рот, между губ виднеется кончик языка, один глаз закрыт, пустая глазница пуста, горькая складка у рта, — Ты... ты... я... — я никак не могла договорить, никак не могла понять, что я хочу ему сказать. Этому нечеловеку, ближе которого у меня никого никогда не было. Близкий и чуждый, — Я убью тебя.

— Серьезное обещание, — я подняла голову и заглянула в ледяные серые глаза, Седой был задумчив, но нисколько не удивлен.

— Я убью тебя, — повторила я. Других слов у меня для него не было.

— Обещаешь? — переспросил он, и кажется, улыбнулся. На самом деле улыбнулся, совсем как в прошлой жизни.

Седой не стал дожидаться ответа, словно тот не имел для него никакого значения. Контурсы тела размылись, став прозрачными, и демон исчез так же неслышно, как и появился.

Ноги подогнулись, я упала на колени рядом с Веником. С минуту смотрела на труп, а потом зачем-то смахнула с его одежды прилипшие травинки. Пальцы дрожали, внутри все горело, но только внутри. Казалось стоит шевельнуться или открыть рот, и зареву белугой, зареву так, что не смогу остановиться. Но на деле... Я продолжала смотреть на мертвое лицо, а глаза оставались сухими, лишь с губ срывался невнятный шепот:

— Не хочу... ничего не хочу! Хватит... Хватит!!! Слышите?!! — последнее я прокричала, запрокидывая голову к небу, словно оно могло дать ответ. — Вы отобрали у меня всех! Вы отобрали меня саму! — я встала и, снова перейдя на шепот, повторила. — Хватит!

Хотя, казалось бы, что такого страшного случилось? Один монстр убил другого. Туда ему и дорога...

Возможно, я говорила что-то еще, возможно что-то кричала. Наверняка такое же дурацкое и пафосное, не помню. Помню только, что никак не получалось заплакать, хотя огонь продолжал жечь изнутри.

Не знаю, сколько я стояла там над трупом, не знаю, сколько пялилась на него, словно умалишенная, но когда смогла, наконец, отвернуться...

— Ты звала меня, Великая? — услышала знакомый голос.

Он стоял там же где и Кирилл. Охотник — ветер. Его гладкое лицо не выражало никаких эмоций, а бесцветные глаза смотрели на мир равнодушно. Тем стоял, смотрел и ждал.

"Я могу убить любую тварь в любом пределе" — сказал он мне как-то, а сейчас назвал Великой. Не знаю, много ли осталось от моего величия, но я ответила:

— Да, звала.

Заячий Холм

Конец Тихой эпохи

Конец 4-й части

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Жена Лота — библейский персонаж, стал именем нарицательным. Лот, которого Господь предупредил о предстоящем уничтожении города, покинул его с женой и дочерьми. Бог поразил город огненными молниями, сжег вместе с жителями. Жена Лота, которая во время бегства, вопреки запрещению Бога, постоянно оборачивалась, так как была от природы любопытна, как и все женщины, была обращена в соляной столб.

Шептун — человекообразная нечисть, относиться к виду низших психарей, способна управлять сновидением человека, пить через него силы, эмоции. Как и все психари выматывает человека психически и сводит с ума своим "ночным шепотом".

Водяник — водоплавающая человекообразная нечисть, включает в себя несколько подвидов: русалки, водяные, пихши, илочки. Отличается от остальных частичными изменениями в физиологии, хвосты, плавники, жабры, и т. д. Относятся к разряду природной нечисти, чувствительной к магии стихии, в которой находятся.

Подвия — человекообразная нечисть, своей природой, присутствием, а не действием, подталкивающая окружающих к поступку, а уж к подлости или к подвигу зависит от человека его характера или сиюминутного настроения. Их способности сродни излучению, их нельзя контролировать или остановить, его воздействию подвергаются все находящиеся в непосредственной близости от подвии. Предпочитают образовывать отдельные от всей остальной нечисти поселения. Часто используются как наемники, для выведения из себя, лишения опоры и душевного равновесия противника.

Музей-усадьба Ганшиных — музей, посвящённый событиям лета 1894 года, когда В. И. Ленин написал книгу "Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?". Находится в селе Горки Переславского района на месте прежней усадьбы Ганшиных. Филиал Переславского музея-заповедника

The Beatles ("Битлз", участников ансамбля называют "битлами", также их называют "великолепной четвёркой" и "ливерпульской четвёркой") — британская рок-группа из Ливерпуля, основанная в 1960 году.